Фне. Отарина

№ 1.

1914.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
Профессиональных Союзов

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLV-й. ЯНВАРЬ. 1914 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году. I

II. Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля. А. Ѳ. Кони. . 5—26

III. Фердинандъ Кристинъ и княжна Туркестанова. Е. С. Шумигорскаго. . . . . 27—38

IV. Старообрядцы и Наполеонъ. А. Панкратова. . . . . 39—51

V. Изъ записокъ Н. З. Исакова. 1849. Назначеніе въ составъ чрезвычайнаго посольства генералъ-адъют. И. Х. Граббе въ Константинополь Сооб. П. Н. Исаковъ 52—71

VI. Воспоминаніе о спектаклѣ въ Эрмитажномъ театрѣ. В. Дометти. 72—75

VII. Воспоминанія о Петрѣ Семеновичѣ Ванновскомъ. О. Фридландера. . . . . 76—83

VIII. Великій Князь Николай Михаиловичъ Донесенія австр. посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна. В. Тимощукъ. . . 84—94

IX. Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова. Сооб. А. А. Половцова. . . . . 95—103

X. Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры. Славлева. 104—113

XI. Эдуардъ Францовичъ Направникъ. М. В. Станиславскаго. 114—131

XII. Императоръ Александръ I на Вѣнскомъ конгрессѣ. По донесеніямъ агентовъ Вѣнской тайной полиціи. В. Тимощукъ . . 135—145

XIII. Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ. М. В. Станиславскаго. . . . . 146—157

XIV. Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ. А. Е. К. . . 158—170

XV. Смерть ген. Кондратенко. О. Ф. Бергъ. 171—174

XVI. За 38 лѣтъ. Княгини М. В. Волконской. 175—196

XVII. Къ столѣтію Императорской Публичной Библіотеки. Б. В. Казанскаго. . . . . 197—211

XVIII. Елена Ивановна Шидянская. С. С. Чехъ . . 212—220

XIX. Розовое и черное изъ моей жизни. М. В. Безобразовой. . . . 221—233

XX. Изъ записной книжки «Русской Старины»:

а) Кадеты Императора Николая I. Сообщ. А. Половцова . . . . 132—134

XXI. Библіографическій листокъ (на обложкѣ).

Приложенія: Портреты Сергѣя Ивановича Зарудnаго и Эдуарда Францовича Направника, и рисунки—Костюмъ амазонки въ 1787 году. Встрѣча Екатерины II ротой амазонокъ и портретъ Е. И. Шидянской.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1914 года.

Подписная цѣна на 1914 годъ 9 руб., за границу 11 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

I-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1914 года.

Библіографическій листокъ.

Виленскій Временникъ. Книга V. Акты и документы архива Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго генералъ-губернаторскаго управленія, относящіеся къ исторіи 1812—1813 г.г. Часть I. Переписка по военной части. Вильна. 1912—Часть II. Переписка по части гражданскаго управленія, Вильна. 1913.

Виленская комиссія для разбора древнихъ актовъ XXXVII-й томъ своихъ „Актовъ" посвятила „Документомъ и матеріаламъ, относящимся къ войнѣ 1812 года"; немало данныхъ по исторіи сѣверо-западнаго края въ 1812 г. заключается въ изданныхъ Имп. Русскимъ Историческимъ обществомъ „Актахъ, документахъ и матеріалахъ для политической и бытовой исторіи войны 1812 г." Въ близкой связи съ этими сборниками стоитъ настоящая книга „Виленскаго Временника". Въ первую ея часть вошли распоряженія о продовольствіи 1-й Западной арміи (въ періодъ ея пребыванія на Нѣманѣ и движенія къ Дриссѣ и вверхъ по Западной Двинѣ въ Витебску), документы о сборѣ трофеевъ послѣ бѣжавшаго непріятеля, о военно-плѣнныхъ „великой арміи" и проч. Во второй части (она вышла и отдѣльно, подъ заглавіемъ „Вильна и Литовскія губерніи въ 1812—1813 г.г."), редакторъ Ю. В. Татищевъ, въ длинномъ и обстоятельномъ обзорѣ происшествій этой эпохи, иллюстрируемомъ публикуемыми документами, выясняетъ положеніе Литвы въ критическую годину между Имперіей, съ которой она еще слабо была связана, и Наполеономъ, обѣщавшимъ возстановить Польшу, къ которой тяготѣлъ правящій классъ литовскихъ губерній.

Культурныя сокровища Россіи. Выпускъ третій. Юрій **Шамуринъ**. Подмосковныя. Выпускъ пятый. Ю. и З. **Шамурины** — Москва въ ея старинѣ. Изд. т-ва Образованіе. Москва. 1912 и 1913 г.г.

Изъ числа уже многихъ вышедшихъ выпусковъ подъ названіемъ „Культурныя сокровища Россіи" на обзорѣ Подмосковныхъ слѣдуетъ остановиться, какъ по интересности темы, такъ и по значительному успѣху въ ея выполненіи. Поэтическія страницы объ усадебной культурѣ дадутъ тѣмъ лицамъ, которыя не слѣдили за постепеннымъ ростомъ въ изученіи русской художественной старины, которыя не знакомы съ трудами Бенуа, Дягилева, Грабаря, Вейнера, бар. Врангеля и др.,—очень много. Упомянутые авторы—для немногихъ, отчасти по дороговизнѣ ихъ изданій, отчасти по большой спеціальности ихъ трудовъ. Работа г. Шамурина, напротивъ,—для многихъ; работа компилятивная, но его живое и любовное чувство старины, его талантливое изложеніе, возвышающееся подчасъ до истиннаго лирическаго вдохновенія, заставляетъ отнестись къ его книгѣ о подмосковныхъ со вниманіемъ. Для тѣхъ особенно, кто родился и выросъ подъ Москвою или въ др. частяхъ Великороссіи среди подобной же природы и обстановки, какъ дорогое воспоминаніе звучатъ хотя и знакомыя, но еще красивыя слова о тургеневскихъ образахъ помѣщичьей Россіи, гдѣ еще живутъ „окутанные элегическою дымкой, старинные дома съ скрипящими половицами, темными сонными залами, портретами предковъ на стѣнахъ, окруженные заросшими парками, населенные тихими скорбными дѣвушками, безтолковыми, но свѣтлыми мечтателями, всевозможными чудаками и неудачниками, одинаково смѣшными и милыми. Овѣвающую ихъ грустную лирику подхватилъ Чеховъ, отдавшій ей дивный „Домъ съ мезониномъ" и почти всѣ драмы, Бунинъ со своими стихотвореніями, въ живописи отозвался Борисовъ-Мусатовъ. Нѣжная грусть старыхъ усадебъ быстро стала одной изъ стихій русской души: она перенеслась подъ кистью Левитана на природу, она охватила всю русскую жизнь въ цѣломъ". Характерно, что авторъ стремится совмѣстить эстетическій восторгъ передъ помѣщичьей художественной стариной съ соціальнымъ негодованіемъ противъ крѣпостного быта. Это двойственное отношеніе къ нашему прошлому живетъ въ душѣ современныхъ русскихъ людей, которые пережили обличительныя стремленія „мыслящихъ реалистовъ" и взрывъ эстетическихъ чувствъ конца вѣка. Изданіе о „Москвѣ въ ея старинѣ" значительно хуже, случаенъ выборъ памятниковъ, тяжеловатъ слогъ; видно, что авторы болѣе фор-

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

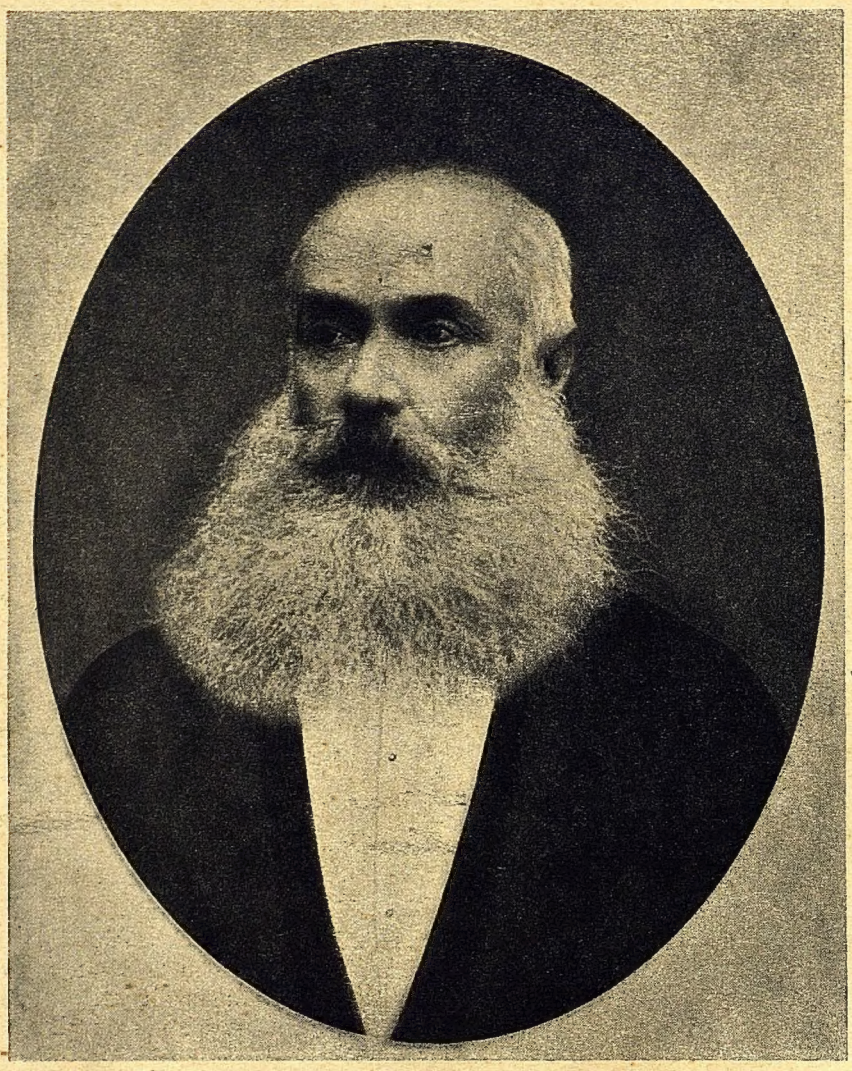
1914.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совета
Профессиональных Союзов

рис. К. Брожъ.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
ВСЕРОССИЙСКОГО СОВЕТА
Профессиональных Союзов.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки



Сергѣй Ивановичъ

ЗАРУДНЫЙ.

Участникъ въ составленіи Судебныхъ Уставовъ.
Статсъ-Секретарь Государственнаго Совѣта.

(1821—1887).

Къ предстоящему 50-ти лѣтію Судебной реформы.

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА".

Вступая въ 1914 г. въ сорокъ пятый годъ своего существованія, ред. журн. „Русская Старина" предполагаетъ напечатать въ будущемъ году слѣдующія статьи: **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". **Дневныя записки генерала Патрика Гордона**, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича и Петра Великаго **С. Е. О.**—„Письмо Императора Александра I къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о взятіи Парижа". „Письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны". **П. А. Зотова.**—„Война за независимость славянъ 1877—78 г.г." **Г. И. Бобринова.**—Воспоминанія. **Е. С. Шумигорскаго.** — „Кристинъ въ перепискѣ съ княжной Туркестановой, изъ эпохи Александра I". „Смольный монастырь". „О запискахъ Екатерины II". **А. З. Попельницкаго.**—„Спеціальная цензура книгъ". **П. К. Козлова.**—„Асканія-Нова въ прошедшемъ и настоящемъ". **А. М. Колонтай.**—„Записки генерала М. А. Домонтовича" **П. Л. Юдина.**—„Посольство Марины къ шаху Аббасу". „Лихолѣтье на Кавказскомъ рубежѣ". **А. С. Панкратова.** — „Старообрядцы и Наполеонъ I". **В. А. Андерсона.** — „Дневникъ И. М. Снегирева 1825—1828 гг." **Н. К Полеваго.**—„Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1865—1870 г.г." (касаются Императора Александра II-го, Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева и др.). **Сообщ. Е. С. Шумигорскій.** — „Донесеніе Датскаго посланника Гастгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года". „Изъ записокъ гр. Ѳ. И. Головкина". „Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I". **Н. А. Вилламова.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **С. Н. Брайловскаго.**—„Александръ Ѳедоровичъ фонъ-деръ-Бринкенъ на родинѣ". **А. С. Лацинскаго.**—„Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамѣ въ 1814 году" **В. А. Арсеньева.** —„Письмо Императора Александра I къ А. С. Кологривову". Письма И. А. Гончарова къ Никитенко. **П. А. Висковатова.** „Письма В. А. Жуковскаго къ К. К. Зейдлицу". **И. В. Мѣщанинова.** — „Два письма Аракчеева". **И. П. Мордвинова.**— „Гибель крамольнаго рудомета". „Демократъ двадцатыхъ годовъ". „Непризнанный геній". **Ф. П. Уловича.**— „Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій". **Н. А. Мурзанова.**—„Къ біографіи декабристовъ: кн. С. Г. Волконскаго и М. А. Лунина". **В. Дометти.**—„Воспоминанія о спектакляхъ въ эрмитажномъ театрѣ". **Н. П. Хитрово.**—„Послѣдній штурмъ Карса въ 1877 году". **М. В. Безобразовой.**—„Дневникъ академика В. П. Безобразова". **В. А. Степанова.**— „Таинственный преступникъ". **А. М. Самбурскаго.**—„Очерки изъ семейной жизни". **Владиславлева.** — „Подонки родины". **С. В. Танѣева.**—„Курьезы старой Москвы". **З. А. Слезкинской.**—„Неудачная опека". **С. С. Чеха.**—„Елена Ивановна Шидянская, капитанъ Амазонской роты". **М. В. Станиславскаго.**— „Э. Ф. Направникъ". **С. Н. Введенскаго.**—„Непригожія рѣчи о патріархѣ Филаретѣ". „Демонскіе лики въ Рязани". **Т. М. Оленникова.** — „Іеромонахъ Юрьева монастыря Платонъ и его рукописи". **Е. С. М.**—„Депутатъ отъ Россіи". **Н. Ф. Мельницкаго.**—„Среди казаковъ въ русско-японскую войну". **Д. М. Лаврова.** — „Углицкій ссыльный колоколъ". **Н. И. Морозова.**— „Люди и нравы за полвѣка". **Б. В. Каховскаго.**—„Дневникъ М. И. Каховскаго о походѣ 1814 г." **Е. К. Андріяшевой.**—„Воспоминанія стараго педагога". Воспоминанія **Е. А. Рагозиной, Е. К. Андреевскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Веселовскаго** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Также будутъ печататься съ 1 марта 1914 г. Воспоминанія графа **Н. П. Игнатьева** о поѣздкѣ по Европейск. столицамъ передъ войной 1877—1878г.г.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;
„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18 и Невскій, 13
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.
Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій Отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1914.

ЯНВАРЬ.—ФЕВРАЛЬ.—МАРТЪ.

СОРОКЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ.

25446.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. № 28.
1914.

Одесская Рабочая
Библиотека-Читальня
при Одесском совѣтѣ
Рабочихъ Депутатовъ.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля.

XX [1]).

Присяжные засѣдатели.

Моя служебная дѣятельность въ должностяхъ товарища прокурора, прокурора, предсѣдателя окружного суда, оберъ-прокурора и сенатора уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената дала мнѣ возможность въ теченіе тридцати лѣтъ имѣть дѣло съ судомъ присяжныхъ. Являясь то стороною—обвинителемъ, то руководителемъ судебнаго засѣданія, то, наконецъ, изслѣдователемъ и цѣнителемъ, съ кассаціонной точки зрѣнія, условій, въ коихъ постановлено рѣшеніе присяжныхъ, при чемъ, конечно, приходилось знакомиться и съ обстоятельствами подлежавшаго ихъ рѣшенію дѣла по существу, я имѣлъ неоднократно случай провѣрить справедливость столь частыхъ у насъ нападокъ на эту форму суда. Послѣднія раздавались не только въ печати и въ обществѣ, но свивали себѣ по временамъ гнѣздо въ оффиціальныхъ кругахъ и въ нѣдрахъ правительственныхъ учрежденій. Не разъ предпринимался у насъ походъ противъ суда присяжныхъ, и дальнѣйшее его существованіе покупалось цѣною значительнаго умаленія пространства и объема его дѣйствія. Особенно опасными для него были, такъ называемыя, „громкія дѣла“, т.-е. такія, которыя по личности потерпѣвшихъ или подсудимыхъ, по важности преступленія или выдающейся его обстановкѣ привлекали къ себѣ вниманіе публики. Когда по такимъ дѣламъ, въ особенности въ столицахъ, приговоръ присяжныхъ шелъ въ разрѣзъ съ предвзятымъ ожиданіемъ большинства, въ печати и обществѣ, за отсутствіемъ серьез-

[1]) См. „Русскую Старину“ 1907 — 1912 г.

ныхъ политическихъ интересовъ и вопросовъ, поднимался шумъ и гамъ, и суду присяжныхъ нерѣдко произносился рѣшительный приговоръ. Въ прессѣ появлялись статьи, подчасъ очень страстныя, начинавшіяся обыкновенно словами: „мы давно уже говорили“, и кончавшіяся своего рода „delenda Carthago“ и „quousque tandem“. Являлись добровольцы съ напускнымъ возмущеніемъ—иногда изъ среды самого судебнаго вѣдомства, а въ министерствѣ юстиціи начинали съ тревожнымъ упованіемъ взирать на кассаціонный судъ, смущенно думая въ то же время быть можетъ о неизбѣжномъ новомъ законодательномъ членовредительствѣ по отношенію къ провинившемуся учрежденію. Мнѣ памятны нѣсколько совѣщаній прокуроровъ судебныхъ палатъ, созванныхъ въ семидесятыхъ годахъ министромъ юстиціи для обсужденія размѣровъ искупительной жертвы въ виду реальной опасности, грозившей суду присяжныхъ. Эта почти постоянно висѣвшая надъ судомъ присяжныхъ опасность, то ослабѣвая, то усиливаясь, внушала нѣкоторымъ изъ пасадителей его въ Россіи почти суевѣрный страхъ. Когда, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, я заявилъ юридическому обществу, что намѣреваюсь сдѣлать въ уголовномъ его отдѣленіи докладъ объ условіяхъ, тормозящихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣшное дѣйствіе суда присяжныхъ и требующихъ законодательнаго врачеванія, предсѣдатель общества, почтенный Н. И. Стояновскій, пріѣхалъ ко мнѣ уговаривать меня не дѣлать этого доклада, боясь, что всякое указаніе на эти условія будетъ по непониманію или коварству обращено на самое существо дорогого ему учрежденія.

Обращаясь къ личнымъ воспоминаніямъ о дѣятельности суда присяжныхъ и къ бѣглому обзору нападокъ на нее, я прежде всего долженъ замѣтить, что *охраненіе суда присяжныхъ и улучшеніе условій*, въ которыя была поставлена у насъ его дѣятельность, вовсе не соотвѣтствовали ни потребностямъ этого суда въ упроченіи, ни силѣ и опасному вліянію нападокъ на него. Все въ этомъ отношеніи ограничивалось палліативными мѣрами, не приносившими въ практическомъ своемъ осуществленіи осязательныхъ результатовъ, а каждое реальное и неоднократное предложеніе, вызванное дѣйствительными потребностями этого суда, въ цѣляхъ правосудной дѣятельности, принималось неохотно и надолго увязало въ канцелярской тинѣ петербургскаго бюрократическаго болота. Достаточно указать хотя бы на то, что для осуществленія такой насущной мѣры, какъ улучшеніе состава комиссій, изготовляющихъ общіе списки присяжныхъ, потребовался *тринадцатилѣтній* горестный опытъ.

Лишь на *двадцать восьмомъ* году существованія суда присяжныхъ обнародовано разумное ограниченіе права отвода присяжныхъ и устраненіе произнесенія присяги засѣдателей предъ каждымъ дѣломъ, обращавшаго ее въ пустую и скучную формальность, теряющую всякое значеніе отъ частаго ея повторенія. Въ петербургскомъ окружномъ судѣ въ мое время, въ семидесятыхъ годахъ, четыре дня въ недѣлю дѣйствовали два отдѣленія съ присяжными, которымъ въ недѣлю приходилось разсматривать въ среднемъ около 32 дѣлъ, т.-е. выслушивать столько разъ присягу присяжныхъ и столько же разъ присягу свидѣтелей, такъ что священникъ, приглашенный судомъ, былъ вынужденъ, запыхавшись, спѣшить изъ одного отдѣленія въ другое и торопливо „барабанить“ присягу и увѣщаніе присягающимъ. Для того же, чтобы перестать держать представителей общественной совѣсти въ туманѣ невѣдѣнія о грозящемъ подсудимому наказаніи, потребовалось *сорокъ пять лѣтъ*. А, между тѣмъ, въ первыя же тринадцать лѣтъ были произведены существенныя и обширныя *сокращенія* подсудныхъ присяжнымъ засѣдателямъ дѣлъ, значительная часть которыхъ (по преступленіямъ должности) нынѣ и самимъ министерствомъ юстиціи признается нецѣлесообразной и нежелательной.

Выслушивая нападки на судъ присяжныхъ, прежде всего приходилось спросить себя: да тотъ ли это именно судъ присяжныхъ, который, въ разумномъ соблюденіи всесословности и одновременнаго участія представителей всѣхъ слоевъ общества, создали составители Судебныхъ Уставовъ? Предположенія законодателя о единеніи представителей различныхъ отраслей управленія въ дѣлѣ выработки общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей на практикѣ встрѣтились съ полнѣйшимъ разбродомъ этихъ представителей, благодаря чему судъ присяжныхъ, по отношенію къ своему личному составу, обратился въ житейскомъ осуществленіи вмѣсто тщательно оберегаемаго дѣтища въ обременительнаго для членовъ особыхъ комиссій подкидыша, судьбою котораго никто серьезно не заинтересованъ. Въ первыя пятнадцать лѣтъ существованія этого суда, установленныя закономъ временныя комиссіи дѣйствовали столь небрежно, что въ общіе списки присяжныхъ, вопреки точному указанію закона, заносились сумасшедшіе, умершіе, слѣпые и глухіе, состоящіе подъ судомъ, не знающіе русскаго языка, перешедшіе семидесятилѣтній возрастъ и т. п. И одновременно—въ цѣломъ рядѣ мѣстностей почти совсѣмъ не заносились въ списки представители помѣстнаго элемента и купеческаго сословія. А чиновники, внесен-

ные въ эти списки, являлись затѣмъ, попавъ въ списки очередные, къ началу судебныхъ засѣданій, вооруженные свидѣтельствами начальства о фиктивныхъ въ сущности командировкахъ или внезапно оказавшихся особыхъ порученіяхъ. Тѣ же изъ неслужащихъ, которые все-таки попали, зачастую оказывались щедро снабженными свидѣтельствовали о болѣзни, не препятствовавшей имъ однако просиживать вечера и ночи за картами въ губернскихъ и уѣздныхъ клубахъ и возсѣдать въ креслахъ не суда, а театровъ. Когда была образована въ концѣ семидесятыхъ годовъ при Сенатѣ комиссія объ устраненіи неудобствъ при составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей, мнѣ въ качествѣ члена ея, пришлось заявить, что даже по Петербургу, гдѣ списки составлялись съ бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ въ провинціи, въ теченіе года, съ 1878 по 1879 годъ, пришлось исключить изъ списковъ присланныхъ въ петербургскій Окружной Судъ 5 иностранцевъ,—12 человѣкъ старше 70 лѣтъ,—не проживающихъ въ Петербургѣ 106,—оказавшихся умершими за нѣсколько лѣтъ передъ занесеніемъ въ списки 23,—признанныхъ сумасшедшими 3,—не знающихъ русскаго языка 5,—слѣпыхъ 2,—глухихъ 8,—не имѣющихъ права быть присяжными зѣсѣдателями 18,—и отбывшихъ въ предшествующемъ году свою обязанность—5. Въ провинціи, въ большинствѣ случаевъ, положеніе было еще хуже. Такъ, напримѣръ, въ тверскомъ судѣ въ спискахъ за 1874 годъ было найдено 14 человѣкъ умершихъ, изъ которыхъ одинъ скончался въ 1858 г., а другой въ 1859, т. е. задолго до введенія суда присяжныхъ. Оказалось также, что выборъ изъ общихъ въ очередные списки производился большею частью въ канцеляріяхъ земскихъ управъ или письмоводителями предводителей дворянства. Такимъ образомъ основу личному составу того суда, которому ввѣряются существенные интересы правосудія въ странѣ, клалъ вольнонаемный писецъ, легко доступный соблазнамъ въ видѣ запрашиванія и мелкихъ подачекъ. Слѣдствіемъ этого было то, что въ *очередные* списки присяжныхъ вносились преимущественно мѣщане и крестьяне, а въ списки *запасные* —чиновники и дворяне и притомъ преимущественно на третью четверть года, когда большинство судовъ, въ виду лѣтнихъ полевыхъ работъ, не дѣлаетъ выѣздныхъ сессій. Несмотря на нѣкоторыя улучшенія, введенныя сенатской комиссіей 1879 года, составъ присяжныхъ засѣдателей и понынѣ, благодаря зачастую небрежному, а иногда и слишкомъ любезному составленію списковъ, можетъ представлять довольно значительное собраніе людей, которымъ лишь не удалось по ихъ служебному положенію или по какимъ-либо другимъ при-

чинамъ избѣжать своего внесенія въ списокъ. Въ то время, когда крестьяне безропотно несутъ обязанности присяжнаго засѣдателя и по-своему стараются свято исполнять свой долгъ, лица высшихъ сословій и въ особенности чиновники и нынѣ спѣшатъ представлять въ судъ свидѣтельства о болѣзни (вѣроятно о пресловутой неврастеніи) или заявленія начальства о командировкахъ и особыхъ порученіяхъ. Въ этомъ отношеніи характерно, напримѣръ, то, что 16-го іюля истекшаго года 14 присяжныхъ изъ 33, явившихся въ петербургскій окружной судъ къ началу новой сессіи, ходатайствовали объ освобожденіи ихъ, представивъ 13 свидѣтельствъ начальства о командировкахъ и одно свидѣтельство о болѣзни. Хотя съ 1887 года, на основаніи статьи 82 Учр. Суд. Уст., изъ числа присяжныхъ засѣдателей устраняются лица, впавшія въ крайнюю бѣдность и находящіяся въ услуженіи въ качествѣ домашней прислуги, но до этого года двѣсти рублей валового дохода отъ промысла или жалованья, дававшіе право быть присяжнымъ засѣдателемъ, едва-ли представляли гарантію того, что судъ будетъ состоять изъ людей независимыхъ отъ ежедневной нужды и отъ тѣхъ страстей, которыя она можетъ порождать, ибо человѣкъ, имѣющій 16 руб. 60 коп. въ мѣсяцъ, какъ единственный нормальный доходъ, несомнѣнно находится въ крайней бѣдности, а при нынѣшней дороговизнѣ даже 33 руб. 20 коп. ежемѣсячной получки ставятъ человѣка семейнаго въ очень трудное положеніе, хотя бы онъ и жилъ въ небольшомъ уѣздномъ городѣ.

Бѣдность крестьянъ, призываемыхъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ, и сопряженное съ нею трудное положеніе ихъ во время сессіи давно уже обратили на себя вниманіе и литературы (Златовратскій: „Крестьяне-присяжные“) и земствъ. Многія изъ послѣднихъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ стали выдавать крестьянамъ-присяжнымъ небольшое пособіе на время пребыванія ихъ въ городѣ. Но скрытые недоброжелатели суда присяжныхъ начали вопить о томъ, что исполненіе судейскихъ обязанностей обывателями не есть *повинность*, а дорогое *политическое право*, вознагражденіе за пользованіе которымъ извратило бы его существо. Къ сожалѣнію, первый департаментъ Сената въ 1872 году раздѣлилъ этотъ взглядъ бездушнаго формализма и воспретилъ земствамъ такія выдачи на томъ основаніи, что земство можетъ заботиться исключительно „о хозяйственныхъ пользахъ и нуждахъ губерніи“, при чемъ Сенатомъ было забыто, что на земствѣ лежатъ такія нехозяйственныя траты, какъ расходы на народное образованіе и здоровье, и выдача содержанія

мировымъ судьямъ. И только теперь взглядъ земствъ признается наконецъ—послѣ сорока лѣтъ матеріальной нужды большинства русскихъ присяжныхъ—правильнымъ, и внесенный министромъ юстиціи въ Государственную Думу законопроектъ о выдачѣ вознагражденія недостаточно обезпеченнымъ присяжнымъ засѣдателямъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ.

Припоминая рядъ оправдательныхъ рѣшеній присяжныхъ засѣдателей, которыми мнѣ пришлось заниматься, я нахожу между ними такія, которыя были съ неразборчивой поспѣшностью заклеймены названіемъ „возмутительныхъ“ и „вопіющихъ“. Да! были между ними рѣшенія, не удовлетворявшія строгой *юридической* логикѣ и *формальнымъ* опредѣленіямъ закона, были рѣшенія, съ которыми коронному судьѣ трудно согласиться,—но не было такихъ, которыхъ нельзя бы понять и объяснить себѣ съ точки зрѣнія житейской. Вдумываясь въ соображенія присяжныхъ, а иногда выслушивая и ихъ заявленія, высказываемыя обыкновенно въ концѣ сессіи, приходится признать, что часто въ ихъ, повидимому, неправильнымъ рѣшеніи кроется дѣйствительная справедливость, внушаемая не холоднымъ разсужденіемъ ума, а голосомъ сердца. Не надо забывать, что, согласно закону, ихъ спрашиваютъ не о томъ, *совершилъ* ли подсудимый преступное дѣяніе, а *виновенъ* ли онъ (ст. 754 Уст. У. С.) въ томъ, что совершилъ его;—не фактъ, а внутренняя его сторона и личность подсудимаго, въ немъ выразившаяся, подлежатъ ихъ сужденію. Своимъ вопросомъ о виновности судъ установляетъ особый промежутокъ между фактомъ и виною и требуетъ, чтобы присяжные, основываясь исключительно на „убѣжденіи своей совѣсти“ и памятуя свою великую нравственную отвѣтственность, наполнили этотъ промежутокъ соображеніями, въ силу которыхъ подсудимый оказывается человѣкомъ виновнымъ или невиновнымъ. Въ первомъ случаѣ своимъ приговоромъ присяжные признаютъ подсудимаго человѣкомъ, который могъ властно и твердо бороться съ возможностью преступленія и вырваться изъ-подъ ига причинъ и побужденій, приведшихъ его на скамью подсудимыхъ,—который имѣлъ для этого настолько же нравственной силы, насколько ея чувствуютъ въ себѣ сами присяжные. Надо замѣтить, что и до сихъ поръ знаніе, а тѣмъ болѣе пониманіе уголовнаго процесса очень многимъ изъ нашего общества совершенно чуждо. Читая съ жадностью газетные отчеты о сенсаціонныхъ процессахъ, едва-ли кто-либо отдаетъ себѣ ясный отчетъ о смыслѣ и причинѣ тѣхъ или другихъ дѣйствій суда и о законныхъ условіяхъ, въ которыхъ они должны производиться. Послѣ

одного изъ громкихъ процессовъ, очень волновавшаго петербургское общество, мнѣ пришлось услышать, какъ одинъ сановникъ, занимавшій въ высокомъ учрежденіи руководящее положеніе, негодовалъ передъ свѣтской публикой, собравшейся въ гостиной, восклицая:—„а? какъ вамъ это нравится?—подсудимая созналась, а предсѣдатель ставитъ присяжнымъ вопросъ:—„*виновна ли она?*“ а? виновна ли?! вотъ до чего у насъ дошло!“ Даже и профессіональными юристами-практиками по временамъ проводился въ судѣ взглядъ, что защита не можетъ просить объ оправданіи сознавшагося подсудимаго. Понадобилось въ 1901 году всестороннее и глубокое по содержанію заключеніе оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента И. Г. Щегловитова по дѣлу Семенова и согласное съ нимъ руководящее рѣшеніе Сената, чтобы разъ навсегда разъяснить, что „виновенъ“ и „совершилъ“—не синонимы. Къ этому надо добавить, что не только относительно виновности, но даже и относительно факта преступленія наши (да и большинство западно-европейскихъ) присяжные поставлены далеко не въ то удобное положеніе, въ которомъ находятся присяжные въ Шотландіи, гдѣ ихъ задача облегчается правомъ, но выбирая исключительно между двумя отвѣтами, избрать средній путь и сказать „не доказано (not proven)!“

Законъ открываетъ предъ присяжными широкій горизонтъ милосердія, давая имъ право признавать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія „по обстоятельствамъ дѣла“. Изъ всѣхъ „обстоятельствъ дѣла“ самое важное, безъ сомнѣнія, личность подсудимаго, съ его добрыми и дурными свойствами, съ его бѣдствіями, нравственными страданіями, испытаніями. Но гдѣ возникаетъ вопросъ о перенесенномъ страданіи, тамъ рядомъ съ нимъ является и вопросъ объ искупленіи вины. Зачерпнутые изъ глубины общественнаго моря и уходящіе снова, послѣ дѣла, въ эту глубину, ничего не ищущіе и, по большой части, остающіеся безвѣстными,—обязанные хранить тайну своихъ совѣщаній,—присяжные не имѣютъ соблазна рисоваться своимъ рѣшеніемъ и выставлять себя защитниками той или другой теоріи. Осуждать ихъ за приговоръ, сомнѣваясь въ его справедливости, можетъ лишь тотъ, кто вмѣстѣ съ ними самъ изучилъ и изслѣдовалъ обстоятельства дѣла и передъ лицомъ подсудимаго, свобода и честь котораго зависятъ отъ одного его слова, вопрошалъ свою совѣсть и въ ней, а не въ голосѣ страстнаго негодованія, нашелъ отвѣтъ, идущій въ разрѣзъ съ приговоромъ. Но такой человѣкъ, особливо если онъ долго занимался судеб-

ной практикой, знаетъ, что убѣжденіе въ виновности подсудимаго не зависитъ отъ его сознанія въ фактѣ, вызываемаго иногда отчаяніемъ, расчетомъ, побужденіями великодушія относительно дѣйствительно виновныхъ и т. п., а наростаетъ постепенно изъ ряда обстоятельствъ, обнаруживаемыхъ при разбирательствѣ дѣла. Изъ нихъ, нерѣдко трудно со стороны уловимое, образуется имѣющее рѣшающее значеніе впечатлѣніе. Опытные судебные дѣятели, конечно, не разъ замѣчали, какъ какая-нибудь характерная черта въ личности потерпѣвшаго или подсудимаго, иногда какая-нибудь его фраза, возгласъ, замѣшательство, открывающіе внезапно внутреннюю сущность человѣка, свойство его дѣятельности и житейскаго поведенія—сразу пріобрѣтаютъ огромное значеніе по произведенному ими впечатлѣнію и властно склоняютъ мысль присяжныхъ къ обвиненію или оправданію. Въ моихъ „воспоминаніяхъ и замѣткахъ судебнаго дѣятеля“, напечатанныхъ на страницахъ „Русской Старины“ съ 1907 года и собранныхъ затѣмъ въ книгѣ „На жизненномъ пути“, приведенъ рядъ такихъ примѣровъ. Не стану ихъ повторять здѣсь, но скажу, что то, что строится и разработывается въ судебномъ засѣданіи, напоминаетъ собою струю фонтана: поднимаясь все выше и выше, она, наконецъ, переламывается и спадаетъ въ одну сторону—и эта сторона обусловливается почти незамѣтными, но однако очень вліятельными причинами.

Поэтому кричать противъ рѣшенія присяжныхъ, не прослѣдивъ за всѣмъ процессомъ въ засѣданіи, по меньшей мѣрѣ слишкомъ поспѣшно. Публика судитъ о подсудимомъ и его дѣяніи по газетнымъ отчетамъ. Но они или отличаются краткимъ сообщеніемъ о выдающемся дѣлѣ подъ громкимъ заголовкомъ „ужасная драма“, „кровавая расправа“, „дерзкій подлогъ“, „семейная трагедія“, „жертва довѣрія“ и т. п. или представляютъ отчетъ односторонній, подчасъ партійный, при чемъ показанія свидѣтелей, излагаясь репортеромъ своими словами и сопровождаясь его собственными выводами и замѣчаніями, смотря по его личнымъ вкусамъ и задачамъ, то сокращаются, то излагаются съ преднамѣренной подробностью. Но между авторомъ такого отчета, въ его торопливой и подчасъ лихорадочной работѣ, ни къ чему при томъ не обязывающей и въ лучшемъ случаѣ представляющей въ своемъ конечномъ выводѣ лишь мнѣніе газетнаго труженника,—и работой совѣсти присяжныхъ, отъ которыхъ требуется не мнѣніе, не „взглядъ и нѣчто“, а приговоръ, чреватый послѣдствіями—большая разница... Даже и стенографическіе отчеты далеко не всегда даютъ вѣрную внѣшнюю картину того, что происходитъ

на судѣ. Не всегда стенографы успѣваютъ въ точности уловить быстро текущее слово или отдать себѣ правильный отчетъ о смыслѣ сказаннаго, произвольно соединяя отдѣльныя мѣста, среди которыхъ ими былъ сдѣланъ пропускъ. Не могу не вспомнить о стенографисткѣ оффиціальной газеты, которая передавала въ своемъ напечатанномъ отчетѣ мою обвинительную рѣчь по дѣлу объ умерщвленіи Филиппа Штрама. Она пропустила слова: „кругомъ все такъ вопіетъ объ убійствѣ, что подсудимому только и осталось сознаться, но если бы этого сознанія и не было, то предъ нами цѣлый рядъ уликъ, доказывающихъ и помимо этого сознанія совершеніе преступленія подсудимымъ, а именно и т. д.“, и поредала это мѣсто рѣчи такъ: „кругомъ все такъ и вопіетъ, что тутъ убійство, но это, *впрочемъ*, *ничего*, а именно“... Вотъ почему ни на отчетахъ, ни тѣмъ болѣе на разсказахъ и сужденіяхъ по поводу происходившаго на судѣ нельзя основывать правильной критики рѣшенія присяжныхъ. Тутъ обыкновенно рисуется рѣзко намалеванная декорація, но въ судебномъ засѣданіи развертывается картина, нѣкоторыя части которой написаны красками жизни съ точностью и подробностью миніатюры или сложены, подобно мозаикѣ, изъ отдѣльныхъ кусочковъ, въ которые судьямъ пришлось пристально всматриваться, переживая въ душѣ ихъ мѣсто и значеніе въ слагающемся цѣломъ.

Дѣла, по которымъ раздаются нареканія на присяжныхъ засѣдателей, распадаются въ сущности на двѣ категоріи: на дѣла, по характеру и свойствамъ преступленія не привлекающія особаго общественнаго вниманія, въ которыхъ присяжнымъ, изрекшимъ оправданіе, ставится въ упрекъ признаніе невиновности, несмотря на собственное сознаніе подсудимаго,—и на дѣла, въ которыхъ оправданіе идетъ въ разрѣзъ съ надеждами услышать приговоръ обвинительный. По дѣламъ *первой категоріи* могущественнымъ толчкомъ къ оправданію служитъ очень часто долговременное предварительное заключеніе обвиняемаго. При неявкѣ какого-либо существеннаго свидѣтеля дѣло, назначенное къ слушанію, вновь откладывается на нѣсколько мѣсяцевъ (бывали дѣла, въ которыхъ неоднократныя отсрочки вызывали пятнадцать лишнихъ мѣсяцевъ заключенія подсудимаго подъ стражей), и въ концѣ концовъ предъ присяжными на скамьѣ подсудимыхъ находится человѣкъ, виновность котораго въ ихъ глазахъ несомнѣнна, но такъ же несомнѣнно и то, что онъ уже понесъ наказаніе, иногда даже и свыше того, которое было бы ему назначено судомъ по закону. Вся разница въ томъ, что онъ подвергся этой карѣ не по приговору суда, а по постановленію слѣдователя, дѣйствующаго

иногда подъ вліяніемъ предвзятаго взгляда на заподозрѣнное имъ и привлеченное, въ качествѣ обвиняемаго, лицо. Къ сожалѣнію, при начертаніи Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, была сохранена сословная подсудность, и цѣна похищеннаго лицами непривилегированными опредѣлена слишкомъ низко. Вслѣдствіе этого множество дѣлъ, разборъ которыхъ въ мировыхъ и временно замѣнявшихъ ихъ учрежденіяхъ занялъ бы двѣ-три недѣли, поступаетъ къ судебному слѣдователю и тянется у него, въ обвинительной камерѣ, и въ судѣ многіе мѣсяцы, которые обвиняемый проводитъ въ предварительномъ заключеніи. При томъ, въ виду организаціи нашего тюремнаго дѣла, самый порядокъ отбытія заключенія по распоряженію слѣдователя и по приговору суда не представляетъ особой разницы въ обоихъ случаяхъ. Присяжнымъ трудно отрѣшиться отъ мысли о послѣдствіяхъ своего рѣшенія, и въ то же время имъ извѣстны какъ сомнительныя исправительныя свойства русскаго тюремнаго заключенія, такъ и несомнѣнный вредъ, приносимый людямъ, преступившимъ законъ, но еще не испорченнымъ окончательно, пребываніемъ въ этой школѣ взаимнаго обученія праздности, разврату, насилію и ненависти къ общественному порядку. Предъ ними проходятъ поодиночкѣ и въ группахъ рецидивисты, за которыми числится обширная судимость и отбытіе наказанія въ среднемъ отъ пяти до десяти разъ. Сознаніе безплодности тюремнаго заключенія въ связи съ продолжительностью предварительнаго ареста давно уже заставляетъ присяжныхъ при окончаніи своихъ сессій высказывать настойчивое, но покуда тщетное желаніе, чтобы было, наконецъ, обращено вниманіе на сокращеніе предварительнаго заключенія обвиняемаго и на устройство работныхъ домовъ, въ которыхъ праздность замѣнялась бы принудительнымъ трудомъ. Въ отношеніи работныхъ домовъ ихъ пожеланія сходятся съ таковыми же со стороны высшей полицейской власти въ Петербургѣ и всѣхъ тѣхъ, кого справедливо пугаетъ все возрастающее хулиганство. Но ни въ чемъ скаредность нашего бюджета по отношенію къ настоятельнымъ нуждамъ страны, тотъ параличъ законодательства, которымъ мы страдаемъ, и велерѣчивая бездѣятельность нѣкоторыхъ крупныхъ городскихъ самоуправленій не сказываются съ такой рѣзкостью, какъ именно въ этомъ вопросѣ.

Присяжные засѣдатели—люди жизни, а не рутины. Ихъ нельзя считать представителями того, что Гёте въ „Фаустѣ“ называетъ „die richtende gefühllose Menschheit“. Поэтому отъ

нихъ нельзя и требовать, чтобы они замкнулись въ сухія юридическія схемы тамъ, гдѣ жизнь выдвигаетъ передъ ними вопіющія картины своихъ противорѣчій. Несомнѣнно, напримѣръ, что семнадцатилѣтній юноша, тщетно ищущій и не находящій себѣ какой-либо работы, застигнутый на лѣстницѣ у шкафа съ провизіей съ отбитымъ имъ замкомъ,—или юный „бомбистъ", исключенный за невзносъ платы изъ училища и упавшій въ обморокъ отъ истощенія и голода въ домѣ, куда онъ пришелъ грозить сверткомъ газетной бумаги, утверждая, что это бомба,— или безработный чернорабочій, похитившій съ желѣзнодорожной платформы пять полѣньевъ дровъ стоимостью въ двадцать пять копѣекъ, съ цѣлью согрѣть голодающую и холодающую семью изъ жены и трехъ дѣтей,— или мелкій торговецъ, нанесшій тяжкія раны женѣ и восемнадцатилѣтнему сыну, заставши ихъ in flagranti, — или, наконецъ, мѣщанка, состоявшая въ кровосмѣсительной связи съ тринадцати лѣтъ съ растлившимъ и истязавшимъ ее отцомъ— всѣ эти и многіе подобные имъ, судившіеся въ петербургскомъ окружномъ судѣ въ послѣднее время и отбывшіе съ избыткомъ свое тюремное заключеніе при слѣдствіи, со строго юридической точки зрѣнія подлежали опредѣленному въ Уложеніи наказанію. Но на присяжныхъ, вѣроятно, подѣйствовало представленіе о душевной драмѣ этого несчастнаго мужа и отца, о мукахъ этой поруганной дочери, и они вошли въ положеніе обвиняемыхъ, не могущихъ найти себѣ заработка, чтобы утолить голодъ и защититься отъ холода. Быть можетъ, утромъ, въ день засѣданія, нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось развернуть одну изъ большихъ распространенныхъ газетъ и найти на *первой* ея страницѣ густую сѣть объявленій о всевозможныхъ увеселеніяхъ игриваго, порнографическаго свойства,—о рекламируемыхъ шинахъ и побѣдахъ роскошныхъ моторовъ,—о блестящихъ ресторанахъ съ оркестрами румынъ и дорогими ужинами послѣ театра, когда „шампанское блеститъ какъ золото и золото льется какъ шампанское" и о другихъ приманкахъ для безпечальнаго и веселящагося Петербурга, успѣвшаго выпить при встрѣчѣ 1913 года, по сообщенію газетъ, на 150 тысячъ рублей „шипучки". — А на *четвертой* страницѣ той же газеты пришлось встрѣтить иногда цѣлые столбцы съ извѣстіями о самоубійствахъ, совершаемыхъ по неимѣнію никакихъ средствъ къ существованію или по отвращенію къ проституціи, не только отдѣльными несчастливцами, но и группами въ два и три человѣка... И они, быть можетъ, нашли, что при такомъ житейскомъ контрастѣ вернуть подсудимаго въ тюрьму,

гдѣ онъ уже не мало пробылъ и откуда онъ выйдетъ снова беззащитный противъ насущныхъ требованій существованія,—не удовлетворяетъ требованію ихъ совѣсти. „Это помилованіе“, справедливо замѣчаютъ прямолинейные юристы: „на него присяжные не уполномочены, и оно можетъ послѣдовать лишь по ходатайству суда!“—Совершенно справедливо, но въ этомъ „можетъ“ и содержится невольный соблазнъ для присяжныхъ, которые—что такъ понятно—предпочитаютъ окончательное слово оправданія шаткой надеждѣ на то, что судъ рѣшится по каждому подобному дѣлу обременять Верховную власть своими ходатайствами о помилованіи или смягченіи наказанія. Не всякое преданіе суду обусловливаетъ собою осужденіе. Довольно часто оно значитъ: есть основаніе думать, что обвиняемый виновенъ, но разберите вы, т.-е. присяжные засѣдатели,—вы, которые увидите и услышите его и свидѣтелей непосредственно. На судѣ однообразная темная краска карательныхъ опредѣленій постепенно стирается и изъ подъ нея выступаютъ другіе, житейскіе образы. Предъ присяжными развертывается не одинъ преступный *эпизодъ* изъ жизни подсудимаго, но иногда *исторія* его жизни. Но исторія, по чудесному выраженію С. М. Соловьева (объ Иванѣ Грозномъ) подчасъ можетъ подмѣтить даже подъ мрачными чертами мучителя — скорбныя черты жертвы. Тѣмъ болѣе исторія обыкновеннаго человѣка, впавшаго въ преступленіе, можетъ открыть въ его жизни страницы, взывающія къ сострадательному пониманію „какъ дошелъ онъ до жизни такой“. Формальная справедливость не всегда равна истинному правосудію. „Qui n'est que juste—est cruel“, говорятъ французы, и Екатерина II была права, выразивъ ту же мысль словами: „Stricte justice n'est pas justice: justice est equité“. Можно ли, по этому, осуждать присяжныхъ за оправдательный приговоръ, когда предъ ними, напримѣръ, плачетъ и кланяется потерпѣвшая, прося простить „родимаго и кормилица дѣтей“ или когда старикъ-отецъ, носящій имя, неразрывно связанное со „священной памятью двѣнадцатаго года“, со слезами молитъ отпустить 16-лѣтняго сына, обвиняемаго въ кражѣ изъ передней калошъ и шапки и попавшаго въ дурную компанію подростковъ, обязуясь отправить его въ заграничный исправительный пріютъ? Поучительные примѣры приговоровъ, гдѣ житейская правда кладется въ основаніе справедливости приговора, представляетъ практика нѣкоторыхъ коронныхъ судей въ Франціи и Англіи. Таковъ, напримѣръ, извѣстный président Magnaud въ Шато-Тьерри, которому населеніе присвоило

названіе „le bon Juge“ и рѣшенія котораго, въ высшей степени интересныя по своей мотивировкѣ, изданы въ двухъ томахъ. Изслѣдователь практическаго положенія англійскаго судопроизводства, Гекторъ Франсъ, приводитъ слѣдующій чрезвычайно характерный случай изъ практики одного изъ лондонскихъ городскихъ судей. Одинъ молодой человѣкъ похитилъ хлѣбъ изъ незапертой булочной въ минуту отсутствія изъ нея булочника. „Я былъ голоденъ, милордъ“—объяснялъ обвиняемый судьѣ.—Законъ осуждаетъ за кражу какъ куска хлѣба, такъ и золотой цѣпи,—отвѣчалъ ему судья,—и не дѣлаетъ между этими предметами кражи никакого различія. Если бы я слѣдовалъ только указаніямъ закона, то осудилъ бы васъ. Но руководствуясь моей судейской совѣстью, я васъ оправдываю“. Затѣмъ, не ограничиваясь оправданіемъ, судьи чрезъ судебнаго пристава предложилъ имѣвшейся на-лицо публикѣ помочь молодому человѣку и тѣмъ самымъ избавить его отъ необходимости совершенія новой кражи. Обращаясь же къ булочнику, какъ обвинителю, судья сказалъ: „Изъ-за нѣсколькихъ пенсовъ вы не затруднились лишить свободы человѣка, несчастный видъ котораго, равно какъ свойство совершонной имъ кражи, должны были бы указать вамъ на крайнее состояніе, въ которомъ онъ находился. На основаніи стараго закона Королевы Елисаветы, карающаго всякаго лавочника за уходъ изъ незапертой лавки, я приговариваю васъ къ одному дню тюремнаго заключенія и къ денежной пенѣ“.

25416.

Для „общественнаго мнѣнія“ по дѣламъ *второй категоріи* далеко не всегда ясно, что причиной оправдательныхъ приговоровъ, вызывающихъ пареканіе на присяжныхъ, является во многихъ случаяхъ самое *веденіе судебнаго засѣданія*, которое не можетъ быть признано согласнымъ съ правильнымъ соотношеніемъ участвующихъ въ процессѣ силъ, равнодѣйствующую которыхъ должна представлять бдительная власть предсѣдателя. Дѣлая послѣдняго полнымъ распорядителемъ и распредѣлителемъ подлежащаго разсмотрѣнію на судѣ матеріала, законъ возлагаетъ на него, такъ сказать, синтезъ всего дѣла въ томъ руководящемъ напутствіи, за которымъ слѣдуетъ совѣщаніе присяжныхъ. Бываютъ однако—и при томъ въ наиболѣе сложныхъ и важныхъ процессахъ—случаи, когда матеріалъ располагается и подносится присяжнымъ въ такомъ видѣ, что засоряетъ ихъ память ненужными данными и отвлекаетъ ихъ вниманіе въ сторону отъ предстоящей имъ задачи, заставляя изслѣдовать не идущія къ дѣлу обстоятельства, а руководящее

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

напутствіе ничего въ этомъ сумбурѣ не исправляетъ или пытается исправить часто неумѣло и почти всегда запоздало. Утомленные присяжные, вниманіе которыхъ не напряжено въ одномъ направленіи, а издергано такими не идущими къ дѣлу отвлеченіями, уходятъ въ совѣщательную комнату подъ впечатлѣніемъ искусственно перемѣщеннаго центра тяжести дѣла, обращаясь изъ судей обвиняемаго въ судей потерпѣвшаго или какого-нибудь явленія въ общественной жизни или въ государственномъ строѣ. Въ первое десятилѣтіе послѣ судебной реформы подобныя явленія были рѣдки, но съ восьмидесятыхъ годовъ они стали учащаться. Кассаціонное разсмотрѣніе большинства оправдательныхъ приговоровъ по выдающимся дѣламъ, вызывавшихъ грустное и тревожное недоумѣніе въ друзьяхъ суда присяжныхъ и ожесточенныя личныя и печатныя нападенія со стороны его недоброжелателей, раскрывало, что истинная причина не удовлетворяющаго чувства справедливости оправданія лежала не въ недомысліи, слѣпомъ произволѣ или тенденціозномъ направленіи присяжныхъ, а въ неправильномъ веденіи судебнаго засѣданія и въ нагроможденіи излишнихъ и чуждыхъ дѣлу данныхъ, которыми, какъ вредною корою, обрастало настоящее ядро дѣла. Въ этихъ случаяхъ бывало, впрочемъ, виновато не одно веденіе судебнаго засѣданія. Иногда недостатки или, вѣрнѣе излишества судебнаго слѣдствія вызывались неправильною дѣятельностью судебнаго слѣдователя и даже судебной палаты въ качествѣ обвинительной камеры. Происходило это отъ нарушенія предѣловъ изслѣдованія преступленія въ тѣхъ случаяхъ, когда недостаточное уясненіе себѣ состава преступленія и его необходимыхъ признаковъ заводило судебнаго слѣдователя на путь изслѣдованія такихъ обстоятельствъ, которыя для сужденія о чьей-либо виновности въ этомъ преступленіи значенія имѣть не могутъ и не должны, или когда усердіе не по разуму побуждало его къ неумѣстной любознательности о такихъ дѣйствіяхъ или событіяхъ въ жизни обвиняемаго или потерпѣвшаго, которыя никакого отношенія къ дѣлу не имѣютъ. Если въ этихъ случаяхъ прокуратура не удерживалась отъ соблазна воспользоваться увлеченіями слѣдователя для архитектурныхъ украшеній въ постройкѣ обвинительнаго акта, а судебная палата, по недосмотру или неполнотѣ доклада, такой актъ утверждала, то суду невольно приходилось имѣть дѣло съ данными, которыя могли повліять на присяжныхъ засѣдателей въ смыслѣ затемненія истинныхъ очертаній дѣла. Къ этому присоединялось еще и перегруженіе списка сви-

дѣтелей по ходатайству сторонъ и по требованію прокурора потому, что разрѣшенію вопроса о томъ, относятся ли нѣкоторые изъ нихъ къ дѣлу, судомъ не было удѣлено достаточнаго вниманія.

Нѣтъ сомнѣнія, что свѣдѣнія о поведеніи обвиняемаго, его занятіяхъ и образѣ жизни необходимы тамъ, гдѣ обвиненіе строится исключительно на однѣхъ уликахъ. Составителями Судебныхъ Уставовъ было высказано, что судомъ всегда судится не отдѣльный поступокъ подсудимаго, но его личность, насколько она проявилась въ извѣстномъ противозаконномъ поступкѣ. Ознакомленіе съ личностью подсудимаго въ значительной степени спасаетъ отъ судебной ошибки, которая одинаково возможна какъ въ случаяхъ осужденія только на основаніи свѣдѣній о дурномъ характерѣ подсудимаго, такъ и въ случаяхъ осужденія только на основаніи преступнаго факта, который можетъ быть слѣдствіемъ несчастнаго и рокового стеченія обстоятельствъ и противъ котораго громко вопіетъ вся безупречная и чуждая злу прошлая жизнь подсудимаго. Въ этомъ отношеніи свидѣтельскія показанія имѣютъ большое значеніе. Необходимо только, чтобы эти показанія дѣйствительно относились къ дѣлу, т.-е. чтобы ими разъяснялись такія стороны жизни обвиняемаго, въ коихъ выразились именно тѣ его свойства, которыми вызваны движущія побужденія его дѣянія или, наоборотъ, съ которыми его дѣяніе состоитъ въ прямомъ противорѣчіи. Поэтому, напримѣръ, въ дѣлѣ московскаго нотаріуса Назарова, обвинявшагося въ насильственномъ поруганіи цѣломудрія дѣвушки,—въ обстановкѣ, не допускающей постороннихъ свидѣтелей,—усложненномъ послѣдующимъ ея самоубійствомъ, допросъ свидѣтелей о той роли, которую играли въ жизни обвиняемаго чувственныя стремленія, и о его взглядѣ на характеръ своихъ отношеній къ женщинамъ вообще представлялся вполнѣ умѣстнымъ. Но онъ являлся бы совершенно неумѣстнымъ тамъ, гдѣ отсутствуетъ связь между внутренними свойствами преступленія и свѣдѣніями о личности обвиняемаго. Расточительность обвиняемаго, весьма важная, напримѣръ, въ дѣлахъ о банковыхъ хищеніяхъ, не имѣетъ никакого значенія въ дѣлахъ о богохуленіи, а вспыльчивость обвиняемаго, пріобрѣтающая серьезный смыслъ при обсужденіи убійства въ запальчивости и раздраженіи, совершенно утрачиваетъ его при обвиненіи въ дѣланіи фальшивой монеты. Не надо забывать, что судъ, разсматривая преступное дѣяніе, осуждаетъ подсудимаго за тѣ стороны его личности, которыя выразились въ этомъ дѣяніи, а

не за всю его жизнь. Не будетъ ли такое изслѣдованіе *всей* жизни напоминать—toute proportion gardée — провинціальнаго присяжнаго, который былъ замѣненъ запаснымъ послѣ того, какъ въ засѣданіи по дѣлу о покушеніи подсудимаго на изнасилованіе, онъ, возмущенный тѣмъ, что послѣдній упорно и растерянно молчитъ на вопросъ предсѣдателя: „чѣмъ вы занимаетесь?“ воскликнулъ съ негодованіемъ: „Николашка! что же ты молчишь? отвѣчай же! Скажи: кражами, ваше превосходительство!“

Мнѣ пришлось давать кассаціонныя заключенія по нѣсколькимъ громкимъ дѣламъ, гдѣ было допущено рѣзкое отступленіе отъ такого взгляда на предѣлы изслѣдованія. Типическимъ являлось дѣло Ольги Палемъ, обвиняемой въ убійствѣ студента Довнара, стремившагося прервать съ нею связь, препятствовавшую ему готовиться къ экзаменамъ. Здѣсь судебная палата утвердила обвинительный актъ, въ которомъ приведено мнѣніе убійцы о томъ, что убитый былъ человѣкъ безхарактерный, гаденькій и нахальный, пользовался ея деньгами, закладывалъ и присвоивалъ себѣ ея вещи, купленныя на средства, полученныя отъ прежняго ея сожителя, а затѣмъ подробно изложена провѣрка всего этого, предпринятая на предварительномъ слѣдствіи. При этой провѣркѣ прошлое самой обвиняемой изслѣдовано на пространствѣ двадцати лѣтъ, при чемъ произведенъ рядъ допросовъ, и оглашена переписка о принятіи Палемъ православія и объ отношеніяхъ ея къ родителямъ и крестному отцу, о ея предшествующихъ связяхъ, о хранящихся на текущемъ счету ея деньгахъ, о записяхъ пересылки ей денегъ въ 540 почтовыхъ книгахъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ произведены обыскъ у одного изъ старыхъ сожителей Палемъ, жившихъ въ Одессѣ, и выемка его переписки и торговыхъ книгъ, съ производствомъ бухгалтерской экспертизы, въ явное нарушеніе устава торговаго, въ силу котораго такія книги составляютъ неприкосновенную коммерческую тайну и только въ случаѣ признанія несостоятельности торговца отбираются по опредѣленію суда. Нужно ли говорить, насколько такая одновременная травля подсудимой ея прошлымъ и опороченіе памяти потерпѣвшаго не имѣли никакого отношенія къ дѣлу. Такое же выворачиваніе наизнанку прошлой жизни подсудимой пришлось мнѣ встрѣтить въ дѣлѣ графини Н., обвинявшейся въ присвоеніи якобы рожденному ею ребенку непринадлежащихъ ему правъ состоянія, при чемъ слѣдователемъ были разсмотрѣны и описаны производства сыскной полиціи и допрошены указанные въ нихъ свидѣтели по обстоятельствамъ, ни-

какого отношенія къ обвиненію не имѣвшимъ, но бросавшимъ тѣнь изъ далекаго прошлаго на уже весьма немолодую женщину, сочувствіе напраснымъ страданіямъ которой на судѣ вызвало въ концѣ концовъ оправдательный приговоръ присяжныхъ засѣдателей. Еще болѣе ненормальны подобные способы изслѣдованія по отношенію къ потерпѣвшимъ отъ преступленія, когда въ судебномъ засѣданіи,—вслѣдствіе увлеченія слѣдователя, неразборчивости прокурора и попустительства обвинительной камеры,—о немъ производится цѣлое слѣдствіе, при чемъ, присутствуя въ судебномъ засѣданіи, онъ лишенъ права отвода и допроса свидѣтелей и предъявленія присяжнымъ засѣдателямъ своихъ объясненій, если только не выступаетъ гражданскимъ истцомъ. При этомъ жизнь и личность его могутъ быть раскапываемы съ самой мелочной подробностью, точно дѣло идетъ исключительно о рѣшеніи вопроса, достоинъ ли онъ былъ постигшей его участи, какъ будто его житейское поведеніе можетъ изъять его изъ покровительства закона и по отношенію къ нему сдѣлать дозволеннымъ, по личному взгляду подсудимаго, то, что не дозволено и преступно по отношенію къ другимъ людямъ. Не слаще и положеніе свидѣтелей по дѣламъ, гдѣ слишкомъ развязные представители сторонъ и въ особенности—что печально отмѣтить—защиты позволяютъ себѣ на ихъ счетъ ироническія выходки, насмѣшливыя прозвища, унизительные намеки и ставятъ ихъ въ щекотливое положеніе вопросами, вовсе не относящимися къ дѣлу, но возбуждающими въ публикѣ, пришедшей въ засѣданіе изъ празднаго любопытства, веселое настроеніе и неприличное хихиканіе. Конечно, предсѣдатель не можетъ устранить отъ показаній свидѣтеля, вызваннаго по списку при обвинительномъ актѣ или по постановленію суда, но форма производимаго допроса, но оцѣнка характера вопросовъ зависитъ вполнѣ отъ него, и онъ не исполняетъ своей обязанности, если не пользуется полнотой власти и не пресѣкаетъ подобнаго злоупотребленія правомъ допроса въ самомъ его началѣ, не допуская глумленія надъ свидѣтелемъ и дерзкаго вторженія въ его личную жизнь.

Въ бытность мою предсѣдателемъ петербургскаго окружнаго суда мнѣ пришлось два раза рѣшительнымъ образомъ остановить попытку на подобный допросъ. Пріѣхавшая изъ провинціи дама, потерпѣвшая отъ кражи, въ которой обвинялась служанка гостиницы, объяснила, что вечеромъ, уѣзжая изъ своего номера, оставила въ комодѣ портфель съ крупной

суммой денегъ, а на утро обнаружила его исчезновеніе. „Мы позволимъ себѣ полюбопытствовать, гдѣ вы провели ночь?“, спросилъ защитникъ. „Свидѣтельница,—сказалъ я,—запрещаю вамъ отвѣчать на этотъ вопросъ, а васъ, г. защитникъ, предупреждаю, что при повтореніи подобныхъ вопросовъ, указывающихъ на непониманіе вами правъ и обязанностей вашего званія, я васъ удалю изъ залы засѣданія“! Въ другомъ случаѣ товарищъ прокурора,—въ общемъ весьма талантливый человѣкъ,—обвиняя въ засѣданіи по крупному процессу, предложилъ вопросъ, никоимъ образомъ не вытекавшій изъ существа дѣла, и отвѣтъ на который былъ бы сопряженъ для свидѣтельницы съ унижающимъ ее признаніемъ. Я предложилъ ему не ожидать отвѣта на такой вопросъ, какъ не имѣющій никакого отношенія къ дѣлу, и объявилъ допросъ свидѣтельницы исчерпаннымъ. Но при допросѣ одного изъ послѣдующихъ свидѣтелей представитель обвиненія предложилъ ему вопросъ, отвѣта на который онъ ожидалъ отъ свидѣтельницы. Я долженъ былъ снова устранить этотъ вопросъ и на обиженное заявленіе обвинителя, что судъ преграждаетъ ему путь къ изслѣдованію истины въ дѣлѣ, сказалъ ему: „судъ предоставляетъ вамъ для этого всѣ законные пути, кромѣ избраннаго вами, и при неподчиненіи вашемъ сдѣланному мною уже однажды указанію я буду вынужденъ, къ прискорбію, прервать засѣданіе и просить ваше начальство о командированіи другого лица прокурорскаго надзора въ составъ присутствія по настоящему дѣлу“. Разительный примѣръ непозволительнаго обращенія со свидѣтелями при допросѣ, а также явки въ судъ свидѣтелей, показанія которыхъ, почерпнутыя изъ области безшабашнаго кутежа и прожиганія жизни съ забвеніемъ элементарныхъ нравственныхъ условій общежитія, отодвинули на задній планъ существо дѣло—представляетъ недавнее дѣло въ московскомъ окружномъ судѣ по обвиненію Прасолова въ предумышленномъ убійствѣ жены. Свидѣтелямъ предлагались вопросы, уличавшіе ихъ самихъ въ предосудительномъ поведеніи; одного изъ нихъ, напримѣръ, спрашивали, что помѣшало ему вступить въ связь съ убитой — собственное нежеланіе или ея добродѣтель? — въ рѣчахъ защиты указывалось, что съ такими господами, какъ одинъ изъ свидѣтелей, на дуэли не дерутся, а извѣстнаго артиста-пѣвца называли „кумиромъ безмозглыхъ дѣвицъ“. Все это создало вокругъ дѣла нездоровую атмосферу и въ сущности обратилось не столько въ производство о совершенно ясномъ событіи преступленія, сколько въ безапелляціонный судъ надъ убитой, давшій основательный по-

водъ прокурору сказать: „я не знаю, чѣмъ руководились тѣ свидѣтели, которые приходили сюда съ утомленными, блѣдными лицами и безъ краски стыда бросали здѣсь комьями грязи въ могилу покойной, въ которую отсюда ринулся бурный и грязный потокъ". Сенатъ еще въ 1892 году высказалъ, что „условія современнаго судопроизводства не таковы, чтобы свидѣтели выходили изъ суда нравственно измятыми, такъ какъ судъ долженъ быть святилищемъ осуществленія правды и справедливости, а не позорищемъ, гдѣ могла бы проявляться разнузданность нравовъ". Надо замѣтить, что эта разнузданность можетъ, помимо искаженія отправленія правосудія, вызывать и тяжкую реакцію, чему доказательствомъ служитъ кулачная расправа въ зданіи петербургскаго суда покойнаго писателя Всеволода Крестовскаго съ оскорбившимъ его въ своей рѣчи присяжнымъ повѣреннымъ, человѣкомъ въ общемъ весьма достойнымъ, но забывшимъ въ данномъ случаѣ слова Пушкина: „блаженъ, кто словомъ твердо правитъ и держитъ мысль на привязи свою".

Въ обвинительной формѣ процесса несомнѣнную роль играютъ *судебныя пренія*. Я уже говорилъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ и замѣткахъ судебнаго дѣятеля" о тѣхъ условіяхъ, которыми должны удовлетворять рѣчи обвинителя, гражданскаго истца и защитника. Сенатомъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ было твердо установлено, что поводомъ для отмѣны приговора могутъ служить пренія, въ которыхъ нарушены статьи закона, опредѣляющія необходимыя требованія о содержаніи рѣчей сторонъ. Сенатъ требовалъ, чтобы эти пренія были ведены съ достоинствомъ, спокойствіемъ и правильностью, которыя необходимы для того, чтобы присяжные могли приступить къ разсмотрѣнію дѣла безъ всякаго увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимаго. Не разъ приходилось на этомъ основаніи отмѣнять рѣшенія присяжныхъ. На представителяхъ сторонъ въ судѣ вообще, а на судѣ присяжныхъ въ особенности, лежитъ нравственная обязанность охранять судъ отъ искаженія его исключительной—и достаточно высокой, чтобы быть исключительною—цѣли: служить отправленію уголовнаго правосудія. Исполненіе этой обязанности особенно важно по отношенію къ присяжнымъ засѣдателямъ, для которыхъ судебныя рѣчи не представляютъ, какъ для судей коронныхъ, обычнаго и привычнаго, въ теченіе многихъ лѣтъ, явленія и передъ которыми блестящая и энергическая оболочка сказаннаго можетъ, при неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ и бездѣйствіи предсѣ-

дателя, заслонить нездоровое существо сказаннаго. Это случается, напримѣръ, при извращеніи уголовной перспективы, благодаря которому въ искусственно подогрѣтой рѣчи почти совершенно исчезаетъ обвиняемый и дурное дѣло, имъ совершенное, а на скамьѣ подсудимыхъ оказываются отвлеченные подсудимые, не подлежащіе карѣ закона и называемые обыкновенно „средою", „порядкомъ вещей", „темпераментомъ", „страстью", „увлеченіемъ", а иногда и сами потерпѣвшіе, забывшіе пословицу: „не клади плохо, не вводи вора во грѣхъ". Таково возбужденіе въ присяжныхъ — преимущественно со стороны обвинителей—племенной вражды или религіозной нетерпимости, застилающихъ передъ ихъ глазами истинныя очертанія разбирающагося дѣла. Таковы указанія присяжнымъ на вредъ, могущій послѣдовать отъ оправдательнаго приговора;—умышленная односторонность въ освѣщеніи преступной стороны дѣла съ цѣлью возбудить въ судьяхъ ту нездоровую чувствительность въ отношеніи къ подсудимому, которая не имѣетъ ничего общаго ни съ дѣятельною любовью къ людямъ, ни съ христіанскимъ милосердіемъ;—таковы язвительныя насмѣшки и неумѣстная иронія по адресу противника и, наконецъ, истолкованіе задачи присяжныхъ, а также значенія и цѣли закона въ смыслѣ, противорѣчащемъ общественному порядку и намѣреніямъ законодателя. Все это не можетъ не имѣть вліянія на присяжныхъ и не отражаться въ ихъ рѣшеніи. Не надо забывать, что присяжный засѣдатель, вырванный изъ обыденной обстановки въ торжественную, непривычную обстановку судебнаго засѣданія, не можетъ быть такъ мало впечатлителенъ, какъ „дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый", и что тяжкій млатъ обвиненія въ устахъ представителя государственной власти—прокурора—и пафосъ защитника не могутъ не оставлять слѣда въ его душѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда предсѣдатель не исполняетъ или не умѣетъ исполнить свою обязанность устранять „девіаціи" сторонъ. Нужно помнить, что присяжные засѣдатели представляютъ собой воспріимчивый организмъ. Превратное толкованіе имъ общихъ вопросовъ права или извращеніе передъ ними закона, оставленное безъ авторитетнаго опроверженія, можетъ быть принято ими съ тѣмъ довѣріемъ, которое всегда невольно внушаетъ къ себѣ энергичное слово, и можетъ пустить въ ихъ взглядѣ на дѣло неправильные корни и вредные ростки. Въ моей судебной практикѣ было много случаевъ познакомиться съ нарушеніями подобнаго рода. Приводить ихъ здѣсь не стану. Напомню лишь о громкихъ процессахъ, бывшихъ въ Москвѣ. Въ одномъ изъ

нихъ прокуроръ заявлялъ о „непотребныхъ мысляхъ и противобожескихъ теоріяхъ“ защитника, а защитникъ называлъ рѣчь прокурора тѣмъ, „что ежедневно выметается изъ каждой мало мальски опрятной комнаты“, удивляясь особенностямъ „мыслительнаго его аппарата“;—а въ другомъ, по дѣлу о кражѣ почтовыми чиновниками посъ-пакета на 120 тысячъ рублей, отправленнаго изъ Германіи, защитникъ приглашалъ присяжныхъ подняться на высоту государственныхъ интересовъ и на нѣмецкія ввозныя пошлины съ хлѣба отвѣтить оправданіемъ сознавшихся подсудимыхъ, введенныхъ потерпѣвшими въ соблазнъ вопреки Евангельскому изреченію: „горе міру отъ соблазна, но двойное горе тому, кто внесетъ соблазнъ въ міръ“. Въ другомъ процессѣ—по дѣлу о присвоеніи и растратѣ казначеемъ воспитательнаго дома и его сыномъ 307 тысячъ рублей—защитой проводился взглядъ, что истинная причина этого хищенія, названнаго „грустной драмой“, заключается въ „холодномъ и безцеремонномъ отношеніи начальства къ казеннымъ деньгамъ, благодаря которому въ рукахъ казначея оказалась такая большая сумма“, и испрашивался у присяжныхъ оправдательный приговоръ на томъ безнравственномъ основаніи, что „если похищенные 300.000 рублей причинили ущербъ казнѣ, которая возмѣстила его со всѣхъ гражданъ Россіи, то каждому пришлось внести такъ мало, что изъ-за этого говорить не стоитъ, а тѣмъ болѣе обвинять подсудимыхъ“. Въ четвертомъ же очень недавнемъ процессѣ обвинителю, въ отчетѣ о засѣданіи, приписываются—указаніе на то, что облитіе сѣрной кислотой мужа, хотя и является слишкомъ специфической местью женщины, но местью понятной,—и сожалѣніе о томъ, что мужъ для защиты своей чести не прибѣгнулъ по отношенію къ предполагаемому любовнику жены къ пистолету и клинку. Находя, что вся Москва ждетъ обвинительнаго приговора, „какъ благовѣста“, прокуроръ заявлялъ присяжнымъ, что когда такой приговоръ состоится, то онъ въ темную ночь пойдетъ возвѣстить о немъ на далекую могилу потерпѣвшей, подъ дождемъ и подъ развѣвающимъ его волосы вѣтромъ. Сюда же, для примѣра, можно отнести жалобу обвинителя въ его отвѣтной рѣчи защитнику на то, что послѣдній „топчется грязными сапогами въ его сердцѣ“ или—заявленіе другого, что подсудимая „плачетъ по данному ей росписанію“.

Я говорилъ уже выше о равнодушномъ, а подчасъ и злорадномъ отношеніи къ суду присяжныхъ со стороны лицъ и учрежденій, отъ которыхъ зависѣлъ починъ законодательныхъ

мѣръ къ устраненію препятствій для правильнаго дѣйствія этого суда. Съ грустью приходится сознаться, что часто и со стороны людей, призванныхъ вмѣстѣ съ присяжными служить дѣлу правосудія, проявлялось полное отсутствіе заботы о немъ. Успѣхъ обвинительной рѣчи или оправдательный приговоръ, добытые словесными неправдами, ставились въ этомъ случаѣ единой и желанной цѣлью, хотя-бы ихъ приходилось достигнуть, подвергая судъ присяжныхъ рѣзкимъ нападкамъ и нареканіямъ. Въ этихъ, къ сожалѣнію, нерѣдкихъ случаяхъ, выражаясь словами одного изъ стихотвореній Некрасова, судъ присяжныхъ „любящей рукой не былъ ни охраненъ, ни обезпеченъ". Наоборотъ, можно указать случаи, когда на *оправдательный приговоръ*, находившій отголосокъ и въ сердцахъ коронныхъ судей, участвовавшихъ въ засѣданіи и вполнѣ удовлетворенныхъ имъ, приносился кассаціонный протестъ съ указаніемъ на то, что присяжные не поняли своей обязанности или противозаконно присвоили себѣ право помилованія. По поводу *обвинительнаго приговора*, покарающаго справедливымъ и мудрымъ словомъ осужденія притѣснителя слабыхъ, развратителя невинныхъ, расхитителя чужихъ трудовыхъ сбереженій или увѣреннаго въ своей безнаказанности изверга, въ стѣнахъ кассаціоннаго суда широко оплаченное ораторское слово прозрачно намекало иногда на неразвитость, неспособность и тупоуміе присяжныхъ засѣдателей. Нельзя отрѣшиться отъ тревоги за правосудіе вообще при тѣхъ участившихся за послѣдніе годы случаяхъ, когда личность обвиняемаго съ одной стороны и его дѣйствительные интересы съ другой, а также огражденіе присяжныхъ засѣдателей отъ могущихъ отразиться на достоинствѣ ихъ приговора увлеченій приносятся въ жертву эгоистическому желанію возбудить шумное и не безвыгодное въ разныхъ смыслахъ вниманіе къ *своему* имени, при чемъ дѣлается попытка и человѣка, а иногда и цѣлое учрежденіе обратить въ средство для личныхъ цѣлей, чуждыхъ правосудію.

А. Ѳ. Кони.

Октябрь 1913.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Фердинандъ Кристинъ и княжна Туркестанова.

Эпоха Наполеоновскихъ войнъ въ Европѣ и Александровская въ Россіи до сихъ поръ невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей своей поэзіей, разнообразіемъ культурныхъ и просвѣтительныхъ началъ, вступившихъ между собою въ соприкосновеніе и порою въ жестокую борьбу.

Старый міръ неохотно уступалъ мѣсто новому, цѣпляясь за отжившія свое время традиціи, а между тѣмъ новыя идеи, выдвинутыя французской революціей, просачивались во всю толщу народныхъ организмовъ, захватывая и самые верхи въ лицѣ представителей аристократіи и даже самодержавнаго повелителя Россіи. „Свободныхъ мыслей коноводы“ существовали и во дворцахъ, и въ хижинахъ. По остроумному замѣчанію графа Растопчина, въ Россіи образованные дворяне хотѣли революціи, чтобы стать сапожниками, тогда какъ на Западѣ сапожники захотѣли быть дворянами. Народы требовали реформъ для улучшенія своего быта, для обезпеченія личной и общественной свободы гражданъ, а приверженцы стараго порядка, представители легитимныхъ принциповъ, съ своей стороны, истощали всѣ усилія, чтобы въ новыхъ учрежденіяхъ сохранить старыя традиціи. Но борьба съ Наполеономъ, наслѣдникомъ революціи, привела все-таки къ торжеству новыхъ началъ. Правительства увидѣли необходимость для успѣха борьбы съ нимъ обѣщать своимъ народамъ политическую и гражданскую свободу, и только тогда вызвали національное одушевленіе, вызвавшее гибель завоевателя: по логикѣ исторіи Наполеонъ становился уже не нуженъ: онъ сдѣлалъ свое дѣло, вольно и невольно разрушивъ въ Европѣ

остатки средневѣкового строя. Правда, правительства потомъ испугались своихъ обѣщаній, пробовали не исполнять ихъ или ограничиваться мелочами. „Реформы были имъ даны“, по замѣчанію современнаго поэта: „замѣсто синихъ—красные штаны“. Но уже пробужденная общественная мысль властно предъявляла свои требованія, и сопротивленіе имъ только подало поводъ къ революціоннымъ вспышкамъ и мятежамъ.

По связи своей съ Западной Европой Россія также втянута была въ круговоротъ борьбы старыхъ и новыхъ идей и отражала въ себѣ революцію европейской политической мысли. Больше того, ей суждено было въ это время много разъ произносить свое рѣшающее слово во время перипетій этой борьбы. Но русскій народъ въ своей массѣ, закрѣпощенный и невѣжественный, стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ чуждаго ему движенія. Оно совершалось по преимуществу въ высшихъ классахъ русскаго общества, доступныхъ европейскому вліянію и принявшихъ въ то время въ свою среду массу эмигрантовъ, выходцевъ изъ Западной Европы, принадлежавшихъ къ обоимъ враждующимъ лагерямъ и бѣжавшихъ въ варварскую Россію отъ преслѣдованія торжествующихъ противниковъ. Тѣ и другіе, конечно, пропагандировали свои взгляды въ обществѣ и создавали себѣ сторонниковъ. И если въ первую половину Александровской эпохи въ русскомъ обществѣ морально и политически господствовали и легитимисты, то во вторую ея половину, по низверженіи Наполеона, чрезвычайно усилилось враждебное имъ общественное настроеніе, жаждавшее реформъ, обновленія жизни Россіи. Наполеонъ, раздавленный русской арміей, былъ до нѣкоторой степени отомщенъ: заграничная война 1813—1814 годовъ, познакомивъ офицерскую среду русскихъ войскъ съ жизнью европейскихъ народовъ, возбудила въ ней также либеральныя стремленія, которыя, при господствѣ аракчеевщины въ системѣ управленія, привели къ образованію тайныхъ политическихъ кружковъ и обществъ даже тамъ, гдѣ о политикѣ менѣе всего думали, т. е. среди арміи. Многіе изъ этихъ людей, стремившихся быть, по выраженію Растопчина, „сапожниками“, находили себѣ сочувствіе даже среди знати и придворныхъ круговъ, бывшихъ дотолѣ подъ исключительнымъ вліяніемъ французскихъ эмигрантовъ-легитимистовъ. Само собою разумѣется, что легитимисты всячески стремились сохранить свое руководящее вліяніе въ обществѣ, но самый ходъ событій, даже самый успѣхъ ихъ идей сдѣлалъ эти стремленія безплодными: съ возстановленіемъ Бурбоновъ во Франціи значительная

часть эмигрантовъ возвратилась на родину, а на ихъ мѣсто водворялись въ Россіи многіе изъ плѣнныхъ Наполеоновской арміи, пожелавшихъ остаться въ новомъ своемъ отечествѣ и имѣвшихъ совсѣмъ иное политическое міросозерцаніе, чѣмъ легитимисты. Легитимисты, оставшіеся въ Россіи, хотя и продолжали свою работу, но уже сами чувствовали, что вѣкъ ихъ прошелъ, что наступаютъ другія времена, появились совсѣмъ новые люди, и общественная жизнь предъявляетъ иные, дотолѣ нежданные запросы. По-прежнему, впрочемъ, мѣстомъ ихъ является дворъ и высшее русское общество, въ которомъ они долго чувствовали себя какъ дома, но и въ этихъ сферахъ появились симптомы другихъ вліяній: знать и въ Россіи, даже при дворѣ, стала уступать свое мѣсто и вліяніе третьему элементу, надолго утвердившему свое господство, —бюрократіи.

Къ числу эмигрантовъ-легитимистовъ, прочно и навсегда осѣвшихъ въ Россіи, принадлежалъ и Фердинандъ Кристинъ (Christin), бывшій политическимъ агентомъ на русской службѣ въ царствованіе Екатерины и Александра I. Уроженецъ Ивердюна, въ Швейцаріи, Кристинъ получилъ воспитаніе, какъ думаютъ, въ іезуитскомъ коллегіумѣ и въ 1789 г., когда началась французская революція, уже завязалъ себѣ прочныя связи въ Парижѣ, начавъ службу при министрѣ финансовъ Колоннѣ и войдя въ общество г-жи Сталь, съ которою онъ поддерживалъ потомъ переписку до самой ея смерти. Уже тогда Кристинъ показалъ себя приверженцемъ абсолютной королевской власти, божественность происхожденія которой освящалась религіозными вѣрованіями, вынесенными изъ школы іезуитовъ. Буря французской революціи заставила его, не измѣняя своимъ принципамъ, начать полную приключеній жизнь. По собственному его разсказу, передаваемому Вигелемъ, онъ удалился съ братомъ короля графомъ д'Артуа, въ Англію, откуда нѣсколько разъ совершалъ тайныя поѣздки въ Парижъ для передачи извѣстій отъ него несчастному королю Людовику XVI; при этомъ онъ неоднократно бесѣдовалъ съ королемъ, съ Маріей Антуанетой и маленькимъ дофиномъ. Вслѣдъ затѣмъ, вмѣстѣ съ графомъ д'Артуа, Кристинъ, въ его свитѣ, явился въ Россію ко двору императрицы Екатерины. Извѣстенъ радушный и великолѣпный пріемъ, оказанный Екатериной представительницѣ изгнанной династіи, брату казненнаго короля; извѣстны также милости ея ко всѣмъ французамъ, оставшимся вѣрными законной власти. Петербургское общество, придворное и аристократическое, слѣдуя примѣру своей государыни,

также принимало ихъ съ открытыми объятіями. Кристинъ, кромѣ того, умѣлъ пріобрѣсти благоволеніе актрисы петербургскаго французскаго театра, г-жи Гюсъ, любовницы любимца кн. Платона Зубова, Моркова, заправлявшаго въ то время иностранными сношеніями. Благодаря протекціи Гюсъ, Кристинъ не возвратился въ Англію съ графомъ д'Артуа, а, пользуясь покровительствомъ Моркова, получилъ мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ 1796 г. посланъ былъ секретно въ Швецію, чтобы способствовать успѣху предположеннаго Екатериной брака старшей внучки ея, Александры Павловны, со шведскимъ королемъ Густавомъ IV, въ то время, еще несовершеннолѣтнимъ.

Регентъ Швеціи, дяди Густава, Карлъ, герцогъ Зюдерманландскій, не сочувствовалъ этому проекту Екатерины и готовилъ нелюбимому племяннику своему въ супруги принцессу Мекленбургскую, далеко не красавицу. Кристинъ долженъ былъ помѣшать этому. Онъ началъ въ Стокгольмѣ съ того, что притворился страшнымъ руссофобомъ, получилъ, благодаря этому, доступъ въ его дворецъ и чрезъ своего соотечественника Шевалье де-Сюрмена, бывшаго наставникомъ короля, успѣлъ возбудить въ немъ интересъ къ русской великой княжнѣ и отвращеніе къ мекленбургскому браку. Это настроеніе Густава возбудило подозрѣнія герцога Зюдерманландскаго. Уже Кристину, лишенному всякаго оффиціальнаго положенія, грозилъ арестъ и даже ссылка въ Далекорлійскіе рудники, когда ловкій франтъ успѣлъ заручиться паспортомъ англійскаго посольства и съ нимъ бѣжать въ Россію. Здѣсь онъ засталъ своего покровителя, Моркова, уже графомъ священной Римской имперіи. Если вѣрить разсказу самого Кристина, императрица приняла его милостиво, и Морковъ исхлопоталъ ему пожалованіе въ 400 душъ крестьянъ возлѣ Летичева Подольской губерніи, которымъ владѣлъ самъ Морковъ.

Съ воцареніемъ императора Павла Морковъ потерялъ всякое значеніе и долженъ былъ жить въ Летичевскомъ своемъ имѣніи, и здѣсь раздѣлялъ его уединеніе Кристинъ, также лишившійся всякихъ надежъ на будущее съ опалой своего принципала. Но едва на престолъ вступилъ Императоръ Александръ, какъ Морковъ былъ вызванъ, въ числѣ другихъ дѣльцовъ Екатерины, въ Петербургъ и получилъ чрезвычайно важное по тому времени назначеніе посломъ во Францію ко двору перваго консула. Разумѣется, съ Морковымъ поднялся и Кристинъ, въ Летическомъ уединеніи скрѣпившій свою связь съ

Морковымъ. Уже перваго іюля 1801 года Кристинъ произведенъ былъ прямо въ надворные совѣтники, причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ и откомандированъ въ распоряженіе Моркова, какъ русскаго посла въ Парижѣ. Но само собою разумѣется, что уже одно назначеніе Моркова, завзятаго врага республиканскаго образа правленія и орудія эмигрантовъ, не обѣщало ничего хорошаго въ его миссіи, а посылка вмѣстѣ съ нимъ Кристина, убѣжденнаго роялиста, могла привести только къ недоразумѣніямъ весьма печальнаго свойства.

Наполеонъ Бонапартъ, ставъ первымъ консуломъ, еще при Императорѣ Павлѣ искалъ союза съ Россіей. Павелъ, разочарованный коварствомъ своихъ союзниковъ, въ борьбѣ съ революціонной Франціей, добивавшихся только достиженія своекорыстныхъ цѣлей, со свойственной ему прямотой и стремительностью, принялъ протянутую ему Бонапартомъ руку, цѣня въ первомъ консулѣ человѣка, сумѣвшаго обуздать во Франціи революцію и водворить въ ней порядокъ. Сообразно съ этимъ, къ эмигрантамъ, врагамъ перваго консула, въ Петербургѣ стали относиться холодно, а Людовику XVIII, жившему на русскомъ содержаніи въ Митавѣ, даже предложено было выѣхать изъ Россіи. Иначе держалъ себя Императоръ Александръ. Поддерживая дружескія отношенія къ Франціи и принявъ даже предложенное ему первымъ консуломъ посредничество для устройства германскихъ дѣлъ, Александръ подъ рукою поощрялъ вожделѣнія эмигрантовъ. Но назначеніе Моркова въ самый Парижъ, очевидно, могло только быть разсматриваемо какъ прямой вызовъ первому консулу; при такомъ послѣ дружественныя отношенія между обѣими странами не могли существовать. И дѣйствительно, дѣйствія Моркова на новомъ его посту отличались систематическимъ и полнымъ пренебреженіемъ къ особѣ перваго консула и къ интересамъ укрѣпленія связи между Франціей и Россіей. Онъ не стѣсняясь высказывалъ даже, что личныя свои симпатіи и антипатіи онъ ставитъ выше инструкцій своего правительства. Когда, напр., ему указывали на противорѣчіе между его дѣйствіями и увѣреніями, которыя давалъ французскому посланнику въ Петербургѣ самъ Александръ,— то Морковъ нагло отвѣчалъ: „Я очень хорошо знаю, что говоритъ императоръ, но онъ имѣетъ свою политику, а русскіе— свою“ (Je sais bien ce que dit l'Empereur; mais l'Empereur a sa politique, et les Russes ont la leur). Теперь, зная, насколько

Александръ любилъ вести двойную политику: оффиціальную и секретную, которыя обыкновенно мало сходились одна съ другой,—мы не можемъ упрекать Моркова въ сознательномъ уклоненіи отъ исполненія Высочайшихъ повелѣній, но во всякомъ случаѣ его политика была не въ русскихъ интересахъ: Россія защищала только сардинскаго короля, римскаго папу и нѣмецкихъ владѣтельныхъ князьковъ, возбуждая въ то же время подозрѣнія французскаго правительства въ своемъ сочувствіи и поддержкѣ роялистскимъ заговорамъ и агитаціи въ предѣлахъ самой Франціи. Дерзкій, вызывающій тонъ, который позволялъ себѣ Морковъ въ бесѣдахъ съ самимъ первымъ консуломъ, побудилъ наконецъ французское правительство просить о его отозваніи. Александръ исполнилъ эту просьбу Бонапарта, но при увольненіи Моркова пожаловалъ ему Андреевскую ленту.

Быть можетъ, ободряемый Морковымъ, Кристинъ также велъ свою политику въ Парижѣ. Какъ разъ въ это время роялисты проявляли необычайную дѣятельность въ надеждѣ на возстановленіе законной монархіи; французскіе принцы, жившіе въ Англіи, наводняли эмиссарами Бретань, Вандею и самый Парижъ; уже зрѣлъ заговоръ Жоржа Кадудаля и Пишегрю. При такихъ обстоятельствахъ французская полиція была насторожѣ, и дѣятельность Кристина, заводившаго сношенія съ французскими чиновниками, уроженцами Швейцаріи, обращала на себя ея вниманіе, тѣмъ болѣе, что онъ не занималъ при русскомъ посольствѣ никакого оффиціальнаго положенія. Вѣроятно, что дѣйствія Кристина были настолько двусмысленны, что возбудили даже въ его покровителѣ опасеніе за его безопасность. Уже 1 января 1802 г. Морковъ ходатайствовалъ предъ Императоромъ объ оффиціальномъ зачисленіи Кристина въ составъ русскаго посольства. Но Императоръ Александръ не любилъ людей, которые, даже дѣйствуя со всѣмъ усердіемъ въ цѣляхъ его политики, не умѣли держать себя скромно и компрометтировали его положеніе. Отъ такихъ слугъ онъ отказывался безъ сожалѣнія и не колеблясь ни одной минуты. Поэтому онъ не только не согласился на ходатайство Моркова, но даже приказалъ Кристину немедлено оставить Парижъ, гдѣ онъ могъ только возбуждать подозрѣнія и поставить само русское посольство въ затруднительное положеніе. Александръ писалъ Лагарпу, отнюдь не сочувствовавшему эмигрантамъ и стоявшему въ Швейцаріи во главѣ республиканской партіи: „Что касается до Кристина, то онъ теперь въ Швейцаріи, потому что я приказалъ Моркову убрать его со службы, не желая имѣть никакого дѣла съ интри-

ганами". Недаромъ создатель переписки Кристина замѣтилъ въ своемъ предисловіи: „on éprouve quelque surprise en voyant l'Empereur Alexandre adresser à Christin ce reproche d'être un intrigant, ses intrigues, si tout il est qu'il s'en soit rendu coupable, ayant eu pour but les intérêts de la Russie(?) et ayant, au surplus, été sanctionnés et dirigées par le gouvernement lui-même".

Дѣйствительно, въ началѣ 1802 г. Кристинъ былъ уже на родинѣ своей, въ Иверфонѣ, и дальнѣйшей своей участью блестяще оправдалъ отношеніе къ себѣ Императора Александра. Въ Швейцаріи онъ поддерживалъ сношенія съ врагами перваго консула, группировавшимися вокругъ m-me Сталь. Въ концѣ концовъ онъ былъ арестованъ и доставленъ въ Парижъ и въ августѣ 1803 года послѣ краткаго допроса былъ посаженъ въ Тампль. Какъ только узнали объ этомъ въ Петербургѣ, тотчасъ же предписали русскому посольству въ Парижѣ: „слѣдить за этимъ дѣломъ, но никакъ въ него не вмѣшиваться". Но Морковъ, еще до полученія этой депеши, письменно потребовалъ отъ Талейрана освобожденія Кристина, „conseiller de cour et pensionnaire de l'Empereur de Russie". Но вмѣшательство Моркова только ухудшило положеніе его любимца. Его помѣстили въ тюремную башню, гдѣ и содержали какъ самаго опаснаго преступника. Еще хуже почувствовалъ онъ себя въ тюрьмѣ St.-Pelagie, откуда его, уже больного, перевели опять въ Тампль. Разрывъ Франціи съ Россіей, происшедшій около этого времени, сдѣлалъ положеніе „conseiller de cour" беззащитнымъ, а катастрофы, постигшія Кадудаля, Пишегрю, Моро и герцога Энгіенскаго, заставляли его трепетать за свою жизнь. Лишь благодаря предстательству папы Пія VII, по ходатайству Вернега, Кристинъ, чуть живой, былъ наконецъ въ началѣ 1805 г. выпущенъ изъ тюрьмы съ обязательствомъ въ 15 дней покинуть французскую территорію. Онъ немедленно выѣхалъ въ Россію, въ Летичевъ, и уже не покидалъ Россіи въ теченіе всей своей жизни.

Быть можетъ, въ надеждѣ, что Императоръ Александръ, готовившій въ то время коалицію противъ Наполеона, ставшаго императоромъ французовъ, вознаградитъ его за депеши, перенесенныя имъ отъ корсиканца, Кристинъ уже въ маѣ 1805 года отправился въ Петербургъ. Но Императоръ Александръ не измѣнилъ къ нему своихъ отношеній, и Петербургъ принялъ Кристина — холодно. Принять Кристина вновь на службу значило сознаться предъ Наполеономъ и всей Европой, что Кристинъ былъ дѣйствительно агентомъ русскаго правительства и

возложить на себя отвѣтственность за его дѣйствія. Пять мѣсяцевъ несчастливый французъ прожилъ въ Петербургѣ, тщетно добиваясь своей реабилизаціи, и, наконецъ, отправился назадъ въ Летичевское свое уединеніе чрезъ Полоцкъ, гдѣ нашелъ онъ утѣшеніе въ обществѣ іезуитовъ и гдѣ узналъ онъ объ Аустерлицкомъ погромѣ.

Послѣдніе годы своей жизни Кристинъ провелъ въ Москвѣ въ домѣ графа Моркова до самой кончины своего друга († 1827 г.). Графиня Брогліо, урожденная Левашева, извѣстная красавица того времени, плѣнилась живымъ, общительнымъ эмигрантомъ и наградила его своей привязанностью, которой онъ остался вѣренъ до самой своей смерти († 1837 г.). Но Кристинъ уже не дѣлалъ никакихъ попытокъ возвратиться къ дѣятельной жизни. Все свое время посвящалъ онъ перепискѣ съ многочисленными друзьями въ Россіи и за границей, которые не забывали его даже въ постигшей его опалѣ. Переписка эта, затрогивавшая политическую жизнь Европы и Россіи того времени, имѣла несомнѣнно интересъ и значеніе; одни письма къ нему г-жи Сталь, по замѣчанію Вигеля, имѣвшаго случай ознакомиться съ ними, могли бы служить для историка важнымъ матеріаломъ. Кромѣ того, Кристинъ составлялъ записки о своей бурной жизни. Но всѣ свои бумаги онъ завѣщалъ г-жѣ Брогліо, которая по своему невѣжеству не придавала имъ значенія и предала всесожженію цѣликомъ. Отъ огромной переписки Кристина осталась только переписка его съ княжной Варварой Ильиничной Туркестановой, которую Кристинъ имѣлъ терпѣніе незадолго до своей смерти переписать собственноручно, чтобы поднести копію съ нея графинѣ С. А. Бобринской, связанной съ Туркестановой узами дружбы.

Переписка Кристина съ Туркестановой до сихъ поръ не обращала на себя вниманія изслѣдователей Александровской эпохи. Изданная въ 1882—1883 г.г. въ видѣ приложенія къ „Р. Архиву“, она какъ-то затерялась на книжномъ рынкѣ, а между тѣмъ она представляетъ собою не мало чертъ, характеризующихъ жизнь высшаго русскаго общества того времени и личность Императора Александра. Княжна Варвара Ильинична Туркестанова (р. 1775 г., † 1819) послѣднія 15 лѣтъ своей жизни провела при дворѣ фрейлиной императрицы Маріи Ѳеодоровны, имѣла случай видѣть и знать многое. Ея недюжинный умъ и высокое по тому времени образованіе замѣтно выдѣляли ее изъ круга придворныхъ свѣтскихъ дѣлъ, и княжна, не имѣвшая ни знатнаго родства, ни состоянія, умѣла пріобрѣсти себѣ ува-

женіе и довѣріе даже такихъ строгихъ къ чужому достоинству людей, какъ императрица Марія Ѳеодоровна и знаменитая въ то время графиня Шарлотта Карловна Ливенъ. Самъ Императоръ Александръ, любившій общество умныхъ женщинъ, послѣ возвращенія своего изъ-за границы въ 1815 году, оцѣнилъ высокія достоинства немолодой уже фрейлины и часто навѣщалъ ее во фрейлинскихъ комнатахъ Зимняго дворца, цѣлыми часами наслаждаясь ея бесѣдой. Избалованный близкимъ знакомствомъ съ выдающимися людьми Россіи и Европы начала XIX в., Александръ Павловичъ былъ хорошимъ знатокомъ людей, и оттого вниманіе, оказанное имъ Туркестановой, свидѣтельствуетъ о недюжинныхъ качествахъ ума и сердца. Придворные, конечно, скоро замѣтили склонность къ ней своего властелина и уже думали учесть ея вліяніе на него, когда княжна внезапно скончалась въ 1819 г., ничѣмъ, повидимому, не успѣвъ проявить его.

Кристинъ познакомился съ Туркестановой въ 1813 году на развалинахъ Москвы и сблизился съ нею настолько, что Туркестанова завела съ нимъ послѣ отъѣзда своего въ Петербургъ длинную и искреннюю переписку, въ которой сообщала ему всѣ новости двора и русской знати. Успѣхи княжны радовали стараго эмигранта, и онъ задумалъ послужить ей своею опытностію, чтобы помочь ей въ начавшемся ея сближеніи съ Императоромъ Александромъ и даже сдѣлать ее орудіемъ для проведенія своихъ политическихъ взглядовъ. Но здѣсь его видимо постигла неудача. Княжну ему не разъ приходилось упрекать за ея либеральныя воззрѣнія, слишкомъ расходившіяся съ его собственнымъ міросозерцаніемъ, образовавшимися въ дореволюціонную эпоху. Живя въ Москвѣ, среди русскихъ баръ, старыхъ сановниковъ „временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма“, проникаясь нечувствительно преданіями и взглядами старой, крѣпостной Россіи, Кристинъ, конечно, не могъ понять, что его „principes solutaires“ являлись отзвуками давно ушедшаго въ могилу порядка вещей и, примѣняемые къ жизни, могли только служить къ гибели своихъ послѣдователей. Въ этомъ отношеніи княжна Туркестанова была значительно выше своего корреспондента, такъ какъ постояннымъ чтеніемъ обогащала свой умъ всесторонними свѣдѣніями, хорошо знакома была съ потребностями общественной и политической жизни современной ей Европы и Россіи и считала, что реформы для Россіи являются настоятельно-необходимыми. Кристинъ долженъ былъ во многихъ случаяхъ представляться ей какъ „антикъ въ пыли ходячій“, и она видимо уклоняется въ свой перепискѣ съ нимъ

отъ теоретическихъ словопреній и даже посмѣивалась надъ его взглядами, сообщая ему, напр., о вновь вышедшемъ сочиненіи аббата Прадта „Congrès d'Aix-la-Chapelle", она писала: „Il y a cependant beaucoup des choses qui n'auront pas votre sanction; un passage entre autres que j'ai retenu parfaitement. „Les quatres elements dont se compose la civilisation moderne, sont: la pressé, le grande commerce maritime, la communication des peuples entre eux, et ce qui sera plus puissant que tous ces mobiles, la formation de gouvernements représantifs". C'est de la contrabande pour vous. Hem!" При такомъ коренномъ различіи убѣжденій мечты Кристина вліять на образъ мыслей княжны, а чрезъ нее и на образъ мыслей самого императора, конечно, были несбыточными. „Je combattais, писалъ онъ графинѣ С. А. Бобринской послѣ кончины княжны, *son goût* pour une jeunesse indiscrète, pour les principes libéraux et tant sait peu révolutionnaires que cette jeunesse lui inculquaient, je cherchais à redresser son jugement sur certains points fondamentaux dons les quels elle errait; et je m'efforçais à lur respirer l'esprit d'état que j'aurai voulu lui voir occuper à la cour, celui d'une amie du Souverain sans aucune mélange de galanterié". Едва-ли можно сомнѣваться, что изъ княжны Туркестановой не вышло бы второй m-me де-Ментенонъ, образъ которой очевидно проносился предъ глазами Кристина, когда онъ писалъ эти строки.

Въ чемъ безусловно сходился Кристинъ съ княжной, то это во взглядахъ на необходимость низверженія Наполеона, но уже обстоятельства, при которыхъ совершилось возстановленіе Бурбоновъ, обнаружили ихъ разномысліе: жизнь Кристина наложила на его отношенія къ событіямъ мрачный отпечатокъ непримиримости. Недаромъ писала ему княжна: „Никогда не говорите о вашемъ прошломъ, забудьте, если возможно, всѣ огорченія, несправедливости и обиды, которыя причинили вамъ люди. Живите настоящимъ съ тѣми, кого вы любите, и такимъ образомъ мы придемъ ко времени, указанному намъ Провидѣніемъ". Но Кристинъ, въ то же время, настолько обрусѣлъ, что его оскорбляла подчиненная роль Россіи въ войнѣ за освобожденіе Европы, забвеніе при заключеніи всеобщаго мира собственно русскихъ интересовъ. „Странно, писалъ онъ, что въ Парижскомъ трактатѣ Россія упоминается какъ какой-либо Мекленбургъ или другое ничтожное княжество, что ни ея имя, ни имя ея государя вовсе въ немъ не обозначено и что она подразумѣвается просто въ числѣ союзниковъ Вѣнскаго двора. Я предпочелъ бы, чтобы трактатъ этотъ заключенъ былъ между

королемъ французскимъ и русскимъ императоромъ съ его союзниками, а не христіаннѣйшимъ австрійскимъ императоромъ съ его союзниками, какъ значится въ трактатѣ, потому что въ дѣйствительности Россія играла первую роль въ этомъ дѣлѣ и должна стоять на первомъ планѣ"...

Низверженіе Наполеона, по мнѣнію княжны, не произвело улучшенія въ положеніи европейскихъ дѣлъ, и въ будущемъ, зная хорошо людей и обстоятельства, не видѣла ничего хорошаго для Россіи. „Я не вѣрю вашему равнодушному отношенію къ событіямъ, происшедшимъ въ теченіе этого года", писалъ Кристинъ, бывшій въ восторгѣ отъ реставраціи Бурбоновъ: „это невозможно, даже преступно, осмѣлюсь сказать, если бы допускалъ, что равнодушіе это дѣйствительно существуетъ. Какъ, вы не чувствуете облегченія отъ страшной тяжести вслѣдъ за исчезновеніемъ Бонапарта? Это колоссальное могущество, которое оказывало давленіе на весь міръ и грозило намъ гибелью,—развѣ оно не казалось вамъ невыносимымъ? Припомните, что уже два года чувствовалъ каждый русскій, не забывайте, какой страхъ наводилъ на всѣ души мрачный, покрытый тучами горизонтъ, прежде чѣмъ развѣяли ихъ Провидѣніе и доблесть русскихъ армій? Боже, какая разница въ положеніи, и какъ я счастливъ каждую минуту это чувствовать"! Но дѣйствія Бурбоновъ возбуждали въ немъ презрѣніе, и онъ начиналъ во многомъ соглашаться съ княжною. „Тотъ, кто сказалъ, что Людовикъ XVIII за 25 лѣтъ ничему не научился и ничего не забылъ,—писалъ Кристинъ,—обрисовалъ его двумя словами. Онъ нашелся вынужденнымъ избрать себѣ министровъ изъ революціонеровъ и убійцъ Людовика XVI, министры Бонапарта стали его министрами, дѣятели разрушенія сдѣлались творцами будущаго, и король надѣялся внушить къ себѣ нѣкоторое довѣріе въ настоящемъ и нѣкоторую надежду въ будущемъ! Онъ ошибается, онъ идетъ по дорогѣ, которая приведетъ его къ конечной гибели... Христіаннѣйшій король не можетъ и не долженъ вступать въ сдѣлки (tergiverser) со злодѣями, подобными Талейрану, Фуше и др. Какая пестрота въ этомъ министерствѣ! Фуше и герцогъ де Ришелье"! Но насколько понималъ самъ Кристинъ современное политическое положеніе Европы, видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Я убѣжденъ, что если бы Людовикъ XVIII былъ вполнѣ роялистомъ, твердымъ въ своихъ принципахъ, а не дрожащимъ конституціоналистомъ, преданнымъ либеральнымъ идеямъ, которыя погубили Европу и питаютъ сердце короля въ теченіе 30

лѣтъ, онъ могъ бы возстановить порядокъ во Франціи, но чего можно ожидать отъ человѣка, который, достигнувъ трона, признаетъ и исполняетъ законы самыхъ ужасныхъ временъ революціи".

Разочаровавшись въ Бурбонахъ, Кристинъ началъ думать о будущности Россіи и орудіемъ своихъ плановъ желалъ сдѣлать Туркестанову. „Рискую навлечь на себя вашъ гнѣвъ, писалъ онъ ей, скажу вамъ, что нахожу въ васъ необычайное сходство съ m-me Ментенонъ. Она безспорно имѣла тѣ же свойства, которыя отличаютъ и васъ, и они составили ея счастіе. При тѣхъ же обстоятельствахъ вы могли бы занять ея мѣсто. Будучи женою Скаррона, вы свои заботы посвятили мужу-паралитику, а вашъ домъ сдѣлался бы центромъ, куда стремились вы всѣ, имѣющіе умъ и вкусъ. Вы блистали бы при воспитаніи принцевъ, потому вы обладаете даромъ воспитанія въ высочайшей степени. Находясь при супругѣ дофина, вы привлекли бы всѣ взгляды и сдѣлались бы внѣ страсти въ королевской семьѣ; вы очаровали бы короля и, достигнувъ величія, вы ни въ комъ не возбуждали бы зависти, потому что всѣмъ одолжены были бы только своимъ добродѣтелямъ и вашимъ чарамъ... Обстоятельства не поведутъ васъ такъ далеко, но вашъ образъ жизни, ваше поведеніе, обезпечатъ вамъ въ концѣ концовъ извѣстное и почетное положеніе. Нельзя оставаться всю жизнь фрейлиной; можно жить при дворѣ и наслаждаться его удовольствіями при другихъ условіяхъ, менѣе стѣснительныхъ и подъ другимъ титломъ. Вотъ чего желаю вамъ я отъ всей души, и я считаю, что вѣроятность исполненія моего желанія заключается во всеобщемъ расположеніи, которое нечувствительно вы пріобрѣли въ вашемъ чудномъ поведеніи, въ вашемъ чувствѣ мѣры, которыя есть верхъ мудрости".

Когда Кристинъ писалъ эти строки, Туркестановой исполнилось 40 лѣтъ.

Е. С. Шумигорскій.

Старообрядцы и Наполеонъ.

I.

Очень популярно мнѣніе, что старообрядцы Преображенскаго кладбища въ 1812 году измѣнили Россіи и предались на сторону Наполеона. Многіе по невѣжеству своему смѣшиваютъ Преображенское кладбище съ другимъ кладбищемъ — Рогожскимъ и измѣну приписываютъ этому послѣднему. Такъ, во время бородинскихъ торжествъ въ Москвѣ была выпущена какимъ-то предпринимателемъ грубая, безграмотная открытка, на которой изображенъ Наполеонъ съ маршалами, принимающій изъ рукъ трехъ колѣнопреклоненныхъ старообрядцевъ хлѣбъ-соль. Вдали въ воротахъ стоитъ толпа съ хоругвями, впереди которой почему-то монахъ въ клобукѣ. Подпись такая:

„Депутація старообрядцевъ Рогожскаго кладбища къ Наполеону. Старообрядцы Рогожскаго кладбища съ почетомъ встрѣтили Наполеона, поднесли ему хлѣбъ-соль и выпросили у него разныя льготы“.

Рогожане обратили на эту поддѣлку вниманіе московской администраціи. Градоначальникъ заставилъ предпринимателя измѣнить подпись. Тотъ вмѣсто „Рогожскаго“ написалъ „Преображенскаго“.

Разсказъ объ измѣнѣ старообрядцевъ Ѳеодосѣевскаго согласія передается въ такой формѣ. У меня въ рукахъ брошюра неизвѣстнаго автора, выпущенная въ Москвѣ въ 1901 году подъ заглавіемъ: „Преображенское кладбище и его прошлое“. Здѣсь собраны въ одно цѣлое всѣ варіаціи на тему объ измѣ-

нѣ. Брошюра написана въ яркомъ полемическомъ духѣ. Она разсказываетъ событіе въ слѣдующемъ видѣ.

Передъ самымъ вступленіемъ въ Москву французскихъ войскъ на совѣщаніи „старшинъ“ (?) Преображенскаго кладбища было рѣшено: оставить въ богадѣленномъ домѣ попечителемъ Алексѣя Никифорова съ нѣкоторыми изъ прихожанъ и уполномочить его отдаться подъ покровительство Наполеона. Весь наличный капиталъ, всѣ драгоцѣнности и молодыя женщины и дѣвушки числомъ до 250 лицъ были отправлены старообрядцами въ село Ивановское, Владимірской губерніи. Съ ними выѣхали изъ Москвы настоятели Гончаровъ, купецъ Грачевъ и наставникъ Сергѣй Яковлевъ.

Когда Наполеонъ занялъ Кремль, ѳедосѣевцы, отыскавъ въ матросской богадѣльнѣ воспитанника, умѣвшаго объясняться на французскомъ языкѣ, уговорили его принять на себя роль ихъ посланника къ императору французскому. 2 сентября, въ самый день вступленія „двадесяти языковъ“ по Москвѣ отъ Преображенскаго кладбища двигалась процессія: два ѳедосѣевца вели за веревку огромнаго быка съ „раззолоченными“ (?) рогами; впереди шелъ посланный кладбища съ блюдомъ, наполненнымъ червонцами („ефимками“). Это посольство предстало передъ комендантомъ (губернаторомъ?) Дюронелемъ и черезъ воспитанника матросской богадѣльни объяснило, что „общество древнихъ христіанъ, угнетаемое русскимъ правительствомъ, но имѣющее по всей Россіи своихъ единовѣрцевъ, покорясь Наполеону, какъ избавителю ихъ, проситъ его величество повелѣть оградить ихъ монастырь отъ военныхъ насилій и, уповая на милосердіе, признаетъ его своимъ государемъ“. Дюронель распорядился послать на Преображенское кладбище охрану изъ жандармовъ, которые заняли входы кладбища и начали „знакомиться съ безбрачницами“... Ежедневно ѳедосѣевцы „распѣвали каноны за французовъ-хранителей и избавителей раскольничьей вѣры въ Россіи“. Числа 14 сентября Наполеонъ вспомнилъ о Преображенскомъ кладбищѣ и поѣхалъ туда въ сопровожденіи неаполитанскаго короля и свиты. Въ одномъ переулкѣ, близъ Охотнаго ряда, гдѣ былъ домъ извѣстнаго, уважаемаго безпоповцами Ильи Ковылина, ѳедосѣевцы вышли навстрѣчу Наполеону и „съ умиленіемъ стали въ грязь на колѣни, простирая къ Наполеону вѣрноподданническія руки“. На кладбищѣ императора французовъ встрѣтилъ съ хлѣбомъ-солью Алексѣй Никифоровъ. Спустя нѣсколько дней въ занимаемую унтеръ-офицеромъ жандармовъ контору кладбища привезены

были станки для печатанія фальшивыхъ русскихъ ассигнацій. Когда къ стѣнамъ кладбища подходили мародерствующія французскія войска, жандармы не пускали ихъ и указывали на охранные наполеоновскіе листы. Тѣ уходили. Когда Наполеонъ убѣгалъ изъ Москвы, за его разбитой арміей ѣхала стая распутныхъ женщинъ и нѣсколько ѳедосѣевокъ — безбрачницъ, сбѣжавшихъ съ кладбища.

Этотъ разсказъ варьировался въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, впадая подчасъ въ противорѣчія и допуская неясности. Такъ, нѣкоторые источники соединяютъ измѣну 1812 г. съ именами тѣхъ старообрядческихъ наставниковъ, которые, какъ говоритъ даже сама цитированная нами брошюра, не были въ это время въ Москвѣ. Въ самой брошюрѣ зіяетъ огромная брешь: сообщается о развратѣ французскихъ жандармовъ, охранявшихъ кладбище, съ старообрядками, а между тѣмъ сообщается, что всѣ молодыя женщины и дѣвушки были вывезены изъ Москвы въ село Ивановское. Но дѣло теперь не въ подробностяхъ и не въ противорѣчіяхъ, которыя, конечно, могли бы найти себѣ оправданіе. Сейчасъ, черезъ 100 лѣтъ, выясняется, что вообще никакой измѣны старообрядцы не совершали. Присутствіе караула изъ французскихъ солдатъ, дѣйствительно стоявшаго на кладбищѣ, объясняется самымъ естественнымъ образомъ.

II.

Старообрядецъ ѳедосѣевскаго согласія Г. Е. Смирновъ передалъ въ наше распоряженіе написанную полу-уставомъ пожелтѣвшую отъ времени рукопись письма отъ 23 ноября 1814 года нѣкоего Ивана Маркова, жившаго въ то время на Преображенскомъ кладбищѣ. Къ этому Маркову отъ провинціальнаго старообрядца Степана Ѳедоровича поступилъ запросъ, какимъ чудомъ уцѣлѣлъ преображенскій богадѣленный домъ отъ французскаго нашествія. Марковъ приводитъ въ отвѣтъ на запросъ разсказъ, продиктованный ему „отцомъ Тимоѳеемъ Емельянычемъ“, который „сіе плачевное время пребывалъ во обители неотступно“. Вотъ это письмо въ подлинномъ видѣ.

Милостивый государь мой, батюшко
Стефанъ Федоровичъ!

„При всякомъ благополучіи желаю вамъ душевнаго спасенія и тѣлеснаго благопребыванія на многія лѣта и о Христѣ радоватися.

Почтеннѣйшее ваше рукописаніе къ нашей худости получено во всякомъ благополучіи и содержаніе онаго разсмотрѣно съ потщаніемъ елика смыслу нашего достизаетъ, въ которомъ находится прошеніе ваше о несчастномъ случаѣ, послѣдовавшемъ отъ французскаго бонопарта въ царствующемъ градѣ Москвѣ преображенскому богадѣленному дому и въ ономъ о Христѣ живущимъ братіямъ и сіе азъ недостойный надолзѣ разсуждахъ своимъ скудоуміемъ, яко грубъ и невѣжда есть, какъ могу коснутися сего великаго страха и трепета, о которомъ хотя кто и коротко извѣстенъ, но сказываютъ умеренно (а кто ничего не знаетъ, тотъ болтаетъ слишкомъ) и находясь въ такомъ безпокойствіи принужденъ бысть прибѣгнуть къ вѣрной оказіи къ Отцу Тимоѳею Емельяновичу, которой любопытный сей и вѣрный мужъ и сіе плачевное время пребывалъ въ обители не отступно и похвалы достойный, что не преминулъ о бо ноемъ происхожденіи и письменно изъяснить и на словахъ разсказываетъ безвсякаго пристрастія и несожженною совестью въ такомъ случаѣ по просьбѣ нашей и не преминулъ удовольствовать мѣня своимъ повѣствованіемъ, елико словеснымъ, кольми паче своимъ собственнымъ рукописаніемъ, съ котораго при семъ письмѣ и прилагается вѣрная копія безъ всякаго изъятія слово въ слово“.

Исторія объ шествіи Наполеона въ царствующій градъ Москву и како въ сіе время сохранилась христіанская обитель Преображенія — богадѣльный домъ.

Въ лѣто отъ миросозданія 7320-го мѣсяца сентября 2-го дня, Божіимъ попущеніемъ предалъ Господь грѣхъ ради нашихъ царствующій градъ Москву въ руки злочестивому врагу французскому Наполеону Бонапарте. И по вшествіи своемъ въ Москву въ 5 число, то-есть въ четвертокъ въ 10 часу по утру, приходили три француза, и усиливались крѣпко въ передніи ворота на дворъ, но однако милостію Божіею и Пресвятыя Его Матери и святыхъ отецъ молитвами въ то время сохранены были даже и до третьяго часа пополудни тогожъ дня. И потомъ пріѣхалъ къ намъ французскій адъютантъ со двумя своимъ солдатомъ къ симже вратамъ. И у воротъ постоялъ. На дворъ посмотрѣлъ, а ничего не спросилъ, и тако поѣхалъ отъ насъ въ Матросскую богадѣльню, а тамо взялъ съ собою семь

человѣкъ французскихъ солдатъ, и переводчика, нашего русскаго, знающаго французскій языкъ. И они были всѣ вооруженныя конныя, и пріѣхали къ самымъ воротамъ, и стали чрезъ переводчика насъ спрашивать: что тутъ живутъ за люди? Тогда мы собравшись все престарѣлыя, слѣпыя и хромыя и убогія, и вся больничная братія,—возмутились и вострепетали въ отчаяніи своея жизни, не знали, что намъ будетъ, какое отъ Бога милосердіе, или за наши грѣхи наказаніе, и стали имъ отвѣчать черезъ того переводчика, что здѣсь жительство московскаго общества купецкая богадѣльня для престарѣлыхъ и больныхъ и убогихъ мужеской дворъ, а другой также для престарѣлыхъ старухъ женской дворъ. Маеръ выслушавъ отъ насъ такой отвѣтъ чрезъ переводчика, и сказалъ: „я желаю здѣсь имѣть квартеру, и при себѣ имѣть караульныхъ, кои будутъ сохранять сіе мѣсто отъ нашихъ праздношатающихся французовъ. Только есть ли у васъ сѣно, овесъ, вино и пиво, или водка, говядина, куры, яйца, коровье масло, творогъ и прочіе съѣстные припасы?“. На сіе мы отвѣчали, что квартера для васъ будетъ опорожнена и справлена, а вина, пива и водки у насъ не имѣется, а съѣстныхъ припасовъ, что есть у насъ, то и сказали всю правду, а чего нѣтъ, того и не сказывали.

А о вѣрѣ и исповѣданіи и согласіи никакого ни спросу, ни истязанія не было. И потомъ отворили наши ворота, и въѣхали на дворъ всѣ и спросили, что гдѣ у васъ конюшня? И поставили своихъ коней и сами стали по двору расхаживать, и потомъ спросилъ: много ли у васъ коровъ? Мы сказали тридцать. И говоритъ: мнѣ потребно пять коровъ, которые бы молока не доятъ. Еще дайте масла и творогу и куръ, яицъ, муки и прочихъ съѣстныхъ припасовъ. И тако все оное ему исполнено безотговорочно. Получа онъ сіе, отъ насъ въ то время и отъѣхалъ, а караульныхъ при нашемъ мѣстѣ оставилъ. И стояли у насъ честно и обидъ никому ничего не творили. Пили и ѣли все наше братское, что когда случится. Большихъ припасовъ не спрашивали и каждой день смѣнялись: то тѣ, то другіе.

И тако сохранилась наша обитель до десятаго дня сохранно, и никакихъ наѣздовъ и страховъ не было. И потомъ восмомъ часу поутра пріѣхали французовъ вооруженныхъ конныхъ человѣкъ до пятидесятъ или болѣе. И стали усильствомъ и разбоемъ коровій дворъ разбивать. И всякими мѣрами въ него влѣсть, что одному и удалось чрезъ ворота перелѣсть. И ворота отперъ и отворилъ и всѣхъ оныхъ на дворъ впустилъ.

Что увидя стоящія у насъ караульныя солдаты и переводчикъ, и нашъ хозяинъ Алексѣй Никифоровичъ. Подошедъ къ нимъ стали отъ разоренія защищать, отъ чего и сдѣлалась между оными французами и нашими караульными и переводчикомъ не малая штурма и споръ, даже до обнаженія саблей.

Мы же вышедши за ворота стоимъ и глядимъ на нихъ. А что дѣлать не знаемъ, токмо воздѣвши руцѣ со умиленіемъ и со слезами призываемъ въ помощь всемогущаго Бога Господа нашего Іисуса Христа и Пречистую Его Матерь, Владычицу нашу Богородицу и Присно Дѣву Марію, крѣпкую помощницу и заступницу и всѣхъ Святыхъ. И тако неизреченною милостію Божіею и щедротами, караульныя наши и переводчикъ, по многомъ разглагольствіи, свирѣпство ихъ преодолѣли и отъ расхищенія и разбою защитили. И они отъѣхали всѣ прочь безо всякаго намъ огорченія. Сіе видѣвши наши караульныя тотже часъ послали съ рапортомъ о случившемся нападеніи къ своему коменданту. О чемъ вскорѣ на другой же день отъ него и присланъ оной предиреченный маеръ. И привезъ съ собою указъ, писанной на французскомъ языкѣ, которой и прибитъ былъ на воротахъ коровьяго двора. Къ тому уже смотря на оной, не смѣлъ никто прикоснуться. И потомъ остался у насъ вобители самъ стоять на квартерѣ, и занималъ покой въ конторѣ, пять дней никуда не выѣзжалъ. Проживалъ весьма спокойно, никакихъ обидъ намъ не чинилъ. И продолжалось все оное время покровительствомъ Божіимъ до седьмого на десять числа. И по семъ собравшись отъ насъ нощію въ 12-мъ часу съѣхалъ. На отъѣздѣ намъ сказалъ послѣднее слово: „Прощайте, мнѣ съ вами вѣкъ не видаться“. И все оное было говорено чрезъ переводчика, и отъ него намъ дано знать. И потомъ спустя послѣ его отъѣзда два дня, пріѣхали къ намъ французскіе начальники, комендантъ и губернаторъ и протчіе ихъ чиновники съ командою солдатъ осматривать наше жительство и все наше состоящееся въ немъ имѣніе. И взъѣхали прямо на дворъ и стали по двору ходить и смотрѣть, а намъ ничего неизвѣстно, какое ихъ намѣреніе, и что съ нами хотятъ дѣлать. Только на нихъ смотримъ съ великимъ страхомъ и трепетомъ.

Во-первыхъ, взошли въ келію отца Сергѣя Яковлевича, потомъ къ Тимоѳею Емельновичу. И вездѣ смотрятъ и оглядываютъ, какъ въ кельяхъ, такъ и подъ кельями, а чего ищутъ, намъ неизвѣстно. И потомъ пошли смотрѣть въ амбаръ, гдѣ у насъ мука лежитъ, и въ кладовую и въ свѣчную восковую

избу и въ хлѣбную. И все оное осмотрѣли и съ великимъ потщаніемъ и прилежаніемъ. А мы собравшись, издали только ходимъ за ними и смотримъ, что будетъ. Потомъ взошли въ больницу, и въ то время случилось у насъ стоять надъ умершимъ погребеніе, и на могилы понесли съ пѣніемъ Святый Боже. И они все оное видѣли, а намъ никакого слова не сказали. И съ мужескаго двора прямо пошли на женскій дворъ. И тамо вездѣ осмотрѣли. Вошедши въ одну кладовую и увидѣли, что въ ней стоятъ убогихъ старухъ сундучки и коробки, сумки и разныя узелки. И вышедъ вонъ стали между собою говорить, что это не добрѣ. И по семъ пошли въ моленную на вороты. И тогда случилось въ самую вечерню, и смотрѣли они на святыя иконы, и чинъ церковный съ великимъ прилежаніемъ, и главами своими зыбали. И тако возвратились назадъ и между собою разговаривали на своемъ языкѣ, что это добрѣ. Это шпиталь. Намъ же только оное и разумное, а прочее, что разговариваютъ, неизвѣстно. Только сказали переводчику: мы сюда пріѣхали за тѣмъ, что русскіе обыватели доказываютъ, что здѣсь хранится множество имѣнія московскихъ купцовъ и здѣшняго хозяина напитковъ и протчаго на многіе милліоны. А это, что нами у нихъ осмотрѣно, то имъ и самимъ ѣсть будетъ мало, и не на долгое время. А отъ нашего императора приказу нѣтъ раззорять больницы и всѣ убогія мѣста. И съ тѣмъ поѣхали отъ насъ, а караульныя остались у насъ. И приказали имъ накрѣпко соблюдать наше мѣсто отъ всякихъ праздношатающихся солдатъ и никого не пущать. И тако они по приказу своихъ начальниковъ и сохраняли насъ съ великимъ прилежаніемъ. А стояли не все одни, но перемѣнялись на каждый день,—то тѣ, то другіе.

И продолжалось это время октября по 10-е число и потомъ вдругъ сдѣлалось въ Москвѣ страшное землетрясеніе отъ порохового взорванія. И отъ несчастнаго сего приключенія и ужаснаго удару разрушилась Ивановская колокольня, Алексѣевская башня, чахаусъ, Никольскія ворота и городская стѣна въ двухъ мѣстахъ, на что и смотрѣть было страшно. Такожде и по близости того мѣста многіе палаты претерпѣли поврежденіе, а въ рѣдкомъ окнѣ остались цѣлыя рамы и стекла. И это было нощію, часу во второмъ за полночь. И мы въ то время стояли полунощницу, и у насъ отъ того трясенія многія иконы съ мѣстъ попадали, и вдругъ сдѣлался изъ пушки ужасный выстрѣлъ. И бысть въ Москвѣ великой шумъ трубнаго гудѣнія два дня и двѣ нощи непрестанно. И наши караульныя, ни

мѣшкавъ ни малаго часу въ полнощь отъ насъ собрались, ушли. И тако неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ освободися царствующій градъ Москва отъ ига французскаго, октября въ 12 день. До здѣ изъ списка отца Тимоѳея Емельяныча.

Впротчемъ, милостивый государь, батюшко, Стефанъ Ѳедорычъ, прошу извинить, кромѣ сего истиннаго свидѣтельства изобрѣсть болѣе не могу. А если вамъ угодно обо всемъ знать коротко, то объ ономъ печатаются вновь гражданскія книжки, а именно журналъ наполеоновыхъ знаменитыхъ дѣлъ въ 4-хъ частяхъ, цѣна 8 рублей, и прочихъ еще множество. А отъ наслышанія увѣриться очень сумнительно,—во-первыхъ, наши русскіе ихъ языку незнающіе. Отъ того дѣло происходило очень темно, да притому же и Наполеонъ себя сохранялъ въ великой опасности и строгости, такъ что и свои его видѣть могли и знать немногіе, а прочіе его и вовсе не видали.

И сему вы изволите удивляться, что наша христіанская обитель цѣла сохранилась. Во-первыхъ, Богу было угодно такъ. Другое дѣло сія вѣрность безъ всякаго сомнѣнія, что отъ Наполеона былъ приказъ строгой отнюдь не разорять больницъ, ни богадѣленъ и всякаго общественнаго убогаго мѣста. Таковымъ образомъ сохранилась наша обитель, цѣла осталась Матросская богадѣльня, цѣла осталась у Сухаревой башни Шереметьевская больница, цѣла осталась у Калуцкихъ воротъ Голицынская больница, цѣла осталась вошпиталь Лафертовская и прочіе убогіе мѣста.

При семъ покорно васъ прошу меня извинить, что такъ долгое время происходило извѣстіе до васъ не послано затѣмъ, что при нашемъ мѣстѣ не скоро узнать можно путешественника въ наше селеніе. Остаюсь во услугахъ вашихъ покорнымъ слугою навсегда".

23 Ноября 1814 года, гор. Москва.

Иванъ Марковъ.

Такимъ образомъ, въ правдивомъ разсказѣ Тимоѳея Емельяновича устанавливаются опредѣленно такіе факты: ни Наполеонъ, ни Мюратъ на кладбищѣ не были. Караулъ былъ поставленъ не 2 сентября, а 5 и безъ всякой просьбы со стороны преображенцевъ, а потому, что кладбище не было оставлено жителями. Опредѣленнаго отряда здѣсь не было, караульные солдаты смѣнялись ежедневно и находились въ вѣдѣніи начальника караула, стоявшаго въ Матросской богадѣльнѣ. 17-го сентября было нападеніе на коровій дворъ кладбища со стороны французскихъ

солдатъ; расхищеніе было предотвращено. На воротахъ двора былъ вывѣшенъ на французскомъ языкѣ приказъ, запрещающій нападенія. На кладбищѣ поселился самъ маіоръ. Однажды на кладбищѣ были французскіе комендантъ и губернаторъ. Они получили доносъ, что здѣсь хранятся большіе капиталы и огромные запасы пищевыхъ продуктовъ и вина. Были осмотрѣны кладовыя и погреба. Съѣстныхъ запасовъ оказалось немного.

Иванъ Марковъ передаетъ, что отъ Наполеона былъ строгій приказъ не разорять больницъ и богадѣленъ. Этимъ объясняется, что вмѣстѣ съ преображенскимъ богадѣльнымъ домомъ были сохранены: православная Матросская богадѣльня, Шереметьевская и Голицынская больницы и Лефортовскій госпиталь. Въ Екатерининской Императорской, у Матросскаго моста, богадѣльнѣ стоялъ такъ же, какъ и на Преображенскомъ кладбищѣ, караулъ французскихъ войскъ. Несомнѣнно, такіе же караулы стояли и во всѣхъ другихъ больницахъ и богадѣльняхъ.

Такимъ образомъ, найденная рукопись снимаетъ съ старообрядцевъ,—которые, кстати сказать, всегда были вѣрноподданными,—темное пятно измѣны. Но не одна эта рукопись уничтожаетъ обвиненіе въ измѣнѣ. Существуютъ цѣлый рядъ другихъ яркихъ доказательствъ. Съ этими доказательствами необходимо познакомиться, чтобы оцѣнить по достоинству приведенный въ анонимной полемической брошюрѣ разсказъ о предательствѣ старообрядцевъ.

III.

Намъ приходилось бесѣдовать съ стариками-старообрядцами, которые слышали о двѣнадцатомъ годѣ отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Никто изъ нихъ не передавалъ о томъ, что ихъ предки перешли на сторону Наполеона. Даже намека на это нѣтъ въ ихъ правдивыхъ разсказахъ. Если бы измѣна была—она бы дошла до насъ въ тѣхъ или другихъ очертаніяхъ. Старики разсказываютъ близко къ разсказу Тимоѳея Емельяновича. И ихъ разсказъ такой же правдоподобный и естественный, какъ и разсказъ этого очевидца.

Отъ того времени осталось только одно указаніе на какое-то искательство старообрядцевъ передъ Наполеономъ. Это письмо московскаго генералъ-губернатора, графа Растопчина. Въ то время, какъ Наполеонъ былъ въ Москвѣ, графъ доносилъ Императору Александру I, изъ Владиміра, отъ 1 октября: „Раскольники ищутъ его (т.-е. Наполеона) покровительства и по-

лучили предписаніе предоставить свои дома французамъ". Но все говоритъ за то, что графъ передавалъ слухъ, пущенный по вѣтру; кто-нибудь видѣлъ караулъ, приставленный къ Преображенскому кладбищу, и подумалъ, что старообрядцы передались французамъ. А придумавши такъ, донесъ графу Растопчину. Этому могъ повѣрить московскій генералъ-губернаторъ, такъ какъ зналъ, что старообрядцы имѣли основаніе быть недовольными русскимъ правительствомъ за религіозныя гоненія и преслѣдованія. Но характерно, что онъ говоритъ только въ общей фразѣ: „раскольники ищутъ покровительства", не упоминая ни о быкѣ съ раззолоченными рогами, ни о блюдѣ червонцевъ, ни о посѣщеніи Наполеономъ кладбища. Но что больше всего увѣряетъ насъ въ томъ, что доносъ графа Растопчина былъ основанъ на ложныхъ слухахъ, это—отсутствіе суда надъ старообрядцами послѣ ухода Наполеона изъ Россіи. Несомнѣнно, слухъ объ измѣнѣ старообрядцевъ былъ провѣренъ правительствомъ, въ частности, гр. Растопчинымъ—и оказался ложнымъ. Не возникло ни судебнаго дѣла, ни вообще какого-нибудь обвиненія. Просто—сплетню предали забвенію. И до 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, никому не приходило въ голову ворошить эту сплетню и поднимать ее. Но въ концѣ 50-хъ годовъ она появилась, нашла себѣ защитниковъ и пропагандистовъ въ лицѣ противниковъ старообрядческаго исповѣданія, которыхъ всегда было очень много.

В. Сенатовъ, единовѣрецъ по религіозной принадлежности, и бывшій помощникъ В. М. Скворцова по редактированію „Колокола",—тщательно изучилъ дѣло объ измѣнѣ въ 1812 г. старообрядцевъ и пришелъ къ выводу, что измѣны никакой не было. Я приведу его доказательства.

Легенда объ измѣнѣ была выдумана, по всей вѣроятности, московскимъ единовѣрцемъ А. Сорокинымъ. Онъ былъ очень порочный человѣкъ вообще (былъ обвиненъ въ поддѣлкѣ документовъ, фальшивыхъ завѣщаній и т. п.), и къ Преображенскому кладбищу, какъ ренегатъ, относился особенно враждебно. Въ началѣ 60-хъ лѣтъ легенда эта впервые появилась въ печати, въ сборникѣ Кельсіева. Но здѣсь она находится въ сжатомъ видѣ. Наставники Семенъ Кузьмичъ и Пафнутій Леонтьевичъ нашли переводчика и изъявили покорность Наполеону и для охраны кладовой выпросили караулъ. Никакихъ другихъ подробностей тамъ нѣтъ. Чрезъ два года въ статьѣ проф. Субботина легенда эта выросла въ подробный разсказъ какъ А. Никифоровъ съ другими старѣйшими измѣнили Россіи

Они явились къ Наполеону, признали его своимъ государемъ, поднесли ему тарелку съ червонцами и подвели быка съ раззолоченными рогами. Наполеонъ благосклонно принялъ дары, приказалъ охранять кладбище карауломъ. Вскорѣ онъ самъ въ сопровожденіи Мюрата былъ здѣсь. Его встрѣтили торжественно, какъ государя. Въ награду за такую покорность, Наполеонъ приказалъ перевезти сюда станки для печатанія русскихъ ассигнацій, чѣмъ преображенцы воспользовались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Позже эта легенда расширяется еще болѣе, уснащается новыми подробностями. Къ Наполеону преображенцы являются на Поклонной горѣ, во время проѣзда его около Охотнаго ряда, мимо бывшаго дома И. А. Ковылина, предъ нимъ становятся на колѣни въ грязи. Приводится текстъ вѣрноподданническаго обращенія къ Наполеону. Объ его вступленіи въ Москву совершаются торжественныя молебствія, его имя постоянно поминается за всѣми богослуженіями. Во главѣ этихъ дѣятелей - измѣнниковъ ставятся Ѳедоръ Алексѣевичъ Гучковъ и Семенъ Кузьмичъ. Жандармамъ были отданы молодыя женщины для плотскихъ удовольствій, поэтому впослѣдствіи община увеличилась многими новыми молодыми членами, смѣшанной крови—русской и французской.

Комната, гдѣ стояли печатные станки, стала почитаться святыней и ее показывали до 1846 года.

Въ оффиціальныхъ документахъ нѣтъ никакихъ указаній на измѣну. Г. Васильевъ прослѣдилъ исторію Преображенскаго кладбища по документамъ, хранящимся въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Никакихъ слѣдовъ этой легенды онъ не нашелъ. Приводя въ „Христіанскомъ Чтеніи“ (1887 г. декабрь) разсказъ объ измѣнѣ по статьѣ Субботина, онъ замѣчаетъ, что всѣ эти разсказы „не имѣютъ фактической достовѣрности“.

Въ 1816 году между важнѣйшими прихожанами кладбища возникъ раздоръ по вопросу о попечителяхъ. Раздоръ продолжался долго и сопровождался доносами другъ на друга. Нѣкій Осиповъ, между прочимъ, донесъ, что на кладбищѣ укрываются бѣглые и въ томъ числѣ Сергѣй Семеновичъ Гнусинъ. Доносъ мелкій, и правительство не придало ему никакого значенія. Является вопросъ, почему Осиповъ избралъ предметомъ своего доноса такое сомнительное обстоятельство, почему онъ не воспользовался для своей цѣли измѣною въ 1812 году? Очевидно, что объ этой измѣнѣ тогда, черезъ пять лѣтъ, ничего не было извѣстно какъ между постоянными жителями кладбища, такъ и между его прихожанами.

Въ 1817 году Императоръ Александръ I потребовалъ, чтобы ему были представлены свѣдѣнія о всѣхъ московскихъ монастыряхъ и церквахъ,—не было ли духовенствомъ учинено какой-либо измѣны въ 1812 г. Возникло слѣдственное дѣло. Если бы была какая-либо измѣна со стороны Преображенскаго кладбища, духовныя власти выставили бы его на первомъ мѣстѣ. Но кладбище не было даже задѣто этимъ слѣдствіемъ. Несомнѣнно, что о переходѣ кладбища на сторону Наполеона тогда не имѣлось даже никакихъ самыхъ слабыхъ подозрѣній. При малѣйшей подозрительности оно было бы привлечено къ отвѣтственности и потерпѣло бы тяжкую кару, такъ какъ въ то время правительство уже начинало смотрѣть подозрительно на старообрядцевъ.

Въ продолженіе 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ гг. почти не прекращались правительственныя разслѣдованія о кладбищѣ. Кончалось одно слѣдствіе, начиналось другое, или даже заразъ велось нѣсколько слѣдствій. Однако, не возникло никакихъ намековъ на измѣну въ 1812 году. Все это представляется болѣе чѣмъ понятнымъ и свидѣтельствуетъ только о томъ, что объ измѣнѣ не было ни слуху, ни духу, что никому не приходило въ голову выставить такое существенное обвиненіе. Власти старались уличить кладбище во всевозможныхъ преступленіяхъ, но объ измѣнѣ не говорили ни слова. Въ 1844—47 г.г. за кладбищемъ былъ установленъ тщательный надзоръ, но опять объ измѣнѣ ни слова.

Въ 1850—54 г.г. о клабищѣ велъ слѣдственное дѣло чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Безакъ. Онъ тщательнѣйшимъ образомъ копался въ исторіи кладбища. Свѣдѣнія объ измѣнѣ для него явились бы кладомъ. Но и онъ не открылъ этого преступленія, такъ какъ его никогда не было. Тотъ самый „отецъ“ Пафнутій Леонтьевичъ, которому проф. Субботинъ приписываетъ руководительство измѣной, былъ въ 50-хъ годанъ заключенъ Безакомъ въ острогъ, гдѣ и умеръ. Но Безакъ могъ обвинить его только въ устройствѣ монастыря безъ разрѣшенія. Надъ А. Никифоровымъ, остававшимся въ 1812 г. на кладбищѣ, тоже велось слѣдствіе въ 40-хъ годахъ, но измѣну не вмѣнили ему въ вину, потому что ея не было. Кромѣ того, легенда объ измѣнѣ указываетъ какъ на руководителей—на Ѳ. А. Гучкова и Семена Кузьмича. Но въ актахъ Преображенскаго кладбища 1810—1812 г.г. нѣтъ указаній на ихъ общественную дѣятельность въ то время. И тотъ и другой были видными старообрядцами гораздо позже: — Семенъ Кузьмичъ въ

40-хъ годахъ, а Ѳедоръ Алексѣевичъ Гучковъ — въ 50-хъ. Кромѣ того, оба они впослѣдствіи пострадали: Семенъ Кузьмичъ былъ сосланъ въ Полтаву, а Ѳ. А. Гучковъ—въ Петрозаводскъ. Но никто изъ нихъ не былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ 1812 года. Правительство съ чрезвычайною тщательностью отыскивало въ дѣятельности и жизни, именно этихъ лицъ, слѣдовъ преступленія и должно было ограничиться обвиненіемъ Пафнутія Леонтьевича въ устройствѣ и содержаніи монастыря безъ правительственнаго разрѣшенія, Ѳ. А. Гучкова въ управленіи капиталами Преображенскаго кладбища, безъ вѣдома московскихъ губернскихъ властей. Ясно, что въ 1854 г. не было никакихъ слѣдовъ объ измѣнѣ ими въ 1812 году. Такое обвиненіе было взвалено на нихъ, только послѣ ихъ смерти.

Въ легендѣ объ измѣнѣ фигурируетъ имя старообрядческаго писателя того времени—С. С. Гнусина. Но факты говорятъ и противъ этого обвиненія. Приблизительно чрезъ шесть лѣтъ послѣ 1812 года противъ него со стороны главарей кладбища, желавшихъ введенія брака и молитвы за царя, былъ доносъ, что онъ—бѣглый, проживаетъ подъ чужимъ именемъ и защищаетъ ученіе о недѣйствительности невѣнчаннаго брака. Но объ измѣнѣ и они ни слова. Благодаря доносу, о Гнусинѣ велось обширное слѣдственное дѣло, его самого искали въ теченіе шести лѣтъ. Онъ былъ арестованъ въ монастырѣ тогдашняго виднаго дѣятеля Н. А. Папулина, въ г. Судиславлѣ, 15 мая 1824 года и сосланъ въ заточеніе въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ 27-го іюня 1839 года. Во всѣ эти 15 лѣтъ слѣдственное дѣло объ немъ не прекращалось. Но обвиненія въ государственной измѣнѣ не было къ нему предъявлено.

Измѣны не было. Она выдумана...

Можно относиться какъ угодно къ старообрядческому вѣроисповѣданію, оспаривать вѣрованія старообрядцевъ и полемизировать съ ними, но обвинять ихъ въ тяжкомъ государственномъ преступленіи, въ какомъ они не виновны, не могутъ позволить полемисты, уважающіе себя и истину. Нужно снять съ старообрядцевъ тяжелое, незаслуженное обвиненіе и послать упрекъ ошибкамъ прошлаго времени...

А. Панкратовъ.

Изъ записокъ Н. В. Исакова.

1849. Назначеніе въ составъ чрезвычайнаго посольства генералъ-адъютанта П. Х. Граббе въ Константинополь.

Авторъ настоящихъ записокъ Н. В. Исаковъ, родился въ 1821 г. и скончался въ 1891 г. Воспитаніе получилъ въ первомъ моск. кадетскомъ корпусѣ и въ 1839 г. былъ произведенъ въ прапорщики въ 12-ю конную батарею. Въ 1842 г. окончилъ курсъ императ. военной академіи и затѣмъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба служилъ въ Петербургѣ, Варшавѣ, а съ 1846 года на Кавказѣ, гдѣ въ 1847 и 1848 гг. исполнялъ обязанности начальника полевого штаба въ Дагестанскомъ отрядѣ князя Аргутинскаго-Долгорукова. Посланный въ концѣ 1848 года намѣстникомъ Кавказскимъ княземъ Воронцовымъ съ донесеніемъ къ Императору Николаю Павловичу объ усмиреніи Сѣвернаго Дагестана, Н. В. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Въ 1849 году Н. В. принималъ участіе въ Венгерской кампаніи, а засимъ въ Севастопольскую войну состоялъ начальникомъ штаба 6-го корпуса въ Крыму. Въ коронацію Императора Александра II Н. В. производится въ генералъ-майоры съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества. Послѣ кратковременнаго участія, въ качествѣ члена, въ занятіяхъ образованнаго въ 1858 году при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ для разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ объ освобожденіи крестьянъ земскаго отдѣла, Н. В. былъ назначенъ въ январѣ 1859 года попечителемъ Московскаго учебнаго округа. Тамъ Н. В. оставилъ по себѣ не только память, какъ о дѣйствительномъ покровителѣ просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ этого слова, но и такіе памятники, какъ первые педагогическіе курсы для приготовленія учителей для среднихъ учебныхъ заведеній, первая учительская семинарія для народныхъ учителей, Румянцевскій музей, имъ перевезенный изъ Петербурга, и Публичный, имъ основанный. Съ 1863—1881 гг. Н. В. былъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и совмѣстно съ графомъ Д. А. Милютинымъ произвелъ ихъ коренную реформу, имѣвшую столь громадное значеніе не только для нашей арміи, но и для русскаго просвѣщенія вообще. Въ то же время Н. В. создалъ педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній и музей прикладныхъ знаній (Соляной Городокъ) съ его аудиторіями для народныхъ чтеній. Московскій политехническій музей, явившійся, какъ резуль-

татъ бывшей въ Москвѣ въ 1872 году политехнической выставки, коей предсѣдателемъ былъ Н. В., обязанъ своимъ существованіемъ главнымъ образомъ иниціативѣ и трудамъ Н. В.

Независимо отъ сего Н. В. принималъ самое близкое и дѣятельное участіе въ обществѣ Краснаго Креста, вынеся на себѣ въ 1877—78 гг. всю тяжесть организаціи помощи раненымъ въ турецкую войну, въ качествѣ предсѣдателя исполнительной комиссіи общества. Точно также Н. В. пришлось внести и новыя мысли и сдѣлать рѣшительные шаги въ области общественнаго призрѣнія и частной благотворительности. Близко интересуясь этими вопросами, Н. В., какъ членъ совѣта Императорскаго человѣколюбиваго общества, посвятилъ много труда приведенію въ порядокъ отдѣльныхъ частей этого крупнаго учрежденія. Имъ же положено начало изученію положенія и дѣятельности нашихъ благотворительныхъ учрежденій и съ этой цѣлью изданъ имъ подъ его редакціей и непосредственнымъ наблюденіемъ „Сборникъ свѣдѣній о благотворительности въ Россіи и за границей“ въ семи томахъ. Получивъ возможность болѣе широко посвятить себя этой области, со времени назначенія своего членомъ Государственнаго Совѣта въ 1881 году, Н. В. былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ журнала „Дѣтская Помощь“, по словамъ редактора коего протоіерея Смирнова-Платонова „исключительно одному ему, Н. В., принадлежитъ у насъ починъ серьезной литературной обработки вопросовъ общественной благотворительности“.

Н. В. оставилъ послѣ себя записки, обнимающія почти всю его жизнь. Онѣ имѣются въ двухъ редакціяхъ—черновой и бѣловой. Первая, главнымъ образомъ въ той части, которая касается службы на Кавказѣ, въ свитѣ Императора Николая I, въ Крымскую войну, составлялась вскорѣ послѣ описываемыхъ событій на основаніи записей въ памятныхъ книжкахъ; также сохранившихся. Вторая обрабатывалась впослѣдствіи. Мы здѣсь печатаемъ пока часть записокъ, касающихся командировки его въ Константинополь въ составѣ посольства генералъ-аадъютнта Граббе, затѣмъ и службы его на Кавказѣ.

1849 годъ засталъ меня въ Полтавѣ на рекрутскомъ наборѣ, на который тогда Государь разсылалъ своихъ флигель-адъютантовъ. Скучное, однообразное препровожденіе времени. Губернаторомъ былъ Ознобишинъ, вдовецъ, меланхоликъ, брюзгливый старикъ. При немъ племянница, старая дѣвица, привѣтливая, пріятная. У нихъ иногда обѣдали изрѣдка, бывали вечера. Въ городѣ ни малѣйшаго удобства, ни квартиры порядочной, ни гостиницы.

По возвращеніи въ Петербургъ, 20-го марта вечеромъ мнѣ принесли пакетъ отъ дежурнаго генерала Игнатьева. Дворъ собирался въ Москву на Пасху и на освященіе новаго дворца въ Кремлѣ. Со времени вѣнчанія наслѣдника, императорская фамилія тамъ не была, и въ мой проѣздъ черезъ Москву изъ Полтавы, я слышалъ и видѣлъ, какъ все готовилось къ пріему;

дворецъ оканчивали въ подробностяхъ; общество ждало празднествъ, служащіе наградъ, всѣ искренно желали видѣть царскую семью съ неподдѣльнымъ чувствомъ, русскимъ тогдашняго времени очень знакомымъ. Я предполагалъ, что, вѣроятно, и меня тоже назначатъ ѣхать въ Москву въ числѣ другихъ. Я очень этого желалъ; хотѣлось мнѣ видѣть Москву въ невидѣнной еще обстановкѣ, съ возможностью и все видѣть и всѣмъ воспользоваться. Было и желаніе видѣть тѣхъ, которые были давно симпатичны.

Я распечаталъ пакетъ. Въ бумагѣ значилось слѣдующее: „Государю Императору угодно, чтобы вы и флигель-адъютантъ Истоминъ сопровождали генералъ-адъютанта Граббе [1]) въ Константинополь, куда онъ отправляется завтра". Я уже свыкся входить скоро въ новое положеніе, когда оно брало меня врасплохъ. Покориться здѣсь новому было не трудно. Опять востокъ, къ которому я чувствовалъ влеченіе. Новость дѣла и путешествіе въ Константинополь, предметъ давнишнихъ мечтаній вслѣдствіе разсказовъ Андрея Муравьева. За тѣмъ и порученіе не обыденное. Я тотчасъ же отправился къ Граббе тамъ встрѣтился съ товарищами путешествія Истоминымъ и Кочубеемъ. Не заставъ Граббе дома, поѣхали спросить дежурнаго генерала, онъ насъ отправилъ къ гр. Нессельроде. Надо же было отъ кого-нибудь узнать, хотя на сколько времени ѣдемъ и зачѣмъ и когда, чтобы сообразить, какъ приготовиться. Директоръ канцеляріи Нессельроде, Вестманъ, объяснилъ, что Граббе отправляется для разъясненія всѣхъ недоразумѣній, возникшихъ между Турціей и Россіей на счетъ занятія нашими войсками княжествъ Молдавіи и Валахіи.

Въ княжествахъ, состоявшихъ по Ункіаръ-Эскелесскому договору, подъ покровительствомъ Россіи и Порты, возникли безпорядки, въ чемъ господари были виноваты кругомъ. Россія двинула туда съ половины 1848 года 5-й корпусъ подъ начальствомъ генерала Лидерса, силою тысячъ въ 20, пригласивъ и Турцію сдѣлать то же самое. Генералъ Дюгамель (генеральнаго штаба) былъ назначенъ военнымъ агентомъ. Со стороны турокъ Омеръ-паша вступилъ съ 15 тыс. корпусомъ, имѣя Фуадъ-Эффенди, какъ агента. Все это не нравилось ни Англіи, ни Франціи, подозрѣвавшимъ Россію въ особыхъ видахъ на княжества. Сэръ Стрэдфортъ Каннингъ, англійскій

[1]) Павелъ Христофоровичъ, впослѣдствіи графъ и атаманъ войска Донского.

посолъ въ Константинополѣ, настоялъ на требованіи султана, чтобы Россія прекратила оккупацію княжествъ, говоря, что порядокъ уже водворенъ въ нихъ. У насъ не признавали ни водворенія порядка, такъ какъ господари не были еще назначены, ни согласнымъ съ достоинствомъ императорскаго кабинета уступить иностраннымъ вмѣшательствамъ, а самое главное намъ нуженъ былъ базисъ предстоящихъ дѣйствій въ Трансильваніи, такъ какъ оборотъ австрійскихъ дѣлъ уже вызывалъ насъ на помощь.

Инсургенты въ началѣ декабря 1848 года грозили нѣсколько разъ въ Вѣнѣ; возстаніе всего населенія, шеклеровъ въ Трансильваніи, и слабость силъ тамъ австрійцевъ грозила слить мятежъ съ недовольными партіями въ княжествахъ. Бемъ, полякъ, послѣ нѣсколькихъ успѣховъ, приближался съ мятежными венграми къ Германштадту. Австрійскій гарнизонъ просилъ помощи у нашихъ войскъ, стоявшихъ на границѣ. Г. Лидерсъ, слѣдуя инструкціямъ изъ Петербурга, двинулъ съ 5-ю батальонами флигель-адъютанта, полковника Скарятина, къ Германштадту. Не имѣя возможности, по малочисленности своей, защищать городъ, занявъ его, ни времени для образованія защиты изъ жителей, Скарятинъ выбралъ крѣпкую позицію впереди Германштадта и встрѣтилъ Бема, идущаго на городъ съ 8-ю тыс. войска.

Скарятинъ дрался отлично цѣлыя сутки и, уступая численности, отошелъ ночью черезъ городъ, не оставивъ ни одного колеса непріятелю. Потеря его была въ 130 человѣкъ.

Этимъ мы были уже втянуты въ войну австрійцевъ съ венгерцами, но, судя по послѣдствіямъ, видимо, что такое вмѣшательство уже было нами преднамѣчено.

Мы узнали отъ Вестмана, что поѣздка наша не продожится болѣе 2 мѣсяцевъ, и что на дорогу выдадутъ по 500 червонцевъ. Граббе просилъ, чтобы ему назначили еще одного офицера. Ему предложили генерала Дайнези, родомъ и съ репутаціей хитраго грека, и графа Фрица Гейдена. Онъ выбралъ послѣдняго, и Государь сказалъ ему, что хорошо сдѣлалъ, прибавивъ, что онъ самъ намѣренъ взять Гейдена къ себѣ.

На другой день, въ 8 часовъ вечера, мы съ Истоминымъ были у Государя въ кабинетѣ. Государь занимался вечеромъ внизу. У него была одна небольшая комната съ очень маленькою переднею, куда выходила его собственная круглая лѣстница сверху, насквозь всего дворца. Эта комната и до сихъ поръ осталась, какъ была при немъ, окнами на плацъ и на

набережную, на самомъ углу. Ему служилъ подъѣздомъ тотъ, который теперь на набережную выходитъ первымъ, гдѣ останавливались потомъ фельдмаршалы и разные принцы. Но чтобы изъ вестибюля пройти въ кабинетъ Государя, нужно было пройти длиннымъ корридоромъ гардеробныхъ шкаповъ, принадлежавшихъ къ помѣщенію великой княгини Ольги Николаевны. Въ маленькой комнатѣ, передъ кабинетомъ, камердинеръ запечатывалъ въ большіе пакеты бумаги и отдавалъ фельдъегерю для развоза министрамъ, когда мы вошли туда.

Насъ ввели въ кабинетъ Государя: — маленькая комната, направо стояла желѣзная походная кровать, покрытая шинелью, налѣво, на столикѣ, передъ зеркаломъ, фарфоровая чашка съ водой и головной щеткой въ ней, поперекъ—письменный столъ съ бумагами, на стѣнахъ небольшіе портреты. Вотъ все, что я успѣлъ замѣтить. Въ этой комнаткѣ тогда все дѣлалось и думалось для Россіи и многое для цѣлой Европы. Государь въ семеновскомъ сюртукѣ безъ эполетъ встрѣтилъ насъ слѣдующей рѣчью:

„Ну, извините меня, друзья мои, что васъ схватили врасплохъ, иначе нельзя было сдѣлать, нужно, чтобы вашъ пріѣздъ не знали заранѣе въ Константинополѣ. Вы поѣдете завтра; ты (обращаясь къ Истомину), когда Граббе найдетъ къ тому возможность и время, осмотришь Турецкій флотъ во всѣхъ его видахъ и отношеніяхъ и какія сдѣланы турками приготовленія къ войнѣ на морѣ, равно укрѣпленія Босфора; мѣста высадокъ на берегахъ Чернаго моря посмотрите вмѣстѣ. Ты же (обращаясь ко мнѣ) сдѣлаешь то же самое въ отношеніи сухопутныхъ войскъ, а чтобы ты имѣлъ случай видѣть, дѣлаются ли какія-нибудь движенія турецкихъ войскъ къ границамъ, изобличающія приготовленія ихъ къ войнѣ, я приказалъ Граббе отправить тебя курьеромъ изъ Константинополя сухимъ путемъ въ Бухарестъ по той дорогѣ, которая, по свѣдѣніямъ на мѣстѣ, будетъ признана имъ всего удобнѣе для этой цѣли. Все видѣнное ты разскажешь Лидерсу и пріѣдете оба ко мнѣ прямо въ Варшаву, гдѣ я буду около 12 мая. Будьте внимательны ко всѣмъ, если они заведутъ съ вами рѣчь о политическихъ событіяхъ, объясните имъ, что Государь, будучи центромъ власти, отвѣчаетъ самъ за все. Ведите себя какъ можно скромнѣе и осторожнѣе, чтобы не подать никакого подозрѣнія. Прощайте, Богъ съ вами. Смотри, не влюбись въ какую-нибудь турчанку, пріѣзжайте здоровыми“, съ этими словами онъ насъ обнялъ, поцѣловалъ и отпустилъ.

На другой день, 22, мы далеко уже были отъ Петербурга, когда нѣкоторые, болѣе посвященные, начали смутно говорить о нашемъ отъѣздѣ. Сначала въ кибиткахъ, на саняхъ, потомъ, ближе къ Кіеву, уже на колесахъ. Ледъ на Днѣпрѣ уже прошелъ, отчасти, и въ лунную, прекрасную ночь я переправился на дубахъ, въ виду лавры. Въ крѣпости било полночь, и большой лаврскій колоколъ звалъ къ вербной заутренѣ. Я вошелъ въ Успенскій соборъ — огроменъ, мраченъ и древенъ онъ мнѣ показался, какъ исторія его и города. Отрадно было помолиться въ сердцѣ Россіи о собственномъ сердцѣ „да будетъ созиждено оно чисто“.

Въ Одессѣ застали мы канунъ весны, воздухъ былъ уже теплый. Перемѣна эта была живительна, послѣ недавнихъ еще морозовъ и саней. Пароходъ „Владиміръ“ съ капитаномъ Аркасомъ уже пришелъ изъ Николаева, мы однако же пробыли нѣсколько дней въ ожиданіи Граббе. По первому впечатлѣнію самый городъ не удовлетворилъ моимъ ожиданіямъ. Правда, онъ смотритъ иностраннымъ, много внѣшней жизни и движенія, море составляетъ его лучшее украшеніе. Я зналъ гвардейскихъ офицеровъ, которые ѣздили въ Одессу въ отпускъ, какъ потомъ ѣздили за границу. Одесса привлекала своимъ портофранкомъ, но, нужно сказать, что пріѣзжему было плохо: гостиницы безъ всякаго комфорта, ресторанъ хорошій только у Оттона, въ магазинахъ, конечно, гораздо болѣе разнообразія и дешевизны, но большею частью вещи второстепеннаго достоинства.

Наше кратковременное пребываніе было встревожено печальнымъ событіемъ. Я жилъ съ графомъ Гейденомъ вмѣстѣ, сосѣдомъ былъ его родственникъ, Доппельмейеръ, ѣхавшій на Кавказъ на должность генералъ-интенданта. Образованный, очень порядочный человѣкъ, но больной, истощенный физически и нравственно разнаго рода горькими испытаніями, онъ колебался и страшился будущаго дѣла, мы его ободряли, знакомили съ Кавказомъ и лицами, съ которыми онъ встрѣтится тамъ, мы ихъ знали наизусть, но все это, кажется, помогало мало. Однажды утромъ рано насъ разбудили словами: „Доппельмейеръ застрѣлился“.

Бѣдный лежалъ на полу, отвернувъ рукою воротъ рубашки; черная точка виднѣлась прямо противъ сердца. На столѣ лежалъ клочекъ бумажки, на немъ карандашемъ написано: „Прошу донести Государю и военному министру, что никакихъ другихъ причинъ моей смерти нѣтъ, какъ совершенное исто-

щеніе силъ моральныхъ и физическихъ и полная безнадежность совѣстливо исполнить обязанность, на меня возложенную. Поручаю мою семью и дѣтей великодушію Государя".

Наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья, къ вечеру, мы переѣхали на пароходъ; мнѣ едва удалось обнять старшаго брата, который тамъ служилъ у генералъ-губернатора Федорова адъютантомъ. Пароходъ былъ подъ парами, а въ Одессѣ все освѣтилось и загудѣли колокола къ Свѣтлой заутренѣ, когда мы двинулись изъ порта. Мы были инкогнито, отвѣчали намъ, когда мы удивлялись выбранному часу отъѣзда. Мы стояли и смотрѣли на уходящій городъ. Намъ чудились толпы народа съ зажженными свѣчами и пасхальными яйцами.

Затѣмъ сошли къ матросамъ, гдѣ, прочитавъ молитвы, разговѣлись творогомъ и мясомъ и разошлись по каютамъ спать.

Я проснулся рано утромъ отъ непривычнаго шума и треска на пароходѣ—качка была очень сильная. Я едва успѣлъ одѣться и выскочить на палубу. День былъ прекрасный, но волны такъ поддавали, что непривычному нельзя было держаться. Я благополучно отсидѣлся и отлежался на палубѣ. Прелесть безбрежнаго моря, его цвѣтъ, брызги волнъ много имѣли привлекательности, но однако же не для всѣхъ. Все-таки мнѣ это давалось легче, нежели моимъ товарищамъ, разумѣется, кромѣ моряка Истомина. Съ нами ѣхалъ драгоманъ въ Константинопольскую миссію Тимофеевъ, и бѣдная его хорошенькая жена пролежала на палубѣ весь день больная. Къ вечеру стихло, и на другое утро, въ 8 часовъ, былъ уже виденъ входъ въ Босфоръ съ его сторожевыми замками на европейской и азіатской сторонахъ. Налѣво была видна большая песчаная отмель, Киллюсъ, съ укрѣпленіемъ. Небо было ясно, солнце свѣтло, и мы на всѣхъ парахъ влетѣли въ проливъ.

Передъ нами стали появляться и быстро исчезать отдѣльные кіоски, загородные дома, укрѣпленія Босфора, грозныя на картахъ только, потомъ, стѣсняясь ближе, стали появляться цѣлыя селенія бѣлыхъ домовъ; все это было потоплено въ распустившейся зелени и глядѣлось въ Босфоръ, какъ въ зеркало. Быстрый переходъ отъ суроваго климата въ распустившуюся весну былъ дѣйствительно очарователенъ. Стали попадаться барки съ парусами, напоминавшія флотъ древнихъ грековъ, сначала отдѣльно, затѣмъ чаще и чаще, масса маленькихъ судовъ стояла у береговъ, куча покрытыхъ чадрами женщинъ переѣзжала съ берега на берегъ. Все было ново, красиво; это былъ востокъ, но иной, нежели нашъ угрюмый Кавказъ. На-

право указали Буюкъ-Дере, нашъ посольскій загородный домъ съ великолѣпными деревьями, затѣмъ, на высотахъ, развалины замка, откуда сталъ пятою исламизмъ надъ Византіей. Налѣво чуть виднѣлось мѣсто, гдѣ поставленъ камень на память Кючіаръ-Эскелесскому договору Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, когда онъ стоялъ здѣсь въ 1833 г. лагеремъ для огражденія султана отъ Ибрагима-паши, грозившаго овладѣть Константинополемъ. Показался султанскій дворецъ Бегларъ-Бей, мѣсто пребыванія султана. Посольскій флагъ взвился на мачту. Пароходъ вздрогнулъ, посылая салютъ владѣтелю востока, а мы уже смотрѣли на Шираганъ, другой его дворецъ, когда послышался отвѣтный выстрѣлъ отъ недоумѣвающихъ турокъ непрошенному гостю. Мы стояли и смотрѣли во всѣ глаза. Аркасъ предложилъ намъ шампанское за благополучный переѣздъ, мы обратились всѣ къ подносу съ бакалами, въ эту минуту кто-то громко сказалъ: „Царьградъ“. Мы обернулись, передъ нами какая-то еще неясная картина, какъ будто покрытая желтымъ стекляннымъ куполомъ. Очертанія городскихъ строеній на высотахъ, амфитеатромъ, съ иглами въ воздухѣ отъ минаретовъ, тополей и кипарисовъ—этотъ общій видъ былъ восхитителенъ.

Пароходъ остановился, бросивъ якорь передъ входомъ въ Золотой Рогъ. Прямо противъ насъ Стамбулъ упирался угломъ Сераля въ Босфорскія волны и уходилъ за черту, обвиваемую глазомъ, своими куполами, фонтанами и иглами. Налѣво, амфитеатромъ, Скутари, между ними, черезъ шпиль одинокой Леонардовой башни, вдали,—масса воды—Мраморное море, Принцевы острова, а за ними возвышается чертою цѣпь высокихъ горъ, между которыми высится Олимпъ (Малоазіатскій). Направо Пера, на скатѣ горы, съ европейскими домами, внизу огромныя зданія верфи и арсенала, увѣнчанныя великолѣпнымъ дворцомъ русскаго посольства; около насъ входъ въ Золотой Рогъ, мосты, пароходы и тысячи судовъ и каиковъ, движеніе самое бойкое, костюмы самые живописные, лица самыя типичныя, загорѣлыя. Насъ тотчасъ окружили каики, у меня глаза разбѣгались, какъ говорятъ няни: „ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ описать“.

Во время нашего завтрака пріѣхалъ совѣтникъ нашей миссіи, Халчинскій, привѣтствовать дорогихъ гостей, которые не были по вкусу ни нашимъ, ни туркамъ. Нашимъ—потому, что турки, по наущеніямъ Каннинга, поддержаннаго французами, выбились изъ рукъ нашего посланника Титова и больше не слушались его, требовали вывода нашихъ войскъ изъ княжествъ, считая занятіе ихъ почти нарушеніемъ договора. Турки и послы дру-

гихъ державъ слишкомъ привыкли къ Титову, они его знали секретаремъ и совѣтникомъ посольства. Нужно было появленіе новаго лица и новый тонъ разговора и новыя требованія, не стѣсняясь прежнимъ ходомъ событій, изъ которыхъ Титову было уже мудрено выйти. Туркамъ—потому, что они понимали настоящій смыслъ ихъ отношеній къ Россіи и знали, что въ ихъ прямой выгодѣ не нарушать съ нею согласія, а потому теперь, предавшись англичанамъ, они съ безпокойствомъ встрѣтили нашъ флагъ на посольскомъ пароходѣ и не могли не спросить себя, не далеко ли они слишкомъ зашли, и не вспомнить, что русскіе штыки не за горами.

Мы отчалили отъ парохода въ его катерахъ при салютѣ и крикахъ „ура“ матросовъ на марсахъ. На пристани Топъ-Хане насъ ждали верховыя лошади, на которыхъ по кривымъ улицамъ, въ гору, добрались до дворца посольства. Титовъ насъ принялъ въ кабинетѣ очень вѣжливо, но сухо. Я замѣтилъ большую живость въ движеніяхъ, весьма моложавый видъ и вообще, какъ говоритъ Гоголь въ Ревизорѣ, „ничего внушающаго уваженія“. Конечно, я не думалъ себя подчинять моимъ первымъ впечатлѣніямъ. Всѣхъ поставили на ноги, чтобы устроить намъ помѣщеніе, а мы пока отправились на большую террасу, превратились всѣ въ глаза передъ величественной картиной Стамбула, надъ которымъ висѣла какая-то золотая мгла отъ солнечныхъ лучей.

Наконецъ размѣстились. Наружность дворца огромна, нѣсколько массивна, сравнительно съ архитектурою города, внутренность имѣетъ много большихъ красивыхъ залъ, но значительная часть служащихъ не живетъ въ домѣ, а въ частныхъ квартирахъ Перы, не имѣющей хорошихъ помѣщеній. Обѣдъ былъ довольно чопорный, еще не познакомились другъ съ другомъ. Жена Титова была привѣтлива, у нея проглядывали сѣдые волосы, но въ ея лицѣ было что-то очень милое и она понравилась намъ всѣмъ.

Собственно, наше чрезвычайное посольство состояло изъ чрезвычайнаго посла генералъ-адъютанта Павла Христофоровича Граббе, котораго я зналъ только по его военной репутаціи на Кавказѣ, онъ намъ представлялся олицетвореніемъ штурма Ахульго. Величавый, вѣжливый, мы предугадывали, что наши отношенія къ нему онъ легко сдѣлаетъ пріятными. Ему были приданы два офицера: я и Истоминъ для цѣлей, которыя намъ объяснилъ Государь при прощаніи. Константинъ Ивановичъ Истоминъ, капитанъ I ранга, былъ сдѣланъ флигель-адъютан-

томъ въ почетъ адмиралу Лазареву и Черноморскому флоту, былъ умный человѣкъ, съ твердымъ характеромъ, рѣзкостью капитана корабля и пріятнымъ собесѣдникомъ, когда не бранился. Кромѣ того былъ гр. Фрицъ Гейденъ, мой близкій товарищъ по Кавказу, и еще новый молодой человѣкъ, Николай Кочубей, сынъ Аркадія Вас. Кочубея, котораго отецъ спровадилъ нѣсколько провѣтриться вдали отъ общества нѣкоторыхъ дамъ. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ милый малый, но на свою роль дипломатическаго секретаря при Граббе смотрѣлъ, какъ обыкновенно смотрятъ молодые офицеры, вышедшіе только-что изъ академіи на свои обязанности при генералахъ, т.-е. что они призваны поучать.

Наша постоянная миссія въ Константинополѣ, у которой мы были теперь въ гостяхъ, состояла изъ Владиміра Павловича Титова, который былъ въ ней совѣтникомъ при послѣ Бутеневѣ—оба были женаты на родныхъ сестрахъ, гр. Хребтовичъ. В. П. Титовъ былъ съ большими свѣдѣніями человѣкъ, много учившійся, любознательный до крайности и всѣмъ интересовавшійся. Про него впослѣдствіи говорилъ Тютчевъ: „Titoff se croit être appelé á faire l'inventaire de l'univers“ [1]). Очень добрый и привѣтливый вмѣстѣ съ тѣмъ, но, казалось намъ, безъ авторитета. Жена его называла просто Титовъ и, кажется, не находила болѣе въ немъ никакой поэзіи для удовлетворенія своихъ возвышенныхъ мечтаній.

Совѣтникомъ миссіи былъ Халчинскій, умный и хитрый малороссъ, ласковый, но съ большими претензіями на дипломатическій авторитетъ. Секретарями были: кн. Давыдъ Ѳедоровичъ Голицынъ, женатый на Вѣрѣ Столыпиной, милый человѣкъ, и кн. Павелъ Вяземскій, но о нихъ послѣ. Часовъ въ 9 вечера, послѣ обѣда, мы сошли въ помѣщеніе 3 секретаря — Френа. Онъ долго жилъ въ Персіи, говорилъ по-персидски и по-турецки. Вся его небольшая квартира была отдѣлана персидскими и китайскими вещами, европейскаго ничего не было. Намъ дали трубки и кальяны, растворили окна на Босфоръ и городъ. Ночь была безъ луны, но чрезвычайно звѣздная. Стамбулъ уже погасъ и затихъ. Пера освѣщена была восхитительно. Френъ былъ самый пріятный и интересный человѣкъ въ своихъ разсказахъ.

На другой день нужно осмотрѣться и начать визиты. Нельзя прежде всего не выйти на террасу дворца, съ которой панорама

[1]) Титовъ считаетъ себя призваннымъ сдѣлать инвентарь вселенной.

величественна. Трудно оторвать глаза. Затѣмъ спустились на обыкновенную прогулку жителей Перы—Grand champ des morts, огромное кладбище, засаженное кипарисами. Для грековъ это былъ 3 день Пасхи, для франковъ продолженіе Пасхальныхъ празднествъ. Въ кофейныхъ и около было множество народу, все это курило, пило кофе и ѣло мороженое. Плясали вездѣ: становились въ кругъ, клали руки на плечи другъ другу и всѣ вмѣстѣ качались, подымая нѣсколько ноги подъ звуки монотоннаго собственнаго пѣнія; кругъ разрывался, и крайніе махали пестрыми платками, воодушевляли пляску, въ сущности не интересную даже и тогда, когда къ пѣнію присоединялось что-то въ родѣ балалайки или грузинской зурны. Тутъ же по улицѣ встрѣчались безпрестанно простые вѣсы съ гирями: закутанныя женщины проходили, садились, имъ говорили ихъ вѣсъ, и всякое прибавленіе его считалось новою красотою въ глазахъ мужа.

Зашли къ Голицынымъ и застали у княгини Вяземскаго, его жену и третью сестру дѣвушку. Это семейство Столыпиныхъ было составлено изъ красавцевъ. Кн. Вяземская, Марія Аркадіевна, была въ первомъ замужествѣ за Бекомъ и ее помѣщали во всѣ кипсеки за ея красоту. Она была холодная, но сердце у нея было прекрасное. Овдовѣвъ, она вышла за сына поэта князя Петра Андреевича Вяземскаго, Павла, извѣстнаго своимъ чудачествомъ и кутежами. Онъ былъ моложе своей жены и способенъ былъ, какъ только среда перемѣнялась, перемѣняться и самъ: онъ хорошо былъ образованъ и могъ заниматься серьезнымъ дѣломъ. Кн. Вѣра Голицына была милая женщина и красивая, но милѣе ихъ всѣхъ была третья, младшая, Екатерина, привлекательная дѣвушка, хотя не такъ правильно красивая, какъ сестры.

На слѣдующій день мы провожали Граббе въ его визитахъ къ турецкимъ министрамъ. Съ нимъ былъ Титовъ, кн. Ханджерли, первый драгоманъ, и кое-кто изъ миссіи. Фельдъегерь, данный Граббе, настоящее чучело по глупости, не оставлялъ насъ ни на минуту.

Мы были верхомъ на нашихъ лошадяхъ, какъ на извозчикахъ, такъ какъ въ Перѣ, ради узости и извилинъ улицъ, употребляются только верховыя лошади или носилки. Хозяева лошадей бѣжали за ними, подгоняя своихъ клячъ. Поѣздъ по европейскому кварталу не имѣлъ внушительности въ европейскомъ смыслѣ. Въ мундирахъ и въ каскахъ съ султанами мы

привлекали вниманіе не менѣе, какъ если бы по Петербургу прошли слоны.

Въѣзжая въ первый разъ въ самый городъ, мы пріостановились на мосту, соединяющемъ Галату и Перу со Стамбуломъ, съ котораго былъ прекрасный видъ, и затѣмъ окунулись разомъ въ Азію: узкія улицы, грязь, толкотня, множество собакъ и вонь—все тутъ было на столичный размѣръ. Въ лавкахъ сидѣли турки, покуривая и не подымая глазъ на гяуровъ, шепча и перебирая янтарныя четки; они насъ не удостаивали вниманіемъ.

Намъ встрѣтилось по пути нѣсколько мечетей изъ бѣлаго мрамора, нѣсколько фонтановъ рѣзныхъ, украшенныхъ арабесками, цвѣтнымъ мраморомъ. Чрезвычайно красивые фонтаны, выстроенные большею частью по завѣщанію богатыхъ людей, льютъ живительную влагу въ прославленіе Магомета и стихи изъ корана красивою вязью служатъ украшеніемъ архитектурнымъ. Все, и кіоскъ фонтана, и прохладная струя, и арабески подъ тѣнью чинаръ и кипарисовъ такъ вводятъ васъ въ прелести Востока, что хочется передъ каждымъ остановиться и присѣсть, и невольно понимаешь апатію мусульманъ къ происходящему вокругъ.

Черезъ лабиринтъ базаровъ и маленькихъ переулковъ мы добрались до Великой Порты. Это огромное четырехугольное зданіе безъ всякаго признака восточной прелести, въ которомъ заключены всѣ министерства и всѣ управленія имперіи. Надъ воротами какое-то окно. Преданіе гласитъ, что въ прежнее время султаны для усмиренія бунтовъ выставляли въ немъ головы министровъ и пашей по требованію черни.

Мы въѣхали подъ самое зданіе, на малый дворъ, куча слугъ бросилась принять у насъ лошадей и по широкимъ ступенямъ и коридорамъ открылось наше шествіе къ аппартаментамъ великаго визиря.

Въ коридорахъ толпы слугъ; одни несутъ кофейники, другіе жаровни, третьи—чубуки. Съ тѣхъ поръ, какъ служилое отказалось отъ прежняго восточнаго костюма, всѣ великіе и малые носятъ казакинъ на крючкахъ темнаго цвѣта, разноцвѣтныя панталоны и красную феску. Переходя изъ одной комнаты въ другую, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что Граббе уже начинаетъ насъ кому-то представлять. Отличіе в. визиря состояло только въ большомъ брилліантовомъ орденѣ Нишанъ-Ифшигара на шеѣ.

Большая зала, устланная коврами и кругомъ обставленная ковровыми диванами, нѣсколько креселъ. Только-что усѣлись,

въ дверяхъ явилась толпа слугъ съ чубуками и, какъ лучи изъ одной точки, разсѣялись по гостямъ съ замѣчательною точностью, всѣ одновременно поставили тазики на полъ, уперли въ нихъ трубки, обернулись, и каждый изъ насъ не двигаясь могъ прикоснуться къ янтарю, украшенному драгоцѣнными камнями. Затѣмъ такое же новое явленіе слугъ, каждый держа маленькую чашечку на серебряномъ подносѣ, прикрывъ ее другою рукой. Каждый изъ насъ получилъ кофе въ одно и то же мгновеніе. Въ этомъ заключается хорошая обстановка пріема. Затѣмъ мы увидѣли въ чашкахъ нѣсколько капель чернаго кофе безъ сахара, прихлебнули, выпустили раза три дымъ изъ чубуковъ и у насъ все это такъ же ловко отобрали. Въ этомъ кратковременномъ наслажденіи заключается этикетъ пріема. Чѣмъ важнѣе лицо принимающее, тѣмъ короче время угощенія, какъ бы только актъ его мелькнетъ передъ нами. И кофе и табакъ были чрезвычайно ароматичны. Жалко, что такъ мало; в. визирь, Решидъ-паша, небольшого роста, лѣтъ 45, плотный мужчина, съ порядочной бородой, пріятной наружности. Онъ былъ посломъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ и довольно хорошо объяснялся по-французски. Общее мнѣніе, которое мы черпали попутно отъ сопровождавшаго насъ второго драгомана, Черняева, называло его человѣкомъ съ большимъ умомъ, характеромъ, свѣдущимъ и любящимъ искренно славу своего отечества. Съ нимъ одновременно принималъ насъ тутъ же рейсъ-эффенди или министръ иностранныхъ дѣлъ, Али-паша, лѣтъ 35, маленькій, черненькій, съ жидовскою физіономіей, быстро двигающимися глазами, говорятъ, умный и хитрый баринъ, долго жившій въ Парижѣ, одинъ изъ передовыхъ, съ идеями новыми, представителемъ коихъ въ Турціи былъ Фуадъ-Эффенди.

Мы оставили Граббе, Титова и Ханджерли для конференціи, а сами отправились осматривать Св. Софію. Видѣли и, полные изумленія, возвратились назадъ. Осмотрѣли въ самой Портѣ разныя залы совѣта и кабинетъ султана, гдѣ онъ черезъ окошко, сидя на тронѣ, слушаетъ великорѣчіе своихъ министровъ въ засѣданіяхъ совѣта. Все это довольно поистасканно, комнаты малы и не свѣтлыя, все похоже на наши старинныя барскія деревенскія хоромы, въ которыхъ лѣтъ 30 уже не живутъ.

Послѣ разнесенія карточекъ, на первомъ вечерѣ у нашего посланника насъ представили посламъ иностраннымъ. Англійскій—сэръ Страдфортъ Каннингъ, высокій, худой старикъ, вполнѣ англійскаго типа, большой неохотникъ до Россіи. Гово-

рятъ, кромѣ всѣхъ причинъ, здѣсь замѣшивались и личныя: когда-то Николай Павловичъ отказался принять его въ Петербургѣ посломъ. Лэди Каннингъ безцвѣтная, и три дочери, дѣвушки, некрасивыя, но милыя. Французскій—дивизіонный генералъ О-Пикъ смотрѣлъ генераломъ, не пускался въ интриги, но шелъ на буксирѣ у Каннинга. Австрійскій—гр. Штюрмеръ, маленькій старичекъ, образованный, очень интересный. Онъ былъ делегатомъ отъ Австріи на островѣ Св. Елены во время пребыванія тамъ Наполеона. Жена его, старушка, была воспитана въ семействѣ Камбасереса. Разсказы его были любопытны. Прусскій—гр. Пурталесъ, красивый, еще молодой, вполнѣ порядочный, жена его очень красивая.

У Титовыхъ были часто танцовальные вечера, и мы наивно учили англійскихъ миссъ мазуркѣ. Въ особенности въ этомъ отличался Кочубей. Онѣ были крайне неловки, но крайне азартно хотѣли выучиться. Поѣхали однажды въ ложу къ посланнику. Театръ—итальянская опера. Существованіе его считалось уже огромнымъ прогрессомъ. Давали „Цампу“. Оркестръ недуренъ, опера шла порядочно. Куча итальянцевъ и грековъ повсюду, всѣ въ фескахъ, въ ложахъ — посольства и негоціанты.

Всякаго рода удовольствія намъ предлагались: прогулки на пароходахъ посольскихъ, въ Мраморное море съ дамами. Великолѣпное море и прекрасные Принцевы острова. Иногда верхомъ мы ѣздили для того, чтобы ознакомиться въ военномъ отношеніи, иногда для забавы. Однажды молодежь поѣхала на взморье, верстъ 30 верхомъ, кое-что изъ укрѣпленій мы могли тайкомъ срисовать, но за нами наблюдали. На берегу Босфора былъ очень хорошій французскій ресторанъ. Пока мы были за завтракомъ, разразилась гроза, когда возвращались въ каикахъ, то волна въ Босфорѣ разыгралась, а съ нею и дельфины на солнцѣ, безпрестанно поддававшіе подъ каикъ, насилу доѣхали. Однажды, на азіатской сторонѣ наткнулись на арбу съ 4 женщинами. Возница ихъ и блюститель увелъ буйволовъ ковать, а арбу спряталъ въ кусты. Мы нѣсколько сконфузились, а всѣ эти женщины сейчасъ же открыли лица и всѣ 4 были дурны. По близости зашли въ кофейную выпить мастики съ водой. Въ углу работалъ старый турокъ-чеботарь, слыша русскій говоръ: „не такъ-то у насъ въ матушкѣ Россіи“, вмѣшался онъ въ нашъ разговоръ, мы оглянулись, удивленные. Оказалось, что онъ солдатъ, оставшійся въ 1833 г. отъ отряда Муравьева, женившійся и принявшій исламъ.

„Нѣтъ, уже теперь поздно ворочаться“, сказалъ онъ со слезами на глазахъ на наше приглашеніе возвратиться.

Натурально заѣхали посмотрѣть на дервишей—harlants съ tournants:—безобразіе одно другого стоитъ; оборванныя, грязныя животныя вертятся и кричатъ до безчувствія. Въ ежедневныхъ поѣздкахъ и прогулкахъ по городу любопытство было безпрестанно возбуждено: и лавки, и товары, и базары крытые, и аукціоны въ нихъ, и крикъ, и толкотня страшная, и кухня на улицѣ, и опущенные глаза нешевелящихся турокъ съ вѣчнымъ кальяномъ или трубкою и янтарными четками. Много привлекательнаго было во всемъ этомъ. Базаръ, обыкновенная прогулка въ пятницу всѣхъ турецкихъ дамъ изъ гаремовъ; много каретъ, запряженныхъ быками или буйволами разукрашенными, въ сопровожденіи черныхъ отвратительныхъ евнуховъ, нѣсколько экипажей съ хорошею европейскою запряжкою. Множество мелкихъ и крупныхъ группъ подъ зеленью тополей и кипарисовъ были очень живописны. Бѣлыя чадры, которыми женщины закрыты, до тѣхъ поръ кажутся заколдованными, пока не потолкаешься хорошенько пѣшкомъ на базарахъ. Вблизи можно разглядѣть черты. Изъ простыхъ большая часть изъ нихъ распустившіяся въ своихъ желтыхъ балахонахъ, шальварахъ и желтыхъ бабушахъ—далеко не привлекательны; черты лица большія, рѣзкія, лицо немилосердно накрашено. За то, когда вдругъ изъ улицъ, на которыя выходятъ только глухія стѣны домовъ или закрытыя плотною рѣшеткою окна, выѣдешь въ предмѣстье армянское или греческое, Фанаръ,—всѣ окна настежь, въ окнахъ цвѣты и масса женскихъ лицъ, одно другого лучше.

Султану пришла идея возобновить мечеть въ Св. Софіи. Архитекторъ, Фоссетти, взялся за это дѣло, и ему мы обязаны, что видѣли хорошо храмъ. Отмытая вѣковая штукатурка открыла великолѣпную византійскую мозаику. Мы видѣли надъ входными дверями огромной величины образъ Богородицы, по одну сторону которой представленъ во весь ростъ императоръ Константинъ, держащій въ рукѣ городъ, съ другой—императоръ Юстиніанъ, держащій на рукѣ храмъ. Отъ входа шло большое, высокое преддверіе храма въ видѣ галлереи. Потолокъ весь былъ изъ золотой мозаики и по ней кресты изъ той же, только новой; когда они были открыты, то были синяго цвѣта. Но ихъ замѣнили, а все-таки новая мозаика отличала; затѣмъ огромная храмина съ огромнѣйшимъ куполомъ, въ которомъ задѣланы были лики архангеловъ, а крылья оставлены, такъ

какъ для мусульманъ они ничего не выражали. На нашъ взглядъ снизу, это были тѣ же архангелы нашихъ храмовъ. Въ приставленной къ храму башнѣ, ходъ наверхъ былъ покатый, безъ лѣстницы, столь широкій, что можно въѣхать на колесницѣ прямо на хоры съ мраморной балюстрадой. Кругомъ церкви, на балюстрадѣ, во многихъ мѣстахъ еще остались вырѣзанныя греческія надписи. Все было огромно и величественно. Казалось бы, давно пора водрузить крестъ. Какое бы было служеніе православное въ такомъ храмѣ! Говорятъ, султанъ пожелалъ видѣть, когда штукатурка была снята, и будто бы сказалъ Фоссетти: „мусульмане не могутъ видѣть этого, а потому вновь закройте, но такъ, чтобы не испортилось“.

Насъ чествовали обѣдами у европейскихъ пословъ. Замѣчательно было только одно у англійскаго: на столѣ, передъ каждымъ, вмѣсто многочисленныхъ стакановъ и рюмокъ, стояла одна рюмка и кружка стеклянная съ водой; каждый разъ, какъ выпивалось вино, рюмка опрокидывалась въ кружку и вновь вынималась для наполненія. На обѣдѣ у пашей было другое дѣло. Паши живутъ всѣ въ своихъ домахъ на Босфорѣ круглый годъ и ежедневно ѣздятъ на службу въ Порту. Ничего нельзя себѣ представить разумнѣе этого. Домъ, на берегу Босфора, окруженный садомъ, возбуждаетъ зависть въ каждомъ европейцѣ. Экипажъ ихъ каикъ съ 6, 12 гребцами, длинный, узкій, быстрый, какъ стрѣла, красивый, какъ птица; когда онъ васъ обгоняетъ, такъ слышенъ свистъ отъ разрѣза воздуха. Роскошь каиковъ такая же, какъ роскошь въ Европѣ на экипажи. Посольскіе каики тоже держатся на уровнѣ лучшихъ. Каикъ гораздо красивѣе венеціанскихъ гондолъ, настолько же, насколько Босфоръ красивѣе Венеціи.

Обѣды у пашей были въ европейскомъ стилѣ: по 30 кушаній и все, что должно быть горячимъ, подавалось холоднымъ, и наоборотъ, это было настоящее наказаніе. Вино пили изъ нихъ нѣкоторые только и то шампанское, другіе не пили. Затѣмъ уходили въ другую залу и тамъ настоящее угощеніе: трубки, кофе и табакъ и шербетъ—это было безукоризненно.

Когда насъ приглашали обѣдать къ пашамъ, мы отправлялись на пароходѣ и часто вмѣстѣ съ иностранными миссіями. Возвращались вечеромъ назадъ въ лунную ночь. Колеса парохода выгребали изъ волнъ чистое серебро, такъ въ проливѣ много фосфора; весла каиковъ, какъ лопатами, черпали металлъ. Однажды Каннингъ указалъ намъ одно мѣсто, очень

узкое, пролива, куда онъ часто весною, въ каикѣ ночью пріѣзжалъ слушать пѣніе соловьевъ, одновременно слышное на европейскомъ и на азіатскомъ берегахъ—это сближеніе ему нравилось.

Но эти экскурсіи вмѣстѣ начались, когда мы уже сошлись; сначала было совсѣмъ не такъ. На обѣдъ къ в. визирю Каннингъ опоздалъ на цѣлые полчаса. Когда онъ пошелъ, Граббе, нѣсколько обиженный этою неучтивостью, такъ какъ обѣдъ давался въ его честь, громко сказалъ: Probablement m-r l'ambassadeur aime les derniers fruits“ [1]). А за обѣдомъ, когда нужно было пить тостъ за султана, это сдѣлалъ Каннингъ, какъ старшій изъ посланниковъ. Граббе воспользовался и, обратившись къ в. визирю, громко сказалъ: „laissons ces petits avantages à nos ennemis“ [2]).

Дѣла наши дипломатическія были счастливо направлены въ благопріятномъ для насъ смыслѣ. Турки согласились на всѣ предложенія Граббе, наши приготовленія были имъ извѣстны, англичане были далеко и потому уступки были понятны, такъ что все шло уже мирно, но лично для меня это было ущербъ въ томъ отношеніи, что моя поѣздка черезъ Адріанополь въ Бухарестъ дѣлалась ненужною.

Назначенъ былъ день смотра войскъ для насъ, мы пріѣхали въ Порту. На большомъ дворѣ ея было выстроено два батальона съ 2 орудіями. Мы сѣли у окна и съ трубкой и шербетомъ смотрѣли на глупыя эволюціи и слушали безобразно шумную военную музыку.

Другой день назначенъ былъ для представленія султану. Надѣли пожалованные намъ Нишанъ-Ифшигаръ ордена съ брилліантами и въ посольскомъ каикѣ отправились въ Бегларъ-Бей. Чрезвычайно красивъ видъ изъ зала черезъ зеркальныя окна на волны Босфора. Залы всѣ въ зеркалахъ и наполнены разными подарками европейскихъ государей.

Когда свиту посла ввели представляться, я увидѣлъ стоящаго на нѣкоторомъ возвышеніи небольшого господина въ темномъ казакинѣ съ огромнымъ брилліантовымъ орденомъ на шеѣ и на груди, съ разставленными ногами въ калошахъ и, несмотря на наши поклоны, не сдѣлавшаго ни малѣйшаго движенія, какъ будто ему представляли воздухъ. Съ тѣмъ мы и ушли. При выходѣ изъ дворца я видѣлъ, какъ нашъ драгоманъ раздавалъ кошельки придворнымъ.

---

[1]) Вѣроятно, и посланникъ любитъ поздніе фрукты.

[2]) Предоставимъ эти мелкія преимущества нашимъ врагамъ.

Затѣмъ насталъ нашъ день отъѣзда. Мѣсяцъ пребыванія сблизилъ насъ съ членами миссіи. Предубѣжденіе оффиціальное миновало, дѣла были улажены. Пригласили мы посольство съ дамами проводить насъ и провести день съ нами въ благодарность за добродушный ихъ пріемъ и гостепріимство. Сначала сдѣлали прогулку къ Принцевымъ островамъ, по Мраморному морю, обѣдали на пароходѣ, много танцовали. Но наступилъ вечеръ. Мы высадили дамъ у Буюкъ-Дере, гдѣ миссію ждалъ свой пароходъ, и простились не безъ грусти. Мы возвращались всѣ, кромѣ Кочубея, который причисленъ былъ къ миссіи. Онъ скоро послѣ женился на Столыпиной, хотя ему уже грозила грудная болѣзнь; но она, бѣдная, раньше его умерла отъ чахотки въ Одессѣ, и онъ тоже, но уже послѣ второго брака своего съ Молчановой (Волконской).

20 апрѣля, послѣ 32 часового великолѣпнаго плаванія мы были въ Одессѣ. Прошедшее было, какъ очаровательный сонъ, и пока море было подъ глазами, я отъ него не просыпался, но неумолимая дѣйствительность была передъ глазами въ формѣ Одесской гавани, которая казалась теперь лужею съ карантинною стѣною по берегу.

Съѣхали на берегъ прямо въ карантинъ со всѣми предосторожностями зачумленныхъ. Для насъ, простыхъ смертныхъ, это кое-какъ сошло, но каково должно было для Граббе съ его аллюрами и формами средневѣкового рыцаря и немножко Бахчисарайскаго Гирея снимать хламиды и дѣлать телеграфическія движенія крыльевъ передъ карантиннымъ врачемъ, чтобы убѣдиться въ неимѣніи нигдѣ на тѣлѣ чумныхъ признаковъ. Дикіе люди могутъ быть величественными и голыми, мы, бѣлые, безъ рубашекъ смѣшны. Грустно видѣть себя за рѣшеткою, хотя помѣщеннымъ со всѣми возможными удобствами, но карантинъ такая вещь, что когда всѣ мелочныя предосторожности практикуются постоянно, тогда онъ только что-нибудь да значитъ. Въ Турціи уже давно не слышно было о чумѣ, но надъ нами весь процессъ продѣлывали, какъ надъ зачумленными. Къ сожалѣнію, нужно прибавить, что когда чума была, то два раза она была завезена въ карантинъ и 2 раза проникла въ городъ. Мы были послѣдніе, выдержавшіе 14 дней заточенія. Это время, нужно сознаться, было проведено безъ пользы. Я и Гейденъ составляли записки о видѣнномъ военномъ дѣлѣ въ Турціи. Свѣдѣній много собрать было трудно въ одинъ мѣсяцъ, когда въ нашей миссіи совершенно ничего не знали о томъ, что дѣлается въ военной сферѣ у турокъ. Обыкновенно день

проводили вмѣстѣ. Въ 12 часовъ начинался завтракъ, морская рыба и запасы изъ Константинополя играли большую роль въ нашей кухнѣ; въ 5 обѣдали, вечеромъ выходили гулять и любоваться на закатъ солнца, потомъ садились играть въ вистъ и въ 12 ужинали. Но въ три присѣста мы проводили часовъ 6 — 7 за столомъ, разговоръ былъ нескончаемъ. Мы видѣли только теперь близко Граббе, когда поселились въ однѣхъ комнатахъ. Иногда Истоминъ разсказывалъ про Англію, которую ставилъ въ примѣръ всему, и когда съ нимъ начинали спорить, онъ спрашивалъ: „Были ли вы въ Англіи“. — „Нѣтъ“. — „Такъ я и спорить съ вами не буду“. Главнымъ разсказчикомъ былъ Граббе. Факты изъ отечественной войны, Польской войны 1831 г. и Кавказа давали безконечную тему разсказа. Павелъ Христофоровичъ владѣлъ языкомъ устнымъ и письменнымъ прекрасно, выражался одинаково по-русски и по-французски краснорѣчиво, но фраза у него играла важную роль. Фраза не импровизированная, а когда-то сказанная прежде. Разсказы были эпизодическіе, какъ бы печатные; онъ самъ въ нихъ игралъ значительную роль. Онъ много читалъ, умъ его былъ образованъ классически, онъ любилъ поэзію. Но постоянное держаніе себя въ подъоблачныхъ сферахъ придавало мало натуральнаго всему, что онъ говорилъ, и, несмотря на его чрезвычайно благородный, возвышенный характеръ, доблестное военное служеніе, онъ на многихъ производилъ невыгодное впечатлѣніе и въ особенности не всегда правдиваго человѣка, и это только ради фразы, которою онъ дорожилъ, и она повторялась у него непремѣнно, неизбѣжно на однажды найденномъ для нея мѣстѣ.

Примѣры были такого рода: въ 12 году онъ былъ артилерійскимъ поручикомъ, у Ермолова ординарцемъ. Въ Бородинскомъ сраженіи онъ пріѣзжаетъ на правый флангъ позиціи къ дивизіи Паскевича, видитъ, что французы отняли у него батарею. Самъ Паскевичъ — comme Dieu Therme — стоитъ недвижимъ, Граббе беретъ два гренадерскіе батальона изъ его дивизіи, возвращаетъ съ ними взятыя французомъ орудія, подъѣзжаетъ къ Паскевичу и говоритъ: „вотъ ваши орудія, генералъ“. Паскевичъ не сказалъ мнѣ ни слова, — прибавлялъ Граббе, не имѣлъ даже великодушія поблагодарить офицера за блистательный поступокъ“. Другой эпизодъ: Мюратъ дѣлалъ фланговое движеніе передъ нашими двумя корпусами, имѣя за собою рѣку. Милорадовичъ хотѣлъ воспользоваться ошибкою Мюрата и притиснуть его къ рѣкѣ. Посылаетъ Граббе,

который состоялъ при немъ въ это время, сказать Раевскому, командовавшему авангардомъ, чтобы онъ сильно атаковалъ тотчасъ же непріятеля. Граббе пріѣхалъ къ передовой цѣли стрѣлковъ и, не найдя начальниковъ, прямо самъ повелъ войска въ атаку. Раевскій, наѣхавъ на эту сцену, строго спросилъ: „Кто это здѣсь распоряжается“, и прогналъ Граббе. „Тогда я окинулъ его презрѣніемъ“, говоритъ Граббе и, пріѣхавъ къ Милорадовичу, сказалъ ему: „у васъ нѣтъ генерала въ авангардѣ“.

Кто знаетъ войну и велъ ее, тому невольно кажутся странными такіе эпизоды съ артиллерійскимъ поручикомъ и ординарцемъ. Сколько бы разъ, однако же, Граббе ни возвращался къ этому разсказу, онъ его передавалъ одинаково, слово въ слово, фраза въ фразу. Мы очень уважали Павла Христофоровича и по репутаціи и за манеру держать себя. Для насъ были иногда тяжелы его разсказы, они такъ были наполнены его лицомъ и часто уваженіемъ другихъ, которыхъ имена мы привыкли также уважать съ дѣтства.

Къ рѣшеткѣ карантина иногда вызывалъ Граббе или Истомина адмиралъ Лазаревъ. Небольшой ростомъ, сутуловатый Михаилъ Петровичъ уже пользовался громкою репутаціей, и мы смотрѣли на него съ любопытствомъ, а разсказы Истомина про него интересовали насъ. Меня къ рѣшеткѣ вызывалъ мой старшій братъ Павелъ, служившій въ Одессѣ адъютантомъ у генералъ-губернатора Ѳедорова. Онъ имѣлъ много способностей къ службѣ, которую несъ въ штабѣ, и былъ всегда полезенъ Къ сожалѣнію, это продолжалось не долго.

Венгерская война уже началась — Государь былъ въ Варшавѣ, и мы отправились туда. На прощаніе зашли мы съ братомъ въ церковь, помолились. Онъ благословилъ меня, какъ старшій, образомъ дорожнымъ, и съ тѣхъ поръ онъ меня не покидаетъ.

Воспоминаніе о спектаклѣ въ Эрмитажномъ театрѣ.

И сколькихъ нѣтъ теперь въ живыхъ,
Тогда веселыхъ, молодыхъ...

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1889 года Его, Высочество Великій Князь Сергѣй Александровичъ устраивалъ, для нынѣ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра III-го спектакль въ Эрмитажномъ театрѣ. Ставилась третья часть трилогіи гр. А. Толстого „Царь Борисъ". Въ качествѣ артистовъ выступали: Великій Князь Сергѣй Александровичъ, исполнявшій роль царевича Ѳедора, сына Годунова, Его Высочество Вел. Кн. Павелъ Александровичъ въ роли королевича Шведскаго Христіана, Его Высочество молодой принцъ Ольденбургскій, взявшій на себя скромную роль одного изъ турокъ свиты турецкаго посла, В. и М. Мятлевы, кн. Васильчикова, два Стаховича, гр. Воронцовы-Дашковы, кн. И. Мещерскій, много офицеровъ Преображенскаго полка, которымъ въ то время командовалъ Вел. Кн. Сергѣй Александровичъ, нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ и гусаръ, словомъ, высшее общество, среди котораго мелькали юныя лица воспитанниковъ морского кадетскаго корпуса, тоже привлеченныхъ Великимъ Княземъ къ участію въ спектаклѣ и насъ, ученицъ и учениковъ Спб. Императорскихъ драматическихъ курсовъ. Ставилъ спектакль нашъ учитель драматическаго искусства, Николай Ѳедоровичъ Сазоновъ. Репетиціи длились цѣлый мѣсяцъ. Помню, какъ сейчасъ, то чувство особеннаго возбужденія и подъема нервъ, который испытывала почти каждая изъ насъ, когда наши театральныя кареты останавливались на набережной Невы у маленькаго подъѣзда, ведущаго въ театръ Эрмитажа. Поднимаясь по широкой лѣстницѣ, мы предъявляли придворнымъ лакеямъ наши входные билеты и расходились по уборнымъ, а оттуда за кулисы, гдѣ въ ожиданіи выхода на

сцену весело болтали съ толпой военной молодежи, что, впрочемъ, было строго запрещено нашимъ режиссеромъ, при появленіи котораго мы, какъ стая вспугнутыхъ птицъ, разбѣгались въ стороны.

Репетиціи, какъ я уже говорила, начались въ концѣ декабря и въ концѣ января закончились тремя спектаклями. Въ началѣ февраля всѣ участвующіе были сняты въ различныхъ группахъ. Какъ грустно было въ послѣдній разъ выходить изъ театра, зная, что никогда больше не повторится то счастливое, веселое время репетицій.

По роскоши костюмовъ и декорацій спектакль въ Эрмитажѣ представлялъ что-то особенное, даже намъ, ученицамъ, исполнявшимъ почти безсловесныя роли монахинь, нищихъ и московскихъ людей, шились новые костюмы и обувь. Сцена пріема Годуновымъ иностранныхъ пословъ, послѣ его торжественнаго коронованія, была обставлена съ большой роскошью и пышностью. Царскія палаты съ расписными потолками и стѣнами, пестрота одеждъ пословъ, царь Борисъ на тронѣ въ парадномъ царскомъ одѣяніи, его жена, дѣти въ атласныхъ расшитыхъ золотомъ нарядахъ, окруженныя рындами въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, группа боярышенъ, окружающая царевну Ксенію, пестрѣющая нѣжными красками сарафановъ,— все ласкало глазъ красивымъ сочетаніемъ цвѣтовъ. Представленіе царю Борису каждаго посла сопровождалось звуками бубенъ и литавровъ. Особенно типиченъ былъ турецкій посолъ въ лицѣ полковника К. Прежбяно, Левъ Сапѣга въ лицѣ И. Вельяшева ученика нашихъ курсовъ. Радостный звонъ колоколовъ, мастерски переданный, гудѣлъ, разливаясь по палатѣ, и вполнѣ довершалъ картину торжественнаго дня. И рядомъ съ этой роскошью яркимъ ей контрастомъ являлась толпа народа и нищихъ, допущенныхъ предъ ясныя царскія очи, грязная, оборванная, съ шумомъ и причитываньемъ, врывающаяся въ царскія палаты. Народная сцена на Красной площади, за исключеніемъ кн. Гагарина, исполнявшаго роль боярина Шуйскаго, была обставлена ученицами и учениками драматическихъ курсовъ. Много труда стоила постановка этой сцены покойному Николаю Ѳедоровичу Сазонову, но за то и прошла хорошо. Не помню, кто игралъ боярина Клешнина, (часть хранящейся у меня афиши оторвана), кажется, Стаховичъ младшій, но его сцена съ царемъ Борисомъ глубокою ночью въ покояхъ царя производила сильное впечатлѣніе. Всѣ мы съ замираніемъ сердца прислушивались къ его глухому

сильному басу и заключительнымъ словамъ, обращеннымъ къ Борису: „Такъ умирай, какъ песъ". Въ антрактѣ игралъ придворный струнный оркестръ.

На память объ этомъ спектаклѣ я храню афишу, изображающую свитокъ царской граматы съ царской печатью. Когда порою случается мнѣ просматривать эту афишу, то какъ живые встаютъ предо мной всѣ участвующіе и грустно становится при мысли, что уже многихъ участниковъ взяла могила, и главный устроитель, которому многіе изъ насъ обязаны весело проведенными днями, погибъ ужасной смертью. Я такъ и вижу высокую фигуру Вел. Кн. Сергѣя Александровича въ нѣжно голубомъ кафтанѣ, въ шапкѣ съ бобровою опушкой, впереди которой горитъ и переливается чудный сапфиръ. Стоя за кулисами, Вел. Кн. часто разговаривалъ съ В. Мятлевой, исполнявшей роль царицы Маріы или съ М. Мятлевой бывшей прелестной царевной Ксеніей. За полтора мѣсяца, проведенныхъ въ Эрмитажѣ въ репетиціяхъ, Вел. Кн. Сергѣй Александровичъ показалъ себя радушнымъ и внимательнымъ хозяиномъ. По окончаніи спектаклей Его Высочество, собравъ насъ вокругъ себя въ фойэ, очень любезно благодарилъ насъ за участіе, говоря, что народныя сцены прошли такъ удачно потому, что всѣ мы съ полной добросовѣстностью отнеслись къ своимъ незначительнымъ ролямъ.

Не помню, было ли это на генеральной репетиціи или уже на спектаклѣ, но дѣло вышло такъ: я стою у опущеннаго занавѣса и, приложивъ глазъ къ отверстію среди него, разсматриваю блестящее общество, собравшееся въ ожиданіи начала представленія, и стараюсь отыскать Его Величество Государя Императора Александра III-го. Передо мной амфитеатромъ возвышались мѣста для зрителей, занятыя блестящей публикой, ярко освѣщенной электрическими люстрами. На красномъ бархатѣ обивки скамей красивыми группами выступали, роскошные туалеты дамъ, блестящіе мундиры военныхъ, среди которыхъ виднѣлись и фраки статскихъ. Въ зрительной залѣ стоялъ говоръ голосовъ, шелестъ шелковыхъ платьевъ, иногда раздавался легкій смѣхъ. Но глаза мои усердно искали высокую, полную фигуру Государя и увидѣли его посреди зрительнаго зала въ первомъ ряду въ широкомъ, нарочно для Его Величества, поставленномъ креслѣ. Величаво спокойное лицо Монарха было для меня всегда полно глубокой привлекательности. Я помню, съ какимъ восторгомъ, будучи еще дѣвочкой, смотрѣла я на Государя во время его посѣщенія театральнаго училища, когда мы, дѣти, окруживъ его тѣсной толпой, стара-

лись незамѣтно поцѣловать полу его военнаго сюртука. Какъ просили мы дать намъ поцѣловать его руку, но Государь всегда неизмѣнно отклонялъ это наше желаніе. Сдѣлавшись взрослой, я все-таки всегда съ какимъ-то сладкимъ умиленнымъ чувствомъ смотрѣла на Царя Миротворца. Стоя передъ занавѣсомъ, я бывала счастлива, если удавалось услышать его громкій спокойный голосъ, разобрать произнесенныя имъ слова. Въ то время, какъ я, вся поглощенная представлявшейся мнѣ интересной картиной, не въ силахъ была отъ нея оторваться, чей-то голосъ за моей спиной не громко произнесъ:

— „Позвольте мнѣ посмотрѣть".

Не оборачиваясь, я нетерпѣливо отвѣтила:

— „Сейчасъ, подождите", все не отрывая глазъ отъ занавѣса. Снова мнѣ говорятъ:

— „Я васъ прошу, дайте мнѣ посмотрѣть".

— „Сейчасъ, сейчасъ".

Тогда чья-то рука опускается на мое плечо, и тотъ же голосъ, но громче и настойчивѣе произноситъ:

— „Я васъ очень прошу уступить мнѣ мѣсто".

Я быстро оборачиваюсь и къ моему великому смущенію и страху очутилась лицомъ къ лицу съ Вел. Кн. Сергѣемъ Александровичемъ. Бормоча: „Ради Бога, Ваше Высочество, извините меня", я просто не знала, что дѣлать.

Видя мое замѣшательство, Великій Князь ласково сказалъ:

— „Ничего, ничего" и не обращая на меня больше вниманія, повидимому, не желая усиливать мое смущеніе, подошелъ къ оставленному мною мѣсту у занавѣса.

Скоро послѣ этого спектакля я уѣхала изъ Петербурга, и только въ 1903-мъ году мнѣ снова пришлось увидѣть Его Высочество въ Москвѣ, когда Великій Князь вмѣстѣ съ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ Николаемъ II-мъ посѣтилъ I-й Московскій кадетскій корпусъ. Я была поражена происшедшей съ нимъ за эти годы перемѣной,—такъ похудѣлъ и постарѣлъ Великій Князь.

Прошло еще два года, и вѣсть объ ужасной кончинѣ Великаго Князя пронеслась по всей Россіи. До сихъ поръ живо въ душѣ моей воспоминаніе о времени, проведенномъ въ Эрмитажѣ, сердце полно лучшихъ чувствъ къ мученически скончавшемуся Великому Князю, и я горячо молюсь за упокоеніе души его и дарованіе ему полнаго блаженства у Престола Всевышняго.

В. Дометти.

Воспоминанія о Петрѣ Семеновичѣ Ванновскомъ.

На старости лѣтъ, живя въ покоѣ, въ глуши, невольно перебираешь въ памяти все пережитое и испытанное, въ особенности, если приходится читать что-либо о личностяхъ, съ которыми я самъ когда-то непосредственно соприкасался.

Такъ, прочитавъ нѣсколько воспоминаній о П. С. Ванновскомъ, мнѣ, никогда не писавшему для печати, показалось, что и я могу принести свою лепту къ характеристикѣ этого, извѣстнаго военному міру, да и не одному только военному міру,— человѣка.

Въ первый разъ въ жизни я увидалъ грознаго военнаго министра въ Варшавѣ, гдѣ онъ знакомился съ военными учрежденіями и, между прочимъ, неожиданно посѣтилъ Варшавскій артиллерійскій арсеналъ; за отсутствіемъ начальника, — мнѣ, какъ помощнику, приходилось давать объясненія.

Военный министръ сразу высказалъ явное недовѣріе, онъ во всемъ сомнѣвался,—какъ хозяинъ, убѣжденный, что всѣ кругомъ его обманываютъ.

Вопросы его были кратки, замѣчанія суровы, но я, будучи не изъ боязливыхъ, да мнѣ, впрочемъ, и нечего было опасаться,— давалъ прямые и немногословные отвѣты.

Приведу кое-что изъ этой, достаточно оригинальной и для меня необычайной бесѣды.

Войдя въ одну изъ мастерскихъ, министръ сказалъ:—Темно! Было 7 часовъ вечера, работъ уже не было.

— Темно, ваше высокопревосходительство, отвѣтилъ я, имѣя въ виду темное помѣщеніе.

— Темно!—повторилъ П. С. Ванновскій... Я догадался, и спросилъ у него разрѣшенія зажечь газъ.

Въ томъ же зданіи, въ верхнемъ этажѣ, находились казармы нижнихъ чиновъ арсенала. Не ожидая прибытія министра, нижніе чины расположились, по обычаю, группами около кроватей,—съ чайниками и булками.

Войдя въ казарму, министръ поздоровался и, увидя это милое чаепитіе, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Это для показа?

Я нашелъ нужнымъ его успокоить и объяснилъ, что солдаты, мастеровые арсенала, получаютъ сверхъ обыкновеннаго содержанія,—еще и денежное вознагражденіе, которое даетъ имъ возможность держать свой чай.

На стѣнахъ этой же казармы, по почину начальника арсенала, висѣли дощечки съ евангельскими текстами и иными, высоконравственными наставленіями.

— Кто это завелъ?

И тутъ же, не дожидаясь отвѣта, замѣтилъ:—Вѣрно, ничего не исполняется!

Затѣмъ П. С. Ванновскій по прежнему лаконически проговорилъ:

— Мало воздуха!

Я указалъ ему на кубическое содержаніе помѣщенія, выписанное, по положенію, на одной изъ висящихъ на стѣнѣ таблицъ.

— Кто измѣрялъ? спросилъ министръ.

— Комиссія, при участіи инженера и врача, ваше высокопревосходительство,—отвѣтилъ я.

Министръ проговорилъ:

— Инженеръ, докторъ... Махнулъ рукой и вышелъ изъ казармы.

Собравшееся тѣмъ временемъ начальство, артиллерійское и инженерное,—весьма робко держалось въ сторонѣ, предоставивъ меня всецѣло на „съѣденіе“ министра.

Но пока,—все шло благополучно, и настроеніе мое было не только не смущенное, а даже веселое.

Мы подошли къ одному изъ злополучныхъ зданій арсенала, въ которомъ были настолько большія трещины, что намъ было запрещено въ немъ работать.

Я услышалъ за собою осторожный голосъ всегда смѣлаго, насмѣшника и остряка—строителя:

— Доложите о трещинахъ въ кузницѣ...

Повторяю,—настроеніе мое было настолько хорошее, что я вздумалъ подшутить надъ строителемъ, обратился къ министру и сказалъ, что такой-то хочетъ доложить о трещинахъ въ строеніи, а самъ стушевался совершенно, такъ какъ прибылъ начальникъ арсенала.

Когда осмотръ окончился, министръ, въ числѣ своихъ замѣчаній, выразилъ удивленіе, что казенное учрежденіе мѣстится въ такихъ развалинахъ, затѣмъ, поблагодаривъ начальниковъ отдѣловъ, сталъ оглядываться и искать кого-то, и, увидавъ меня,—подалъ руку и поблагодарилъ.

Результатомъ этого посѣщенія было неожиданное (и удивившее многихъ) пріобрѣтеніе въ казну огромнаго стале-литейнаго завода Лильпопъ, Рау и Левенштейнъ на окраинѣ Варшавы.

Этотъ заводъ былъ перестроенъ для цѣлей артиллерійскаго техническаго заведенія; прежній же арсеналъ, расположенный въ центральной части Варшавы,—былъ проданъ. Эта комбинація обѣщала для казны большія выгоды, но въ результатѣ ихъ не оправдала, и пріобрѣтенный заводъ оказался мало подходящимъ для арсенала.

При слѣдующемъ пріѣздѣ въ Варшаву П. С. Ванновскій обходилъ новый арсеналъ. Вѣроятно, онъ хорошо помнилъ большія ассигнованія, и вполнѣ оцѣнилъ то, что получилось на дѣлѣ изъ пресловутой „выгодной комбинаціи“ пріобрѣтенія и перестройки этого завода.

Онъ очень добродушно обратился къ начальнику арсенала и сказалъ:

— Купите мой литографированный портретъ, стоющій въ Петербургѣ 15 коп., и повѣсьте его въ арсеналѣ... въ знакъ того, что министръ допустилъ глупость!

Я уже не служилъ тогда въ арсеналѣ, но записалъ этотъ эпизодъ и передаю со словъ присутствовавшаго.

Въ 1892 году совершенно неожиданно мнѣ было предложено занять должность управляющаго хирургическимъ инструментальнымъ заводомъ военно-медицинскаго вѣдомства.

Не имѣя никакого понятія объ этомъ учрежденіи, и такъ какъ въ Варшавѣ никто мнѣ не могъ дать какого-либо указанія,—я поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ въ главномъ артиллерійскомъ управленіи, въ числѣ другихъ свѣдѣній, мнѣ сказали, что заводъ этотъ, по отчету Государственнаго Контроля,—признанъ убыточнымъ для казны... Кромѣ этого, воен. медицин. вѣдомство не было удовлетворено необходимымъ количествомъ хи-

ургическихъ инструментовъ, качество которыхъ также не одобрялось господами медиками.

Мало того, въ теченіе долгаго времени на заводѣ обнаруживались безпорядки и неурядица, а потому заводъ подлежитъ закрытію.

Но не такъ судилъ П. С. Ванновскій и рѣшилъ иначе: исходя изъ того соображенія, что артиллерійскія техническія заведенія, управляемыя артиллерійскими офицерами-техниками, существуютъ не въ убытокъ, а на пользу казны, П. С. Ванновскій приказалъ указать ему на арсенальнаго штабъ-офицера, для назначенія управляющимъ заводомъ, вмѣсто полагавшагося по штату военнаго врача, и если эта мѣра окажется удачной — не упразднять заводъ.

Принимая это предложеніе, я поставилъ условіемъ, чтобы мнѣ было присвоено полное содержаніе, получаемое предшественникомъ моимъ, докторомъ, а также право возвращенія на службу въ артилерію, когда я этого пожелаю.

Когда объ этомъ доложили министру, онъ сказалъ:

— Много ему давать не слѣдуетъ, такъ какъ скоро вѣроятно сбѣжитъ оттуда, и тогда ему придется сохранить большое содержаніе.

Назначеніе мое состоялось, и вторично я предсталъ подъ грозныя очи военнаго министра, на общемъ пріемѣ въ зданіи министерства.

Дойдя до меня, онъ сказалъ, что потомъ со мной поговоритъ, и по окончаніи пріема,—пригласилъ меня съ собою, въ свой кабинетъ. Начало его бесѣды со мной было въ высшей степени оригинально:

— Жаль мнѣ васъ, полковникъ! Назначилъ я васъ въ болото и не знаю, какъ вы изъ него вылѣзете...

Затѣмъ, министръ обрисовалъ въ ужасныхъ краскахъ положеніе завода, доведеннаго до этого неумѣлыми дѣйствіями управляющихъ и чинами завода. Между прочимъ онъ указалъ, чтобы мною были заведены арсенальные порядки, и первымъ дѣломъ,— устраненъ весь настоящій личный составъ.

Мнѣ оставалось только заявить министру, что приложу всѣ стараніе, чтобы исполнить возложенную на меня задачу, и просить его разрѣшить мнѣ пока—не увольнять весь личный составъ, такъ какъ я, будучи свѣдущимъ и имѣя опытъ въ артиллерійской техникѣ,—совершенно незнакомъ со спеціаль-

нымъ дѣломъ изготовленія хирургическихъ инструментовъ, и могъ бы въ первое время воспользоваться знаніемъ наличныхъ чиновъ.

На это министръ сказалъ:

— Хорошо, дѣлайте какъ хотите... но чтобы они отсидѣли аресты, которые я имъ назначилъ.

Началось для меня страдное время, но, несмотря на это, меня захватывало высоко интересное, новое для меня дѣло и немало удивляла своеобразная мнѣ совершенно чуждая среда, въ которой мнѣ пришлось дѣйствовать.

Во главѣ вѣдомства стоялъ тогда немалаго ума, ловкій, властный человѣкъ. Это былъ главный военно-медицинскій инспекторъ Адольфъ Александровичъ Реммертъ, страстный до увлеченія любитель организовать и строить, пріятель П. С. Ванновскаго.

Я прохожу мимо всего любопытнаго изъ этой пятилѣтней моей службы, не имѣющаго непосредственной связи съ личностью П. С. Ванновскаго.

Недѣли черезъ три послѣ моего вступленія въ новую должность, я находился въ мастерскихъ завода, раздумывая, за что мнѣ взяться, теряясь, съ чего начать, ибо все требовало коренного измѣненія.

Вотъ, находясь въ состояніи такой нерѣшительности,—вижу,—бѣжитъ ко мнѣ вахтеръ завода.

Кстати сказать, я долго не могъ себѣ уяснить, что это за должность, а вахтеръ высокій, сѣдой красавецъ-старикъ съ солдатской выправкой—меня интересовалъ.

Такъ вотъ,—подбѣгаетъ ко мнѣ этотъ самый вахтеръ и взволнованно докладываетъ:

— Петръ Семеновичъ изволили пріѣхать!...

Именно: не военный министръ, а прямо Петръ Семеновичъ.

Входитъ министръ и прежде всего обратился къ вахтеру:

— Здравствуй, старина!

И поцѣлуй въ губы. Затѣмъ уже, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Здравствуйте... Поберегите мнѣ этого старика. Это бывшій фельдфебель той роты, которой я командовалъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскомъ полку.

Мы стали обходить заводъ. Министръ замѣтилъ, что не былъ здѣсь еще ни разу, и что онъ пораженъ убогимъ, грязнымъ видомъ и страннымъ устройствомъ этого казеннаго учрежденія. На работѣ было человѣкъ двадцать мастеровыхъ, остальные (тоже около 20) по случаю понедѣльника отсутствовали.

Пріѣхалъ и главный военно-медицинскій инспекторъ. Обходъ продолжался при полномъ молчаніи, но въ жиломъ помѣщеніи мастеровыхъ и учениковъ, — министръ не выдержалъ и сказалъ:

— Да здѣсь днемъ клопами пахнетъ!

Выходимъ на дворъ: П. С. Ванновскій, прощаясь съ инспекторомъ, неожиданно замѣчаетъ:

— Schmutzig, schlecht, Адольфъ Александровичъ!(т.-е. грязно, скверно).

Затѣмъ, обратившись ко мнѣ:

— Ну, полковникъ, приводите въ порядокъ, желаю вамъ успѣха!

Министръ распрощался и уѣхалъ.

Посѣщеніе это имѣло самыя лучшія послѣдствія: на другой день явилось на заводъ инженерное начальство, окружное и главное, интересуясь тѣмъ, что говорилъ министръ, на что обратилъ вниманіе и т. п.

Между прочимъ, мнѣ дали понять, что могутъ быть приняты всѣ мѣры къ установленію благоустройства, въ помѣщеніяхъ, если я только сдѣлаю заявленіе.

Первое мое требованіе въ этомъ направленіи, заключавшее только самое необходимое,—было признано необычайно скромнымъ, но я уклонился отъ болѣе широкихъ, хотя тоже весьма необходимыхъ перестроекъ и ремонта зданій, принимая во вниманіе, что столь большіе расходы явились бы слишкомъ обременительными, при ничтожномъ пока производствѣ завода.

Все постепенно шло къ лучшему, число мастеровыхъ увеличилось до 150, ручной трудъ въ выдѣлкѣ инструментовъ успѣшно замѣнялся механическимъ, качество издѣлій значительно улучшалось.

Совершенно неожиданно предсталъ передо мною однажды артиллерійскій полковникъ [1]), въ мундирѣ при орденахъ, и заявилъ, что онъ присланъ военнымъ министромъ, для ознакомленія съ дѣятельностью завода, въ смыслѣ выгодности таковой для казны.

Но этотъ мотивъ былъ только ширмой, за которой скрывался доносъ. Я вскорѣ убѣдился въ этомъ, но молча ожидалъ, что будетъ дальше.

---

[1]) Это былъ недавно умершій профессоръ артилл. академіи генералъ Барановскій.

Мои подозрѣнія оправдались. Когда, послѣ 2-хъ недѣльной работы,—все оказалось въ порядкѣ и заводъ былъ признанъ вполнѣ полезнымъ для казны, полковникъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, задалъ мнѣ вопросъ:

— Не случалось ли у васъ при пріобрѣтеніи механическихъ станковъ неудачи? Не оказывались ли между купленными станками негодные?

Я отвѣтилъ отрицательно, т. к. такого случая при мнѣ не было на заводѣ.

Когда же полковникъ продолжалъ развивать эту тему,—я позвалъ механика и главнаго мастера и повторилъ имъ вопросъ полковника, но и они оба отвѣтили отрицательно.

Немного подумавъ, однако, главный мастеръ припомнилъ, не идетъ ли рѣчь о тѣхъ 3-хъ станкахъ, которые доставилъ на заводъ безъ заказа, а лишь только для опыта,—заводчикъ Струкъ? Станки эти еще не были взяты заводчикомъ обратно, послѣ признанія ихъ непримѣнимыми на заводѣ.

Тутъ уже я понялъ все: это было дѣло нашего старика, вахтера Орлова, о которомъ упоминалось уже раньше. Вахтеръ имѣлъ, какъ оказалось, свои личные взгляды и усмотрѣнія на на мои дѣйствія на заводѣ и докладывалъ о нихъ, по невѣжеству своему, вкривь и вкось,—своему благодѣтелю, Петру Семеновичу.

Недоразумѣніе тотчасъ же выяснилось, но я просилъ полковника, т. к. дѣйствительная цѣль его миссіи уже перестала быть секретомъ,—передать министру, что при условіяхъ подобнаго недовѣрія я не нахожу возможности продолжать управлять заводомъ и прошу меня отпустить обратно въ артиллерію. Полковникъ обѣщалъ доложить, но предупредилъ, что съ Петромъ Семеновичемъ не всегда удается говорить прямо.

Конечно, мнѣ было выражено черезъ начальство полное удовольствіе по поводу неоправдавшагося доноса, а также благодарность за блестящее состояніе завода, а вскорѣ даже самъ Петръ Семеновичъ нашелъ удобный случай на большомъ, торжественномъ собраніи выразить мнѣ свое расположеніе и благодарность.

Не безъ цѣли я, въ этихъ воспоминаніяхъ, дошелъ, наконецъ, до этой маленькой исторіи съ доносомъ. Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ въ воспоминаніяхъ „О П. С. Ванновскомъ“, уже упоминалось о томъ, что онъ любилъ доносы. Не берусь, однако, окончательно судить объ этомъ, но вотъ къ какому заключенію

я невольно прихожу: не лучше ли было бы, если бы государственные дѣятели стали выше такихъ мелочныхъ дѣйствій, какъ только что разсказанное мною, если бы недостающее имъ творчество и знаніе въ принятыхъ на себя великихъ обязанностяхъ они не замѣщали бы маленькими дѣлами, входящими развѣ въ кругъ дѣйствій хорошихъ, заботливыхъ управителей, и не въ этомъ ли, отчасти, источникъ нашихъ бѣдствій на Дальнемъ Востокѣ, отъ которыхъ до сихъ поръ сердце не перестаетъ болѣзненно сжиматься?

О. Фридландеръ.

Великій князь Николай Михаиловичъ [1])

Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна.

Императоръ Александръ I въ Варшавѣ въ 1818 г.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1816 года въ Петербургъ пріѣхалъ вновь назначенный австрійскій посланникъ Лебцельтернъ.

„Помните, что было въ Калишѣ? Вы говорили о своемъ возвращеніи въ Петербургъ какъ о несбыточной мечтѣ: вы то и дѣло повторяли: это невозможно! А вотъ вы и пріѣхали къ моему величайшему удовольствію!“ Этими словами Императоръ Александръ встрѣтилъ посланника, который былъ назначенъ въ Петербургъ по его настоянію.

Въ дальнѣйшей, довольно продолжительной аудіенціи, Государь высказалъ свое искреннее расположеніе къ императору Францу, говорилъ о необходимости державамъ дѣйствовать совмѣстно, строго держась трактатовъ, и между прочимъ выразилъ увѣренность въ томъ, что союзъ Россіи и Австріи будетъ выгоденъ обѣимъ имперіямъ и что онъ долженъ быть положенъ въ основу русской политики.

„Вашъ императоръ знаетъ меня; онъ одинъ меня понимаетъ Онъ знаетъ, что значитъ мое слово, и до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ вѣрить ему, я готовъ скорѣе погибнуть, чѣмъ обмануть его довѣріе“, говорилъ Государь.

И въ послѣдующихъ своихъ бесѣдахъ съ Лебцельтерномъ Государь неизмѣнно высказывалъ свою симпатію къ императору

---

[1]) См. „Русская Старина“ декабрь 1913 г.

Францу и свою полную готовность притти ему на помощь, если бы таковая понадобилась; съ удовольствіемъ вспоминалъ о своемъ пребываніи въ Вѣнѣ, о пріемѣ, который ему былъ оказанъ, и выражалъ желаніе еще разъ посѣтить столицу Австріи.

„Тотъ моментъ, когда я снова увижу Вѣну, будетъ лучшимъ моментомъ моей жизни", говорилъ Государь, давая понять, что ему было бы пріятно, если бы предположенное на осень 1817 г. свиданіе монарховъ состоялось въ Вѣнѣ. На этомъ Александръ впрочемъ не настаивалъ, но онъ ни разу не сказалъ Лебцельтерну, что ему было бы пріятно принять монарховъ у себя; онъ повторялъ только, что подчинится рѣшенію Ихъ Величествъ.

„Я сдѣлаю все, что пожелаютъ Ихъ Величества; пусть они изберутъ мѣсто свиданія, я вполнѣ подчинюсь ихъ желанію", говорилъ Государь.

Передавая эти слова, Лебцельтернъ присовокупляетъ: „императоръ *несомнѣнно желаетъ, чтобы свиданіе состоялось въ Вѣнѣ*; онъ неоднократно давалъ мнѣ понять это. Онъ любитъ Вѣну, то и дѣло вспоминаетъ о развлеченіяхъ, которыя онъ тамъ имѣлъ; съ тѣхъ поръ въ своей столицѣ ему ничто не нравится, ничто не интересуетъ его. По возвращеніи изъ Вѣны онъ чувствуетъ какую-то пустоту и скуку".

„Трудно повѣрить, писалъ Лебцельтернъ 20 (8) марта 1817 г., что, возвратясь въ Петербургъ послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, Императоръ до того былъ недоволенъ русскими, что онъ вздумалъ привлечь къ себѣ поляковъ, оказавъ имъ всякія милости. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ самымъ удивительнымъ образомъ выказалъ русскимъ свое неудовольствіе; день его пріѣзда былъ скорѣе днемъ печали, нежели днемъ народнаго торжества. Губернаторъ, по его приказанію, велѣлъ снять все приготовленное для иллюминаціи города, и Императоръ, никого не принявъ, проѣхалъ на Каменный островъ. Онъ былъ увѣренъ, что въ Петербургѣ его не съумѣютъ оцѣнить такъ, какъ его цѣнили за границей, гдѣ ему воскуряли ѳиміамъ. Всѣ его помыслы были обращены къ Польшѣ. Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ онъ увидѣлъ, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе недобросовѣстными донесеніями полиціи и тайныхъ шпіоновъ, что его русскіе подданные ожидали его возвращенія съ нетерпѣніемъ и были обижены столь холоднымъ его отношеніемъ... Въ это время Александромъ и были приняты тѣ благопріятныя полякамъ мѣры, прискорбныя послѣдствія которыхъ онъ теперь понимаетъ".

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1818 года Императоръ Александръ Павловичъ отправился въ Варшаву на открытіе перваго польскаго сейма, гдѣ имъ была произнесена его знаменитая рѣчь, приведшая въ восторгъ поляковъ, но встрѣченная въ Россіи съ совершенно иными чувствами.

Среди блестящей свиты, окружавшей Государя въ Варшавѣ, находились принцъ Филиппъ Гессенъ-Гомбургскій и состоявшій при немъ маіоръ графъ Кламъ-Мартиницъ, командированные въ Польшу австрійскимъ правительствомъ для присутствія на маневрахъ, которые должны были состояться во время пребыванія императора въ Варшавѣ.

Эти лица были выбраны Меттернихомъ съ его обычнымъ умѣніемъ; въ своихъ интереснѣйшихъ донесеніяхъ они сообщили ему не только свои заключенія относительно спеціальнаго предмета ихъ миссіи, но и сдѣлали весьма любопытные выводы изъ своихъ наблюденій.

Принцъ Гессенъ-Гомбургскій имѣлъ случай ежедневно видѣть Александра I на разводахъ, часто бесѣдовалъ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, съ графомъ Каподистрія кн. Волконскимъ, Новосильцевымъ и съ представителями польскаго общества, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ партіямъ. Графу Кламъ-Мартиницъ также представился случай бесѣдовать съ самыми выдающимися лицами государевой свиты объ интереснѣйшихъ вопросахъ, касавшихся положенія Россіи и королевства Польскаго, взглядовъ и намѣреній императора и его отношенія къ Германіи и Австріи.

Александра I очень занималъ въ то время вопросъ о впечатлѣніи, которое произвела рѣчь, произнесенная имъ при открытіи сейма.

Въ самый день открытія, на парадѣ, Государь какъ будто хотѣлъ подготовить принца Гессенъ-Гомбургскаго къ тому, что онъ скажетъ, упомянувъ въ разговорѣ съ нимъ о своей склонности къ либеральнымъ идеямъ, „если только онѣ не вліяютъ разрушительно“. „Для этого ихъ надлежитъ проводить *разумно* и *умѣренно*, сказалъ Александръ; во всемъ слѣдуетъ соблюдать извѣстную систему и порядокъ, если хотятъ, чтобы дѣло было прочно“, и присовокупилъ, что онъ уполномачиваетъ принца освѣдомить о его взглядахъ императора Франца.

„На слѣдующій день послѣдовалъ и эпилогъ этого разговора“, доносилъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій.

„Императоръ спросилъ, уѣхалъ ли мой курьеръ и передалъ ли я высказанныя имъ вчера мысли?“ Когда я упомянулъ о

впечатлѣніи, произведенномъ его рѣчью на всѣхъ присутствующихъ, Государь сказалъ:

„Я этого не полагалъ; меня всегда стѣсняло выступать публично; и несмотря на мои лѣта это чувство осталось до сихъ поръ“.

„Когда я еще разъ упомянулъ о томъ, съ какимъ достоинствомъ была произнесена его рѣчь, Государю это видимо было очень пріятно, и онъ сказалъ:

„Что жъ дѣлать! Я никогда не выступалъ на подмосткахъ и никогда не былъ актеромъ“.

Болѣе всего интересовало Императора впечатлѣніе, произведенное его рѣчью въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ. Онъ внимательно прислушивался къ доходившимъ до него на этотъ счетъ слухамъ и часто возвращался къ этому вопросу въ своихъ разговорахъ съ австрійскими дипломатами.

Докладъ, сдѣланный пріѣхавшимъ изъ Берлина нашимъ посланникомъ Алопеусомъ о томъ, какъ была принята его рѣчь, очень взволновалъ Государя; онъ старался объяснить себѣ, почему она вызвала такую тревогу, и говорилъ, что для него либеральныя установленія не могутъ быть опасны, такъ какъ противовѣсомъ имъ служитъ строгая дисциплина арміи, которая является надежнымъ орудіемъ въ его рукахъ.

„Въ Берлинѣ, также какъ и у васъ, и даже болѣе того, меня видимо плохо поняли“, сказалъ Государь принцу Гессенъ-Гомбургскому; пруссаки даже какъ будто мало грамотны. Одни находятъ, что я сказалъ слишкомъ много, другіе хотѣли бы большаго“.

Когда же принцъ Гессенъ-Гомбургскій замѣтилъ, какое вліяніе можетъ оказать на образъ мыслей Европы слишкомъ поспѣшное и необдуманное истолкованіе его словъ, то Государь словесно поручилъ ему передать императору Францу, что онъ „отнюдь не думаетъ потворствовать ультра-либеральнымъ идеямъ, но онъ убѣжденъ въ томъ, что нельзя итти противъ духа времени и предпочитаетъ взять иниціативу на себя. Впрочемъ, онъ только сдержалъ данное полякамъ слово. Императоръ Францъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ твердо держитъ власть въ своихъ рукахъ и *только съ этой оговоркой* готовъ покровительствовать либеральнымъ идеямъ“.

Слухи о крутыхъ мѣрахъ, при помощи которыхъ были подавлены волненія, вспыхнувшія въ военныхъ поселеніяхъ, были въ явномъ противорѣчіи съ либеральными идеями, высказанными въ Варшавѣ, и какъ будто подтверждали слова ве-

ликаго князя Константина Павловича, который не заблуждался повидимому на счетъ истинныхъ взглядовъ своего брата, когда говорилъ принцу Гессенъ-Гомбургскому, что императоръ предоставилъ ему полную свободу примѣнять самыя крутыя мѣры:

„Будьте покойны", говорилъ великій князь, „Императоръ держится тѣхъ же принциповъ; Императоръ не *филантропъ*".

Говоря о томъ, что онъ принимаетъ интересы Австріи близко къ сердцу, Александръ горячо возмущался попытками, которыя дѣлались нѣкоторыми лицами, чтобы посѣять раздоръ между нимъ и австрійскимъ императоромъ.

„Между нами не удастся посѣять раздора", сказалъ однажды Государь, „мы насторожѣ; не скажу, чтобы не было людей недоброжелательныхъ, но это имъ не удастся; мы слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга и наши дальнѣйшія намѣренія".

На слѣдующій день послѣ этого разговора Государь снова вернулся къ предмету столь его интересовавшему и негодовалъ на тѣхъ, кои стремились нарушить спокойствіе Европы. „Но это имъ не удастся,—повторилъ Государь еще разъ; добрые люди также сильны и когда они твердо слѣдуютъ тому, что признано ими за благо, Провидѣніе будетъ за нихъ и съ ними. Впрочемъ, судя по тому, что Имъ совершено, Оно не захочетъ разрушить свое дѣло".

„Скажите Императору, чтобы онъ вспомнилъ наши бесѣды,—у него хорошая память. Я все тотъ же, и таковымъ же останусь; всѣ усилія были пущены въ ходъ, чтобы разъединить насъ; но это не удастся. Что бы ни дѣлали, что бы ни говорили императору на мой счетъ, я убѣдительно прошу его не придавать этому вѣры. Я христіанинъ и я вѣренъ договору, который тѣсно связалъ насъ. Скажите императору, что у меня нѣтъ ни плановъ на будущее, ни заднихъ мыслей; я хочу только мира и сохраненія того, что нами наконецъ достигнуто. Я надѣюсь, что на меня не будетъ сдѣлано нападенія съ чьей-нибудь стороны, я этого не думаю и поэтому я буду въ мирѣ со всѣми".

Представитель Австріи былъ пораженъ однимъ обстоятельствомъ, на которое онъ обращаетъ вниманіе въ своихъ донесеніяхъ, а именно на удивительную сдержанность, съ какою императоръ высказывалъ свое мнѣніе, когда рѣчь шла о другихъ державахъ, въ особенности о Германіи, какъ будто онъ „боялся скомпрометтировать себя" или „какъ будто подозрѣвалъ, что, предлагая ему тотъ или иной вопросъ, у него хо-

тятъ что-либо вывѣдать"; зато говоря о польскихъ дѣлахъ, Императоръ, а за нимъ и его приближенные, не скупились на либеральныя идеи и были настроены „весьма конституціонно".

Между прочимъ императоръ жаловался принцу Гессенъ-Гомбургскому на то, что русскіе мало религіозны, и приписывалъ это главнымъ образомъ вліянію женщинъ, говоря, что „какъ только женщины выйдутъ изъ своей сферы—быть украшеніемъ общества—ничего хорошаго изъ этого не выходитъ. Но это такъ продолжаться не можетъ".

Хотя приближенные Александра избѣгали говорить съ иностранцами о переворотѣ, совершившемся въ то время въ душевномъ настроеніи Государя, но австрійскій уполномоченный говоритъ, что ему удалось изъ надежнаго источника узнать объ этомъ и что „великій князь Константинъ Павловичъ и въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ прочемъ, отнесся съ величайшей почтительностью къ чувствамъ и взглядамъ своего августѣйшаго брата. Какъ на примѣръ указывали на то, что великій князь отзывался съ насмѣшкой и очень непочтительно о г-жѣ Криднеръ, до тѣхъ поръ пока ему не стало извѣстно объ истинномъ отношеніи къ ней Императора; но, узнавъ объ этомъ, онъ сталъ говорить объ ней совершенно въ другомъ тонѣ".

Характеризуя личность Императора Александра, посколько она выяснилась имъ во время ихъ короткаго пребыванія въ Варшавѣ, австрійскіе дипломаты приходятъ къ заключенію, что основной чертою его характера и главнымъ стимуломъ всѣхъ его дѣйствій было „огромное самолюбіе и тщеславіе". „При всемъ своемъ умѣ, Александръ дѣлаетъ большую ошибку, писалъ Кламъ-Мартиницъ, выставляя напоказъ качества, которыя менѣе всего ему присущи и которыя находятся въ величайшемъ противорѣчіи со всѣмъ его душевнымъ складомъ: онъ высказываетъ самыя либеральныя идеи, хочетъ окружить себя ореоломъ доброты и благоволенія, постоянно заботится о томъ, чтобы всѣ его поступки были отмѣчены человѣколюбіемъ и заботой о благѣ народовъ, между тѣмъ какъ его тѣшитъ только сознаніе, что его власть ничѣмъ не ограничена; онъ никогда не откажется ни на іоту отъ этой самодержавной власти, точно также какъ онъ ревниво оберегаетъ свою славу и стремится имѣть преобладающее вліяніе въ Европѣ. Скромная роль, которую онъ приписываетъ себѣ и Россіи, нечто иное, какъ маска, скрывающая его тщеславіе, онъ любитъ Россію, онъ гордится ею и считаетъ себя ниспосланнымъ свыше, чтобы поставить ее на недосягаемую высоту; онъ гордится тѣмъ,

что имъ сдѣлано въ этомъ отношеніи, и онъ весь проникнутъ мыслію идти дальше по этому пути.

„Въ отношеніи Россіи онъ деспотъ, въ отношеніи Европы—завоеватель; но онъ покорилъ ее не силою оружія, а силою своего ума и сердца. Онъ рѣшилъ дать Европѣ миръ—въ этомъ онъ видитъ свою славу; стремясь быть популярнымъ въ Европѣ, онъ связалъ себя клятвою обезпечить ей миръ, сдѣлалъ это вопросомъ своей совѣсти, но за этой лицемѣрной маской внимательный наблюдатель видитъ истину. Александръ хочетъ мира не ради самого мира и не ради тѣхъ благъ, какія онъ приноситъ; онъ преслѣдуетъ при этомъ самолюбивую цѣль: покой и благо Европы должны зависѣть отъ него, всѣ должны признавать, что миръ—дѣло его рукъ, что онъ зависитъ отъ доброй воли Императора и можетъ быть нарушенъ, если онъ того пожелаетъ. Это такъ же вѣрно, какъ и то, что при всей кажущейся добротѣ Александра, въ немъ есть извѣстная жесткость (Härte), которая проскальзываетъ въ его взглядѣ въ тѣ моменты, когда гнѣвъ искажаетъ черты его лица, коимъ онъ владѣетъ обыкновенно въ совершенствѣ“.

„Русскіе считаютъ всѣми признанное и неоспоримое вліяніе ихъ Императора на прочія державы, истиннымъ мѣриломъ его величія и наградою за всѣ усилія и жертвы, принесенныя ими за послѣдніе тяжелые годы. Александръ хорошо знаетъ свою страну и свой народъ и умѣетъ заставить ихъ самоотверженно служить себѣ; онъ знаетъ ихъ тщеславіе и любовь къ блеску, онъ знаетъ, что за орденъ и за мимолетное слово благоволенія они готовы сдѣлать все возможное; поэтому желая придать наградѣ или отличію особое значеніе, онъ пускаетъ въ ходъ свойственную ему обольстительную любезность, проявляя при этомъ такую сердечность, что онъ кажется въ эту минуту не императоромъ, а любящимъ отцомъ и другомъ; зато когда онъ гнѣвенъ, передъ нимъ всѣ трепещутъ. Онъ прекрасно знаетъ что въ Россіи все исходитъ отъ него и что *общественное* положеніе человѣка опредѣляется тѣмъ, въ какомъ отношеніи онъ стоитъ къ нему, и онъ умѣетъ этимъ пользоваться; онъ извлекаетъ человѣка изъ неизвѣстности, дѣлаетъ его своимъ любимцемъ, выдвигаетъ его и, воспитавъ въ своихъ принципахъ, дѣлаетъ его орудіемъ своей воли. Оскорбляя иной разъ людей съ положеніемъ и отличая въ то же время болѣе скромныхъ лицъ своей свиты, Александръ хочетъ этимъ показать, что не занимаемое мѣсто и не заслуги имѣютъ значеніе, а его прихоть, и общественное мнѣніе подчиняется этому“.

Годъ спустя послѣ того какъ эта характеристика была запечатлѣна въ донесеніяхъ принца Гессенъ-Гомбургскаго и графа Кламъ-Мартиница, Императоръ Александръ посѣтилъ снова Варшаву (въ октябрѣ 1819 г.), но этотъ разъ его отношеніе къ полякамъ и къ его собственнымъ либеральнымъ начинаніямъ было иное; въ его взглядахъ совершилась за это короткое время огромная перемѣна. Онъ относился теперь къ польскому вопросу болѣе чѣмъ холодно и былъ твердо убѣжденъ въ необходимости обуздать революціонный духъ, угрожавшій спокойствію Европы и проявившійся съ особенной силою въ Германіи. Что касается его отношенія къ союзнымъ монархамъ, въ этомъ его взгляды остались неизмѣнны. Въ тѣсномъ союзѣ монарховъ и въ ихъ взаимной поддержкѣ Александръ видѣлъ единственное средство избавить миръ отъ новыхъ потрясеній.

„Одно изъ лучшихъ проявленій нашего союза“, говорилъ Государь Лебцертерну, бесѣдуя съ нимъ о положеніи Европы, „состоитъ въ томъ, что въ отношеніи принциповъ между нами нѣтъ разногласія, такъ какъ каждый изъ насъ желаетъ добра; что касается внѣшнихъ проявленій, каждый изъ насъ придерживается своего взгляда; эти формы обсуждаются откровенно и дружественно, и никто не старается настоять на преимуществѣ своего взгляда“.

Въ высокой степени интересны и характерны мысли, высказанныя Императоромъ Александромъ Лебцельтерну во время его вторичнаго пребыванія въ Варшавѣ, относительно управленія Польши въ либеральномъ духѣ, какъ его понималъ Александръ I при его измѣнившихся взглядахъ.

„Il y a une vérité dont on ne saurait jamais se séparer sans danger“, говорилъ Александръ; „c'est qu'à côté des principes constitutionnels ou libéraux qu'un Souverain croit devoir adopter envers son peuple, il doit s'établir des moyens de répressions proportionnés. Vous êtes à Varsovie, voyez comme les choses y marchent. J'ai cru devoir donner aux Polonais une constitution libérale, mais j'ai crée à côté des moyens de répression de nature à leur faire connaître qu'ils ne doivent pas s'abuser ni dépasser une certaine ligne. Par suite de mes opinions particulières, me regardant comme homme avant de me regarder comme Souverain, je dois à Dieu et à ma conscience de satisfaire aux droits de tous, mais, responsable de l'ordre public et de tout ce qui pourrait le déranger, je suis là, et au moindre excès, à la moindre exagération, le bras fort de l'autorité se fait sentir, *en cela man frère*

me seconde, à merveille. Pourquoi des citoyens, animés de l'amour de leur patrie, ne pourraient-ils pas se rassembler pour délibérer avec un esprit de douceur et de conciliation sur les besoins des peuples, pourquoi n'y pas amener cette indulgence nécessaire envers le prochain, puisque chacun est susceptible d'errer, au lieu de s'invectiver et de donner le scandale de leurs passions déchaînées?"

„C'est pourquoi, il faut, je le répète, que l'autorité fasse sentir sa présence: à côté d'une concession, un nouveau moyen répressif, qui dise sans cesse à l'esprit égaré ou malveillant qu'il ne saurait impunément avancer un pas de plus. Voyez ce qui se passe ici, informez vous en, et vous vous convaincrez que mon principe mis en pratique est salutaire".

„Il y a eu des étudians en des coryphées de la secte, qui ont tenté de venir aussi faire leurs expériences ici. Eh bien, outre qu'il est défendu dans le Royaume d'en admettre avec leur absurde costume, ils ont été de suite saisis et jetés hors des frontières.

„Il y a ici des gents inquiets comme ailleurs, mais *ils savent et ils apprendront encore* que, si je tâche de faire le bonheur du peuple, j'exige en revanche de l'ordre, de la soumission et de la tranquillité, et que rien n'alterera ma marche. Il y en a même qui seraient bien aises de nous désunir. Ces jours-ci, ils prétendaient savoir que des armements se faisaient en Autriche, et qu'ils ne pouvaient regarder que la Russie. Je leur ai répondu comme ils le méritaient, et j'ajoutai qu'unis d'amitié avec l'Empereur François, pénétré de vénération pour sa loyauté et ses vertus, se serais bien aise qu'il rétablit son armée et que je l'en avais souvent prié; que si l'armée autrichienne se présentait à la frontière russe, je rassemblerais la mienne, je ferais battre les caisses saluer des drapeaux et je la recevrais comme une armée de frères avec toute confiance et les honneurs militaires, tellement je suis convaincu que les sentiments de mon ami et allié ne sauraient être hostiles à mon égard".

(Есть истина, отъ которой нельзя отступить безнаказанно: а именно: рядомъ съ конституціонными или либеральными принципами, которымъ монархъ считаетъ долгомъ слѣдовать по отношенію къ своему народу, имъ должны быть установлены соотвѣтственныя мѣры обузданія. Посмотрите, какъ идутъ дѣла въ Варшавѣ. Я счелъ нужнымъ дать полякамъ либеральную конституцію, но я установилъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣры обузданія, которыя должны дать имъ понять, что имъ не слѣдуетъ

заблуждаться и переступать извѣстныя границы. Вслѣдствіе моихъ личныхъ взглядовъ, смотря на себя прежде всего какъ на человѣка, а не какъ на монарха, я обязанъ передъ Богомъ и своей совѣстью заботиться о правахъ каждаго, но, будучи отвѣтственъ за общественный порядокъ и за все то, что могло бы его нарушить, я исполню свой долгъ и при малѣйшемъ эксцессѣ, при малѣйшемъ увлеченіи, власть проявитъ свою силу; въ этомъ отношеніи, братъ является моимъ лучшимъ помощникомъ. („Этимъ все сказано, и эти слова—послѣдній штрихъ набросанной характерной картины", замѣчаетъ Лебцельтернъ, передавая разговоръ Императора Александра).

„Отчего бы граждане, одушевленные любовью къ отечеству не могли собираться, чтобы обсуждать нужды народа въ мягкомъ примирительномъ духѣ, съ снисходительностью, подобающею по отношенію къ ближнему, такъ какъ всякій вѣдь можетъ ошибаться, вмѣсто того чтобы поносить другъ друга и выказывать постыдное зрѣлище своихъ разнузданныхъ страстей?

„Повторяю, необходимо, чтобы присутствіе власти давало себя чувствовать: рядомъ со всякой уступкой должно быть новое средство обузданія, которое постоянно говорило бы заблуждающемуся или злонамѣренному уму, что онъ не можетъ безнаказанно ни на шагъ переступать границы дозволеннаго. Присмотритесь къ тому, что здѣсь дѣлается, ознакомьтесь со всѣмъ и вы убѣдитесь въ томъ, что мой принципъ полезенъ на практикѣ.

„Нѣкоторые студенты и вожаки партій сдѣлали попытку произвести и тутъ свои эксперименты. И что же, помимо того, что имъ было запрещено появляться въ предѣлахъ королевства въ ихъ нелѣпомъ одѣяніи, ихъ тотчасъ арестовали и выслали за границу". (Государь не сказалъ мнѣ, добавляетъ Лебцельтернъ, что великій князь приказалъ предварительно обстричь ихъ подъ гребенку, какъ солдатъ).

„Тутъ, какъ и вездѣ, есть безпокойные люди, но *они знаютъ и они еще убѣдятся на дѣлѣ въ томъ*, что если я забочусь о благѣ народа, то я требую взамѣнъ, чтобы былъ порядокъ, покорность и спокойствіе, и что ничто не измѣнитъ моего на это взгляда. Есть люди, которые были бы очень рады разъединить насъ. На-дняхъ они утверждали, что Австрія вооружается, и что это направлено противъ Россіи. Я отвѣтилъ имъ, какъ они того заслуживаютъ, и прибавилъ, что связанный дружбою съ императоромъ Франц омъ, проникнутый уваженіемъ

къ его лояльности и къ его добродѣтелямъ, я былъ бы радъ, если бы онъ привелъ свою армію въ прежнее состояніе, о чемъ я его не разъ просилъ и что если бы австрійская армія появилась на русской границѣ, то я собралъ бы свои войска, велѣлъ бы бить въ барабаны, отдать честь знаменамъ, и принялъ бы ее какъ братское войско, съ полнымъ довѣріемъ и воинскими почестями,—до такой степени убѣжденъ въ томъ, что чувства моего друга и союзника не могутъ быть враждебны по отношенію ко мнѣ").

Мысли, высказанныя Александромъ I, въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи были чреваты самыхъ серьезныхъ послѣдствій для края, который онъ хотѣлъ облагодѣтельствовать и привлечь къ себѣ либеральными установленіями, но съ этими послѣдствіями пришлось считаться уже не ему, а его преемникамъ.

В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова [1]).

(Петербургской губерніи Лужскаго уѣзда).

1861 г. Мая 8-го числа открытъ первый мировой съѣздъ собраніемъ 8 мир. посредниковъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя.

Начальное разномысліе собравшихся прежде всего явилось въ одеждѣ: кто былъ во фракѣ, кто въ сюртукѣ, иные въ орденахъ, другіе — просто. Усѣвшись за столъ, покрытый сверхъ сукна двумя картами уѣзда, и получивъ отъ секретаря расписаніе мировыхъ участковъ, посредники принялись было ихъ слѣдить по картѣ съ раскрашенными приходами, но скоро оказалось, что участки составлены поверхностно по совершенному недостатку нужныхъ свѣдѣній, а потому посредники, вовсе незнакомые со своими участками и вообще съ мѣстностью уѣзда, кромѣ того, гдѣ сами живутъ, заговорили о другомъ. Начались, пренія о вопросахъ, какіе кому вспали на умъ.

Слышались разныя частныя мнѣнія о смѣшанной повинности, о барщинѣ и бобыляхъ, объ увеличеніи тяготъ, и т. д. склоненіемъ наиболѣе въ пользу владѣльца.

Выждавъ первую паузу (неумолкаемость), одинъ изъ посредниковъ предложилъ чтеніе записки: о задачахъ посредниковъ, которая и была выслушана со вниманіемъ и даже съ нѣкоторыми одобреніями по новости практическихъ разъясненій и важности званія мирового посредника.

По окончаніи чтенія одинъ изъ посредниковъ (А. А. Назимовъ) попросилъ сообщить ему копію. Секретарь съѣзда (де-Вальдекъ), оставивъ записку у себя, самъ снялъ копію.

---

[1]) См. „Русская Старина“, декабрь 1913 г.

Это чтеніе, обобщивъ главныя мысли о долгѣ и званіи мирового посредника, какъ нотаріуса, администратора, судьи и медіатора, возбудивъ общій интересъ къ дѣлу, породило много вопросовъ, обсуждавшихся уже въ большемъ порядкѣ, какъ бы съ большимъ сознаніемъ необходимости въ томъ, что предлежащій каждому трудъ дѣйствительно требуетъ не только физическихъ, но моральныхъ и умственныхъ усилій, которыя стали выражаться въ слушаніи болѣе терпѣливомъ и рѣчахъ болѣе связныхъ и послѣдовательныхъ.

Такъ къ концу засѣданія большинство присутствовавшихъ мало-по-малу начало сливаться въ нѣчто цѣлое, склонясь на сторону удовлетворенія современной потребности въ разрѣшеніи вопросовъ съ большимъ согласіемъ, въ необходимости покориться духу и разуму Положенія о правахъ.

Пользуясь такимъ расположеніемъ собранія, былъ возбужденъ вопросъ: не есть ли званіе мирового посредника одно цѣлое, раздѣленное на девять равныхъ частей? Отвѣтъ былъ единогласно утвердить.

Затѣмъ, какъ уставныя грамоты составятъ весьма сложный и существенный трудъ, то могутъ ли помѣщики за утвержденіемъ грамотъ обращаться къ каждому изъ девяти посредниковъ свободно, хотя бы и мимо своего участковаго? Здѣсь голоса раздѣлились, возникли возраженія, и вопросъ остался нерѣшеннымъ до будущаго засѣданія.

Первый совѣщательный съѣздъ длился отъ 6-ти до $10^1/_2$ часовъ вечера.

Положено собраться вновь черезъ недѣлю въ субботу.

Мая 13.—Собраніе открылось въ $7^1/_2$ часовъ; опоздалъ предводитель по нездоровью дѣтей и множеству просьбъ, къ нему поступавшихъ.

Всѣ вопросы прежняго съѣзда были изложены секретаремъ точно и дѣльно; но многимъ не понравилась форма, въ которой были поименованы лица, возбуждавшія вопросы или дававшія отвѣты, но для окончательнаго впечатлѣнія въ каждомъ того, что было говорено или принято, положено еще разъ прочитать записанное секретаремъ, при чемъ снова начались сужденія и пересуды, но уже окончательно.

Вопросъ о единствѣ званія и дѣйствій посредниковъ относительно уставныхъ грамотъ трактовался до крайности разнообразно и наконецъ рѣшенъ тѣмъ, что помѣщикъ можетъ обхо-

дить участковаго посредника представленіемъ грамоты: „если онъ пожелаетъ, а другой посредникъ согласится".

Вся бесѣда велась съ большимъ единодушіемъ и порядкомъ. Для подкрѣпленія послѣдняго было предложено составить правила—что и возложено на предложившаго.

Въ заключеніе было объявлено, что завтра будетъ открываться первая волость въ уѣздѣ въ 10-ти верстахъ отъ уѣзднаго города, и всѣ желающіе видѣть приглашаются въ с. Ропти, къ одному изъ посредниковъ, А. А. Половцову;

Здѣсь выразилось общее единодушное желаніе.

Совѣщательный съѣздъ кончился въ 10-ть часовъ вечера. На съѣздѣ было также 8 посредниковъ, (на) мѣсто небывшаго Д. С. С. Оболенскаго занялъ не бывшій прежде Лазаревъ-Станищевъ, нѣсколько затруднявшій сужденія своею глухотою и расположеніемъ къ старому порядку, пристрастіе къ которому во многихъ бывшихъ ослабѣло на первомъ совѣщаніи.

Май 14. Первый волостной судъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, по предварительнымъ повѣсткамъ земской полиціи былъ въ с. Роцтяхъ.

Надобно сказать, что волостное правленіе уѣздною комиссіею для этой волости назначено по расписанію въ с. Естамичахъ, но когда для этого у тамошняго помѣщика барона Зальца на случай дождя попросили крышу въ гумнѣ или сараѣ, то онъ отказался, вслѣдствіе чего мировой посредникъ рѣшилъ перевести волость къ себѣ въ имѣніе, отстоящее въ 3-хъ верстахъ отъ назначеннаго.

Еще съ вечера съѣхались выборные отъ разныхъ деревень, вызванные полиціею ошибочно со всѣхъ 6-и волостей мирового участка,—но на первый разъ этого нельзя было дать замѣтить собравшимся, а потому было сказано, что всѣ они призваны быть свидѣтелями открытія первой волости для удостовѣренія въ томъ своихъ односельчанъ, ожидающихъ того же у себя. Эта причина была для нихъ вполнѣ удовлетворительна.

Вторая неудача,—также по ошибкѣ полиціи,—состояла въ томъ, что при перекличкѣ и разстановкѣ людей по деревнямъ, многихъ выборныхъ не оказалось и пристава заключили, что по 2-у стану не дано было знать. Какъ ни затруднительна была, такая неожиданность, но посредникъ, сообразивъ силу первоначальнаго впечатлѣнія, рѣшился объявить: что семеро одного не ждутъ, а кто не пришелъ, тотъ согласится съ тѣми, кто пришелъ, зная, что никто себѣ зла не желаетъ. Краткая рѣчь посредника была разъясненіемъ манифеста, всѣми слышаннаго, но

не всѣми понятаго и не всѣмъ памятнаго. Усиленное вниманіе слушателей было обращено на свидѣтельство Царское объ участіи помѣщиковъ въ дѣлѣ освобожденія: „Помѣщики задумали, написали, просили Царя, трудились много и долго вмѣстѣ съ Царемъ; потомъ все представили, и Царь утвердилъ. Все это вы, православные, уже слышали въ церкви и знаете".—Крики: „Тошно такъ, тошно, такъ Ваше Превосходительство, слышали, знаемъ, тошно такъ, дай Богъ здоровья!"

— Ну, ребята, такъ теперь у васъ самоуправленіе, значитъ, справляйтесь сами между собой, какъ знаете, а для этого первое дѣло старшина, честный, какіе, слава Богу, у васъ есть; не пьющій, значитъ, себя не забывающій, а то всякій пьетъ, да какъ; не обидчикъ, а главное, чтобы любилъ Бога да ближняго, а чтобы намъ такихъ людей найти поболѣе, такъ начнемъ дѣло молитвою. — Здѣсь посредникъ, обратясь къ сельскому священнику, стоявшему въ облаченіи передъ накрытымъ столомъ съ образами, Св. Евангеліемъ и Крестомъ, окруженными свѣчами, сказалъ: „благословите, батюшка, на доброе дѣло, отслужите прежде молебенъ о споспѣшествованіи и заступленіи въ начинаемомъ дѣлѣ, съ водосвятіемъ, а потомъ благодарственный съ колѣнопреклоненіемъ!"

Началось служеніе, съѣхались почти всѣ посредники уѣзда и предводитель. Всѣ съ непокрытыми головами, принимая лучи яркаго солнца, молились усердно, но крестьяне молча, а дворяне въ разговорахъ.—По возглашеніи многолѣтія Государю, потомъ Св. Синоду и вмѣстѣ всѣмъ предстоявшимъ, приложились ко св. кресту.

Послѣ того масса крестьянъ была по расписанію раздѣлена на части. Выборные первой волости составили 35-ть человѣкъ,— ихъ отдѣлили и поручили выбрать: волостного старшину и 6-ть волостныхъ очередныхъ судей. Остальные присутствовавшіе раздѣлились по деревнямъ и, узнавъ, къ какой волости будутъ принадлежать, должны были потолковать и подумать, кто въ ихъ деревняхъ ближе и способнѣе можетъ занять назначенныя должности.

Въ это время предводитель, посредники и нарочно пріѣхавшій въ Лугу посредникъ Пензенской губ., кн. Аникѣевъ, въ домѣ посредника-хозяина, составивъ свой кругъ, занялись разсмотрѣніемъ бумагъ и книгъ, принадлежащихъ канцеляріи мирового посредника, волостнымъ и сельскимъ управленіямъ. Заготовленные образцы были единогласно одобрены, и каждый просилъ заготовить для себя.—Не прошло двухъ часовъ въ

общей бесѣдѣ о томъ, что каждому предстоитъ и какія усилія надо употребить,—какъ дали знать, что выборы назначенныхъ должностей первой волости кончены.

Снова все общество вышло къ собранію крестьянъ. Были выбраны: волостной старшина и 4-е волостныхъ судьи, а остальные два судьи назначены изъ деревень, не бывшихъ на выборѣ. Немедленно избранные приведены къ присягѣ, послѣ чего ихъ поздравленія предводителемъ и посредниками представили много похожаго на семейное торжество: крестьяне съ лѣвой руки господъ, а господа цѣловали избранныхъ, какъ братьевъ, присягнувшихъ Богу на службу добрую и мирную всѣмъ своимъ собратамъ.

Посредникъ-хозяинъ, сказавъ имъ нѣсколько словъ, обратился къ прочимъ крестьянамъ съ общимъ вызовомъ: Что кому нужно? — Выборные съ разныхъ сторонъ предъявили свои желанія: одни просили соединить приходъ, другіе причислить ихъ не къ той волости, къ которой были приписаны, по разнымъ причинамъ; оказались деревни, пропущенныя въ расписаніяхъ, явились жалобы на помѣщиковъ или крестьянъ между собою, и т. д. Всѣмъ надо было дать отвѣтъ удовлетворительный. Все, что нужно, было записано, и первый волостной сходъ распущенъ.

Въ заключеніе составился домашній мировой съѣздъ за завтракомъ въ числѣ 12 человѣкъ. Было сдѣлано много замѣчаній полезныхъ развитію дѣла. Дружно соединенные посредники, находя, что выборы первой волости совершились вполнѣ удачно, желали искренно слѣдовать данному примѣру простоты и ясности, вызывая здравый смыслъ народа въ толкахъ и подробностяхъ.

Мая 15. Понедѣльникъ. Въ томъ самомъ мировомъ участкѣ, гдѣ вчера открытіе волости и выборы кончились такъ удачно, явилось первое дѣло неповиновенія крестьянъ въ имѣніи Г. Г. Ренни.—На выборахъ управляющему и крестьянамъ, жаловавшимся, было объявлено: что завтра посредникъ будетъ въ с. Румеля, гдѣ открылось непослушаніе.

Имѣніе состоитъ изъ 1000 душъ, но господскія поля оставались нетронутыми, а время посѣва проходило.

Утромъ, пріѣхавъ въ деревню, я нашелъ толпу крестьянъ (человѣкъ до 300-тъ) противъ часовни. Едва показались дрожки, всѣ шапки снялись. Остановясь подлѣ толпы и сойдя съ дрожекъ, я сказалъ:

— Здравствуйте, православные! Толпа отвѣтила пояснымъ поклономъ.

— Что у васъ? Молчатъ; всматриваюсь и вижу лица серьезныя и недовольныя; одинъ выходитъ и подаетъ исписанный

листъ—это просьба, читаю вслухъ и узнаю, что имъ всю зиму не давали дровъ, тогда какъ прежде дрова отпускались; ихъ давній и лучшій покосъ въ 12 десятинъ, пожертвованный деревнею на ближайшій монастырь, проданъ помѣщицей своему мужику по 100 рублей за десятину; прежде здѣсь были оброчные и барщинные крестьяне, теперь почти всѣхъ (исключая 6 работниковъ) посадила помѣщица на оброкъ и половину получила впередъ, но подсобныхъ дней не выговорила, а теперь требуетъ. Кончивъ чтеніе и положивъ бумагу въ карманъ, я замѣтилъ, что большая часть лицъ сдѣлалась покойнѣе. Толпа начала кричать объ обидахъ, я посмотрѣлъ серьезно вокругъ, шикнулъ, и все смолкло.

— Со всѣми мнѣ говорить нельзя. Говори ты, старикъ, какъ тебя зовутъ?

— Романъ Емельяновъ.

— Ну, говори.

Старикъ заговорилъ во всю силу и во весь голосъ, но въ концѣ рѣчи коснулся личной непріязни къ старостѣ, я его остановилъ словами:

— Вонъ оно, вонъ ты куда пустился, пока ты говорилъ дѣло—я слушалъ, а ты сталъ поминать старое, за это—знаешь что? поди же въ сторону—говори другой.

— Да, точно такъ, Ваше Превосходительство, мы обижены: дровъ купили кто на 10 рублей, кто на 15; лугъ былъ наемный, знатный, трава чудовая, барыня продала своему мужичку, да и мужикъ-то какой: отродясь на барской работѣ не бывалъ, его всѣ знаютъ.

— А, и ты заговорилъ вздоръ, ну, говори третій.

— Да, точно такъ, обидно, Ваше Превосходительство!

Въ это время подошелъ ко мнѣ курчавый мальчикъ лѣтъ 14-ти и сталъ подлѣ, вдругъ грозная рука, отдѣлясь отъ толпы, схватила его за кудри, повернула вокругъ и отбросила назадъ.

— Это что? поди сюда, мальчикъ, стань подлѣ, ты вмѣсто бабокъ пришелъ слушать, что говорятъ на миру, умница, со временемъ будешь самъ дѣльный хозяинъ, стой тутъ. А ты зачѣмъ его оттаскалъ? Ступай взадъ, чтобы я тебя не видалъ.

— Ну, говори, старикъ.

Рѣчь была та же, такъ прошло больше часа.

— Ну, ребята, васъ я выслушалъ, теперь поѣду въ контору, послушаю управляющаго и старосту,—значитъ, другую сторону, а вы между тѣмъ еще потолкуйте, какъ дѣлу быть, барскимъ полямъ непосѣяннымъ оставаться нельзя.—Прощайте!

— Слушаемъ, Ваше Превосходительство, мы не ослушники, все сдѣлаемъ, что велишь, закричало много голосовъ и физіономіи совершенно измѣнились.

Въ конторѣ я объявилъ старостѣ, что онъ кругомъ виноватъ, не воздержавъ помѣщицу отъ несправедливости, напротивъ, получивъ въ томъ свои выгоды, опять таки управляющій, поступивъ съ 1-го мая, не былъ участникомъ. Высказавъ въ конторѣ, что было нужно, я возвратился къ крестьянамъ вмѣстѣ съ управляющимъ и старостою.

— Ну, ребята, надумались? Теперь я все знаю и вижу, что надо рѣшить. Нѣтъ ли еще чего?

Въ это время, смотря на измѣнившіяся лица крестьянъ, я видѣлъ, что они все обдумали и рѣшили. Много голосовъ закричало:

— Обидно, Ваше Превосхолительство, намъ ничего не сказали, какъ на оброкъ сажали, такъ и пусть дѣлаютъ, какъ знаютъ.

— Слышишь, староста? Правда, ребята, правда; да, вѣдь, это прошлое, а я васъ спрашиваю, что теперь дѣлать?

— Да, что велишь, Ваше Превосходительство, отвѣчаютъ нѣкоторые.

— Вотъ что: всему быть по-старому. Какъ ходили, такъ и ходить. Сколько вы давали дней при оброкѣ?

— Три, батюшко.

— Староста говоритъ шесть, да это значитъ мужикъ и баба съ тягла. Ну хорошо. Три—такъ три, такъ и ходить.

Вдругъ вся толпа падаетъ на колѣни и кричитъ:

— Ваше Превосходительство, сбавь что-нибудь!

— Нельзя, ребята, слѣдуетъ по-старому.

— Сдѣлай же милость! и кланяются въ ноги.

— Ну, хорошо. Управляющій, пусть будетъ два, еже не справка, то третій—пособье. Пойдете?

— Пойдемъ.

— Возьмите съ нихъ подписку.

— Слушаемъ, слушаемъ, благодаримъ покорно, Ваше Превосходительство, что пріѣхалъ, — кричали мнѣ вслѣдъ, когда дрожки спускались къ рѣкѣ.

Мая 16 и 17 былъ въ Спб.

Мая 18. *Жалоба.* Крестьянинъ Антонъ изъ дер. Шалово жаловался на помѣщика, барона Зальца, что не отпускаетъ на оброкъ, между тѣмъ, какъ онъ одинокъ, живетъ въ 10-ти верстахъ и считаетъ барщину для себя разорительною. Обѣщавъ о

немъ постараться, я поѣхалъ къ барону Зальцу и встрѣтилъ его на полъ-дорогѣ, ѣдущимъ ко мнѣ, — вернулись вмѣстѣ къ его дому, какъ ближайшему. Первый разъ въ жизни, заѣхавъ къ сосѣду, въ 3-хъ верстахъ живущему, я прошелъ грязнымъ подваломъ на черную, ветхую лѣстницу и посредствомъ заднихъ комнатъ добрался до порядочнаго кабинета и вмѣстѣ спальни хозяина, — усѣлись, заговорили, и едва я произнесъ имя Антона, какъ онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, Ваше Превосходительство, это мужикъ лѣнивый, никуда негодный, онъ мнѣ нагрубилъ, я написалъ къ исправнику, его высѣкли, и я объявилъ ему, что онъ никакъ не будетъ на оброкѣ. Нѣтъ, на это я никакъ согласиться не могу.

— Баронъ, вѣдь, я не для него, а для васъ желаю лучшаго; вы сами говорите, что мужикъ лѣнивый и негодный, какой же онъ вамъ работникъ? Не хотите вы его видѣть, возьмите деньги отъ меня, и дѣло кончено, иначе онъ будетъ работать дурно, станетъ говориться больнымъ, не являться вовсе на работу. Вы уже разъ его наказали черезъ полицію, неужели всякій разъ будете посылать въ городъ Лугу?

— Нѣтъ, Ваше Превосходительство, я обращусь къ вамъ, вы должны его приказать наказать, по положенію вы можете дать 20-ть розогъ. Меня просили въ посредники; если бы я не былъ старъ, я бы пошелъ, и тогда каждому мужику, который пришелъ бы на васъ жаловаться, велѣлъ бы тотчасъ дать 20-ть розогъ, по положенію, и вамъ слѣдуетъ такъ дѣлать, иначе вы наживете много непріятностей; мы и безъ того разорены, а вы хотите вызвать меня на очную ставку съ крестьянами, развѣ это можно? развѣ они не должны заплатить всѣ старые долги? За прежнее время вы жалобъ принимать не можете, а они должны мнѣ все уплатить. Съ дѣвокъ я получалъ по 8 рублей оброку, и теперь мнѣ всѣ заплатили, а одна не платитъ и нейдетъ работать два дня.

— Да, вѣдь, она землею вашею не пользуется, живетъ при семьѣ, какой же вы хотите отъ нея оброкъ?

— Мнѣ всегда всѣ платили, а теперь сказано, что два года по-старому, и она должна платить.

— Нѣтъ, баронъ, не должна, и если мнѣ пожалуется, то я представлю о томъ мировому съѣзду, который положилъ, чтобы за землю отвѣчало тягло, а не безтягольные. Но мы заговорили о другомъ. Скажите, угодно вамъ уволить на оброкъ вашего мужика, одинокаго и живущаго за 10-ть верстъ, котораго вы сами назвали негодяемъ?

— Нѣтъ, Ваше Превосходительство, если онъ 100 рублей принесетъ—не соглашусь.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ уѣхать и пожалѣть, что обратился къ вамъ съ первою просьбою лично.

— Нѣтъ, Ваше Превосходительство, останьтесь, сейчасъ подадутъ закуску.

— Прощайте, баронъ. Ваше желаніе исполнится — Антонъ останется на барщинѣ, но подумайте безъ меня, каково вамъ будетъ всякую недѣлю присылать ко мнѣ жалобу на одного и того же мужика, и какъ я долженъ буду вамъ отвѣчать.

Хозяинъ проводилъ меня на дворъ, стоялъ безъ шапки и продолжалъ просить остаться закусить, но я уѣхалъ.

Жалоба. Помѣщица Свѣтова послѣ 30-ти-лѣтней службы дворового человѣка Никифора осенью отпустила его въ деревню и дала ветхую избу. Проживъ зиму въ Петербургѣ, онъ купилъ лошадь, корову, запахалъ пашню, посѣялъ горохъ, какъ вдругъ, пріѣхавъ изъ Петербурга, она снова потребовала его къ себѣ и велитъ быть снова дворовымъ. Рѣшеніе отложено до образованія волости.

Священникъ села Заозерья о. Петръ прислалъ письмо помѣщицы Аникиной, требующей отъ него отвѣта: „Какъ онъ смѣлъ повѣнчать ея крестьянку за чужого мужика и тѣмъ присвоить ея собственность“. На томъ же письмѣ надписано мною: „О. Петръ! Можете вѣнчать крестьянъ, не спрашивая ихъ бывшихъ помѣщиковъ“,—и отправилъ обратно.

Сообщила **А. А. Половцова.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры.

Въ бою.

Не прошло и шести дней, какъ отрядъ вернулся изъ двухнедѣльнаго крейсерства въ Тихомъ океанѣ, а уже вновь онъ былъ готовъ къ походу; пришелъ во Владивостокъ и послѣдній захваченный имъ призъ, большой почтовый пароходъ, долговременное пребываніе котораго въ пути безпокоило личный составъ отъ адмирала до матроса.

Послѣднія извѣстія изъ Портъ-Артура ясно указывали, что близится то время, когда 1-ая эскадра Тихаго океана уже пополнится исправленными кораблями и сможетъ вступить въ относительно равный бой съ японцами, да и кромѣ того она и принуждена будетъ это сдѣлать, такъ какъ непріятельскія береговыя батареи уже стали дѣйствовать по судамъ, находившимся въ гавани.

Отрядъ стремился поддержать своихъ далекихъ товарищей, а когда въ послѣднихъ числахъ іюля вышелъ онъ ночью въ море и на разсвѣтѣ адмиралъ поднялъ сигналъ о слѣдованіи 1-й эскадры изъ Портъ-Артура во Владивостокъ, никто не былъ удивленъ и отлично понималъ, что будетъ серьезная встрѣча съ непріятелемъ, что произойдетъ бой, и прежняя задача крейсеровъ—отвлекать силы непріятеля отъ Портъ-Артура, въ настоящее время потеряла свое главное значеніе.

Выйдя изъ залива Золотой Рогъ, отрядъ легъ на знакомый курсъ къ Цусимскому проливу, и на утро слѣдующаго дня перестроился изъ кильватера въ строй фронта, но съ промежутками въ 10 миль.

Такой маневръ былъ произведенъ для того, чтобы увеличить районъ видимости отряда и тѣмъ самымъ предоставить себѣ возможность не пропустить Портъ-Артурскую эскадру въ томъ случаѣ, если она шла во Владивостокъ южнѣе или сѣвернѣе курса флагманскаго крейсера; на ночь суда вновь вступали въ строй кильватера и въ этомъ порядкѣ на разсвѣтѣ 1 августа подходили къ Цусимскому проливу.

Старшій лейтенантъ стоялъ собачку и передъ смѣной внимательно осмотрѣлъ горизонтъ: звѣздная ночь была тиха, море поблескивало отъ легкой ряби, бѣлесоватая мгла лежала на темномъ горизонтѣ, и только со стороны Японіи небо казалось чуть свѣтлѣе—то занималась заря; сдавъ вахту, спустился онъ къ себѣ въ каюту и, думая заснуть часокъ другой, не раздѣваясь легъ на койку. Едва дремота начала овладѣвать нѣсколько утомленнымъ офицеромъ, какъ до его чуткаго слуха, привыкшаго сквозь сонъ различать всѣ необычныя отклоненія въ корабельной жизни, донесся тревожный звукъ барабана и горна. Вотъ онъ повторился яснѣе, и черезъ минуту лейтенантъ уже бѣжалъ по верхней палубѣ на свое мѣсто по боевой тревогѣ. Люди стояли по расписанію, быстро убирались сегментные снаряды и поднимались фугасные, еще черезъ минуту корабль былъ готовъ къ бою, и офицеры и прислуга отъ орудій вглядывались въ горизонтъ, стремясь разсмотрѣть, кто былъ причиной тревоги. Свѣтало, со стороны Кореи горизонтъ былъ теменъ; со стороны Японіи небо уже приняло розоватый оттѣнокъ; съ кормы на пути къ Владивостоку виднѣлась какая-то безформенная масса, окутанная дымомъ и предразсвѣтной мглой. „Свои или чужіе“?.. естественно возникала у каждаго мысль, и отрядъ, какъ бы желая выяснить это обстоятельство, не производя ни единаго выстрѣла, поворачиваетъ на нѣсколько румбовъ въ сторону непріятеля.

Загадочный пока клубокъ судовъ дыма и мглы, мало-по-малу въ лучахъ разсвѣта, теряетъ свою безформенность, и изъ него выдѣляется корпусъ корабля, ложащагося на параллельный отряду крейсеровъ курсъ.

— „Пересвѣтъ“, тихимъ говоромъ передается изъ устъ въ уста, но не чувствуется увѣренности въ этомъ опредѣленіи, чувствуется лишь желаніе, чтобы это было такъ, потому что появленіе нашихъ судовъ въ Цусимскомъ проливѣ даетъ надежду на удачный исходъ прорыва Портъ-Артурской эскадры во Владивостокъ.

— „Побѣда“, высказываетъ предположеніе командиръ носовой

группы орудій, разсматривая въ бинокль дѣленій корпуса второго корабля. Но третій корабль? Такого корабля, съ отдѣлившейся отъ двухъ первыхъ трубъ, третьей дымовой трубой, въ русскомъ флотѣ нѣтъ.

— „Атзума“, громко говоритъ онъ, и какъ бы въ подтвержденіе его словъ съ флагманскихъ кораблей встрѣтившихся враговъ блеснули огни и гулко разнесся по недвижимому воздуху первый выстрѣлъ шестидюймоваго орудія, а когда солнце, громадное, переливающееся огненными струйками, выглянуло изъ-за горизонта, бой былъ уже въ полномъ разгарѣ.

Командиръ стоялъ на верхнемъ открытомъ мостикѣ: съ высоты пятидесяти футъ ясно видѣлъ онъ четыре непріятельскіе корабля, бортъ которыхъ безпрерывно прорѣзался струйками огня; стрѣльба велась японцами страшно быстро, масса снарядовъ пролетала надъ мачтами крейсеровъ, а попаданій во второй крейсеръ было еще немного.

Разстояніе между врагами стало увеличиваться и достигло шестидесяти кабельтовыхъ, при которыхъ стрѣльба изъ шестидюймовыхъ пушекъ стала затруднительной, и въ этотъ моментъ почти одновременно два непріятельскихъ восьмидюймовыхъ снаряда попадаютъ въ боевой форъ-марсъ и переднюю трубу: нѣсколько человѣческихъ тѣлъ, обезображенныхъ взрывомъ, летятъ съ форъ-марса въ воду, другіе грузно шлепаются на палубу; изъ двѣнадцати человѣкъ, находившихся на марсѣ, одиннадцать во главѣ съ офицеромъ, отъ котораго осталась на крейсерѣ ступня, найденная впослѣдствіи въ катерѣ, пали жертвою долга; осколками отъ этихъ двухъ снарядовъ были переранены почти всѣ находившіеся на мостикѣ, а самъ командиръ получилъ легкую рану въ голову, послѣ чего спустился въ боевую рубку, гдѣ ему сдѣлали перевязку и откуда онъ продолжалъ управлять крейсеромъ.

Большое разстояніе позволяло вести бой только восьмидюймовыми орудіями, при чемъ со стороны непріятеля таковыхъ дѣйствовало шестнадцать, а со стороны отряда крейсеровъ только четыре [1]).

Къ этому времени палуба крейсера была усѣяна тѣлами прислуги мелкой артиллеріи, которая дѣйствовала въ началѣ боя на близкомъ разстояніи, и двумя-тремя взорвавшимися на верхней палубѣ снарядами была сметена: японскіе снаряды, съ чувстви-

[1]) Двѣ 8-ми дюймовыя орудія третьяго крейсера были стараго образца—не дальнобойныя.

тельными трубками, при разрывѣ давали сотни мелкихъ осколковъ, которые подобно пулевой струѣ пулемета не оставляли живого непоцарапаннаго борта, задѣвая конечно по пути тѣхъ людей, которые стояли у орудій на верхней палубѣ. И когда по крейсеру пронеслась команда „отъ мелкихъ орудій отойди", на перевязочный пунктъ явились уцѣлѣвшіе, ихъ было только половина, а черезъ нѣсколько минутъ, уже перевязанные во многихъ мѣстахъ они присоединялись къ прислугѣ казематныхъ орудій.

Лихой комендоръ, отъ 75 м./м. орудія на правомъ шкафутѣ съ повязкой на головѣ вступилъ въ обязанности второго номера у 8-ми-дюймоваго носового, взамѣнъ убылого, смертельно раненнаго, но не успѣлъ пробыть и двухъ минутъ, какъ осколкомъ, залетѣвшимъ съ верхней палубы, вторично былъ раненъ въ лѣвое плечо, а черезъ пять минутъ опять онъ оказался на своемъ мѣстѣ и энергично дѣйствовалъ одной правой рукой.

У праваго восьмидюймоваго кормового орудія, незащищеннаго казематомъ, кромѣ перваго номера перемѣнилась вся прислуга, а орудіе все неизмѣнно посылаетъ врагу свои гостинцы.

На кормовомъ мостикѣ два офицера: командиръ кормовой группы и командиръ плутонга восьмидюймовыхъ орудій; лейтенантъ съ бѣлокурой бородкой, бывавшій въ жестокихъ схваткахъ въ Китайскую кампанію, весело посмѣивался, подбадривая людей, оставшихся у крупныхъ орудій; безбородый, съ породистымъ лицомъ, длинный мичманъ смотрѣлъ въ бинокль, стараясь уловить свои попаданія, но не такъ это было легко: въ сильныя стекла были видны только всплески отъ падающихъ снарядовъ, не взрывавшихся о воду, — только въ рѣдкихъ случаяхъ, при ударахъ въ бронированныя части корабля,—въ бортъ, рубку или башню,—удавалось замѣтить вспышки огня и небольшое облако желтаго дыма; все же, попадавшее въ незащищенный бортъ, проникало внутрь судна и можетъ быть тамъ разрывалось, но наблюдающему за огнемъ видѣть эти попаданія не представлялось физической возможности.

При такихъ условіяхъ трудно было русскимъ управлять огнемъ, тогда какъ, оглянувшись на задній мателотъ, можно было наблюдать, какъ всякій японскій снарядъ, задѣвавшій трубу, бортъ, штаги корабля, поднималъ при разрывѣ громадный столбъ чернаго дыма, а нѣкоторые снаряды рвались даже при ударѣ о воду, и лишь два-три снаряда попадало въ крейсеръ, какъ пальба усиливалась и море вокругъ него какъ бы

кипѣло отъ громаднаго количества бросаемыхъ врагомъ снарядовъ.

Высокій столбъ чернаго дыма, мягкій звукъ отъ взрыва снаряда и исковерканная корма миннаго катера, стоявшаго на бортовыхъ блокахъ на линіи шканцевъ, указали на мѣсто новаго вражескаго попаданія: бѣлокурый лейтенантъ тихо опустился на палубу, на бѣломъ китель и брюкахъ, разорванныхъ около живота, выступили яркія пятна крови; въ голубыхъ глазахъ, такъ бодро, такъ весело слѣдившихъ за боемъ, появилось выраженіе боли, но черезъ минуту они стали спокойными; къ офицеру подбѣжалъ мичманъ, у котораго осколками того же снаряда оторвало двѣ пуговицы тужурки, и матросъ со шрамомъ на лбу; еще подбѣжалъ одинъ матросъ съ носилками, и молодое, только-что полное жизни, тѣло понесли внизъ; но, мучаясь отъ боли, бравый офицеръ нашелъ еще силы слабѣющимъ голосомъ подбодрить геройскую прислугу восьмидюймовыхъ орудій.

— Хорошенько ихъ, братцы, — были слова его, и слова послѣднія, такъ какъ на перевязочномъ пунктѣ онъ былъ безмолвенъ; лишь тускнѣвшій взоръ едва могъ уловить изображеніе креста, которымъ благословлялъ офицера судовой священникъ, напутствуя умирающаго въ жизнь вѣчную.

Спаряды стали попадать чаще: вотъ одинъ проникъ черезъ верхнюю палубу; рядъ патроновъ для шестидюймовыхъ орудій, снятыхъ съ бесѣдки и приготовленныхъ къ подачѣ, былъ обращенъ ихъ открытой частью въ сторону непріятельскаго снаряда—при взрывѣ осколки осыпали эти патроны, и огненнымъ столбомъ съ желтоватымъ дымомъ вспыхнувшаго бездымнаго пороха охватило безусаго плутонговаго командира, а когда возвращавшійся съ перевязочнаго пункта матросъ со шрамомъ на лбу потушилъ изъ пипки начинавшійся пожаръ, онъ увидѣлъ подвижное стройное тѣло молодого мичмана, совершенно обнаженное, безъ малѣйшихъ наружныхъ ссадинъ или ранъ, но желтое, какъ лимонъ, отъ ожога.

Два часа прошло послѣ начала боя, и тревога за третьяго товарища овладѣла двумя сильными крейсерами: съ артиллеріей стараго образца, со старой машиной, при поворотѣ получилъ онъ снарядъ въ корму, и это попаданіе было для него смертельнымъ: заклинило руль, и крейсеръ потерялъ возможность управляться.

Какъ только давалъ онъ ходъ, положенный на бортъ руль заставлялъ крейсеръ описывать циркуляцію, и . . . . . .

онъ остановился. Непріятель, замѣтивъ это, сосредоточилъ на безпомощномъ крейсерѣ всю силу огня, и съ замираніемъ сердца смотрѣли съ другихъ крейсеровъ, какъ высокіе столбы огня и дыма отъ взрыва вражескихъ снарядовъ то и дѣло лизали незащищенные борта крейсера и какъ на каждый такой взрывъ слышался отвѣтный выстрѣлъ. Дважды крейсера поворачивали къ раненому товарищу, проходя между нимъ и непріятелемъ, защищая его и принимая на себя градъ снарядовъ, въ надеждѣ, что въ этотъ періодъ отвлеченія огня успѣетъ онъ оправиться, успѣетъ онъ подняться съ силами и вступить въ прежній строй кильватера.

Еще участились попаданія, такъ какъ крейсера, оберегая грудью товарища, проходили пространство, по которому врагъ уже пристрѣлялся.

Въ носовомъ казематѣ залетѣвшими осколками и огненными брызгами зажгло приготовленные картузы для восьмидюймоваго орудія, вспыхнула желтымъ пламенемъ оболочка картузовъ и наполнила дымомъ помѣщеніе, еще нѣсколько секундъ и температура горѣнія достигнетъ опасной нормы, произойдетъ страшный взрывъ и выведетъ онъ изъ строя людей, а главное орудіе. И командующій офицеръ, и раненый легко въ руку артиллерійскій кондукторъ, и находившіеся матросы ясно понимаютъ грозящую опасность и на горящіе картузы направлены двѣ пипки, выливается вода изъ орудійной кадки, бросаются оставшіеся съ ночи бушлаты и . . . . . огонь потушенъ; какъ бы злобствуя на такую удачу, рядомъ съ казематами, въ носовой палубѣ взрывается еще одинъ снарядъ: комендоръ и первый подносчикъ убиты, а артиллерійскій кондукторъ и шесть матросовъ ранены.

Тѣмъ временемъ къ подбитому товарищу исподтишка подошелъ одинъ изъ трехъ небольшихъ непріятельскихъ крейсеровъ, только-что появившихся на горизонтѣ, и помѣстившись у него за кормой, посылалъ въ раненаго одинъ за другимъ убійственные снаряды. Больно было смотрѣть на это избіеніе, и комендоръ ретираднаго орудія, въ обстрѣлѣ котораго находился этотъ крейсеръ, спеціально имъ занялся: ведя самостоятельную пристрѣлку, онъ добился того, что его снаряды стали падать сначала близко, а затѣмъ, къ громадному удовольствію прислуги, крейсеръ, получивъ нѣсколько снарядовъ въ корпусъ, началъ быстро удаляться съ оказавшейся для него непріятной позиціи.

Съ шипѣніемъ и свистомъ летятъ непріятельскіе снаряды:

однихъ не видно, это большіе перелеты, другіе летятъ медленно, и видно, какъ они кувыркаются въ воздухѣ. „Вотъ эти, ваше высокоблагородіе, акробаты, постоянно въ крейсеръ и попадаютъ“, докладываетъ мичману молодцеватый подшкиперъ, состоящій при командирѣ кормовой группы, „а одинъ, такъ ударился донной частью о бортовую броню и упалъ въ воду, совсѣмъ не взорвавшись“. Вначалѣ опѣшившій, но вскорѣ овладѣвшій собой, этотъ достойный унтеръ-офицеръ могъ разсказать исторію каждаго изъ попавшихъ непріятельскихъ снарядовъ. Судьба хранила его и въ то время, какъ онъ отдѣлался только царапиной, да мичманъ, простоявшій четыре съ половиной часа на открытомъ мостикѣ, лишился двухъ пуговицъ отъ тужурки, кругомъ царила смерть: у дѣйствовавшихъ орудій чуть не по три раза смѣнялась прислуга, люди, стоявшіе у пипокъ, на подачѣ и голосовой передачѣ были всѣ переранены. Въ носовой части потери въ людяхъ были сравнительно меньшія.

—„Старшаго офицера, старшаго офицера....“ передается тревожный кликъ.... „въ рубку требуютъ старшаго офицера“, говорятъ между собою матросы; „командира убило“, распространяется тревожная вѣсть: сильно надѣется команда на своего строгаго судового командира и хочется ей не вѣрить этой гибели.

Большой непріятельскій снарядъ, ударившійся въ стѣнку боевой рубки, разорвался, и масса осколковъ, коснувшись внутренней поверхности грибовидной крыши, рикошетировала внутрь рубки: командиръ, 3 офицера и всѣ до одного нижняго чина были задѣты этими злополучными гостями.

Обливаясь кровью, обильно текущей по спинѣ изъ глубокой раны, шатаясь, вышелъ изъ рубки старшій минный офицеръ и обезсиленный упалъ на руки подхватившихъ его матросовъ.

Прапорщикъ запаса флота, бывшій командиромъ носовой противоминной артиллеріи и стоявшій на полубакѣ, почувствовавъ бѣду, стремглавъ бросился къ рубкѣ, и глазамъ его представилась необычайная картина: на рулѣ никого не было, съ окровавленной головой ничкомъ лежалъ рулевой, старшій штурманъ и артиллерійскій офицеръ, раненые и отравленные газами, согнувшись, стояли у стѣнокъ; окровавленный командиръ, еле ступая, передвигался по рубкѣ, еще нѣсколько тѣлъ лежало на палубѣ.

Позвавъ людей для уборки убитыхъ и оказанія помощи

раненымъ, спокойный, видавшій виды за свою, коммерческаго моряка, жизнь, прапорщикъ всталъ на руль и до прихода старшаго офицера являлся и командиромъ громаднаго корабля, и его простымъ рулевымъ.

Вскорѣ послѣ этого случая, отрядъ крейсеровъ временно вышелъ изъ сферы огня, и при наступившемъ затишьѣ произвели перевязку командиру; восемнадцать ранъ было на его тѣлѣ, но, узнавъ, что въ командѣ пронесся слухъ о его смерти, поддерживаемый офицеромъ и квартирмейстеромъ, началъ обходить онъ всѣ палубы и казематы и обвязанный во всѣхъ направленіяхъ бинтами, благодарилъ команду за службу, а подъ аккомпаниментъ вновь начавшейся пальбы и взрывовъ вернулся въ боевую рубку, гдѣ, сѣвъ на стулъ, продолжалъ руководить боемъ.

—„Куда вы, ступайте внизъ“, обращается легко раненый лейтенантъ къ дважды раненому артиллерійскому кондуктору, съ разгорѣвшимся боемъ вновь появившемуся въ казематѣ: упираясь одной рукой на палку, имѣя подъ мышкой другой руки половую щетку, безъ сапога, съ перевязками на животѣ и ногѣ, ковылялъ общій любимецъ крейсера, пытаясь подняться по трапу. „Какъ же, нельзя иначе, ваше высокоблагородіе, я при исправленіи орудій и совершенно могу давать всѣ указанія“— былъ отвѣтъ этого кондуктора, ставившаго долгъ службы выше всѣхъ тѣхъ нравственныхъ преимуществъ, которыя, казалось бы, давали ему полученныя имъ дважды раны. И, дѣйствительно, въ этотъ моментъ испортился замокъ у восьмидюймоваго орудія, и тотчасъ же достойный кондукторъ совмѣстно съ машиннымъ квартирмейстеромъ, знаменитымъ, какъ незамѣнимый слесарь, орудовали около этого важнаго механизма.

Лейтенантъ вышелъ изъ каземата на палубу, чтобы посмотрѣть на оставшійся вдалекѣ подбитый крейсеръ, и окинувъ привычнымъ глазомъ водную гладь, вздрогнулъ: со стороны непріятеля по ровной поверхности воды шла борозда, какъ бы отъ курка мины. „28 кабельтовыхъ“, вспомнилъ онъ послѣднее разстояніе, данное съ мостика, и зная, что это разстояніе слишкомъ велико для мины, бросился на полубакъ, желая все-таки провѣрить свое впечатлѣніе.

— „Вы видите“? обратился онъ къ прапорщику. „Да, мина, а можетъ быть касатки, ихъ тутъ такая масса, но во всякомъ случаѣ она проходитъ мимо“. Дѣйствительно, пучекъ воды, приподнятый какимъ-то невидимымъ двигателемъ, прошелъ

между крейсерами, и, уже не безпокоясь за участь крейсера, офицеры вернулись къ своимъ обязанностямъ.

Третій крейсеръ тѣмъ временемъ какъ будто оправился, и казалось, что онъ двигается впередъ; такое же впечатлѣніе вынесъ видимо и флагманскій корабль, такъ какъ отрядъ уже не возвращался болѣе на югъ, а шелъ на сѣверъ, какъ бы отвлекая всѣ силы врага на себя; скоро изъ глазъ воющихъ подбитый товарищъ скрылся, а между тѣмъ шла перестрѣлка съ тѣмъ только различіемъ, что стрѣльба эта была не такъ быстра, какъ раньше; теперь можно было слѣдить за каждымъ выстрѣломъ непріятеля.

На крейсерѣ оставалась еще половина боевого запаса, но зато много пушекъ сдало: нѣкоторые механизмы, непровѣренные достаточнымъ опытомъ, оказались негодными.

Кочегаръ-татаринъ, раненый въ ногу и стрѣлявшій за перваго номера изъ шестидюймоваго орудія въ носовой батареѣ, со злобой бросилъ свою фуражку на палубу и заковылялъ къ плутонговому командиру, молодому мичману въ пенснэ, которое въ его жизни сыграло не малую роль: осколокъ снаряда, ударившись о хрусталь, изъ котораго они были сдѣланы, отломилъ половину стекла и рикошетировалъ въ сторону.

— „Вашимъ высокоблагородіямъ, подъемная машина ломай; зачимъ такой плохой матеріалъ“, жаловался онъ, размахивая руками, видимо жестоко обиженный, что въ тотъ моментъ, когда изъ роли второго подносчика онъ попалъ въ отвѣтственное мѣсто комендора, орудіе, которое онъ такъ любилъ, вдругъ отказалось служить. „Погонному дырка мала, палить въ японца нельзя“, продолжалъ сѣтовать онъ на малый угловой обстрѣлъ единственнаго, оставшагося неповрежденнымъ носового орудія.

— „Ступай въ казематъ, тамъ пригодишься“, приказалъ мичманъ, и кочегаръ-комендоръ заковылялъ дальше, уже бормоча что-то по-татарски.

Бой, повидимому, стихалъ, но вотъ непріятель, пользуясь тѣмъ, что Русскій флагманскій крейсеръ, вслѣдствіе поврежденія трубъ и котла, принужденъ былъ уменьшить ходъ до 12 узловъ, сталъ сокращать разстояніе: думалъ онъ, можетъ быть, что можетъ съ близкаго разстоянія нанести больше поврежденій, хотѣлъ, можетъ быть, онъ стрѣлять минами, но на заднемъ крейсерѣ только этого и ждали: яркой огненной полосой зажегся правый бортъ, и изъ полдюжины шестидюймовыхъ орудій, расположенныхъ въ закрытой палубѣ, посыпался на непріятеля градъ снарядовъ; неожидавшій такой энергичной

стрѣльбы, а судя по рѣдкой пальбѣ русскаго флагманскаго корабля, у котораго могли дѣйствовать всего двѣ пушки, предполагавшій окончательно разгромить ненавистный ему отрядъ, не выдержалъ японскій адмиралъ отпора и, понемногу увеличивая разстоянія, внезапно повернулъ на 16-ть румбовъ и скрылся изъ вида удивленныхъ такимъ его поступкомъ крейсеровъ.

Но послѣднимъ, случайно залетѣвшимъ снарядомъ, унесло еще нѣсколько дорогихъ для флота жизней: рябоватый первый боцманъ, такъ много, за долгую сверхсрочную службу, вложившій своихъ знаній, труда и силы на пользу отечества, ничтожнымъ осколкомъ, угодившимъ въ лобъ, былъ убитъ наповалъ, рядомъ съ нимъ тихо повалился и матросъ со шрамомъ, такъ много потрудившійся въ этомъ бою. Къ нему подбѣжалъ молоденькій матросъ изъ числа приставленныхъ къ носилкамъ: раненый, съ усиліемъ приподнимаясь на локоть, прерывающимся, точно отъ одышки голосомъ, прошепталъ: „скажи ротному, что заслужилъ я“.... „Что заслужилъ?“ переспросилъ въ недоумѣніи матросъ, остановленный этой фразой, неожидавшій ея и не зная, что ему дѣлать....

„Онъ знаетъ, въ караулѣ“.... Кровь хлынула горломъ и, не докончивъ начатой фразы, честный человѣкъ, — то сама судьба видно не хотѣла, чтобы тайна, которая была извѣстна ротному командиру и ему, обнаружилась раньше, чѣмъ другой обладатель ея, узнавъ о славной смерти незамѣтнаго героя, не перекрестился за упокой души его широкимъ знаменіемъ и не разсказалъ объ этомъ случаѣ въ средѣ своихъ товарищей, дѣлясь съ ними боевыми воспоминаніями.

Славлевъ.

Эдуардъ Францевичъ Направникъ.

Монографическій этюдъ по поводу его полувѣкового служенія русскому музыкальному искусству.

1863—1913.

I.

Въ культурномъ обиходѣ современной жизни, равно какъ и въ сужденіяхъ многихъ компетентныхъ лицъ, *между служеніемъ искусству* — въ строгомъ значеніи этого слова — и *профессіонально-артистической дѣятельностью*, не принято дѣлать существеннаго различія, отожествляя такимъ образомъ каждое лицо, подвизающееся на художественномъ поприщѣ, ео ipso съ вдохновленнымъ жрецомъ храма Аполлона. Между тѣмъ ошибочность подобнаго взгляда слишкомъ очевидна и не можетъ быть оправдываема и охраняема только въ силу того, что за давностью лѣтъ она пріобрѣла какъ бы права гражданства. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ артисты, даже самые талантливые, прославленные и знаменитые, являются въ дѣйствительности не чѣмъ инымъ, какъ профессіоналами, оберегающими и преслѣдующими исключительно только свои личные, чисто эгоистическіе интересы, не связанные никакими узами съ высоко-нравственными цѣлями облагораживающаго человѣческую душу искусства. Въ отдаленныя отъ насъ тысячелѣтіями времена процвѣтанія эллинскаго искусства всѣ артисты-исполнители и художники являлись несомнѣнно и священнослужителями, проповѣдовавшими религію красоты, изящества и жизнерадостныхъ наслажденій, ниспосланныхъ имъ съ высотъ божественнаго Олимпа. Для вящаго прославленія такого

вѣрованія Аполлонъ нуждался тогда въ благосклонномъ содѣйствіи Геліоса, ибо, безъ бога солнца и согрѣвающихъ его золотистыхъ лучей, музы не выходили на арену художественно-артистическихъ состязаній; яркій дневной свѣтъ, съ лазурнымъ небомъ на неизмѣнно-ослѣпительномъ фонѣ природной красоты, былъ для древне-эллинскаго искусства такъ же необходимъ, какъ и творческая фантазія для геніевъ, создавшихъ его.

Но мы давно эманципировались отъ солнечнаго божества грековъ и наше искусство — по крайней мѣрѣ многія его отрасли—расцвѣли безъ всякаго благорасположенія къ нему Геліоса или Діаны, что несомнѣнно было причиной коренного видоизмѣненія во всемъ, что касалось значенія, формы, содержанія и исполненія произведеній художественнаго интеллекта. Выступившій впослѣдствіи съ вѣками на первый планъ индивидуализмъ въ искусствѣ побудилъ исполнителей и къ проявленію субъективнаго чувства, что въ свою очередь содѣйствовало развитію романтизма, въ постепенномъ исчезновеніи котораго искусство теряетъ замѣтно почву подъ собой. Съ момента, когда личность и взглядъ, т. е. толкованіе исполнителя-артиста, пріобрѣли и въ искусствѣ особое значеніе и неотъемлемое право *олицетворять* собой созданные воображеніемъ сочинителя духовные образцы, поприще артистической передачи отдѣлилось уже, въ силу многихъ обстоятельствъ, отъ того идеальнаго служенія искусству, о которомъ такъ много было сказано въ продолженіе всей нашей культурно-исторической эпохи. Съ пробужденіемъ же не только нескрываемыхъ, а напротивъ, выдвигаемыхъ въ первую очередь эгоистическихъ стремленій въ дѣлѣ исполненія артистами чужихъ произведеній, о священнодѣйствующемъ культѣ въ храмѣ искусства, перестали заботиться и отъ него осталась одна лишь внѣшняя сторона, въ видѣ красивой увлекательной оболочки, претендующей стать въ концѣ-концовъ единственной самодовлѣющей цѣлью.

II.

Читатели безошибочно поняли, что предыдуще сказанное относиться, если и не всецѣло, то, главнымъ образомъ, къ театрально-музыкально-драматическому искусству, которое у насъ на Руси не имѣетъ еще того знаменитаго историческаго прошлаго, какимъ могутъ гордиться въ другихъ странахъ Европы. Но все же и мы создали кое-что достойное общаго вниманія и признанія въ указанной области. Русскій музыкально-театраль-

ный міръ можетъ съ чувствомъ удовлетворенія оглянуться на пройденный имъ за истекшее, послѣднее столѣтіе путь, особенно во второй его половинѣ, неразрывно связанный съ именемъ маститаго главнаго руководителя Императорской русской оперы *Эдуарда Францевича Направника*, подвизавшагося съ такимъ безпримѣрнымъ въ исторіи искусства, по своей продолжительности и плодотворности, успѣхомъ на трудномъ посту перваго капельмейстера Маріинскаго театра въ теченіе *пятидесяти лѣтъ* съ 1863 — 1913 г. Означенный періодъ обнимаетъ какъ разъ наиболѣе знаменательную эпоху въ лѣтописи русскаго музыкальнаго искусства, при чемъ личность и дѣятельность *Направника* совпадаютъ съ ней, не какъ случайное только явленіе въ хронологическомъ порядкѣ событій, а сливаются съ ней въ одно органическое и неразрывное цѣлое. Участіе *Направника* въ музыкально-артистической жизни Россіи за минувшее полстолѣтіе отмѣчено золотой, выпуклой прописью въ исторіи нашего юнаго еще русскаго лирическаго искусства, ибо только благодаря его поразительному и крайне раціональному трудолюбію, замѣчательной энергіи, блестящимъ способностямъ и громадной музыкальной эрудиціи у насъ создалась образцовая русская опера, носящая въ себѣ всѣ необходимые задатки стать въ недалекомъ будущемъ *національной!*

Трудно описать и перечислить все то, что сдѣлалъ *Направникъ* въ продолженіе своей полувѣковой службы на пользу нашего музыкально-драматическаго искусства. Чтобы выдвинуть великія его заслуги въ этой области, нужно сравнить положеніе и значеніе русской оперы въ годъ его вступленія на постъ, первоначально, безплатнаго второго капельмейстера Маріинскаго театра и спустя 30 лѣтъ, когда при дирекціи незабвеннаго *А. И. Всеволожскаго* Императорская русская опера пользовалась репутаціей одной изъ самыхъ лучшихъ и безукоризненныхъ въ смыслѣ ансамбля въ мірѣ. Публика сравнительно очень мало знакома съ дѣятельностью, должностью и значеніемъ капельмейстера. Обыкновенно полагаютъ, что онъ садится словно какой-то лейбъ-кучеръ Аполлона, только на свое заготовленное ему стараніями другихъ, мѣсто и погоняетъ затѣмъ палочкой играющихъ въ оркестрѣ и поющихъ на сценѣ артистовъ. Не многіе знаютъ, что оперный дирижеръ долженъ быть, во-первыхъ, отличнымъ теоретикомъ, великолѣпнымъ (въ смыслѣ техники) піанистомъ, играющимъ съ листа, и обладать обязательно абсолютно вѣрнымъ слухомъ. Самая трудная, кропотливая, утомительная работа не происходитъ на глазахъ у публики,

все это совершается днемъ на репетиціяхъ, келейнымъ образомъ. Только, когда все разучено и съ музыкально-технической стороны идетъ гладко, тогда только приступаютъ къ послѣдней артистической отдѣлкѣ и такъ называемой стилизаціи отдѣльныхъ нумеровъ и шлифовкѣ всего произведенія.

Поступленіе *Эдуарда Францевича Направника* на службу въ Маріинскій театръ и послѣдовавшую затѣмъ его дѣятельность въ должности перваго капельмейстера нельзя разсматривать съ точки зрѣнія обычнаго начала всякой карьеры въ какомъ-либо однородномъ учрежденіи. Если бы нашему юбиляру волей судебъ пришлось занять такое же мѣсто въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ или Миланѣ, то онъ попалъ бы въ совершенно другія условія. Ему не пришлось бы работать сверхъ силы, чтобы организовать, реформировать, переиначивать порядки института, въ которомъ, до его появленія, не вѣдали многихъ необходимыхъ для успѣшнаго веденія дѣла условій. *Направнику* приходилось въ продолженіе не одного десятка лѣтъ создавать вновь то, что не предусмотрѣно было его предшественниками, но при этомъ онъ вынужденъ былъ еще вести упорную борьбу съ упрямымъ и необычайно коснымъ начальствомъ, не признававшимъ никакихъ нововведеній и смотрѣвшимъ въ концѣ 60-тыхъ и вначалѣ 70-тыхъ годовъ на русскую оперу, какъ на учрежденіе, существующее на казенныя средства, но только *для публики второго сорта*. Въ тѣ времена доминировала казенная итальянская опера и Маріинскій театръ не посѣщался избраннымъ столичнымъ обществомъ.

Исторія поступленія *Направника* въ составъ служащихъ Императорской русской оперы слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы ее здѣсь приводить вновь. Какъ бывало часто въ жизни выдающихся людей, непредвидѣнный случай сыгралъ и тутъ рѣшающую роль въ судьбѣ молодого артиста. Прибывшій въ 1861 году изъ Праги въ Петербургъ, чтобы стать во главѣ оркестра богатаго мецената-аристократа князя *Юсупова*, *Направникъ* обратилъ на себя сразу вниманіе свѣдущихъ людей, какъ необычайно одаренный музыкальными способностями артистъ.

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ оцѣнилъ по достоинству талантъ юнаго чешскаго капельмейстера и предвѣщалъ ему уже тогда блестящую карьеру, такъ, что и безъ счастливаго инцидента въ Маріинскомъ театрѣ передъ представленіемъ „Руслана и Людмилы“, *Направникъ* несомнѣнно выдвинулся бы и занялъ подобающее его таланту положеніе.

III.

Настоящая, плодотворная и реформаторская дѣятельность *Эдуарда Францевича* началась только съ 1869 года, когда онъ, послѣ ухода *Лядова*, занялъ должность перваго капельмейстера. Какъ человѣкъ, прошедшій основательную строгую школу музыкальнаго образованія, онъ смотрѣлъ на многія вещи и явленія совсѣмъ не тѣми глазами, какъ окружавшая его среда артистовъ и музыкантовъ. *Направникъ* не признавалъ поверхностныхъ увлеченій и поклоненій модному вѣяніямъ въ искусствѣ; у него на первомъ планѣ стояло точное, стильное исполненіе безъ всякаго проявленія произвольнаго субъективнаго пониманія. У нашихъ мало выдержанныхъ по характеру и еще менѣе воспитанныхъ въ музыкально-эстетическомъ отношеніи русскихъ оперныхъ артистовъ онъ скоро стяжалъ себѣ славу сухого придирчиваго педанта, препятствовавшаго зачастую развернуться нашимъ отечественнымъ Тамберликамъ, Лаблашамъ, Девойдамъ во всю мощь и ширь ихъ вокальнаго дарованія.

Но молодой и крайне настойчивый въ своихъ воззрѣніяхъ капельмейстеръ не обращалъ вниманія на ропотъ и проявленіе неудовольствія со стороны артистовъ. Онъ, какъ и всякій истино образованный музыкантъ-художникъ отлично сознавалъ, что для предоставленія русскимъ пѣвцамъ той же свободы исполненія, какой пользовались итальянцы у своихъ капельмейстеровъ, требовалась и наличность соотвѣтствующей музыкальности у нашихъ артистовъ, что за рѣдчайшими исключеніями не встрѣчалось, хотя голоса, во многихъ случаяхъ, не уступали итальянскимъ. Конкуррировать по части стильнаго и художественнаго исполненія съ труппой, подвизавшейся въ большомъ театрѣ, Направникъ въ ту пору не могъ помышлять; въ его рукахъ не было для этого достаточно матеріальныхъ и артистическихъ силъ, тѣмъ не менѣе онъ приступалъ съ необычайной энергіей къ созданію возможно лучшаго ансамбля. Въ музыкально-артистическихъ кружкахъ Европы давно установился взглядъ, ставшій какъ-бы художественной заповѣдью, что главными и важнѣйшими во всѣхъ отношеніяхъ органами возможно-образцоваго исполненія оперныхъ и прочихъ музыкально-драматическихъ произведеній являются *хоръ и оркестръ!* Но у насъ такой истины не признавали и на требованія *Направника* увеличить составъ обоихъ учрежденій съ одновременнымъ улучшеніемъ и матеріальнаго положенія артистовъ этихъ двухъ корпорацій, дирекція императорскихъ театровъ отвѣтила первоначально ка-

тегорическимъ отказомъ. Напрасно старался *Эдуардъ Францевичъ* убѣдить директора барона *Кюстера*, что съ посредственными солистами, пѣвцами и хорошимъ хоромъ и оркестромъ возможно достигнуть вполнѣ артистическаго исполненія оперъ, но что съ самыми великолѣпными вокальными силами, но съ завѣдомо плохимъ составомъ оркестровыхъ музыкантовъ и хористовъ подобный результатъ немыслимъ. Всѣ его доводы разбивались о чиновничье упрямство театрально-административныхъ сферъ, находившихъ, что качество и количество артистическаго персонала Маріинскаго театра вполнѣ приличны для той части публики, которая посѣщаетъ русскую оперу. Тогда *Направникъ* поставилъ вопросъ ребромъ и потребовалъ категорически войти въ разсмотрѣніе его ходатайства, или уволить его отъ занимаемой имъ должности перваго капельмейстера. Но и эта угроза не подѣйствовала на барона Кюстера, такъ что *Эдуарду Францевичу* пришлось въ началѣ 1874 года покинуть на время свое мѣсто, чтобы доказать начальству, насколько требованіе его является важнымъ, существеннымъ и не терпящимъ отлагательства. Наконецъ кто-то изъ всесильныхъ міра сего вступился за униженное русское искусство и проектъ реорганизаціи оркестра и хора былъ, если и не въ полномъ объемѣ, то отчасти принятъ дирекціей. *Направникъ* вернулся вновь на свой постъ и принялся съ удвоеннымъ рвеніемъ за артистическую шлифовку обоихъ учрежденій. Спустя 8—10 мѣсяцевъ послѣ этого событія, ему сподобилось отпраздновать свою первую, блестящую побѣду съ обновленными артистическими силами, 14-го декабря 1874 года поставленъ былъ на маріинской сценѣ впервые „Тангейзеръ“ Вагнера. Извѣстно, какую выдающуюся, а мѣстами даже доминирующую роль играютъ въ этомъ произведеніи неоромантической нѣмецкой школы хоръ и оркестръ. Исполненная въ этотъ вечеръ усиленнымъ оркестромъ Маріинскаго театра увертюра, давно уже знакомая публикѣ по концертамъ и симфоническимъ собраніямъ филармоническаго общества и въ исполненіи садовыхъ капеллъ, послужила сигналомъ къ стихійному взрыву восторга, охватившаго весь залъ и выразившагося въ конечномъ, единодушномъ требованіи наиэлектризованной аудиторіей повторенія всего номера. Увертюра къ Тангейзеру представляетъ собой нѣчто похожее на эпическую картину, нарисованную въ сжатой формѣ съ рѣзко выступающими контурами; это, если можно такъ выразиться, звуковая, ярко колоритная живопись, иллюстрирующая вкратцѣ тѣ фазы изъ жизни главнаго героя оперы, которыя послужили автору канвой для разработки драматическаго сю-

жета. Всѣ эти характерныя свойства и особенности *Направника* выдвинулъ съ поразительной ясностью въ исполненіи увертюры, этаго оригинальнѣйшаго изъ всѣхъ оркестровыхъ сочиненій Вагнера. „Тангейзеръ“ имѣлъ сенсаціонный успѣхъ. Петербургскій музыкальный міръ, какъ и все образованное общество, интересовавшееся искусствомъ, обратили вниманіе на великолѣпное, въ смыслѣ безукоризненнаго ансамбля, исполненіе Вагнеровскаго шедевра. Вотъ тутъ *Направникъ* проявилъ не только свои выдающіяся артистическія способности, музыкальную эрудицію, но и свое идеально-безкорыстное служеніе искусству. Хотя львиная доля успѣха за „Тангейзера“ и выпала на его долю, но впередъ знать онъ этого не могъ, ни въ какомъ случаѣ. Скорѣе можно было опасаться провала въ виду господствовавшаго въ Петербургѣ среди меломановъ настроенія и преобладающихъ въ широкой публики вкусовъ относительно музыкально-драматическихъ произведеній. Вѣдь провалился же въ 1868 году поставленный, благодаря стараніямъ Сѣрова, „Лоэнгринъ“. Представленіе кончилось подъ аккомпаниментъ насмѣшливо злораднаго шиканья засѣдавшей въ ложѣ извѣстной въ то время кучки музыкальныхъ нигилистовъ и завистниковъ-зубоскаловъ, (или скалозубовъ), при чемъ публика отнеслась болѣе чѣмъ равнодушно къ оперѣ Вагнера. Въ репертуарѣ Маріинскаго театра преобладали произведенія итальянскихъ авторовъ; за недѣлю ставились, по меньшей мѣрѣ, три оперы романскихъ композиторовъ, какъ напримѣръ: „Пуритане“ (съ пѣвицей Бюдель) „Лючія“, „Риголетто“, „Травіата“, „Норма“, „Фра Діаволо“, и др. Въ общество этихъ изящныхъ красивыхъ райскихъ птицъ и фазановъ, *Направникъ* дерзнулъ, по мнѣнію тогдашнихъ присяжныхъ цѣнителей музыки, впустить вдругъ грубаго, неотесаннаго нѣмецкаго да еще крайне крикливаго индюка! Но къ изумленію всѣхъ предсказателей подъ волшебнымъ жезломъ, сирѣчь дирижерской палочкой молодого, талантливаго капельмейстера, индюкъ этотъ превратился въ стройнаго орла, расправившаго могучія крылья и поднявшагося высоко надъ порхающими внизу обитателями птичьяго двора. И такъ, въ смыслѣ риска, постановка „Тангейзера“ могла оказаться палкой о двухъ концахъ.

IV.

Укрѣпивъ свое положеніе и ставъ твердой ногой въ учрежденіи, единственномъ во всей Россіи и не имѣющемъ себѣ равнаго въ Европѣ, *Направникъ* отнюдь не довольствовался достигну-

тыми результатами; онъ ни на минуту не думалъ почивать на лаврахъ, въ немъ не было—благодаря, быть можетъ, нерусскому своему происхожденію—и микроскопическаго, или, какъ принято теперь говорить, бактеріологическаго зародыша чиновничьяго самодовольства и бюрократическаго равнодушія, съ примѣсью хронической лѣни, отговаривающихъ его отъ приложенія дальнѣйшихъ стараній къ достиженію артистическаго совершенства, въ исполненіи музыкально-драматическихъ произведеній отечественной и иноземной литературы на сценѣ Маріинскаго театра. Въ составѣ артистовъ императорской русской оперы были, какъ уже сказано, несомнѣнно лица, щедро одаренныя голосовыми средствами и не лишенныя сценическаго и музыкальнаго дарованія, но они зачастую не умѣли примѣнять, съ требуемой эстетическими правилами формой, дарованныя имъ природой вокальныя богатства и приложить свой талантъ тамъ, гдѣ онъ больше всего могъ оказаться пригоднымъ. Дилеттантизмъ чувствовался на каждомъ шагу въ исполненіи ими не только отвѣтственныхъ, но и второстепенныхъ партій. Въ виду вотъ такихъ условій и обстоятельствъ, *Направникъ*, преслѣдуя однѣ лишь художественныя цѣли и интересы родного искусства, сталъ заниматься съ такими артистами и подготовлять ихъ къ выполненію возложенныхъ на нихъ сценическихъ задачъ, что скоро и отразилось на всемъ оперномъ ансамблѣ. Представленія императорской русской оперы стали постепенно посѣщаться и высшими слоями столичнаго населенія, объяснявшими свое появленіе въ Маріинскомъ театрѣ оговоркой: „que l'orchestre sous la direction de Napravnik est magnifique“. Пріѣзжіе иностранцы были прямо поражены чуднымъ исполненіемъ такихъ оперъ, какъ „Жизнь за Царя“, „Русланъ и Людмила“, „Русалка“, „Юдиѳь“, „Рогнѣда“, „Опричники“ и нѣсколько еще другихъ изъ русскаго репертуара. Такъ напримѣръ знаменитый въ свое время въ Германіи концертный пѣвецъ, музыкальной педагогъ и директоръ Франкфуртской консерваторіи, профессоръ *Юліусъ Штокгаузенъ* пришелъ прямо въ восторгъ отъ оперныхъ представленій, слышанныхъ имъ въ Маріинскомъ театрѣ; онъ увѣрялъ автора этого очерка, что нигдѣ въ Европѣ не встрѣчалъ лучшаго оркестра, лучшаго хора и болѣе стройнаго ансамбля.

Но музыкально-артистическая дѣятельность *Направника* не довольствовалась сравнительно узкими рамками дирижированья въ стѣнахъ казеннаго учрежденія, хотя и перворазряднаго по величинѣ и значенію. Творческая энергія и желаніе принести посильную пользу въ насажденіи и распространеніи музыкальнаго

искусства въ Россіи не давали покоя рѣдко трудоспособному и примѣрно трудолюбивому *Эдуарду Францевичу*. На зовъ *Антона Григорьевича Рубинштейна* придти ему на помощь въ дѣлѣ организаціи симфоническихъ концертовъ императорскаго русскаго музыкальнаго общества и пропагандированія здравыхъ художественныхъ взглядовъ на лирическое искусство въ нашемъ малоразвитомъ въ этомъ отношеніи русскомъ обществѣ, онъ откликнулся съ полной готовностью, на сколько это совмѣстимо было съ его нелегкой работой въ русской оперѣ. Изъ всѣхъ дирижеровъ, выступавшихъ въ продолженіе почти 40 лѣтъ въ симфоническихъ собраніяхъ императорскаго русскаго музыкальнаго общества, *Направникъ* отличался наибольшимъ артистическимъ спокойствіемъ, увѣренностью, присутствіемъ духа и умѣньемъ вести оркестръ согласно своимъ намѣреніямъ. Ансамбль у него былъ всегда удивительный, какъ бы сосредоточенный въ его магической дирижерской палочкѣ. Струнный квартетъ игралъ подъ его управленіемъ съ поразительной звуковой точностью какъ одинъ человѣкъ, вдохновленный одной мыслью. Намъ никогда не приходилось слышать фальшивыхъ или преждевременныхъ вступленій. Каждый артистъ въ оркестрѣ зналъ, что въ исключительно трудныхъ и отвѣтственныхъ мѣстахъ дирижеръ его не оставитъ безъ вниманія и дастъ ему надлежащій знакъ. Рыцарски благородный, идеально-прямой *А. Г. Рубинштейнъ* удивлялся и восхищался всегда дирижерскимъ талантомъ *Направника* и часто говорилъ: „я этого не умѣю, у меня этихъ способностей нѣтъ!“ Глубокое уваженіе, которое питали другъ къ другу *Направникъ и А. Г. Рубинштейнъ*, покоилось на твердомъ фундаментѣ взаимнаго довѣрія въ искренность товарищескихъ чувствъ, проявляемыхъ тѣмъ и другимъ, и въ отсутствіи малѣйшей артистической зависти у каждаго изъ нихъ къ успѣху и заслугамъ другого. Отправляясь въ былое, давно уже минувшее время, въ другіе города Россійской имперіи для дирижированія концертами, операми собственнаго сочиненія или ораторіями, *Направникъ*, не заботившійся никогда о какомъ-либо, хотя-бы самомъ невинномъ, рекламированіи своей особы, встрѣчался тѣмъ не менѣе всюду съ такимъ радушіемъ и почтительнымъ уваженіемъ, какія выпадали и выпадаютъ только на долю очень выдающихся и заслуженныхъ общественныхъ дѣятелей родины. Въ первопрестольной столицѣ его чествовали всегда, какъ одного изъ наиболѣе достойныхъ представителей національнаго направленія въ области музыкально-драматическаго творчества. Первая его опера „Нижегородцы“, написанная

на русскій историческій сюжетъ, заканчивается сценой прославленія Москвы и привѣтствованія освобожденнаго послѣ долгой осады отъ враговъ Кремля. Не странно ли, что до *Направника* ни одинъ русскій художникъ-композиторъ не прельстился великолѣпнымъ бытовымъ матеріаломъ изъ смутнаго времени, какъ сюжетомъ для оперы, и не попытался воспользоваться монументальной фигурой *Козьмы Минина* для созданія изъ него героя музыкальной драмы „Жизнь за Царя“, въ данномъ случаѣ не идетъ въ счетъ, потому-что драматическое содержаніе вертится вокругъ дѣйствія и характера одного лица, совершенно незначительнаго въ историческомъ смыслѣ и выступающаго не активно въ защиту своей родины, а проявляющаго лишь трогательный пассивный героизмъ. Но вотъ пріѣхалъ къ намъ талантливый чужестранецъ-славянинъ изъ центрально-европейской и высоко-культурной страны. Взглянувъ на сказочно-величавый нашъ Московскій Кремль, прочитавъ исторію смутнаго времени и ознакомившись съ подвигомъ доблестнаго нижегородскаго гражданина, *Козьмы Минина-Сухорукаго*, западно-европейскій славянинъ-артистъ невольно воспылалъ желаніемъ создать что-либо изъ всѣхъ этихъ знаменательныхъ историческихъ событій, явленій и характерныхъ приключеній, разыгравшихся въ ту пору среди охваченныхъ волненіемъ народныхъ массъ. Чутьемъ художника онъ понялъ, какой богатый кладезь представляетъ собой эта эпоха для повѣствованія и иллюстрированія ея словомъ и звукомъ.

V.

Но чѣмъ успѣшнѣе подвизался *Эдуардъ Францевичъ Направникъ* на поприщѣ самоотверженнаго служенія искусству, тѣмъ болѣе возбуждалъ онъ въ извѣстныхъ кружкахъ чувство недоброжелательства и зависти къ себѣ. Въ виду явной невозможности подкопаться подъ его прочное и покоющееся на его крупномъ талантѣ и обширномъ знаніи положеніе, или умалить его артистическое значеніе въ глазахъ начальства, недруги пытались развѣнчать его во мнѣніи публики, привыкшей видѣть въ немъ выдающійся и неоспоримый музыкально-художественный авторитетъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что подобныя попытки исходили отъ очень незначительнаго кружка лицъ, не пользовавшагося ни вліяніемъ, ни уваженіемъ во мнѣніи всѣхъ безпристрастныхъ цѣнителей и знатоковъ музыки. Особенно набросились на *Направника* группа его недоброжелателей за его

дирижерскую дѣятельность въ симфоническихъ концертахъ императорскаго русскаго музыкальнаго общества. Рядъ голословныхъ, ни на какихъ данныхъ не основанныхъ, упрековъ, сыпался на него изъ критическихъ отзывовъ нѣкоторыхъ музыкальныхъ писателей. Особенную злобную придирчивость проявилъ въ большой либеральной газетѣ, одинъ смѣхотворный по своимъ претензіямъ пигмей. Этотъ ничтожный по развитію и дарованію человѣкъ, напоминавшій своими дѣяніями въ нѣкоторомъ родѣ одного изъ подземныхъ гадовъ въ Вагнеровскихъ „Нибелунгахъ", написалъ, чтобы показать силу своего авторитета (?) и остроту своего пера (?) простонапросто пасквильную статью про *Направника*, какъ дирижера симфоническихъ собраній. Тогда оскорбленный художникъ-артистъ, не желая служить мишенью для мальчишескихъ выходокъ, отказался среди сезона отъ дальнѣйшаго дирижированія симфоническими концертами императорскаго русскаго музыкальнаго общества. Мы привели этотъ примѣръ въ доказательство того, что отличительной чертой многихъ русскихъ людей является какое-то принципіальное недоброжелательство къ дѣятельности или предпріятіямъ другихъ лицъ и какое-то спортивное занятіе сованія палокъ въ колеса машины, пущенной входъ не ими. Эту неприглядную черту въ характерѣ многихъ русскихъ людей, на которую указывали и жаловались уже наши великіе литературные геніи, пришлось и *Направнику* испытать на себѣ.

Съ вступленіемъ Ивана Александровича Всеволожскаго на постъ директора Императорскихъ театровъ совпала и лучшая счастливѣйшая эпоха въ дѣятельности нынѣ маститаго перваго дирижера Маріинскаго театра. Всеволожскій былъ настоящимъ бариномъ не только по рожденію, чину, положенію и мундиру, но и въ душѣ и по высокому интеллектуальному и эстетическому своему развитію. Прп немъ былъ *Направникъ*, что касалось артистической части, полновластнымъ хозяиномъ русской оперы, и ничего нѣтъ удивительнаго, если во время управленія *Всеволожскаго* Императорскими театрами, опера Маріинскаго театра достигла апогея своей славы и художественнаго совершенства въ смыслѣ ансамбля. Репертуаръ обогатился включеніемъ новыхъ и заново разученныхъ оперъ первоклассныхъ авторовъ. Возобновили, напримѣръ, постановку „Лоэнгрина" и къ великому удовлетворенію всѣхъ истинныхъ поклонниковъ прекраснаго въ музыкѣ, опера эта прошла на сей разъ съ выдающимся успѣхомъ. Широкія полномочія, дарованныя дирекціей

первому капельмейстеру, простирались и на право приглашенія выдающихся артистическихъ силъ въ труппу Маріинскаго театра. *Направникъ* сталъ подыскивать хорошихъ пѣвцовъ, одаренныхъ не только голосами, но и несомнѣннымъ сценическимъ дарованіемъ, такъ какъ требованія въ послѣднемъ отношеніи стали постоянно возрастать. Въ эту лучшую пору дѣятельности *Направника* и процвѣтанія русской оперы была приглашена въ составъ труппы Маріинскаго театра, между прочими, и *Марія Ивановна Долина*, такъ блестяще дебютировавшая въ апрѣлѣ 1886 года въ роли Вани въ „Жизни за Царя“. Талантливая артистка и столь же, какъ и *Направникъ*, безкорыстная, заправская служительница искусства, вспоминаетъ до сихъ поръ съ чувствомъ глубокой признательности то милое, заботливое и чисто отеческое отношеніе, какое проявилъ къ ней *Эдуардъ Францевичъ* съ первыхъ ея шаговъ на тернистомъ пути къ артистической славѣ, достигнутой ею благодаря тому, что талантъ начинающей пѣвицы былъ во время и вѣрно оцѣненъ главнѣйшими и отвѣтственными руководителями Императорской русской оперы. Спустя 18 лѣтъ артистка, пріобрѣтшая уже за это время европейскую извѣстность и высокое званіе солистки Его Величества, узнала къ великому своему огорченію, что въ вопросахъ, касающихся оцѣнки вокально-артистическихъ и сценическихъ качествъ членовъ Императорской оперной труппы, рѣшающимъ факторомъ является ничѣмъ не оправдываемый, произволъ. Въ апрѣлѣ 1887 года Маріинскій театръ пріобрѣлъ въ лицѣ *Николая Николаевича Фигнера* и г-жи *Медеи Фигнеръ* первоклассныхъ артистовъ на амплуа перваго тенора и перваго драматическаго сопрано. Эта чета служила долгое время украшеніемъ русской оперы. Отмѣтимъ еще вступленіе въ составъ труппы великолѣпнаго баса *Константина Терентьевича Серебрякова* (въ 1887 г.) и басъ-баритона *Василія Семеновича Шаронова*, обладателя рѣдкаго по красотѣ и звучности голоса. Прекрасное и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне полезное пріобрѣтеніе сдѣлала тогда дирекція еще въ лицѣ высокаго, драматическаго сопрано, г-жи *Куза*, такъ преждевременно скончавшейся въ цвѣтѣ лѣтъ. Ангажементъ тенора *Ершова* и баса *Касторскаго*, чудный бархатный голосъ котораго оказался неоцѣненнымъ пріобрѣтеніемъ для артистической постановки Вагнеровскихъ оперъ, особенно при исполненіи трилогіи „Кольцо Нибелунговъ“. Въ роли „Зигфрида“ и „Зигмунда“ *Ершовъ* не имѣетъ соперниковъ въ Россіи. Всѣ поименованные здѣсь артисты были приняты въ со-

ставъ труппы Маріинскаго театра по настоянію *Направника*, умѣвшаго съ удивительнымъ чутьемъ поставить каждаго на свое мѣсто и дать ему возможность выдвинуться и развить свою индивидуальность.

VI.

Въ ноябрѣ 1888 года въ Маріинскомъ театрѣ праздновался 25-лѣтній юбилей *Эдуарда Францевича* съ необычайной торжественностью, въ присутствіи Государя Императора, Царской фамиліи и всего Высочайшаго Двора. Въ дарованный по этому поводу юбиляру бенефисъ поставлена была его опера „Нижегородцы". Н. Н. Фигнеръ пѣлъ главную теноровую партію боярина Курбатова, талантливый, нынѣ уже покойный, *Ѳедоръ Игнатьевичъ Стравинскій* исполнилъ характерную роль „Козьмы Минина Сухорукова". Парадный этотъ спектакль былъ сплошнымъ торжествомъ *Направника*. Чествованіе его при открытой сценѣ продолжалось около часа, при чемъ всѣ привѣтственныя рѣчи, поздравленія и адреса сходились въ томъ, что заслуги *Эдуарда Францевича Направника* записаны на скрижаляхъ исторіи русскаго музыкальнаго искусства и что память о немъ никогда не забудется и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, которыя при одномъ упоминаніи его имени преисполнятся уваженіемъ къ безкорыстной, плодотворной дѣятельности, этого примѣрнаго сподвижника эпохи художественно-музыкальнаго расцвѣта русско-славянскаго искусства.

Не входя въ детальный разборъ и оцѣнку композиторскаго творчества маститаго юбиляра, по причинѣ отсутствія у автора этюда настоящихъ глубокихъ и спеціально-теоретическихъ познаній въ музыкѣ, мы укажемъ здѣсь только на нѣкоторыя его произведенія, обогатившія, судя по выпавшему на ихъ долю успѣху, не только отечественную, но и обще-европейскую музыкальную литературу. *Направникъ* написалъ четыре оперы, поставленныя въ свое время на петербургской и московской казенной и прочихъ провинціальныхъ сценахъ, это „Нижегородцы", „Гарольдъ", Франческа да Римини" и „Дубровскій", изъ коихъ послѣдняя стала въ подлинномъ значеніи слова популярной и репертуарной всюду, гдѣ существуетъ русская оперная антреприза. Въ области ораторіальныхъ сочиненій, кантатъ и абсолютной музыки, т. е. симфоній, оркестровыхъ фантазій и струнныхъ квартетовъ, *Направникъ* является не менѣе плодовитымъ авторомъ, при чемъ произведенія его отличались

всегда и во всѣхъ отношеніяхъ изяществомъ и симметричностью архитектурной формы въ смыслѣ построенія и разработки темъ, красиво и рельефно выступавшихъ, благодаря умѣлому распредѣленію автора свѣта и тѣней, посредствомъ динамики и оркестроваго колорита. Вообще *Направникъ*, какъ композиторъ, напоминаетъ во многомъ *П. И. Чайковскаго*; оба они по преимуществу лирики. Пылкое, страстное, стихійно-драматическое съ высокимъ полетомъ фантазіи не ихъ область. Но вдумчивое углубленіе, лирическое созерцаніе, элегическое настроеніе, прерываемое вспышками веселья и жизнерадостности, все это передавалось обоими художниками звуковой живописи мастерски и съ неизмѣннымъ оттѣнкомъ реализма, не переходящаго однако никогда въ утрировку, грубый натурализмъ или декадентскій шаржъ.

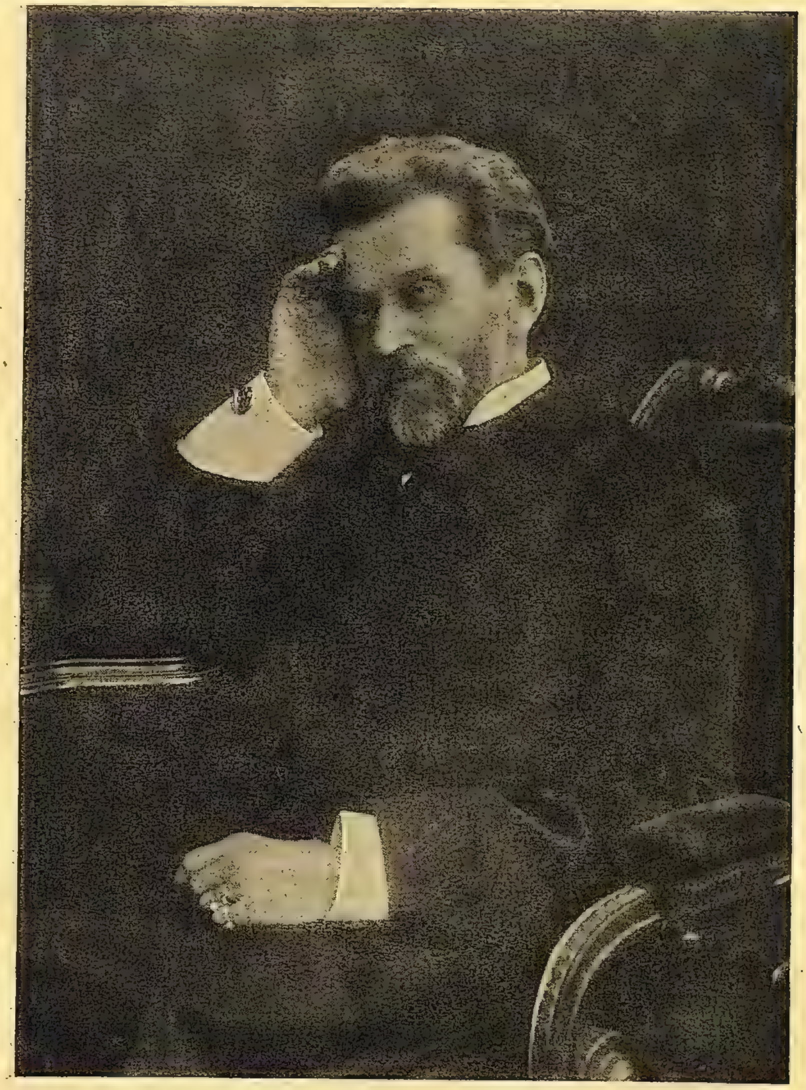
До самаго конца девятнадцатаго столѣтія дѣятельность неутомимаго главнаго руководителя Императорской русской оперы носила характеръ прогрессивный, направленный къ безпрерывному совершенствованію всѣхъ отраслей подвѣдомственнаго ему артистическаго учрежденія. Появившіяся въ 1889 и 1898 году иностранныя оперныя труппы *Анжело Неймана* изъ Праги и *доктора философіи Леве* изъ Бреславля для постановки на Маріинской сценѣ „Кольца Нибелунговъ“ Вагнера, должны были вызвать въ *Направникѣ* чувство обиды, что такой грандіозный по своимъ матеріальнымъ и артистическимъ средствамъ институтъ, какъ дирекція Императорскихъ театровъ, нуждается въ въ частной антрепризѣ, да еще заграничной, для ознакомленія русской публики съ капитальнѣйшими произведеніями музыкально-драматической литературы геніальнаго нѣмецкаго новатора. Долго пришлось *Направнику* опять настаивать на необходимости отпустить нужныя средства и приступить къ постановкѣ „Кольца Нибелунговъ“ съ собственными силами въ сезонъ великаго поста[1]). Столь здравое и вполнѣ похвальное проявленіе патріотизма въ области, гдѣ онъ имѣетъ очень услов-

[1]) Судя по нѣкоторымъ даннымъ *Направникъ* въ сущности вовсе не доказывалъ необходимость ставить великимъ постомъ Вагнеровскую трилогію, но его мнѣнію было гораздо цѣлесообразнѣе дать всей оперной труппѣ, въ особенности же хору и оркестру, необходимый отдыхъ, какъ это практиковалось споконъ вѣковъ. Но рядомъ съ этимъ онъ возставалъ и противъ приглашенія иностранныхъ антрепризъ на время великаго поста и доказывалъ, что если ужъ является такая необходимость ставить „Кольцо Нибелунговъ“, то это нужно сдѣлать собственными силами и не ронять въ глазахъ публики приглашеніемъ иностранцевъ престижъ русской оперы. *М. С.*

ное и ограниченное значеніе со стороны главнаго и отвѣтственнаго руководителя русской оперной труппы, возымѣло свое дѣйствіе и принесло не мало пользы всему учрежденію, возвысивъ въ значительной степени престижъ Императорской русской оперы въ глазахъ образованной публики. Циклъ послѣднихъ Вагнеровскихъ музыкально-драматическихъ произведеній былъ включенъ въ репертуаръ Маріинскаго театра и продолжаетъ до сихъ поръ привлекать массу восторженныхъ слушателей, наполняющихъ, несмотря на высокія цѣны, сверху до низу громадный залъ казенной русской оперы. Но неумолимое время брало свое; по истеченіи 50 лѣтъ со дня вступленія *Эдуарда Францевича* на постъ капельмейстера, рука маститаго художника, державшая такъ увѣренно и крѣпко скипертъ музыкальнаго правленія, стала видимо ослабѣвать и утрачивать прежнюю гибкость и твердость взмаха. На артистическомъ тронѣ, поставленномъ среди оркестра, сталъ появляться уже не прежній *Направникъ*, полный энергіи и воодушевленія, а почтенный старецъ и *Несторъ* среди всѣхъ европейскихъ дирижеровъ, все еще бодрый духомъ и преисполненный беззавѣтной любви и преданности къ своему дѣлу, но уже примирившійся съ сознаніемъ о необходимости бережнаго отношенія и къ оболочкѣ этого славнаго артистическаго духа, дабы безчисленные поклонники его имѣли возможность видѣть столь заслуженно украшеннаго почетной сѣдиной старца, еще много лѣтъ въ той средѣ, въ которой онъ провелъ полстолѣтіе и которая привыкла чтить въ немъ настоящаго законоучителя, показавшаго такой блестящій примѣръ идеальнаго служенія искусству и неукоснительнаго исполненія своего долга.

VII.

Эдуардъ Францевичъ Направникъ родился 1-го/12-го августа 1839 г. въ Бейштѣ въ Богеміи въ семьѣ скромнаго школьнаго учителя. Послѣ окончанія средняго образованія въ реальной гимназіи родного города, онъ поступилъ, чувствуя къ тому призваніе, въ знаменитую школу органистовъ (нынѣ консерваторія) въ Прагѣ, изъ нѣдръ которой выходило такъ много выдающихся артистовъ и композиторовъ. Сначала *Эдуардъ Францевичъ* готовился къ виртуозной карьерѣ; изъ школы вышелъ онъ прекраснымъ піанистомъ, выступавшимъ съ большимъ успѣхомъ на концертныхъ эстрадахъ. Въ Вѣнѣ познакомился онъ съ княземъ *Юсуповымъ*, имѣвшимъ въ то время свой отличный домашній струнный оркестръ и искавшимъ какъ разъ хорошаго мо-



Э. Направникъ

лодого, талантливаго дирижера, согласнаго ѣхать съ нимъ въ Россію. Подвернувшійся юный *Направникъ* оказался подходящимъ во всѣхъ отношеніяхъ для означенной должности кандидатомъ, такъ что князь Юсуповъ ухватился за него съ радостью и привезъ въ 1861 году молодого капельмейстера въ Петербургъ. Прибывъ въ Россію, *Направникъ*, какъ человѣкъ далеко не дюжиннаго интеллектуальнаго развитія, понялъ сразу, что изъ *архимузыкальной страны* попалъ сразу въ *антимузыкальную*, не взирая даже на то, что находился въ культурномъ и умственномъ центрѣ своего новаго отечества. Музыкальность стояла въ ту пору въ Россіи, не исключая даже Петербурга и Москвы, на очень низкомъ уровнѣ, который и по сей часъ далеко неравенъ западноевропейскому. Чтобы тамъ ни говорили, какія бы причины ни приводили для объясненія явной отсталости русскаго народа на музыкально-художественномъ поприщѣ, но фактъ сравнительной антимузыкальности Россіи нельзя отрицать и скрывать, а всѣ доказательства противнаго, построенныя на апріорныхъ сужденіяхъ и силлогизмахъ, не могутъ никого убѣдить, кто хоть поверхностно знакомъ съ этимъ вопросомъ. Если на родинѣ *Направника*, въ Чехіи, или Германіи можно найти среди ста взрослыхъ людей, безъ различія пола и сословія, 20 человѣкъ, знающихъ и понимающихъ музыку, то дай Богъ въ Россіи наткнуться на двухъ такихъ лицъ, изъ цѣлой тысячи. Для громаднаго, подавляющаго большинства русскаго народонаселенія, музыка не имѣетъ другого значенія, какъ выражать свое веселье наравнѣ съ питьемъ, катаньемъ съ горы, пляской, или примитивнымъ пѣньемъ хоровыхъ пѣсенъ. Послушать только, какъ наши образованные классы относятся къ шедеврамъ настоящаго мірового музыкальнаго искусства. Неоднократно пишущій эти строки получалъ отъ дамъ и дѣвицъ, окончившихъ не только гимназію, но и высшіе женскіе курсы, на предложеніе послушать „Гугеноты“, „Русалку“ или „Лоэнгринъ“ отвѣтъ: „нѣтъ, эти оперы я уже всѣ видѣла, „Гугеноты“ и „Русалку“ даже два и чуть-ли не три раза, а вотъ нельзя-ли *„на Шаляпина“* достать билетикъ, хоть на галерку“. Въ подобныхъ характерныхъ отвѣтахъ отражается, какъ въ зеркалѣ, вся напускная музыкальность русскаго общества. Другой примѣръ г-жа *Домина*, дающая вокальные концерты, полные захватывающаго интереса и доставляющіе, безъ всякаго сомнѣнія, большое эстетическое наслажденіе. И кто же неизмѣнно отсутствуетъ на этихъ вечерахъ? Да всѣ тѣ, кто больше другихъ кричитъ о

своемъ пристрастіи къ музыкѣ, къ пѣнію и къ искусству вообще. Для большинства такихъ людей музыка вертится только вокругъ именъ Шаляпина, Баттистини и прочихъ любимцевъ публики, представляющихся съ эстрады или со сцены ничѣмъ инымъ, какъ басами, баритонами, тенорами и выступающихъ съ единственной цѣлью собиранія денегъ. Вотъ это ложное антихудожественное и антимузыкальное направленіе имѣло въ покойномъ *Антонѣ Григорьевичѣ Рубинштейнѣ* и понынѣ здравствующемъ еще юбилярѣ *Направникѣ* заклятыхъ, непримиримыхъ противниковъ. *Эдуардъ Францевичъ* возмущался всегда, когда какой-нибудь оперный пѣвецъ выдвигалъ не свою роль, а лишь свою особу на первый планъ. Нѣтъ, говаривалъ онъ, умѣй заинтересовать зрителя и слушателя артистическимъ исполненіемъ своей роли, своимъ безукоризненнымъ пѣніемъ, а не случайно выпаленной ни къ селу, ни къ городу высокой нотой, красивой прической, богатымъ костюмомъ и утрированными манерами, не идущими къ дѣлу. Съ такимъ же строгимъ осужденіемъ относился онъ къ инструментальнымъ виртуозамъ, калѣчащимъ зачастую классическія сочиненія изъ единственнаго желанія сорвать посредствомъ эффектной каденціи, или иного какого-нибудь кунстштюка—лишній аплодисментъ. Читатели согласятся навѣрно съ нами, что если бы у *Направника* не было никакихъ другихъ заслугъ, кромѣ безпрерывнаго, честнаго исполненія своихъ обязанностей въ продолженіе 50 лѣтъ на одномъ и томъ же посту, то и этого было бы болѣе чѣмъ достаточно для исключительнаго чествованія его всѣмъ музыкально-театральнымъ, артистическимъ и художественнымъ міромъ. Намъ неизвѣстенъ аналогичный случай столь продолжительнаго пребыванія капельмейстера на своемъ мѣстѣ. Когда два года назадъ придворный капельмейстеръ, *Эристъ Шухъ*, въ Дрезденѣ, праздновалъ свой 40 лѣтней юбилей, то вся германская печать отмѣтила этотъ случай, какъ небывалое еще въ хроникѣ театральной жизни явленіе, *Направникъ* же празднуетъ полувѣковую дѣятельность въ учрежденіи, въ которомъ ему приходилось создавать и налаживать многое чуть не сызнова. *Шухъ* въ Дрезденѣ прибылъ въ 1872 году на готовое мѣсто, его предшественниками были извѣстные музыкальные корифеи Германіи, какъ: Мендельсонъ, Веберъ, Рейсигеръ, Ритцъ, сумѣвшіе задолго до него поставить дѣло на высоту художественныхъ требованій.

На сколько внѣшними знаками отличія—чинами и орденами можно было вознаградить *Направника* за его незабвенныя

заслуги, все это отчасти уже сдѣлано, онъ имѣетъ титулъ превосходительство и ордена до Станислава 1-го степени со звѣздой включительно, но благодарность и признательность просвѣщенной части русскаго общества должна еще выразиться въ самой лестной и почтительной для юбиляра формѣ. Имя и дѣятельность *Направника* слѣдуетъ увѣковѣчить въ памяти населенія того города и той страны, которымъ онъ посвятилъ всѣ свои силы и свой крупный артистическій талантъ.

М. В. Станиславскій.

Кадеты Императора Николая I.

При Императорѣ Николаѣ I-мъ военно-учебныя заведенія лѣтомъ занимали лагерь въ Петергофѣ вблизи болота, на осушеніе котораго Императоромъ Александромъ I-мъ употреблено много денегъ и усилій особо приглашенныхъ квакеровъ, оказавшихся безплодными.—Въ послѣдніе годы царствованія Николая I-го графъ Перовскій чрезъ Байкова успѣлъ эту мѣстность осушить. До того болото въ 100 д. граничило съ мѣстомъ кадетскихъ смотровъ и ученій, называвшимся „плацемъ“.

Въ одно изъ такихъ лѣтнихъ кадетскихъ занятій Константинъ Антоновичъ Шлиппенбахъ былъ начальникомъ всего лагеря и велъ это дѣло, какъ извѣстный по фронту служака.

Является фельдъегерь и зоветъ его во дворецъ къ Государю.

— Ну, думаю, говоритъ Шлиппенбахъ, что-нибудь да не такъ. Ѣду.

Императоръ скоро вышелъ въ залу, гдѣ я былъ одинъ и, остановясь посрединѣ, сказалъ:

— Вчера я встрѣтилъ кадета на улицѣ въ безпорядкѣ: киверъ на бекрень, мундиръ на распашку и, кажется, онъ былъ пьянъ, на ногахъ качался, но узналъ мою коляску и скрылся въ первыя ворота. Чтобъ былъ найденъ. Понимаешь?

— Слушаю, Государь, будетъ исполнено.

— Прощай, до трехъ часовъ жду.

Я откланялся и, выйдя за двери, взглянулъ на часы: было ровно двѣнадцать часовъ. Сѣлъ на дрожки и, сказавъ кучеру „пошелъ въ лагерь“, всю дорогу раздумывалъ: изъ какого корпуса? Остановясь на Дворянскомъ полку, призвалъ директора, генерала Пущина, и передавъ ему царскій приказъ, спросилъ его мнѣнія. Онъ отвѣчалъ безъ запинки:

— Должно быть мой.

И взялся отыскать.

Съ своей стороны, употребивъ всѣ средства къ отысканію виноватаго, я узналъ одно, что по всѣмъ свѣдѣніямъ онъ долженъ быть изъ I-го батальона. Въ исходѣ второго часа явился Пущинъ и подтвердилъ то же. Тогда Дворянскій полкъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ и въ первомъ было много рослыхъ гулякъ. Выслушавъ докладъ полкового командира, я рѣшился испытать послѣднее и приказалъ вывести батальонъ на плацъ.

Выйдя къ батальону и не здоровавсь по обыкновенію, я сказалъ:

— Господа, между вами есть виноватый,—это вѣрно. Вы его знаете, но не хотите выдавать, стало, мы всѣ виноваты, но я думаю, что онъ одинъ насъ оправдаетъ. Кто вчера встрѣтилъ Государя Императора и скрылся отъ него? выйди изъ фронта!

Прошла минута, никого.

Вижу, что многимъ тяжко и возвышаю голосъ:

— Какъ? Такъ вы полагаете, что Высочайшее повелѣніе можно не исполнить. Ошибаетесь. Генералъ, командуйте.

Пущинъ скомандовалъ:

— На-пле-чо!—батальонъ на-пра-во!

и самъ бѣгомъ сталъ на правый флангъ лицомъ къ болоту. Тогда я закричалъ:

— Скорымъ шагомъ маршъ-маршъ!

Батальонъ двинулся въ ногу, и скоро первые ряды заплескали ногами въ болотѣ. Пущинъ завязъ по грудь. Виноватый выскочилъ прямо ко мнѣ.

— Это я, Ваше Превосходительство.

Мгновенно раздалась моя команда.

— Батальонъ на-лѣ-во кругомъ!

Подъѣхали дрожки; я усадилъ виновнаго и вмѣстѣ рысью во дворецъ. Пріѣхали безъ четверти три часа. Оставивъ кадета на дрожкахъ и поручивъ его кучеру, я вошелъ наверхъ и прошелъ доложить.

Государь вышелъ въ сюртукѣ безъ эполетъ, сталъ и издалека спросилъ:

— Нашелъ?

— Нашелъ, Государь.

По его лицу было видно, какая грустная тѣнь съ него спала мгновенно. Мѣрными шагами по залѣ онъ подошелъ ко мнѣ, положилъ обѣ руки мнѣ на плечи и тихо произнесъ:

— Разскажи какъ?

Я высказалъ все отъ начала до конца. Онъ задумался и спросилъ:

— Да ты, пожалуй, и утопилъ бы?

Я отвѣчалъ смѣло:

— Утопилъ бы, Государь!

Онъ снова подумалъ, весело взглянулъ на меня и произнесъ съ полнымъ одушевленіемъ:

— Спасибо. Пока мы живы, мы знаемъ, въ чемъ заключается сила Россіи.

Сказавъ это, онъ хотѣлъ идти, но я спросилъ:

— Что прикажете съ виноватымъ? Онъ здѣсь у подъѣзда.

— Возьми его къ себѣ, дѣлай, что знаешь. Прощай.

Вернувшись въ лагерь, мы съ Пущинымъ со слезами на глазахъ обнялись и рѣшили: выдержать виновнаго недѣлю подъ арестомъ.

Собщ. **А. Половцова.**

Императоръ Александръ I на Вѣнскомъ конгрессѣ [1]).

По донесеніямъ агентовъ Вѣнской тайной полиціи.

Русскій Императоръ былъ безспорно самой выдающейся личностью изъ числа коронованныхъ особъ, съѣхавшихся осенью 1814 г. на конгрессъ въ Вѣну; онъ болѣе всѣхъ привлекалъ вниманіе и интересовалъ и жителей Вѣны, и иностранныхъ дипломатовъ. Сложный душевный міръ этого богато одареннаго и прекрасно образованнаго монарха остается до сихъ поръ загадкой; таковой онъ представлялся и современникамъ, которые видѣли его постоянно колеблющимся между самымъ высокимъ идеализмомъ и самой мелкой расчетливостью, то изысканно любезнымъ и вѣжливымъ, то рѣзкимъ и несдержаннымъ; несомнѣнно одно, что, несмотря на свои 37 лѣтъ, Александръ не производилъ ни на кого впечатлѣнія человѣка вполнѣ зрѣлаго и уравновѣшеннаго.

Читая многочисленные отзывы объ немъ Вѣнскаго общества, которые передавались министру полиціи Гагеру агентами австрійской тайной полиціи, прежде всего бросается въ глаза, что эти отзывы, въ большинствѣ, были неблагопріятны Императору. Онъ „не оправдалъ ожиданій и потерялъ при ближайшемъ знакомствѣ“.

Всѣ отзывы сходятся единогласно въ томъ, что главной чертой характера Александра I было тщеславіе; всѣ отмѣчаютъ

[1]) Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress. Eine Auswahl aus ihren Papieren, Von August Fournier. Wien 1913.

его желаніе властвовать и играть первенствующую роль—черты, которыя несомнѣнно усилились послѣ побѣдъ, одержанныхъ союзниками надъ Наполеономъ. Александръ зналъ, что, рѣшивъ продолжать войну внѣ предѣловъ Россіи, онъ взялъ на себя роль „освободителя Европы", поэтому онъ ставилъ себя выше другихъ и былъ склоненъ преувеличивать свою власть и значеніе. Это проявлялось самымъ разнообразнымъ образомъ и въ особенности въ усвоенной Государемъ привычкѣ давать всевозможныя торжественныя обѣщанія, которыя онъ не всегда могъ выполнить, а когда это обнаруживалось, онъ съ свойственной ему недовѣрчивостью и подозрительностью объяснялъ это обыкновенно не стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, а личными противъ него интригами. На этой почвѣ чрезвычайно обострились во время конгресса отношенія русскаго Императора къ руководителю австрійской политикой.

Злополучная привычка связывать себя обѣщаніями заставила Александра, еще до вступленія въ Парижъ, торжественно *обѣщать* полякамъ возстановить королевство Польское, что было имъ подтверждено въ извѣстномъ письмѣ къ Костюшко отъ 3 мая 1812 г., а когда его планы относительно Польши вызвали неудовольствіе союзниковъ, то, чтобы не быть вынужденнымъ отдать прусскому королю польскія земли, Государь *обѣщалъ* Фридриху Вильгельму свое содѣйствіе въ присоединеніи къ Пруссіи *всей* Саксоніи, хотя онъ понималъ, что онъ и тутъ столкнется съ интересами Австріи. Принцу Евгенію Богарне Александръ *обѣщалъ*, что онъ получитъ самостоятельное владѣніе. „Ручаюсь Вамъ за это", сказалъ онъ, если вѣрить донесенію одного полицейскаго агента; впрочемъ, это подтверждается и перепиской принца Евгенія съ его супругой. Въ бытность въ Парижѣ Александръ *обнадежилъ* сестру Наполеона, Елизавету Браччіоки въ томъ, что княжество Лукка будетъ оставлено въ ея владѣніи, о чемъ она напомнила Государю письмомъ во время Вѣнскаго конгресса. Еще въ 1812 году, Екатерина Павловна писала Государю: „Одно изъ главныхъ обвиненій противъ Васъ, что Вы не сдержали слова, даннаго москвичамъ".

Наполеонъ I также называлъ Александра „fourbe et faux"; состоявшій на пенсіи Россіи греческій архіепископъ Игнатій (изъ Яссъ) говорилъ, что „Императоръ компромметируетъ себя, не выполняя данныхъ имъ обѣщаній; онъ проповѣдуетъ гуманность, а въ душѣ готовъ всѣхъ обмануть".

Извѣстный прусскій государственный дѣятель Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ жаловался на „властолюбіе и коварство" Але-

ксандра, „прикрытыя личиною гуманности и благородныхъ либеральныхъ идей". Даже Чарторыйскій, другъ Императора, занесъ въ свою записную книжку: „Оригинальная, большая, но вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки ограниченная душа. Въ немъ есть что-то мелочное, низменное, ограниченное". Датскій посланникъ, заболѣвшій въ декабрѣ мѣсяцѣ (1814 г.) разлитіемъ желчи, высказывалъ удивленіе по поводу того, что при „коварствѣ" и „mauvaise foi" русскаго Императора этою болѣзнію не страдалъ еще весь конгрессъ".

Многіе другіе (напр. представитель Франціи Дальбергъ), считали Императора настолько неуравновѣшеннымъ, что высказывали опасенія, что онъ „кончитъ такъ же, какъ его отецъ".

По словамъ одного изъ наиболѣе освѣдомленныхъ агентовъ полиціи, скрывавшаго свою фамилію подъ **, мужчины осуждали Александра за то, что онъ „не посѣщалъ общественныхъ учрежденій, не интересовался художественными произведеніями, не пріобрѣталъ мѣстныхъ издѣлій, что въ немъ не было ничего „оригинальнаго"; ему ставили въ вину, что „его никогда не видѣли сидящимъ за письменнымъ столомъ, что по утрамъ онъ занимался только разводами, катался верхомъ, ѣздилъ на охоту, дѣлалъ визиты, а по вечерамъ танцовалъ далеко за полночь или прогуливался по закоулкамъ Вѣны подъ руку съ Евгеніемъ Богарне [1]).

Много повредили Александру во мнѣніи общества также его многочисленныя галантныя приключенія; его считали „легкомысленнымъ и непостояннымъ"; самыми опасными врагами его доброй славы оказались женщины, которыя раньше представляли его себѣ инымъ, какъ въ смыслѣ красоты, такъ и обхожде-

[1]) Танцы были любимымъ развлеченіемъ Императора, онъ ими такъ увлекался, что въ Вѣнѣ говорили, что „Императоръ одержимъ танцоманіей", онъ былъ въ нихъ неутомимъ и вообще любилъ проводить время въ обществѣ. Объ удивительной выносливости Государя, когда дѣло шло объ увеселеніи, свидѣтельствуетъ австрійскій чиновникъ Фридманъ ф. Генцъ въ письмѣ къ валахскому господарю отъ 1 іюня 1814 года (письмо это было напечатано въ англійскихъ журналахъ; разсказъ Генца относится ко времени пребыванія Александра въ Англіи). „Императоръ пріѣхалъ въ Hôtel Pulteney съ принцессой Ольденбургской въ 3 часа утра изъ Оксфорда"—писалъ Генцъ, „тотчасъ переодѣлся и отправился на балъ къ лэди Джерси, гдѣ онъ танцовалъ до шести часовъ утра. Въ 10 часовъ онъ уже поѣхалъ осматривать различныя общественныя учрежденія, затѣмъ обѣдалъ у лорда Кестльри, въ 11 часовъ отправился въ театръ, а послѣ спектакля къ маркизѣ Гердфордъ, гдѣ оставался до 3 часовъ, пока всѣ не разъѣхались".

нія; вообще иностранцы сильно въ немъ разочаровались, говорили, что онъ „оставилъ неблагопріятное впечатлѣніе“, что узнавъ его ближе „его громкимъ фразамъ перестали вѣрить, также точно какъ и его филантропіи, подъ которой скрывалось только непомѣрное честолюбіе“, его считали „неискреннимъ, человѣкомъ безъ нравственныхъ основъ, хотя онъ и говорилъ о религіи какъ святой и строго соблюдалъ внѣшніе обряды“.

Столь неблагопріятные отзывы о монархѣ, который незадолго передъ тѣмъ пользовался всеобщей симпатіей, высказываемые съ рѣдкимъ единодушіемъ самыми разнообразными лицами, принадлежавшими ко всѣмъ слоямъ общества, могутъ дать поводъ думать, что лица, повторявшія эти отзывы въ своихъ донесеніяхъ министру полиціи, придавали имъ, быть можетъ умышленно, такую окраску, чтобы быть пріятными Меттерниху, къ которому Александръ I относился во время Вѣнскаго конгресса весьма непріязненно. Но это соображеніе отпадаетъ, если принять во вниманіе, что Меттернихъ далеко не всегда читалъ эти донесенія, которыя шли изъ министерства полиціи прямо къ императору Францу, и главное, что въ нихъ нерѣдко встрѣчаются рѣзкіе отзывы о самомъ Меттернихѣ, у котораго было не мало недоброжелателей и, наконецъ, что анонимность сообщеній (имена корреспондентовъ—тайныхъ агентовъ полиціи—были извѣстны одному лишь министру полиціи Гагеру) исключала возможность получить за сдѣланныя сообщенія какое-либо возмездіе.

По мѣрѣ того какъ конгрессъ затягивался, въ чемъ вполнѣ справедливо обвиняли Императора Александра I и его неуступчивость въ польскомъ вопросѣ, жители Вѣны, утомленные долгимъ пребываніемъ иностранныхъ монарховъ, непомѣрными расходами, какіе это влекло за собою, и вздорожаніемъ жизни, вслѣдствіе чего „конгрессъ превратился для нихъ въ настоящее бѣдствіе“ (calamité), угрожавшее новымъ налогомъ, который называли въ шутку „Burgeinquartierungssteuer“, были озлоблены въ концѣ концовъ противъ русскаго Императора, и охотно передавали другъ другу все то, что было не въ его пользу. Его осуждали, напр., за то, что онъ не пріѣхалъ на пожаръ дома графа Разумовскаго, сгорѣвшаго въ ночь подъ новый годъ, въ то время какъ „императоръ Францъ слѣдилъ за работой пожарныхъ и даже сильно простудился“. Наконецъ на одномъ маскарадѣ, на масленичной недѣлѣ, Императору Александру наговорили столько непріятнаго, что онъ пересталъ посѣщать маскарады и полиціи пришлось даже принять мѣры къ тому, чтобы огра-

дить Государя отъ непочтительныхъ возгласовъ публики, когда онъ прогуливался по вечерамъ подъ руку съ принцемъ Богарне по узкимъ улицамъ стараго города.

Что касается самого Императора, то онъ былъ очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Вѣнѣ; по крайней мѣрѣ первое время по пріѣздѣ говорилъ, что онъ нигдѣ не чувствовалъ себя такъ хорошо. „Къ русскимъ я привыкъ; въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ я побывалъ во время кампаніи, я видѣлъ много нищеты и много недовольства; въ Англіи слишкомъ много народа; въ одной Австріи можно найти все, что есть въ другихъ странахъ, и народъ пользуется разумной свободой". Однажды Государь сказалъ даже императору Францу: „хорошо, что Вѣна такъ далеко отъ Петербурга, иначе я бывалъ бы здѣсь каждыя двѣ недѣли".

Императору доставляло удовольствіе, что вѣнскія аристократки, среди которыхъ было много красивыхъ женщинъ, относились къ нему любезно и предупредительно, это льстило его самолюбію. Онъ съ самаго начала отличилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: княгиню Эстергази, графиню Софію Зичи, княгиню Ауерспергъ, княгиню Лихтенштейнъ, юную графю Сечени, но дамы скоро подмѣтили, что, ухаживая за ними, Государь „не столько увлекался ихъ красотой, какъ самъ хотѣлъ нравиться, быть предметомъ обожанія".

Въ Вѣнѣ много говорили объ отношеніяхъ Императора къ княг. Багратіонъ, у которой онъ бывалъ каждый день, засиживаясь о глубокой ночи. Эти посѣщенія очень интересовали вѣнскую полицію, и она установила бдительный надзоръ за домомъ, гдѣ въ бель-этажѣ жили двѣ соперницы—красавицы: княгиня Багратіонъ и герцогиня де-Саганъ. Императоръ Александръ говорилъ Багратіонъ, что австрійцы очень хотѣли, чтобы онъ сблизился съ Саганъ, чтобы вывѣдывать черезъ нее то, что ихъ интересовало; для этого были пущены въ ходъ всѣ средства, но это имъ не удалось. „Ее посадили даже однажды ко мнѣ въ карету", говорилъ Государь. „Я отдаю дань чувствамъ, но этого мало, мнѣ нуженъ и умъ".

Княгиня Багратіонъ была въ восторгѣ отъ вниманія, которое ей оказывалъ Императоръ Александръ, и не могла удержаться, чтобы не передать кое-что изъ своихъ бесѣдъ съ Государемъ одному близкому къ ней лицу, черезъ котораго онѣ сдѣлались достояніемъ полиціи и сохранились въ ея архивѣ. Нѣтъ возможности, конечно, провѣрить въ точности ли переданы княгиней слова Императора Александра, но такъ какъ

многое вполнѣ согласуется съ его характеромъ и съ сообщеніями прочихъ лицъ, то ея слова заслуживаютъ вѣры.

Особенно часто въ разговорахъ съ Багратіонъ упоминалось имя Меттерниха, который незадолго передъ тѣмъ былъ человѣкомъ близкимъ къ княгинѣ, но измѣнилъ ей, увлекшись другой красавицей—герцогиней Саганъ. Однажды Императоръ выразилъ желаніе знать исторію ея связи съ Меттернихомъ и почему онъ охладѣлъ къ ней. Выслушавъ княгиню, Государь замѣтилъ: „Меттернихъ не любитъ ни васъ, ни Саганъ“, это человѣкъ холодный, посмотрите, какое у него каменное лицо, (figure de plâtre), онъ никого не любитъ“. Чтобы отомстить Меттерниху за измѣну, Багратіонъ разсказывала Императору, Лагарпу, Анстетту, Нессельроде и другимъ все, что она знала объ немъ и все, что она когда-либо слышала неблагопріятнаго объ Австріи и объ австрійцахъ.

1-го ноября Александръ провелъ вечеръ у Багратіонъ. Говорили о Лагарпѣ, о Меттернихѣ, о Талейранѣ, о принцѣ Евгеніи Богарне и др.

„Я обязанъ Лагарпу тѣмъ, что я сталъ человѣкомъ“, передаетъ слова Александра княгиня Багратіонъ; „монархъ обыкновенно только монархъ и болѣе ничего; онъ же сдѣлалъ изъ меня человѣка, и я буду ему благодаренъ за это всю жизнь“.

О Талейранѣ Александръ отозвался несочувственно; „онъ, его не любитъ“. Евгенія Богарне очень хвалилъ; „принцъ Евгеній не только превосходный офицеръ“, сказалъ Императоръ, „онъ очень честный человѣкъ; если онъ захочетъ поступить ко мнѣ на службу, я охотно приму его; онъ велъ себя превосходно“. Объ австрійскомъ генералѣ, князѣ Шварценбергѣ, Государь говорилъ съ похвалою; сказалъ, что онъ любитъ его и что генералъ обладаетъ однимъ исключительнымъ качествомъ: „во время сраженія онъ ни о чемъ иномъ не думаетъ и даже совершенно забываетъ о себѣ“; хвалилъ также Біанки, какъ прекраснаго офицера, Коллорадо и Людвига Лихтенштейна. „Меттерниха Государь ненавидитъ, знаетъ его и совершенно не боится, говоритъ, что добьется отъ него всего, что онъ захочетъ“. Много говорили о политикѣ; княгиня, по ея словамъ, имѣла мужество спорить съ Государемъ о Саксоніи и Польшѣ, защищая точку зрѣнія противуположную его взглядамъ. „Но это было совершенно безполезно“, говоритъ она, „его не убѣдить. Онъ говоритъ, что это для него вопросъ чести, что онъ далъ слово полякамъ, что онъ обязанъ сдержать его, что онъ отъ него не отступитъ, хотя бы на него обрушился весь міръ; онъ поѣдетъ изъ Вѣны

въ Мюнхенъ, оттуда въ Берлинъ, а затѣмъ въ Варшаву, гдѣ провозгласитъ себя королемъ польскимъ и приметъ мѣры, ежели этому вздумаютъ воспротивиться". „Польша наша,—сказалъ онъ въ заключеніе. Она должна остаться нашей; я никогда не откажусь отъ нея. Я занялъ ее съ 200.000 арміей; увидимъ, кто прогонитъ меня оттуда". Княгиня присовокупила, что Поццо-де-Борго говорилъ ей наканунѣ, что Россія получитъ Польшу во что бы то ни стало, „ибо въ настоящее время никто не можетъ бороться съ Россіей".

Возвращаясь къ тому, что говорилъ Императоръ, Багратіонъ сказала, что онъ въ этомъ вопросѣ не пойдетъ ни на какія уступки, онъ хочетъ получить все великое герцогство Варшавское, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало, когда онъ завоевалъ его у французовъ".

Багратіонъ передавала также, что „наслѣдный принцъ Вюртембергскій хотѣлъ поговорить съ Императоромъ Александромъ и убѣдить его отказаться отъ мысли востановить королевство Польское".

Позднѣе, это было въ февралѣ 1815 г., когда всѣ были измучены нескончаемыми переговорами и не находили выхода, Лагарпъ сказалъ какъ-то Багратіонъ, что напрасно Александру никто не объяснитъ какъ слѣдуетъ сущность дѣла; „онъ, Лагарпъ, ручается за его сердце, но надобно заставить его послушаться голоса разсудка, такъ какъ онъ многое понимаетъ превратно; онъ говорилъ съ нимъ и часто очень рѣзко, но теперь пересталъ говорить изъ боязни, чтобы не показалось, что онъ все еще хочетъ играть роль гувернера". Саксонцы, по его мнѣнію, должны бы сами съ полнымъ довѣріемъ обратиться къ Александру, и ихъ шаги навѣрно увѣнчались бы успѣхомъ.

На это княгиня отвѣтила, что подъ вліяніемъ своихъ разговоровъ съ нимъ, Лагарпомъ, она посовѣтовала принцу Кобургскому поговорить съ Императоромъ; принцъ былъ у него, но „былъ принятъ, какъ собака", и раскаивается въ томъ, что пошелъ; она не смѣетъ болѣе ничего сказать Императору Александру, онъ ничего не слушаетъ, всякое противорѣчіе раздражаетъ его и хотя онъ продолжаетъ бывать у нея, но какъ будто избѣгаетъ оставаться съ нею наединѣ, чтобы не дать случая къ разговору; теперь его полнымъ довѣріемъ пользуется Чарторыйскій, такъ какъ онъ дѣлаетъ всегда видъ, что раздѣляетъ его мнѣніе.

Однажды, когда Государь заговорилъ съ княгиней о Чарторыйскомъ, она осмѣлилась сказать, что Чарторыйскій не нра-

вится ей; „при первомъ же затруденіи онъ броситъ васъ и побѣжитъ въ Баденъ или Карлсруэ“. Александръ промолчалъ.

Говоря со своей комаиьонкой, графиней Авророй Марассе объ Императорѣ, Багратіонъ сказала, что принцесса Ольденбургская (великая княгиня Екатерина Павловна) ревнуетъ его къ Императору напрасно. „Онъ бываетъ у меня какъ другъ. Тѣмъ не менѣе я рѣшила предупредить Императора о томъ, что его сестра ревнуетъ меня“.

— Это ваше дѣло, я въ это не мѣшаюсь, отвѣтилъ Императоръ.

Александръ никогда не бывалъ у Меттерниха; по его желанію Багратіонъ давала вечера въ тѣ дни, когда назначались собранія у Меттерниха, и Государь появлялся у нея со своей русской свитой, чтобы не ѣхать къ князю. Однажды Государь потребовалъ, чтобы Императрица Елисавета Алексѣевна появилась на балу у княгини Багратіонъ, что при сомнительной репутаціи, какой пользовалась княгиня, было весьма щекотливо и было поставлено Государю въ вину, какъ признакъ жестокосердія.

Въ Вѣнѣ скоро стало извѣстно, что Александръ не былъ въ особенно хорошихъ отношеніяхъ со своей супругой. Они никогда вмѣстѣ не обѣдали; Государыня была постоянной гостьей у своей сестры, королевы Баварской.

Нѣкоторые слышали, какъ Государь дѣлалъ своей супругѣ замѣчанія при постороннихъ, напримѣръ, однажды на балу, когда она пригласила Веллингтона танцовать съ ней. Когда Императрица Елисавета Алексѣевна вошла на балъ къ Багратіонъ, нѣсколько человѣкъ сказали во всеуслышаніе: „Какъ она хороша собой; il faut avouer que l'Impératrice est une bien belle, une superbe femme!“ Императоръ вообразилъ, что это было сказано умышленно такъ, чтобы онъ слышалъ, и проговорилъ: „Честное слово я этого не нахожу, я не раздѣляю этого мнѣнія“; это было сказано такъ громко, что Императрица не могла этого не слышать и не понять“.

Всѣ тому подобныя неосторожныя выходки истолковывались конечно не въ пользу Александра и располагали, напротивъ, въ пользу Государыни.

Личная антипатія русскаго Царя къ Меттерниху проявилась впервые въ бытность Александра I въ Парижѣ, гдѣ австрійскому дипломату пришлось выслушать со стороны Царя не одно колкое замѣчаніе. Австрійскій генералъ, князь Лихтенштейнъ не могъ понять, какимъ образомъ Меттернихъ, зная отношеніе къ нему русскаго Императора, допустилъ, чтобы съѣздъ монарховъ состоялся въ Вѣнѣ. „Ему слѣдовало бы лучше знать русскаго

Императора, короля прусскаго и барона Гумбольдта". говорилъ Лихтенштейнъ. Въ Вѣнѣ, съ самаго начала, Александръ I обходился съ Меттернихомъ такъ рѣзко, что министръ избѣгалъ встрѣчаться съ Государемъ, который и въ разговорѣ съ императоромъ Францемъ жаловался на него; правда, австрійскій императоръ не обращалъ вниманія на эти жалобы и на заявленія, что „Вашъ Меттернихъ хочетъ насъ поссорить", но и Александръ не успокаивался и продолжалъ свои нападки. Такъ однажды на охотѣ у графа Альмизи Государь сказалъ графинѣ Зичи: „Я уважаю вашего императора, онъ превосходнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, но я не терплю его министерства. Оно ничего не стоитъ". Конечно, было не особенно тактично переносить антипатію къ Меттерниху на все министерство и на весь дипломатическій корпусъ, но Императоръ въ этомъ отношеніи не стѣснялся и на первомъ балу у Меттерниха, который Императоръ удостоилъ своимъ присутствіемъ, когда отношенія ихъ еще не были обострены, онъ сказалъ во всеуслышаніе княгинѣ Эстергази, что балъ великолѣпенъ, большой залъ роскошенъ, но непріятно, что на всѣхъ подобныхъ пріемахъ неизбѣжно присутствуютъ дипломаты, а „онъ не терпитъ все неискреннее". Приблизительно то же самое сказано было имъ въ присутствіи эрцгерцога Фердинанда графу Разумовскому, который послѣ такого заявленія счелъ долгомъ пригласить къ себѣ на балъ сто человѣкъ офицеровъ австрійскаго, имени Александра I, полка. Въ мундирѣ этого полка Императоръ появлялся въ Вѣнѣ чаще всего; въ статскомъ платьѣ онъ никогда не ходилъ; онъ заплатилъ долги офицеровъ и привѣтствовалъ ихъ, при посѣщеніи казармъ полка, весьма любезной рѣчью. Александръ отдавалъ предпочтеніе всему военному и не разъ высказывался въ этомъ смыслѣ. Однажды онъ сказалъ престарѣлой княгинѣ Меттернихъ, что онъ „презираетъ (verachtet) всѣхъ, кто не носитъ мундира" и, какъ бы желая наглядно подчеркнуть разницу, онъ оказывалъ всевозможныя любезности Шварценбергу, напросился къ нему на чай, когда Шварценбергъ еще не представлялся ему, пригласилъ его и Вреде къ себѣ на обѣдъ, который онъ далъ монархамъ. Меттернихъ ни раза не получалъ приглашенія. Русскіе говорили, что Александръ умышленно поддерживаетъ несогласіе между генераломъ и министромъ, оказывая первому всевозможное вниманіе и относясь въ то же время ко второму какъ нельзя болѣе холодно, потому, что Шварценбергъ, какъ всѣ военные, былъ противъ уступокъ Пруссіи въ Саксонскомъ вопросѣ, за которыя стоялъ Меттернихъ.

Въ дневникѣ барона Штейна записано 5 ноября 1814 г., что

Александръ непріятно поразилъ короля прусскаго, сказавъ будто „Меттернихъ говорилъ ему, что онъ готовъ пойти на уступки въ польскомъ вопросѣ, если Императоръ откажется отъ мысли уступить Пруссіи Саксонію".

Извѣстно, что министръ, узнавъ объ этомъ отъ Гарденберга, былъ возмущенъ и написалъ ему, что онъ готовъ опровергнуть справедливость этихъ словъ въ присутствіи Царя; извѣстно также, что когда, нѣсколько недѣль спустя, въ декабрѣ мѣсяцѣ, Александръ узналъ объ этомъ письмѣ, то онъ окончательно порвалъ сношенія съ Меттернихомъ; „возможно", говоритъ по поводу этого А. Фурнье, „что Императоръ, у котораго былъ очень плохой слухъ, не разслышалъ въ точности сказаннаго Меттернихомъ, но болѣе вѣроятно, что онъ самъ затѣялъ эту интригу въ своихъ политическихъ видахъ,—чтобы изолировать Пруссію въ польскомъ вопросѣ отъ Австріи и Англіи. Чтобы выяснить истину, нужно разобраться въ многочисленныхъ отзывахъ и свидѣтельствахъ современниковъ относительно Александра и на основаніи ихъ рѣшить, могъ ли онъ такъ поступить въ данномъ случаѣ".

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что Александръ дѣлалъ все возможное, чтобы пошатнуть положеніе Меттерниха, котораго онъ называлъ „самымъ сквернымъ министромъ въ мірѣ". Близкій къ Императору человѣкъ, Лагарпъ, на обѣдѣ у швейцарца ф. Мюллера (въ ноябрѣ 1814 г.), говорилъ о пошатнувшемся положеніи Меттерниха и между прочимъ замѣтилъ, что при его красивой наружности и его остроуміи, ему гораздо болѣе подходитъ постъ посланника, нежели министра великой державы, и что онъ вѣроятно будетъ назначенъ въ Парижъ, гдѣ у него хорошія связи. „Нелѣпо и опасно, сказалъ Лагарпъ, держать министра, котораго австрійцы презираютъ, а иностранцы ненавидятъ и противъ котораго рѣзко высказывается общественное мнѣніе".

Александръ намекалъ даже на „желательнаго для него" преемника Меттерниха—на графа Стадіона, бывшаго раньше первымъ министромъ.

„Мнѣ было очень пріятно увидѣть вновь моего добраго Стадіона", сказалъ Государь княгинѣ Багратіонъ, „я очень люблю его, онъ такъ добръ, такъ чистосердеченъ, такъ лояленъ".

Александръ не подозрѣвалъ, что и гр. Стадіонъ давно уже составилъ объ немъ опредѣленное мнѣніе: „Le caractere connu de l'Empereur Alexandre", писалъ онъ еще въ 1809 г. эрцгерцогу Францу.

Дѣйствительно ли положеніе Меттерниха было настолько поколеблено въ исходѣ 1814 г., какъ утверждалъ Лагарпъ? Талейранъ писалъ своему королю, въ то же самое, приблизительно, время, что „Императоръ Францъ послалъ безъ вѣдома министра", своего друга, камергера графа Закингена, пользовавшагося его особымъ довѣріемъ, къ нему, Талейрану и къ Вреде съ просьбою, чтобы переговоры по польскому вопросу не были закончены до возвращенія монарховъ изъ поѣздки въ Венгрію" (въ ноябрѣ мѣсяцѣ еще никто не предполагалъ, что эти переговоры затянутся на много мѣсяцевъ); это было принято какъ знакъ недовѣрія къ Меттерниху, но конечно это еще не означало, чтобы Францъ I былъ готовъ отказаться отъ услугъ своего перваго совѣтника, взгляды котораго именно на польскій вопросъ онъ вполнѣ раздѣлялъ, котораго онъ только-что возвелъ въ княжеское достоинство и увольненіе котораго было бы на руку Россіи и вполнѣ соотвѣтствовало ея желаніямъ.

У Меттерниха, какъ свидѣтельствуютъ донесенія тайныхъ агентовъ, было много личныхъ враговъ и политическихъ противниковъ, въ особенности среди австрійской аристократіи, которая не могла ему простить, съ одной стороны, что онъ такъ неожиданно для всѣхъ занялъ мѣсто человѣка ея круга—Филиппа Стадіона, во вторыхъ—что онъ способствовалъ браку дочери императора, Маріи Луизы съ „ненавистнымъ выскочкой" и такъ долго поддерживалъ его на тронѣ. Въ разсматриваемыхъ донесеніяхъ упоминается о томъ, что Меттерниха осуждали—и не только одни его враги—за то, что онъ не заключилъ до конгресса договора относительно Польши; но мало кому было извѣстно, что Императоръ Александръ постоянно уклонялся отъ разговоровъ на эту тему съ тѣхъ поръ, какъ Австрія примкнула къ коаліціи и только по заключеніи Парижскаго мира выступилъ съ требованіями, которыя Меттернихъ считалъ вполнѣ непріемлемыми. Объ этомъ говоритъ Гарденбергъ въ письмѣ отъ 29 марта 1825 г. Гнейзенау: „Никто, какъ Россія, виною, что мы не заключили союзнаго договора въ Парижѣ и въ Лондонѣ; она съ каждымъ днемъ повышала свои требованія". Достойно вниманія, что и Каподистрія, который во время конгресса снискалъ особое благоволеніе Александра, также упрекаетъ Меттерниха въ томъ, что онъ упустилъ удобный моментъ заключить соглашеніе или до перехода черезъ Рейнъ, или при вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ.

В. Тимощукъ.

Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ

1813-го и 14-го года, собранные по поводу столѣтней годовщины.

I.

Насколько изслѣдована исторія походовъ 1813—14 г.г. и участіе въ нихъ русской арміи съ военно-стратегической и тактической стороны, насколько, сравнительно, все еще недостаточно ярко освѣщены психико-бытовыя, а отчасти и политическія условія, при которыхъ совершались и разыгрывались событія въ періодъ войнъ, именуемыхъ въ Германіи *освободительными* и послѣдовавшими непосредственно за изгнаніемъ великой наполеоновской арміи изъ предѣловъ Россіи. Замѣтное отсутствіе съ нашей, русской стороны, въ предпринятыхъ грандіозныхъ походахъ, преслѣдовавшихъ цѣль спасти Европу и перекроить вновь всю изрѣзанную мечемъ Наполеона географическую карту стараго свѣта, тщательно выработаннаго плана, не отступавшаго ни на толщу волоска отъ заранѣе намѣченныхъ предначертаній въ смыслѣ охраненія жизненныхъ интересовъ родной страны; ето отразилось, какъ легко можно доказать, сугубо пагубнымъ образомъ на всемъ политико-экономическомъ складѣ и дальнѣйшемъ культурномъ развитіи нашего громаднаго государственнаго организма. Не вдаваясь въ детальное разсмотрѣніе всѣхъ собранныхъ на различныхъ европейскихъ языкахъ цѣнныхъ матеріаловъ, касающихся описанія наиболѣе выдающихся событій этой знаменательной эпохи, приходишь къ невольному выводу, что первенствующее во всѣхъ

отношеніяхъ участіе Россіи въ означенномъ, и до той поры еще не бываломъ по своимъ гигантскимъ размѣрамъ военномъ предпріятіи, стоившемъ сотни тысячъ жизней сынамъ отечества, носило, до извѣстной степени, всѣ характерные признаки величайшей, но безплодной въ своемъ конечномъ исходѣ, авантюры, способной зародиться развѣ только въ головѣ ламанчскаго рыцаря-героя, выведеннаго въ безсмертной поэмѣ Сервантеса.

Если иностранная лѣтопись усиленно подчеркивала то обстоятельство, что союзныя съ Россіей державы ставили въ борьбѣ за независимость и все свое существованіе на карту, въ силу чего онѣ-де и въ правѣ были требовать значительно повышеннаго вознагражденія, то такой резонъ покоился скорѣе на коммерческо-гражданскомъ и даже этическомъ доводѣ, но отнюдь не на политическомъ. *Послѣдній зиждется безспорно лишь на соотвѣтствующемъ равновѣсіи между тѣмъ, что государство стремится заполучить, и тѣмъ, чего оно можетъ достигнуть въ случаѣ надобности силой!* Разсчитывать же заранѣе на великодушіе и уступчивость сентиментально настроеннаго союзника, онѣ не могли, а потому всѣ позднѣйшія сѣтованія и упреки, что при дѣлежѣ добычи на Вѣнскомъ конгрессѣ ихъ обсчитали, ни на чемъ не основаны; *напротивъ, они получили гораздо больше, нежели имѣли на то право!* Количество принесенныхъ на алтарѣ отечества жертвъ не имѣетъ силы предъявляемаго къ уплатѣ векселя на полученіе, соразмѣрно этимъ жертвамъ, вознагражденія. Рѣшающимъ факторомъ въ этихъ вопросахъ была, есть и будетъ впредь всегда только военная мощь государства.

Въ длительной кампаніи 1813—14 года Россія, или, выражаясь точнѣе, Императоръ *Александръ I* проявилъ наибольшую стойкость, а пожалуй и упрямство, въ преслѣдованіи заранѣе намѣченной имъ конечной цѣли. Но устремленный его, словно подъ гипнотическимъ внушеніемъ, взоръ въ даль, гдѣ вырисовывалась характерная легендарная фигура его геніальнаго противника, онъ не замѣчалъ, или не могъ замѣтить, всего того, что творилось на болѣе близкомъ разстояніи и непосредственно вокругъ его самого. На сколько русскій Государь интеллектуально возвышался надъ своими главными союзниками, королемъ *Фридрихомъ Вильгельмомъ III* и императоромъ Францемъ I, настолько уступалъ его первый оффиціальный совѣтникъ и руководитель въ дѣлахъ внѣшней политики, *графъ Нессельроде*, своимъ коллегамъ: *князю Меттерниху* и *князю Гарденбергу*. Въ сравненіи съ ними и ихъ умѣньемъ пользоваться случаемъ для извлеченія какихъ-либо политическихъ выгодъ, онъ казался мѣшковатымъ, индиф-

ферентнымъ. Впрочемъ винить особенно графа *Нессельроде* въ томъ, что онъ не отстаивалъ энергично интересы Россіи, едва-ли справедливо, потому что *Александръ I* самъ рѣшалъ всѣ важнѣйшіе политическіе вопросы. Въ чисто германскихъ дѣлахъ онъ пользовался совѣтами и указаніями барона *Штейна,* который и настаивалъ на принужденіи прусскаго правительства войти въ соглашеніе съ Россіей и заключить съ ней союзъ противъ *Наполеона. Штейну,* по всей вѣроятности, не трудно было убѣдить русскаго царя въ неизбѣжномъ соглашеніи прусскаго короля принять исходящія изъ главной русской квартиры предложенія. Въ случаѣ отказа можно было ожидать, что во всей прусской монархіи вспыхнетъ если и не открытое возстаніе, то настолько сильное неудовольствіе народа и войска, что послѣднее перешло бы и безъ санкцій короля на сторону пришедшихъ съ востока избавителей отъ французской тиранніи. При подобныхъ обстоятельствахъ заключеніе формальнаго договора между обоими государствами въ Калишѣ 28 февраля являлось со стороны прусскаго короля лишь актомъ самоохраненія и страхованія отъ черезмѣрной вспышки народнаго негодованія. За шесть дней до подписанія условій союза, король *Фридрихъ Вильгельмъ III* покинулъ свою главную резиденцію Берлинъ и перебрался со всѣмъ дворомъ въ болѣе безопасный Бреславль, откуда затѣмъ и выпустилъ воззваніе къ своему народу.

Тѣмъ временемъ Кутузовъ готовилъ въ Калишѣ армію для наступленія и быстраго вторженія, наиближайшимъ путемъ, въ центральныя области Германіи, дабы сразу разъединить сообщеніе Франціи съ государствами Рейнскаго союза и привлечь ихъ на сторону коалиціи противъ Наполеона. Кругомъ Калиша сосредоточено было для этой цѣли уже 70.000 человѣкъ подъ начальствомъ Милорадовича, но Кутузовъ все еще не рѣшался двинуться раньше апрѣля мѣсяца. Причиной такого замедленія являлось опасеніе главнокомандующаго за *тылъ своей арміи.* Охрана линіи сообщенія съ ея отдаленной базой представляла большія затрудненія въ виду ходившихъ уже съ конца января въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ упорныхъ слуховъ о намѣреніи поляковъ учинить повсемѣстно вооруженное возстаніе. Въ мартѣ эти слухи приняли уже болѣе конкретную форму въ смыслѣ вѣроятнаго и неизбѣжнаго событія. Русскія военныя власти стали получать анонимныя, тайныя донесенія *о готовившейся во всѣхъ польскихъ областяхъ „Варѳоломеевской ночи", предназначенной для поголовнаго избіенія всѣхъ русскихъ, нѣмцевъ и евреевъ.* Былъ назначенъ и день, вѣрнѣе сказать, *ночь* кровавой расправы,

при чемъ выборъ палъ на *ночь между пятницей и субботой на страстной недѣлѣ!* Получивъ всѣ эти и множество еще другихъ указаній, русскія власти принялись энергично за тщательную провѣрку всѣхъ сообщеній, при чемъ выяснилось, что душою предстоящаго предательскаго нападенія являлся никто иной какъ гулявшій за все время оккупаціи Варшавы русскими войсками на свободѣ, *пресловутый сапожникъ Янъ Килинскій*, учинившій уже въ 1794 году въ Варшавѣ извѣстную варварски предательскую рѣзню русскихъ солдатъ, мирно спавшихъ и не чаявшихъ коварнаго ночного нападенія. *Килинскаго* немедленно арестовали, послѣ чего всѣ слухи сразу замолкли, а съ ними вмѣстѣ и дальнѣйшія опасенія, быть можетъ, и преувеличенныя [1]). Вообще польское населеніе не скрывало своей лютой вражды къ русскимъ и пруссакамъ. Когда же появились въ Варшавѣ, Краковѣ, Познани и другихъ польскихъ центрахъ парижскія газеты, въ которыхъ передавалось, что *императоръ Наполеонъ I рѣшилъ свергнуть династію Гогенцоллерновъ съ престола, присоединить Восточную Пруссію къ Польшѣ, а королемъ ея назначить маршала Понятовскаго*, то волненія во всемъ краѣ приняли угрожающіе размѣры и *Кутузовъ* вынужденъ былъ считаться съ настроеніемъ народа, готоваго каждую минуту ринуться съ ножемъ въ рукахъ на повернувшихся къ нему спиной русскихъ.

Кампанія 1813 года отражалась далеко не одинакого въ темпераментѣ, воззрѣніяхъ и психикѣ участвовавшихъ въ ней народовъ. Русскіе были замѣтно утомлены предыдущимъ походомъ 1812 года, слишкомъ ужаснымъ, чтобы скоро забыть его; они не чувствовали того воодушевленія, какъ сражавшіеся за свою независимость пруссаки и другія германскія племена. Поляки горѣли ненавистью и злобой къ своимъ противникамъ; французы мечтали только о реваншѣ за пораженіе, понесенное на поляхъ Россіи. У всѣхъ, за исключеніемъ только русскихъ, замѣчалось усиленное раздраженіе противъ врага. Такъ у *Наполеона I* оно выразилось, напримѣръ, въ слѣдующемъ грозномъ приказѣ вице-королю Италіи *Евгенію Богарнэ*, находившемуся съ незначительными силами по обоимъ берегамъ Эльбы отъ 5-го марта: „A la moindre insulte d'une ville, d'un village prussien, faite le brûler, fût-ce même Berlin, s'il se comporte mal“ [2]). (При

[1]) Изъ донесеній уполномоченнаго прусскаго правительства при Варшавскомъ великомъ герцогствѣ, тайнаго совѣтника *Дербони ди Спозетти* шефъ-президенту Восточной Пруссіи фонъ-Ауэрсвальду. (Кенигсбергскій королевскій государственный архивъ).

[2]) Изъ Парижскаго „Moniteur officiel“.

малѣйшемъ оскорбленіи или нападеніи на васъ со стороны какого-либо прусскаго города или деревни, сожгите ихъ, хотя бы это коснулось даже самаго Берлина, въ случаѣ его дурного поведенія). Въ этомъ, похожемъ на бѣшеное рычаніе льва, приказѣ нельзя признать проявленія большого разума, онъ продиктованъ черезмѣрной нервностью и озлобленіемъ. На жителей Пруссіи произвелъ онъ впечатлѣніе, способствовавшее лишь ихъ объединенію въ единственно пламенномъ желаніи побѣдить врага во что бы то ни стало или пасть съ честью.

Подогрѣвать энтузіазмъ противника, доводить его и безъ того твердую рѣшимость сражаться съ напряженіемъ всѣхъ силъ до отчаянія, посредствомъ необдуманныхъ угрозъ, вещь крайне рискованная; палка можетъ ударить обратнымъ концомъ и самого грозящаго. Въ прежнихъ приказахъ *Наполеона* ничего подобнаго не встрѣчалось, онъ не извѣщалъ, идучи на рать, о намѣреніи варварски расправляться съ жителями, преисполненными патріотическихъ чувствъ. Изъ трудовъ многочисленныхъ русскихъ и иностранныхъ военныхъ исторіографовъ читатели хорошо знакомы съ хронологическимъ, стратегическимъ и дипломатическимъ ходомъ кампаніи 1813—14 года, такъ что эта часть, не входитъ, какъ уже отмѣчено вначалѣ, въ кругъ нашего болѣе исторически-бытового изслѣдованія событій приснопамятной эпохи. Извѣстно также, что выдвинутые черезмѣрно впередъ, вначалѣ кампаніи, сравнительно слабые русскіе отряды вынуждены были послѣ блестящихъ, но не имѣвшихъ серьезнаго значенія дѣлъ, отступать и ждать подкрѣпленій.

11-го марта былъ занятъ Берлинъ *Витгенштейномъ*. Здѣсь встрѣтили русскихъ съ такимъ искреннимъ энтузіазмомъ, осыпая ихъ всевозможными знаками признательности и восторга, что многіе изъ нашихъ закопченыхъ пороховымъ дымомъ и закаленныхъ въ безчисленныхъ бояхъ сѣрыхъ героевъ плакали отъ умиленія. Жители Берлина поняли и оцѣнили гораздо лучше своихъ согражданъ въ Восточной Пруссіи заслуги Россіи и храбрыхъ сыновъ ея въ дѣлѣ хотя еще лишь предстоящаго, но неминуемаго освобожденія отъ невыносимой тиранніи *Наполеона*. Въ столицѣ прусской монархіи русскія войска были впервые приняты и отблагодарены, какъ они этого вполнѣ заслуживали. Обрадованные обыватели старались наперерывъ выказывать этимъ оборваннымъ, столь страшнымъ на видъ, но въ сущности крайне добродушнымъ богатырямъ, свое расположеніе. Особенную сенсацію произвелъ одинъ престарѣлый, но еще очень бодрый казакъ, державшій передъ собой на сѣдлѣ 12 лѣтняго мальчика,

своего внука. *Оказалось, что казакъ этотъ участвовалъ уже при вступленіи русской арміи въ Берлинъ, во время семильтней войны въ 1760 году, послѣ бомбадированія русскимъ генераломъ Тотлебеномъ города и его капитуляціи.* Своего внука онъ взялъ съ собой по настоятельной просьбѣ послѣдняго. Не удивительно, что славный дѣдъ-казакъ и его внукъ, совершившій несмотря на дѣтскій возрастъ весь походъ 1812 года, были за все время ихъ пребыванія въ Берлинѣ одной изъ интереснѣйшихъ достопримѣчательностей [1]). Радушный пріемъ, оказанный нашимъ войскамъ въ Берлинѣ, сильно ободрилъ ихъ и передался всѣмъ авангарднымъ отрядамъ. 18-го марта, полковникъ *Теттенборнъ* (нѣмецкій уроженецъ Рейнской провинціи, перешедшій съ австрійской службы въ русскую) занялъ съ отрядомъ численностью лишь въ 1.300 человѣкъ Гамбургъ, выгнавъ предварительно оттуда датскій гарнизонъ. По этому поводу мѣстныя газеты писали, что съ тѣхъ поръ какъ стоятъ крѣпостныя стѣны города, Гамбургъ не испытывалъ такой радости, какъ въ день оккупаціи русскими войсками. Подобные отзывы печати сильно не нравились въ Парижѣ и тѣхъ нѣмецкихъ резиденціяхъ, гдѣ царствовали, на правахъ вассаловъ Наполеона I, короли, князья и герцоги Рейнскаго союза. Въ западно- и южно-германской прессѣ стали появляться описанія ужасныхъ „звѣрствъ“, чинимыхъ русскими и въ особенности *казаками*. Послѣднихъ выставляли форменными дикарями-людоѣдами.

По этому поводу не безинтересно слѣдующее газетное сообщеніе, появившееся въ Саксоніи (кажется, въ Лейпцигѣ) отъ 25-го марта. Шедшій по улицѣ въ Берлинѣ господинъ, нѣкій состоятельный коммерсантъ, по имени *Гизеке*, встрѣтился случайно съ бравымъ, рослымъ урядникомъ—казакомъ съ Дона, въ которомъ тотчасъ же узналъ того начальника взвода, топившаго въ началѣ февралѣ въ окрестностяхъ города Маріенвердера (въ Восточной Пруссіи), вмѣстѣ съ другими товарищами-казаками, двухъ пойманныхъ французовъ въ проруби озера. Господинъ подозвалъ урядника и пригласилъ его въ небольшой ресторанчикъ для угощенія. Съ помощью переводчика онъ сталъ разспрашивать урядника, за что онъ поступилъ такъ безчеловѣчно съ бѣдными французами, вѣдь все-же они люди, христіане. Казакъ сначала посмотрѣлъ удивленными глазами

[1]) Замѣтка изъ берлинской, королевской, привилегированной газеты Шпенера отъ 16-го марта 1813 года. („Königliche priviligirte Spenersche Zeitung“).

на вопрошавшаго его господина, а потомъ, нахмуривъ брови, задумался. Наконецъ, хлебнувъ, какъ слѣдуетъ, изъ кружки, онъ и заговорилъ твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ: *„Когда нашъ братъ, нижній чинъ, украдетъ у здѣшняго жителя, мѣшокъ овса для своей лошади, коровій хлѣба для себя или курицу, то за это его наше начальство приказываетъ нещадно бить розгами и даже нагайкой; они-же, эти два француза, несли въ своихъ котомкахъ святотатственно похищенные изъ храма Божьяго священные сосуды, ризы, воздухи и антиминсъ, вдобавокъ они еще опоганили эти священные предметы; для нихъ нельзя было придумать иного наказанія, какъ смерть“*. На второй вопросъ господина Гизеке, почему же казаки въ такомъ случаѣ не прикончили плѣнныхъ своими шашками, урядникъ отвѣтилъ гордымъ тономъ: *„шашка не для того, чтобы убивать человѣка, не могущаго сопротивляться, шашку нельзя пятнать, она оружіе благородное. Зарубить шашкой женщину, ребенка или беззащитнаго кладетъ на нее клеймо позора“*. Нѣмецкая газета добавила къ отвѣту простого донского казака слѣдующее интересное примѣчаніе: Сужденія этого *„сына дикихъ степей“* даютъ богатый матеріалъ для серьезнаго размышленія. Искреннее религіозное чувство, убѣжденная вѣра въ незыблемость нравственныхъ идеаловъ и врожденное рыцарское понятіе о воинской чести ставятъ его на много ступеней выше равныхъ ему по соціально-профессіальному положенію представителей другихъ культурныхъ расъ. Хотя мы и убѣждены, что далеко не всѣ казаки преисполнены подобныхъ воззрѣній, но все же и такой, быть можетъ, рѣдкій среди нихъ индивидъ дѣлаетъ честь всему сословію. 15-го марта состоялось наконецъ давно проектированное свиданіе Императора *Александра I* съ прусскимъ королемъ въ маленькомъ пограничномъ прусскомъ городкѣ Силезской провинціи, Элсѣ, (Oels). Продолжительная и обстоятельная бесѣда двухъ государей-союзниковъ отразилась замѣтно на душевномъ настроеніи прусскаго короля; онъ сталъ бодрѣе смотрѣть на событія и рѣшительнѣе высказывать свои взгляды.

Всѣ появившіеся за истекшее столѣтіе въ печатанныхъ трудахъ указанія и увѣренія, будто русскій самодержецъ подпалъ на время кампаніи 1813—14 годовъ и послѣ нея подъ вліяніе короля *Фридриха Вильгельма III*—смѣхотворный вздоръ!

Это были настолько діаметрально противоположныя по характеру, складу ума и темпераменту личности, что нужно прямо удивляться, какъ могли онѣ такое, сравнительно, продолжительное время идти рука объ руку. Даже объединяющая обоихъ монар-

ховъ политическими узами вражда къ *Наполеону I* была не одинаковаго свойства силы и происхожденія у каждаго изъ нихъ. Въ то время какъ *Александръ I* ненавидѣлъ французскаго императора изъ чувства оскорбленнаго самолюбія, ревности къ его славѣ, какъ полководца и необычайно высокому положенію, занятому имъ въ Европѣ, прусскій король питалъ къ своему безпощадному противнику малообоснованное чувство презрѣнія, какъ къ выскочкѣ и проходимцу. Въ письмахъ къ королевѣ *Луизѣ* изъ Тильзита въ Мемель въ 1807 году онъ называлъ *Наполеона* не иначе, какъ „*l'animal*". Не признавая въ „корсиканцѣ" даже военнаго генія, *Фридрихъ Вильгельмъ III* смотрѣлъ на пораженіе при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, какъ на печальныя случайности, происшедшія по оплошности неумѣлыхъ генераловъ-руководителей и по недостатку мужества у многихъ второстепенныхъ военноначальниковъ. Несмотря на подобныя чувства и убѣжденія, прусскій король стоялъ за время всей кампаніи, вплоть до перехода черезъ Рейнъ, за примиреніе съ *Наполеономъ*; онъ упорно противился вторженію союзныхъ войскъ въ предѣлы Франціи, находя въ этомъ нѣкоторую условную поддержку со стороны своего государственнаго канцлера князя *Гарденберга*, русскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа *Нессельроде* и *Меттерниха* [1]).

Послѣ сформированія резервной арміи въ Польшѣ подъ командой *Беннингсена*, русскія войска вмѣстѣ съ прусскими корпусами двинулись стремительно впередъ. Но на первыхъ же порахъ союзниковъ постигло тяжелое, непоправимое горе. Скончался *фельдмаршалъ князь Кутузовъ-Смоленскій*. Такая чувствительная потеря отразилась сильно на дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствій противъ врага. Не обладая геніальными способностями полководца, *Кутузовъ* былъ тѣмъ не менѣе самая крупная личность не только среди русскихъ военноначальниковъ, но и всѣхъ прочихъ генераловъ коалиціи. Острота его ума, энергія и дальновидность въ опредѣленіи возможныхъ грядущихъ событій придавали сужденіямъ *Михаила Иларіоновича* всегда вѣскій авторитетъ. Замѣнить *Кутузова* было положительно не кѣмъ. Храбрый, честный и въ случаѣ необходимости рѣшительный *Барклай-де-Толли* не пользовался такимъ престижемъ въ арміи, какъ скончавшійся его старый боевой товарищъ. Первое столкнове-

[1]) Смотри: Воспоминанія государственнаго канцлера князя Гарденберга, изданныя и редактированныя извѣстнымъ историкомъ профессоромъ Леопольдомъ фонъ-Ранке. (Denkwürdigkeiten des Staats Kanzlers Fürsten Hardenberg von Leopold von Ranke).

ніе главныхъ союзныхъ силъ съ наступавшими на нихъ вновь, сформированными французскими войсками, подъ начальствомъ самого *Наполеона*, произошло на Лютценской равнинѣ 2-го мая при деревнѣ Гроссъ-Гершенъ и кончилось, несмотря на численное превосходство, отступленіемъ союзной арміи опять за Эльбу. Только во-время подоспѣвшіе русскіе резервы и недостатокъ кавалеріи у *Наполеона*, для прослѣдованія непріятеля, предотвратили полный разгромъ союзниковъ, въ главной квартирѣ которыхъ находились оба монарха. Въ этомъ кровопролитномъ бою пали съ французской стороны маршалъ *Бессьеръ*, а съ прусской—славный генералъ *Шарнгорстъ*. Геройская кончина послѣдняго подѣйствовала удручающимъ образомъ на всю патріотически настроенную въ ту пору Германію. Рѣшеніе отступить на правый берегъ Эльбы и тамъ укрѣпиться встрѣтило въ штабѣ главной квартиры союзниковъ общее одобреніе. Главнокомандующій русскими и прусскими войсками, генералъ *Витгенштейнъ* представилъ его на усмотрѣніе Императора *Александра*, и тотъ согласился вполнѣ съ высказанными въ немъ доводами. Оставалось еще склонить на эту необходимую мѣру прусскаго короля, что и взялся выполнить русскій Государь немедленно. *Александръ I* засталъ на утро послѣ сраженія *Фридриха Вильгельма III* еще въ постели. Не успѣлъ Императоръ послѣ первыхъ вступительныхъ объясненій произнести слово *„отступленіе за Эльбу“*, какъ король прервалъ его съ горячностью и раздраженіемъ фразой: *„охъ, уже это мнѣ отступленіе, я отлично знаю, чѣмъ оно кончится; сначала за Эльбу, потомъ за Одеръ, а затѣмъ и за Вислу, такъ что подъ конецъ я очутусь опять въ крайнемъ углу моей монархіи въ Мемелѣ.*

Никакія убѣжденія со стороны Императора Александра не дѣйствовали на упрямаго короля; онъ сталъ рѣзко критиковать дѣйствія *Витгенштейна* и осыпать русскія войска упреками за отсутствіе въ ихъ рядахъ того сказочнаго мужества и легендарной стойкости, *проявленныхъ ими такъ блистательно при Бородинѣ*! Не возразивъ ничего на это довольно безтактное и совершенно ужъ нелогичное замѣчаніе, Императоръ продолжалъ съ поразительнымъ терпѣніемъ и сдержанностью доказывать расходившемуся *„коллегѣ“* необходимость и очевидную пользу отступленія, стараясь въ то же время и успокоить его. Но король не унимался, не переставая въ продолженіи словесныхъ изложеній Императора ворчать себѣ подъ носъ. Наконецъ, приподнявшись немного съ кровати, онъ произнесъ своей привычной, нескладной, обрывистой рѣчью по-французски; *„Votre serviteur,*

excusez-moi, mais je dois quitter mon lit“ [1]), что было равносильно просьбѣ удалиться изъ покоевъ короля. Такое поведеніе прусскаго короля не вызывало, видимо, въ душѣ *Александра I* ни малѣйшаго неудовольствія, съ философскимъ спокойствіемъ выслушалъ онъ безтолковую воркотню своего союзника и распоряжался за тѣмъ по своему [2]).

Союзникамъ пришлось отступать не только за Эльбу, но и до саксонской Лужици къ берегамъ рѣчки Шпре и занять у города Бауцена укрѣпленную позицію. Сюда прибыли: 16.000-ный русскій корпусъ *Барклая-де-Толли* и 11.000-ный прусскій подъ командой генерала *фонъ Клейста*. Противъ этихъ наскоро сосредоточенныхъ войскъ *Наполеонъ* двинулся 18-го мая немедленно изъ Дрездена со всей своей арміей, къ которой присоединился еще саксонскій корпусъ, находившійся въ крѣпости Торгау, чтобы нанести окончательный ударъ союзникамъ. Сраженіе 20-го и 21-го мая 1813 г. при Бауценѣ или Вуршенѣ, какъ его нѣкоторые называютъ, было также проиграно союзниками, хотя и безъ особеннаго нравственнаго и матеріальнаго ущерба, такъ какъ они не потеряли ни единаго орудія и ни одного плѣннаго. Но несомнѣнная, тактическая неудача должна была вліять на ходъ военныхъ и политическихъ событій. Назначенный послѣ проиграннаго бауценскаго сраженія вмѣсто *Витгенштейна* главнокомандующимъ, *Барклай-де-Толли*, старался склонить Императора *Александра I* къ отступленію всей русской арміи въ Польшу, а затѣмъ и въ Россію (что, собственно говоря, соотвѣтствовало общимъ желаніямъ). Онъ прекрасно сознавалъ, да и чувствовалъ, что союзъ съ Пруссіей не имѣлъ подъ собой прочныхъ и естественныхъ основъ. — Слишкомъ плохо согласовались интересы обоихъ государствъ. Постепенное отступленіе русской арміи въ предѣлы Россійской имперіи, безъ предварительнаго заключенія мира, поставило бы *Наполеона* въ крайне затруднительное положеніе, ибо онъ не зналъ въ точности, что предпринять ему; его войско, состоявшее на двѣ трети изъ несовершеннолѣтнихъ юношей-новобранцевъ, а частью даже изъ подростковъ, не годилось, не взирая на всю проявленную имъ въ двухъ большихъ битвахъ храбрость, для такой трудной, изнурительной кампаніи, какая предстояла бы ему на случай

---

[1]) Вашъ покорный слуга, извините меня, но я долженъ покинуть свою кровать.

[2]) Изъ донесеній королевскаго секретаря Эйхгорна барону Штейну и переписки послѣдняго съ женой.

вторичнаго вторженія въ Польшу по примѣру памятнаго похода 1807 года.

Но *Александръ I* не шелъ навстрѣчу предложенію *Барклая-де-Толли;* онъ питалъ надежду, что ему скоро удастся склонить и Австрію примкнуть къ коаліціи. Попытки бывшаго французскаго посла въ Петербургѣ, *Коленкура*, вступить по приказанію *Наполеона* въ личные переговоры съ русскимъ Императоромъ были отклонены графомъ *Нессельроде,* указавшимъ *Коленкуру* на *Меттерниха*, какъ на желаннаго русскимъ дворомъ посредника для переговоровъ. Что Австрія сильно вооружалась, не было ни для кого тайной; явное ея намѣреніе разыграть при первомъ удобномъ случаѣ роль арбитра не нравилось Пруссіи и возбуждало опасенія *Наполеона,* получавшаго вдобавокъ все чаще секретныя донесенія о возрастающихъ во Франціи попыткахъ къ мятежамъ, происходящимъ вслѣдствіе крайняго неудовольствія населенія къ безпрерывно тянувшейся войнѣ. Но и въ нѣмецкихъ государствахъ Рейнскаго союза, равно какъ въ Италіи стала замѣтно шевелиться измѣна, угрожавшая французской арміи съ тыла и фланговъ. При такихъ обстоятельствахъ *Наполеонъ* охотно принялъ предложеніе о перемиріи, заключенномъ 4-го іюня въ селеніи Пойшвицѣ. Выгоды отъ этого перемирія, длившагося почти 6 недѣль, оказались всецѣло на сторонѣ союзниковъ. Положеніе ихъ было несравненно хуже, не только въ стратегическомъ отношеніи, но и вслѣдствіе раздора, интригъ и отсутствія опредѣленной твердой воли въ главной квартирѣ. Ни *Витгенштейнъ*, ни *Барклай-де-Толли* не въ силахъ были бороться съ противодѣйствіемъ, оказываемымъ имъ такими неуживчивыми, задорно-рѣзкими и упрямыми корпусными командирами, каковыми оказались *Іоркъ* и *Блюхеръ* [1]). Оба названные генералы не любили подчиняться чужимъ приказаніямъ; особенно часто ссорился генералъ *Іоркъ* съ *Сакеномъ* и *Остерманомъ*. Если бы *Наполеонъ* имѣлъ хоть мало-мальски точное представленіе о господствовавшей въ главной квартирѣ союзниковъ неурядицѣ и глубокоподавленномъ настроеніи прусскаго короля, онъ не согласился бы на перемиріе и воспользовался превосходствомъ своего положенія. Но сильно удрученное нравственное состояніе геніальнаго полководца, вслѣдствіе участившихся ударовъ судьбы, къ числу коихъ

[1]) *Историкъ Дройзенъ*: Жизнеописаніе генералъ-фельдмаршала графа Іорка.

нужно отнести потерю любимѣйшихъ и преданнѣйшихъ друзей, какъ маршала *Бессіера* (при Гроссъ-Гершенѣ) и генералъ-адъютантовъ *Брюйера* и *Дюрока* (при Бауценѣ) мѣшало ему вникнуть въ положеніе противниковъ и способствовало пессимистическому состоянію духа, видѣвшаго все окружающее въ самомъ неприглядномъ, тускломъ освѣщеніи.

М. В. Станиславскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ.

(Изъ его воспоминаній и изъ воспоминаній о немъ).

На ежегодно съ 1878 года повторявшихся обѣдахъ товарищей александровцевъ, видно было, въ какой степени они къ своему бывшему начальнику училища Б. А. Шванебаху сохранили чувства любви и уваженія. Неизмѣнно участвуя въ тѣхъ обѣдахъ, онъ какъ бы занималъ на нихъ предсѣдательское мѣсто, сначала, казалось, по чину генерала среди штабъ и оберъ-офицеровъ, впослѣдствіи вообще по званію старѣйшаго среди бывшихъ его юнкеровъ, изъ которыхъ многіе оказались генералами,—частью просто дошедшими до этого ранга, а частью и поднявшимися на очень высокую ступень военной іерархіи.

Всѣ собиравшіееся на обѣды понимали, чувствовали и сознавали, что на тѣхъ обѣдахъ Борисъ Антоновичъ получалъ первенство не за чиновное его старшинство; онъ получалъ его, какъ бывшій начальникъ, оставившій въ каждомъ изъ насъ за время нашей юности, на-ряду съ воспоминаніями о себѣ вообще,—массу пріобрѣтеннаго имъ уваженія къ себѣ, какъ къ человѣку. Кромѣ того на самыхъ обѣдахъ, при встрѣчахъ со своими бывшими подчиненными, онъ это пріобрѣтенное издавна къ себѣ расположеніе болѣе и болѣе закрѣплялъ своимъ простымъ, ровнымъ, предупредительнымъ, одинако-внимательнымъ къ каждому изъ насъ отношеніемъ, какъ бывшій начальникъ, который, и въ качествѣ такового прежде, никогда не являлся ни въ своемъ обращеніи вообще, ни въ своей служебной требовательности суровымъ, сухимъ или бездушнымъ; онъ всегда умѣлъ для насъ соединить крайнюю серьёзность съ отеческимъ отношеніемъ; это мы, бывшіе шванебаховскіе юнкера, цѣнили и на

всегда сохранили какъ въ памяти своей, такъ и въ своихъ сердцахъ.

Всѣмъ было извѣстно, что александровцы обычно проявляли массу нетерпѣнія, ожидая приближенія избраннаго ими дня обѣда;—сначала,—тотчасъ послѣ войны, этимъ днемъ была назначена въ году вербная суббота, а потомъ какія-то обстоятельства вызвали перенесеніе его на субботу второй недѣли великаго поста. Съ особымъ удовольствіемъ шли они соединиться вокругъ Бориса Антоновича для общей возлѣ него товарищеской бесѣды, для воспоминаній о проведенныхъ въ стѣнахъ дорогого оригинальнаго, укрѣпленнаго контръ-форсами зданія на Знаменкѣ, въ древней бѣлокаменной столицѣ, дняхъ юнкерской жизни и обо всемъ, что было подъ вліяніемъ той жизни перенесено оттуда въ дальнѣйшую жизнь офицерскую.

* * *

Пять лѣтъ тому назадъ [1]) на страницахъ „Русской Старины“ были вкратцѣ напечатаны воспоминанія о томъ, при какихъ обстоятельствахъ и изъ-за какихъ собственно ближайшихъ причинъ, Императоръ Александръ Николаевичъ рѣшился совершить коренное преобразованіе любимаго дѣтища своего—кадетскихъ корпусовъ и, главнымъ образомъ, выдѣливъ изъ нихъ спеціальные классы, соединить ихъ въ военныя училища. Тогда было упомянуто, что Государь долго не соглашался на это и что окончательно подвинули Его Величество дать свое согласіе на это происходившія въ тѣ времена, чуть ли не по очереди въ каждомъ изъ корпусовъ, неурядицы и шумные безпорядки, которые, имѣя подобіе хронически повторявшихся бунтовъ, бунтами назывались.

Къ наступленію 1863 года была закончена по этой части почти вся работа въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній и въ военномъ министерствѣ вообще; уже стало извѣстно всѣмъ, что лѣтомъ предстояло открытіе училищъ; кадеты то въ томъ, то въ другомъ корпусѣ продолжали проявлять послѣднія вспышки бунтовъ,—небольшихъ, но напоминавшихъ о необходимости скорѣе покончить съ существованіемъ этихъ военно-учебныхъ заведеній въ томъ видѣ, такъ какъ онъ представлялся отжившимъ свой вѣкъ.

Одинъ изъ послѣднихъ бунтовъ, происшедшій въ рожде-

[1]) См. статью „Мих. Ив. Драгомировъ и военно-учебныя заведенія“ „Русск. Ст.“ № 4, 1908 г.

ство 1862 г.,—бунтъ 1-го Московскаго корпуса особенно огорчилъ Государя; въ большой степени причиной этого особаго огорченія явилось то, что жертвой бунта сдѣлался директоръ того корпуса, Всеволодъ Николаевичъ Лермонтовъ, до назначенія директоромъ (1855) состоявшій въ должности командира славнаго лейбъ Бородинскаго полка, котораго шефомъ въ то время пребывалъ Государь Александръ Николаевичъ, будучи цесаревичемъ и съ воспоминаніями о которомъ у Государя было многое связано, какъ Его Величество самъ не разъ выражался, въ высокой мѣрѣ дорогого и многозначительнаго.

Съ новаго года до конца января въ корпусѣ производилъ строжайшее о бунтѣ разслѣдованіе, присланный лично Государемъ, генералъ-лейтенантъ В. П. Желтухинъ [1]), сдавшій въ 1855 году должность директора того самаго 1-го корпуса В. Н. Лермонтову. Скрѣпя свое любвеобильное сердце, Государь послѣ разслѣдованія согласился смѣстить директора 1-го Московскаго корпуса Лермонтова, т.-е. исполнить то, что вытекало изъ разслѣдованія, произведеннаго В. П. Желтухинымъ,—этимъ рыцаремъ, который былъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошо извѣстенъ Государю.

* * *

Въ началѣ лѣта того года стало извѣстно, что вскорѣ Москву посѣтитъ Государь Императоръ. Съ середины іюня три Московскіе корпуса,—1, 2 и Александринскій сиротскій, собрались по обыкновенію, но уже въ послѣдній разъ, въ свой ла-

[1]) Сынъ знаменитаго генерала Петра Ѳедоровича Желтухина, принимавшаго видное участіе во всѣхъ бояхъ начала прошлаго столѣтія: до 1812 года, въ теченіе того года, а также послѣ него—до взятія Парижа включительно,—и наиболѣе отличившагося при Лейпцигѣ и при Бородинѣ. П. Ѳ. Желтухинъ вскорѣ послѣ турецкой войны 1828—29 годовъ умеръ въ должности начальника русскаго управленія въ Молдавіи и Валахіи. Въ исторіи этихъ княжествъ, нынѣ составляющихъ, укрѣпившееся россійскою помощью, королевство Румынское,—сохраняются большія воспоминанія объ этомъ предсѣдателѣ Молдовалахскаго русскаго дивана,—онъ проявилъ массу энергіи и приложилъ особое стараніе къ тому, чтобы укрѣпить въ этихъ княжествахъ развитіе одновременно и арміи и сельскохозяйственной жизни поселянъ. Еще даже въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ имя этого славнаго русскаго, боевого генерала было слышно въ предѣлахъ Румыніи и съ почетомъ вспоминалось не только у молдовалахскихъ бояръ, но и среди царанъ, т.-е. сельскаго населенія, а въ особенности среди очень близкихъ этому населенію пришлыхъ грековъ, занявшихся, крайне удачно и съ большой пользой для населенія, благодаря вліянію П. Ѳ., поссессіоннымъ дѣломъ въ странѣ и твердо его въ ней установившимъ.

герный сборъ подъ историческимъ селомъ Коломенскимъ; Государь пріѣхалъ въ серединѣ августа и тотчасъ же назначилъ день для посѣщенія кадетскаго лагеря и для производства въ немъ смотра; жутко казалось 1-му Московскому корпусу представиться на глаза Царю, всегда неизмѣнно отличавшему своею высокою милостью этотъ корпусъ.

Верстахъ въ двухъ отъ того мѣста, на которомъ, съ начала царствованія Императора Николая Павловича, былъ раскинутъ кадетскій лагерь, находилось обширное поле, называвшееся „Савкинымъ“ и служившее для маневрированія кадетскихъ батальоновъ. Много лѣтъ передъ тѣмъ, какъ гласило темное преданіе, въ глубокихъ оврагахъ, обрамлявшихъ это поле, и въ окаймлявшихъ тѣ овраги лѣсахъ, ютился атаманъ, со своей шайкой разбойниковъ, Савка, не дававшій покоя окрестному населенію и изведшій у себя въ неволѣ въ глубинѣ „Савкиныхъ“ враговъ немало жителей, которыхъ онъ уводилъ, а затѣмъ подземными ходами препровождалъ изувѣченныхъ, измученныхъ и связанныхъ въ невѣдомые края.—Такъ отцы, матери семействъ, дочери, сыновья—и взрослые и малые, пропадали безъ вѣсти; никто не могъ ничего сдѣлать; людей то забирали въ отмщеніе за какую-либо малость, то уводили въ видѣ залога съ цѣлью полученія большой денежной дани; жизнь изъ-за этого Савки была тяжелая; измученное окрестное населеніе долго не могло забыть его; среди деревенскихъ ребятъ еще въ наше время ходили страшные сказочные разсказы объ этомъ извергѣ атаманѣ; на ночь дѣти избѣгали повторенія этихъ сказокъ и—страшились выслушивать ихъ.

Въ теченіе всего лѣта 1863 года кадеты подъ командой и подъ наблюденіемъ начальника лагернаго сбора, директора 2-го Московскаго корпуса генералъ-маіора Александра Васильевича Фрейганга [1]) старательно обучались фронту на обширныхъ плацахъ, имѣвшихся передъ лагеремъ каждаго корпуса, а въ прекрасный, прохладный, солнечный день 17-го августа, собрался на Савкиномъ полѣ трехбаталіонный кадетскій отрядъ и выстроился для того, чтобы имѣть счастье представиться Царю

[1]) Генералъ А. В. Френгангъ славился, какъ боевой кавказецъ; онъ много отличился въ бояхъ и стычкахъ и былъ въ нихъ не разъ раненъ. получивъ въ 1862 году должность директора 2 Московскаго кадетскаго корпуса, онъ въ 1864 году былъ переведенъ на постъ петергофскаго коменданта и, занимая эту должность много лѣтъ, былъ хорошо извѣстенъ всему военному міру.

на смотру, какъ уже стало извѣстно, послѣдній разъ въ кадетскомъ званіи передъ переходомъ на юнкерское положеніе.

* * *

Пасмурнымъ взоромъ оглянулъ Государь кадетъ, подъѣзжая въ сопровожденіи небольшой свиты къ правому флангу отряда и здороваясь съ 1-мъ корпусомъ.—Не къ такому взгляду безконечно добраго Царя привыкли кадеты; чувствовали они, что заслужили гнѣвъ царскій; каялись, да было поздно, что судьба послала.

Обычно, довольный кадетами и ихъ поведеніемъ, Государь, присутствуя на смотрахъ, благодарилъ на каждомъ шагу за строй;—бывало, въ теченіе всего времени смотра, поминутно въ кадетскихъ рядахъ раздавались шумные, восторженные отвѣты на Царскую похвалу; но въ тотъ памятный годъ, противъ обыкновенія, Его Величество, внимательно осмотрѣвъ стойку, ружейные пріемы, повороты на мѣстѣ и въ движеніи, а затѣмъ разсыпной строй и даже церемоніальный маршъ, ни разу не удостоилъ насъ своимъ одобреніемъ; кадеты изъ силъ выбивались заслужить Монаршую благодарность, но Государь, продвигаясь по фронту, смотрѣлъ и лишь, отъ времени до времени, произносилъ то ту, то другую команду, подсказывая её генералу Фрейгангу или отдавая тѣмъ приказанія сопровождавшимъ его верхомъ штабъ-трубачамъ, которыхъ въ тѣ времена вообще, а особенно въ кадетской средѣ, называли тѣлохранителями. Только тогда, когда отрядъ, послѣ церемоніальнаго марша, по царскому же указанію собрался въ общую колонну, Государь, обратившись къ генер. Фрейгангу и другимъ находившимся возлѣ него генераломъ, сказалъ:—„а славно учатся, превосходно и, возвысивъ голосъ, обрадовалъ юношей возгласомъ:

— Славно, господа, молодецки учитесь, благодарю васъ.

Затѣмъ, когда Его Величество громко скомандовалъ: съ поля! насъ повели по берегамъ Савкиныхъ враговъ домой; хоръ музыкантовъ 1-го корпуса заигралъ торжественный маршъ изъ жизни за Царя.

— Пѣсельники поютъ? спросилъ Государь ген. Фрейганга; вызови ихъ во всѣхъ трехъ баталіонахъ.

Давъ пройти мимо себя всѣмъ частямъ отряда, Государь крупною рысью обогналъ ихъ и, дойдя до передовой части—хора пѣсельниковъ 1-го корпуса, поѣхалъ рядомъ съ нимъ.—Молодые звонкіе голоса въ это время доканчивали слова куп-

летовъ начатой ими пѣсни, сложившейся у нихъ нѣсколько своеобразно.—Государь очень внимательно вслушивался:

Пробили зорю барабаны
Востокъ туманный побѣлѣлъ,
И отъ враговъ ударъ нежданный
На батарею прилетѣлъ.

Въ дыму огонь блѣстѣлъ,
На пушки конница летала,
Рука бойцовъ колоть устала
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ вражьихъ тѣлъ.

Живые съ мертвыми сравнялись
И ночь холодная пришла,
И тѣхъ, которые остались,
Густою тьмою развела.

Вдругъ батареи замолчали,
Вновь барабаны застучали,
Противникъ быстро отступилъ...

— Прекрасно они у тебя поютъ, обратился Государь къ директору 1-го корпуса генералъ-маіору Ив. Викент. Жданъ-Пушкину; хорошо изъ Лермонтовскаго произведенія пропѣли; немного перемѣшали слова, но этимъ славный Бородинскій стихъ у нихъ нисколько не испортился.

— А кстати, гдѣ бѣдный Лермонтовъ, куда онъ уѣхалъ послѣ несчастья, которое подъ нимъ стряслось? На докладѣ Жданъ-Пушкина о томъ, что бывшій директоръ проживаетъ въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, Государь сказалъ:

— Я знаю его домъ; на Арбатской улицѣ?

— Такъ точно, Ваше Величество, отвѣтилъ Жданъ-Пушкинъ.

— Жаль мнѣ его, очень жаль.

Всев. Ник. Лермонтовъ по своей женѣ находился въ довольно близкомъ родствѣ съ покойнымъ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ, который очень долго состоялъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу лицъ; поэтому не было ничего мудренаго въ томъ, что Государь могъ вспомнить, гдѣ въ Москвѣ находился домъ, принадлежавшій родственнику этого его сотрудника,—оставившаго по себѣ громадную память своими выходившими изъ ряда заслугами.

* * *

Повернувъ своего коня, Государь проѣхалъ прямо на двухъ полковниковъ, пѣшкомъ, нѣсколько поодаль отъ Дм. Алекс. Милютина, сопровождавшихъ строй, полковниковъ—сапернаго и шедшаго рядомъ съ нимъ артиллерійскаго. Мы, кадеты, до той минуты не замѣчали этихъ штабъ-офицеровъ.

— Ну вотъ, ты видишь кадетъ, которымъ предстоитъ начать на дняхъ службу подъ твоимъ начальствомъ, вотъ твои будущіе юнкера, сказалъ Государь краснощекому саперному полковнику; да, вамъ обоимъ предстоитъ начать работу надъ этимъ матеріаломъ,—скажу прямо, сырымъ, но хорошимъ; первый Московскій корпусъ всегда былъ славнымъ заведеніемъ, рекомендую его вамъ, хотя въ послѣднее время онъ сильно отличился далеко не въ свою пользу; жаль мнѣ и директора и всегда прежде отмѣнно радовавшихъ меня своимъ поведеніемъ кадетъ; Лермонтова я отъ души люблю и всегда его цѣнилъ.

— Пойте, господа, продолжайте ваши пѣсни, сказалъ Государь, повернувшись въ сторону пѣсельниковъ;—они дружно и громко затянули извѣстную, старую солдатскую пѣсню,—„поле чистое турецкое, мы когда жъ тебя, поле, пройдемъ"!..

Государь снова заговорилъ съ саперным полковникомъ и оживленно проговорилъ съ нимъ во время всего пути до прихода въ лагерное расположеніе 1-го корпуса.—Послѣ того, что Государь присутствовалъ при роспускѣ батальона и при относѣ знамени, мы черезъ нѣсколько минутъ, сбросивъ съ себя амуницію и наскоро смахнувши пыль, заняли мѣста подъ навѣсами лагерныхъ столовыхъ у накрытыхъ для обѣда столовъ.—Государь, прослушавъ спѣтую нами молитву, обошелъ столы, попробовалъ кадетскую пищу и отбылъ въ лагерь 2-го Московскаго корпуса,—затѣмъ проѣхалъ въ Александрійскій сиротскій корпусъ, а оттуда въ Кремль.

Во время обѣда намъ стало извѣстно, что отправившіеся вслѣдъ за Государемъ два штабъ-офицера, которымъ, по словамъ Его Величества, предстояло сдѣлаться нашими начальниками, были полковники Борисъ Антоновичъ Шванебахъ и Сергѣй Александровичъ Слуцкій; изъ нихъ первый былъ предназначенъ на должность начальника Александровскаго военнаго училища, а второй былъ избранъ на постъ инспектора классовъ того же училища, приготовлявшагося пріютить насъ въ своихъ стѣнахъ на Знаменкѣ...

* * *

Эти, сразу показавшіеся намъ таинственными, штабъ-офицеры, намѣченные къ тому, чтобы стать нашими начальниками, исчезли за Государемъ; мы ихъ больше не видѣли до тѣхъ поръ, пока, вслѣдъ затѣмъ, они приняли насъ подъ свое крыло и очень скоро стали близкими намъ людьми.—Ходилъ тогда очень характерный слухъ о томъ, будто-бы Государь сильно не доволенъ остался указаніемъ Жданъ-Пушкина на то, что предмѣстникъ его, ген.-м. Лермонтовъ, переѣхалъ на жительство въ свой домъ. Ив. Викентьевича Жданъ-Пушкина всѣ очень цѣнили за его умъ и за постоянное стремленіе съ каждымъ подѣлиться своими по истинѣ обширными знаніями; это, между прочимъ, выражалось поспѣшностью, съ которою онъ всегда въ каждомъ классѣ замѣщалъ манкировавшаго преподавателя и, несмотря на свое относительно высокое положеніе, старался возможно полнѣе того преподавателя замѣнить, а воспитанникамъ трудъ приготовленія урока облегчить; въ этомъ была его серьезная отличительная черта. Но всѣ осуждали, правильно или неправильно приписывавшуюся ему другую черту,—ядовитость, съ которою онъ всегда, какъ казалось, радъ былъ кого угодно оговорить, заподозрить и осудить.

Б. А. Шванебаху случалось встрѣчать Жданъ-Пушкина въ молодости; служилъ онъ въ артиллеріи и въ 1-й Моск. корпусъ былъ переведенъ инспекторомъ классовъ незадолго до Лермонтовской исторіи изъ Сибирскаго кадетскаго корпуса, въ которомъ послѣднія нѣсколько лѣтъ занималъ должность инспектора же; исповѣдывалъ онъ римско-католическое вѣроисповѣданіе и поэтому вообще, а въ то время особенно, вѣроятно, переносилъ много несправедливаго по отношенію къ себѣ, такъ какъ время польскаго возстанія создавало немало всевозможныхъ осложеній для находившихся на службѣ лицъ польскаго происхожденія, при чемъ достаточно было принадлежать къ католической вѣрѣ для того, чтобы нести всѣ тѣ непріятности, на которыя были обречены сплошь почти всѣ поголовно поляки.

По поводу отвѣта, даннаго Жданъ-Пушкинымъ Государю о мѣстѣ пребыванія Лермонтова, у большинства родилась мысль, безъ сомнѣнія, не справедливая и во всякомъ случаѣ малообоснованная о томъ, будто-бы онъ хотѣлъ съ одной стороны укорить своего предмѣстника въ пріобрѣтеніи на службѣ денежныхъ средствъ, а съ другой и ознакомить Государя со свѣдѣніемъ о томъ, что на пребываніе въ бѣдности этотъ предмѣст-

никъ не обреченъ.—Такъ или иначе, произнесенное особымъ тономъ, донесеніе Жданъ-Пушкина произвело на всѣхъ очень непріятное впечатлѣніе и трудно было разувѣрить тѣхъ, кому пришло на умъ при этомъ его заподозрить.

Б. А. Шванебахъ рѣдко вообще и мало осуждалъ людей объ Жданъ-Пушкинѣ, имѣя или не имѣя въ мысляхъ намѣреніе заподозрить его, онъ и тогда и впослѣдствіи говорилъ только: „какъ жалъ, что онъ, прослуживши много лѣтъ въ Сибири, такъ мало тамъ обрусѣлъ“.

Увѣряли, будто и Государю заявленіе преемника о предмѣстникѣ не понравилось именно съ этой стороны, но большинство старалось благоразумно отрицать такое предположеніе и со всѣхъ сторонъ давало ему значеніе совершенно вздорнаго измышленія.—Отецъ его, какъ говорили, былъ въ 1831 году убитъ въ Варшавѣ въ числѣ честныхъ поляковъ, оставшихся вѣрными своему законному Государю. Вскорѣ стало извѣстно, что, по пріѣздѣ въ столицу, Государь послалъ Лермонтову, какъ тогда говорили, „привѣтствіе“ и препроводилъ на его имя пакетъ съ восемью тысячами рублей въ видѣ пособія ему и его семьѣ, состоявшей изъ жены и трехъ взрослыхъ дочерей.—Впослѣдствіи, Б. А. Шванебахъ, нерѣдко разсказывая о Государѣ и объ его нескончаемыхъ милостяхъ, упоминалъ о томъ, что В. Н. Лермонтовъ ежегодно ко дню годовщины Государевой коронаціи,—къ 26-му августа, удостоивался полученія отъ царя такой же высокомилостивой поддержки.

* * *

27-го августа 1863 года кадетъ 1-го Московскаго корпуса въ ходившихъ тогда на тройкахъ по Покровкѣ, старинныхъ особаго, крайне характернаго фасона, линейкахъ доставили на Знаменку въ ставшее домомъ Александровскаго военнаго училища зданіе Александрійскаго сиротскаго кадетскаго корпуса. Тамъ оказались уже пребывавшіе въ зданіи кадеты этого корпуса, привезенные за два часа до насъ кадеты 2-го Моск. корпуса, а также, доставленные дня за три передъ тѣмъ, кадеты провинціальныхъ корпусовъ—Воронежскаго и Орловскаго.—Всего насъ собралось на четыре роты по 75 чел.—300 юнкеровъ.

Б. А. Шванебахъ съ веселымъ лицомъ бодро ходилъ среди собиравшихся въ большихъ залахъ и въ просторныхъ коридорахъ кадетскихъ группъ; преобразовавшіеся въ юнкеровъ кадеты, искоса на него поглядывая, мало-по-малу знакомились между собой; раскланиваясь съ каждымъ изъ насъ, онъ нѣкоторыхъ

спрашивалъ фамиліи, старался быть ласковымъ и, видимо, давалъ себѣ трудъ ободрять новыхъ своихъ знакомыхъ—подчиненныхъ, вступившихъ въ тотъ день „на дѣйствительную службу".

Получившій начало съ того дня, послужной списокъ каждаго изъ насъ, начинался словами: „въ службу вступилъ юнкеромъ въ 3-е военное Александровское училище 27-го августа 1863 года"; и вотъ намъ всѣмъ, тогда собравшимся юнцамъ, минуло въ только-что истекшемъ 1913 году пятидесятилѣтіе всей дѣйствительной службы.

* * *

Въ первые дни нашего пребыванія въ училищѣ, кромѣ Б. А. Шванебаха, начальства почти никакого еще не было: цѣлые дни мы видѣли начальника училища; дежурныхъ по ротамъ не было назначался лишь одинъ общій дежурный по батальону изъ числа трехъ-четырехъ офицеровъ, оставшихся отъ состава сиротскаго корпуса; всѣ они уже знали о состоявшемся переводѣ ихъ въ другіе корпуса или просто объ отчисленіи; показались за тѣ дни по одному разу инспекторъ классовъ С. А. Слуцкій и помощникъ его Пав. Ник. Юшеновъ—гвард. артиллеріи поручикъ, назначенный въ должность помощника изъ числа лицъ, преподававшихъ артиллерію въ корпусахъ сиротскомъ и 1-мъ Московскомъ.

— Вотъ какъ, я одинъ съ вами справляюсь, шутилъ Б. А., обходя въ теченіе дня по нѣсколько разъ училище и отдавая различныя распоряженія служителямъ. — Впослѣдствіи, когда жизнь въ училищѣ установилась, войдя въ колею, онъ, неизмѣнно появляясь въ ротахъ, велъ бесѣду съ группами юнкеровъ; крайне поучительны были тѣ бесѣды; припоминалась намъ недоступность корпусного начальства, и мы съ особымъ удовольствіемъ въ новомъ положеніи просто, свободно, безъ всякаго стѣсненія входили въ собесѣдованіе съ самимъ начальникомъ училища; скоро положеніе стало такимъ, что менѣе всего мы стѣснялись разговаривать именно съ нимъ; видя это, прочее начальство—батальонный, ротные командиры, ротные офицеры, которые всѣ были назначены къ намъ изъ числа окончившихъ курсъ академіи, а также многіе изъ профессоровъ и преподавателей въ своихъ разговорахъ съ нами и въ своемъ обращеніи съ нами—хотя нижними чинами, старались приноравливаться къ тому, какъ обращался и велъ себя Б. А.; выходило по простотѣ и свободѣ нѣчто вполнѣ толковое, а между тѣмъ, по идеѣ выдѣ-

ленія кадетскихъ спеціальныхъ классовъ въ училищные батальоны съ зачисленіемъ насъ на дѣйствительную службу, первое мѣсто занимала забота объ укрѣпленіи среди насъ строгой дисциплины. Б. А. Шванебахъ много разъ давалъ намъ понимать, что именно въ этой, предоставлявшейся намъ, разумной свободѣ и простотѣ онъ видѣлъ обезпеченіе необходимой субординаціи.

Собесѣдованія, которыя онъ просто велъ съ нами въ дортуарахъ, залахъ, коридорахъ и въ классахъ, явились прототипомъ такихъ же бесѣдъ, продолжавшихся имъ и цѣнившихся нами впослѣдствіи на товарищескихъ Александровскихъ обѣдахъ; на нихъ онъ, конечно, гораздо яснѣе и вполнѣ развязно разъяснялъ намъ все то, что въ училищѣ приходилось ему лишь намекать или давать понять.

* * *

— Знаете ли вы, о чемъ Государь разговаривалъ со мной въ тотъ памятный день, когда ѣхалъ верхомъ рядомъ со мной, сопровождавшимъ пѣшкомъ возлѣ него пѣсельниковъ 1 Московскаго корпуса,—сказалъ Б. Шванебахъ однажды на товарищескомъ обѣдѣ въ татарскомъ ресторанѣ, въ одинъ изъ первыхъ годовъ послѣ турецкой 1877—1878 войны? При этомъ онъ постарался глазами, въ числѣ бесѣдовавшихъ съ нимъ, привлечь вниманіе бывшихъ воспитанниковъ.

— Вы помните, что Государь, бесѣдуя со мной, велѣлъ вамъ „продолжать ваши пѣсни".

— Они могутъ подумать, что я ихъ юными голосами хочу заглушить свой голосъ, сказалъ Государь и ласково засмѣялся—вѣдь, въ сущности дѣти, особенно если судить по тому, что представилъ объ ихъ бунтѣ Владиміръ Петровичъ [1]). Корпусное начальство, которое теперь дослуживаетъ, доканчиваетъ свое дѣло въ рядахъ этого славнаго корпуса, понимало свое дѣло такъ, что и съ кадетами вкоренять дисциплину, а также воинское подчиненіе и чинопочитаніе, надо исключительно строгостью, суровостью.—Я хочу, чтобы и съ солдатами такая строгость была отодвигаема на задній планъ, хочу, чтобы она пряталась за доброе слово; одинъ Лермонтовъ, понимавшій это еще во время командованія моимъ, нынѣ Лейбъ-Бородинскимъ полкомъ, ясно понималъ и здѣсь въ корпусѣ, но, къ сожалѣнію, не сумѣлъ привлечь къ этому окружавшихъ его офицеровъ-воспитателей, они шли съ нимъ въ разладъ и портили все то,

[1]) Государь всегда звалъ генерала Желтухина по имени и отчеству.

что онъ заводилъ; а твердости у него недостало; отъ этого онъ и пострадалъ; онъ виноватъ, виноваты и офицеры; ни его, ни ихъ я не виню или, вѣрнѣе сказать хотѣлъ бы ихъ винить въ полной мѣрѣ лишь за то, что они сдѣлали виновными кадетъ—дѣтей; вмѣсто того, чтобы слѣпо искать и карать въ нихъ отсутствіе дисциплины и повиновенія, они должны были найти и видѣть, что между ними нашелся одинъ, который, нисколько не думая объ ихъ участи, думалъ лишь о себѣ, эгоистично защищалъ свою личную, мелкую обиду и тѣмъ втянулъ въ бѣду ихъ всѣхъ, какъ куколъ, какъ пѣшекъ, ему этому кадету, Ашенбреннеру, меньше, чѣмъ кому-либо, можно было простить; онъ и понесъ большое наказаніе; я все-таки простилъ бы ему всякое его преступленіе, но онъ жестоко втянулъ массу въ защиту лишь своей персоны; тотъ, кто, въ какомъ бы то ни было бунтѣ или возмущеніи, оказывается виновнымъ въ томъ, что не защищаетъ общее дѣло, а думаетъ лишь о себѣ самомъ,—тотъ недостоинъ никакой пощады; этотъ кадетъ очень просто и легко напортилъ массѣ товарищей, а также крайне легкомысленно погубилъ директора, достойнаго человѣка и начальника, проявлявшаго не мало заботъ о немъ же и, быть можетъ, проявившаго съ своей стороны вину лишь разъ во всей этой исторіи, именно тогда, когда у него сжалось сердце передъ необходимостью строго взыскать съ этого провинившагося питомца и онъ пощадилъ его; а между тѣмъ у окружавшихъ его воспитателей не хватило сознанія необходимости снисхожденія и вотъ чѣмъ все окончилось. У Государя навернулись тогда слезы, добавилъ Б. А. Шванебахъ, разсказывая намъ объ этомъ эпизодѣ.—Я увѣренъ, добавилъ Государь, что ты меня понимаешь и у тебя, при томъ составѣ строевыхъ офицеровъ, которыхъ ты теперь получишь, ничего подобнаго не будетъ выходить.

Разсуждая дальше объ этой памятной исторіи, Б. А. Шванебахъ сказалъ: „Ашенбреннеръ дѣйствительно занялся тѣмъ, чтобы защищать себя и отомстить генералу Лермонтову лично за себя въ такую минуту, когда Лермонтовъ проявилъ по отношенію къ нему свою самую большую доброту, оказавшуюся для него пагубною—этотъ кадетъ нанесъ своему начальнику оскорбленіе дѣйствіемъ, а вслѣдъ за тѣмъ, вмѣсто того, чтобы смѣло, благородно выступить впередъ и отдать себя въ полное распоряженіе начальства, онъ сталъ подъ покровительство товарищей кадетъ, которые взяли его за свои баррикады, и устройствомъ таковыхъ погубили себя. Если бы генералъ Желтухинъ, какъ бывшій директоръ того же 1-го Московскаго корпуса, не

взялъ недомысливших, въ полной мѣрѣ понятыхъ имъ птенцовъ, подъ свою защиту передъ мощною милостью царя и не опредѣлилъ бы вполнѣ твердо, ясно вину эгоиста, облюбовавшаго лишь себя,—не сдобровать бы имъ за такой бунтъ.

Трогательно было слышать, въ какихъ подробностяхъ Государь зналъ всю, въ сущности, мелкую, корпусно-кадетскую исторію, какую далъ ей оцѣнку и какъ отнесся къ участникамъ ея.

Б. А. Шванебахъ, вполнѣ понимая, что не всякій разъ съ нимъ бесѣдуетъ на товарищескихъ обѣдахъ одни и тѣ же изъ бывшихъ его юнкеровъ, не разъ повторялъ эту исторію, добавляя къ ней и другіе не менѣе поучительные эпизоды; не одному изъ тѣхъ бывшихъ юнкеровъ случилось слышать такіе разсказы по два-три раза.

Перебирая въ настоящее время рядъ шванебаховскихъ разсказовъ, записанныхъ въ свое время съ его словъ, нельзя не вспомнить имена разныхъ собесѣдниковъ съ одинаковымъ чувствомъ и вниманіемъ слушавшихъ въ 1863—1864 году полковника Б. А. Шванебаха, и въ какомъ-нибудь изъ годовъ перваго десятилѣтія этого столѣтія инженеръ-генерала Б. А. Шванебаха, при чемъ собесѣдники тѣ пребывали то въ юнкерскомъ званіи, въ оберъ-офицерскомъ или въ генеральскомъ чинѣ.—Припоминаются въ составѣ ихъ участники обѣдовъ разныхъ годовъ изъ александровцевъ генералы: А. П. Скугаревскій и В. Г. Глазовъ— начальники штаба гв. корпуса, В. В. Сахаровъ, В. Г. Глазовъ—и Н. К. Шауфусъ—министры, Н. П. Михневичъ, П. Н. Вороновъ, А. Н. Селивановъ, Н. Я. Лопушанскій—начальники дивизіи или генералъ-губернаторы, П. О. Щербовъ-Нефедовичъ, А. А. фонъ-Вендрихъ, Н. П. Михневичъ—начальники главнаго управленія или главнаго штаба, тов, мин. В. Г. Глазовъ, Д. Г. Щербачевъ—нач. академіи ген. штаба, а также друг. Нѣкоторые изъ этихъ достоуважаемыхъ лицъ, благополучно здравствуя и теперь, быть можетъ, прочтутъ на страницахъ этихъ записокъ не одинъ разсказъ, слышанный ими въ свое время отъ незабвеннаго Бориса Антоновича Шванебаха, скончавшагося въ 1906 году восьмидесяти лѣтъ,—онъ унесъ съ собой ту громадную радость, которую испытывалъ каждый разъ, когда видѣлъ служебные и жизненные успѣхи своихъ питомцевъ-юнкеровъ.

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Смерть генерала Кондратенко.

Послѣ паденія Высокой горы (высота 203 метр.), для насъ было уже ясно, что агонія крѣпости началась.

1-го февр. генералъ Кондратенко былъ у насъ на фортѣ № 2-ой и опредѣлилъ безнадежное состояніе форта. Казематовъ не существовало у нея. Уже за недѣлю до 1-го февраля, онъ приказалъ минировать потерну къ казематамъ контръ-эскарпа и все, что еще уцѣлѣло отъ огня 12-ти дюймовыхъ снарядовъ.

Солдаты укрывались непосредственно подъ брустверомъ, на валгангахъ.

Ежедневно брустверъ разрушался отъ снарядовъ, и по ночамъ нами ремонтировался.

Подъ нашими ногами, на валганкѣ бруствера ясно слышна минная работа японцевъ.

Потерна и часть контръ-эскарповой галлереи была за нами, но рва мы уже обстрѣливать не могли. Онъ былъ во власти врага.

Утромъ 2-го февр. японцы зажгли въ контръ-эскарповой галлереѣ, набросанные ими впереди ихъ бруствера, легкіе мѣшки, наполненные ими какимъ-то неизвѣстнымъ веществомъ.

Ѣдкій, ядовитый дымъ душилъ людей.

У сложеннаго нами изъ мѣшковъ въ галлереѣ бруствера пришлось мѣнять всякія двѣ минуты.

Вызванный къ намъ военный инженеръ полковникъ Рашевскій по вкусу и запаху опредѣлилъ присутствіе мышьяка.

Дали знать генералу Кондратенко.

Я работалъ по исправленію брустверовъ и ходовъ сообщенія по ночамъ.

2-го дек. вечеромъ я распредѣлилъ людей по работамъ и часовъ въ 8 вечера вошелъ въ офицерскую комнату въ горжевомъ казематѣ. Это былъ единственный уголокъ, чудомъ еще не совсѣмъ разрушенный на форту.

Здѣсь я увидѣлъ, что комната полна офицерами, пришедшими съ генераломъ на фортъ.

Генералъ сидѣлъ на кровати, возлѣ круглаго стола. Противъ него на стулѣ сидѣлъ полковникъ Рашевскій.

Комендантъ форта, поручикъ Флоровъ, лежалъ, укрывшись шубою, на своей койкѣ, около того же стола.

Видимо генералъ засталъ его отдыхающимъ и приказалъ не вставать, зная, что комендантъ имѣетъ отдыхъ только урывками.

Я присѣлъ въ ногахъ у коменданта на кровати, но генералъ увидѣлъ меня и сказалъ: „А! прапорщикъ, здравствуйте“, и подалъ мнѣ руку. „Здравія желаю, ваше превосходительство!“ отвѣтилъ я.

„Ну вы совсѣмъ Робинзонъ Крузо, засмѣялся генералъ. Я только-что вылѣзъ изъ глуховой минной галлереи и полушубокъ мой былъ весь въ землѣ. Длинноволосая мохнатая папаха довершала сходство съ знаменитымъ авантюристомъ. Всѣ разсмѣялись.

„Ну господа, пойдемъ посмотримъ контръ-эскарповую галлерею“, сказалъ генералъ, и мы, кому слѣдовало, спустились черезъ потерну внизъ.

Къ этому времени, галлерея уже провѣтрилась отъ ядовитыхъ газовъ и стрѣлки поддерживали непрерывный огонь вдоль нея.

Въ отвѣтъ намъ въ бетонъ щелкали японскія пули.

Генералъ поздоровался съ людьми, которые ему отвѣтили: „Здравія желаемъ, ваше превосходительство!“

Непріятель былъ отъ насъ въ 6-ти шагахъ. Даже простой разговоръ былъ ясно слышенъ.

Не разъ японцы здѣсь насъ спрашивали русскимъ языкомъ: „Что вы сегодня обѣдали? Получили ли полушубки и т. д.“.

И дѣйствительно, только успѣлъ генералъ съ нами обойти брустверъ, гдѣ слушали подземную работу непріятеля и прочія работы и вошелъ въ казематъ, какъ, бывшая до того времени обыкновенная стрѣльба превратилось въ бомбардировку 280 мм. снарядовъ.

Задрожали, заколебались стѣны каземата. У насъ въ это время вѣстовые подали намъ ужинъ. Генералъ поджидалъ

для совѣщанія генерала Горбатовскаго. Предметомъ совѣщанія должна была быть дальнѣйшая участь форта № 2, гдѣ ежедневно гибло много защитниковъ. Съ паденіемъ открытыхъ капонировъ №№ 2 и 3 фортъ потерялъ защиту мертваго пространства впереди себя.

Генералъ велъ бесѣду съ полковникомъ Рашевскимъ.

Рашевскій замѣтилъ: Удивительный это уголокъ на форту; только онъ и уцѣлѣлъ непонятнымъ образомъ.

Генералъ вынулъ изъ кармана знаки отличія Военнаго ордена Св. Георгія и возложилъ ихъ на груди заурядъ-прапорщика Смольянинова и, по представленію коменданта, фельдфебелю нестроевой роты запаснаго баталіона.

По этому поводу, генералъ, поздравивъ ихъ, выпилъ за ихъ здоровье немного краснаго вина, которое онъ изъ своихъ средствъ присылалъ намъ на фортъ.

„Ваше Превосходительство! сказалъ я генералу, разрѣшите мнѣ выпить за ваше здоровье“.

„Пейте за свое собственное“, отвѣтилъ онъ, улыбнувшись.

На форту съ адскимъ трескомъ рвались тяжелые снаряды.

Въ это время въ казематъ вошелъ мой старшій саперъ и доложилъ, что снарядъ разорвался на горжевомъ мосту.

Сходивъ и убѣдившись, что, хотя мостъ на половину разрушенъ, но что пройти по немъ еще можно, я доложилъ объ этомъ генералу. Онъ мнѣ на это ничего не отвѣтилъ. Я направился къ выходу изъ каземата на работы, но увидѣлъ на кровати у артиллериста банку съ карамелью и, сѣвши на кровать, развернулъ конфету. Сосѣдъ мой, поручикъ Крайко, тоже нагнулся надъ банкой.

Ослѣпительный блескъ заставилъ меня повернуть голову. Конецъ! мелькнуло въ моемъ сознаніи. Звука взрыва я не слыхалъ. До сихъ поръ не могу сообразить, лишился ли въ этотъ моментъ сознанія? Первое чувство, охватившее меня, было ощущенія абсолютной тишины—тишины, никогда мною не испытанной. Истеричныя женщины говорятъ, что имъ это чувство знакомо.

Поразительно ярко предстало мнѣ сознаніе о происшедшей катастрофѣ.

Почувствовавъ на тѣлѣ давленіе тяжести, я вообразилъ, что на меня обрушился бетонъ каземата, и думалъ, что сейчасъ мои кости будутъ дробиться. Первое мое движеніе убѣдило меня, что я живъ и что руки и ноги дѣйствуютъ. Съ дикою энергіею я освободился изъ-подъ навалившихся на меня тру-

повъ товарищей и выскочилъ черезъ дверь изъ каземата во дворъ форта.

При ясномъ лунномъ свѣтѣ я увидѣлъ мой полушубокъ и всю одежду облитые кровью и мозгами товарищей.

Я былъ потрясенъ всѣмъ существомъ моимъ. Солдаты окружили меня.

„Ваше благородіе! что дѣлать? Офицеры всѣ перебиты, спрашиваетъ меня бравый ундеръ. Готовиться къ штурму“.

„Резервы въ горжу!“ приказалъ я.

Соколомъ пошелъ унтеръ исполнять свой долгъ. Живъ ли онъ—не знаю.

Доставъ изъ кармана спички, я зашелъ въ казематъ. Отъ деревянной переборки не осталось слѣда. Вошли саперы со свѣчами. Въ углу, гдѣ я сидѣлъ—гора труповъ, брошенныхъ газами. На мѣстѣ стола лежала его доска, на ней ницъ лежалъ генералъ Кондратенко. „Что генералъ? спрашиваю я, убитъ“.

Одежда на трупахъ ярко загорѣлась. Со стономъ поднялся комендантъ поручикъ Флоровъ. Схвативъ его подъ руку, я вывелъ его съ форта и сдалъ санитарамъ. Начали выносить тѣла.

Въ казематѣ было 17 офицеровъ: 9 убито, 7 ранено. Меня Господь сохранилъ невредимо. Молодой красавецъ военный инженеръ Зедгенидзе цѣлый часъ мучился, пока испустилъ духъ.

Рядомъ съ офицерскою комнатою, гдѣ собственно и разорвался снарядъ, былъ перевязочный пунктъ. Здѣсь лежали раненые. Отсюда мы вытащили цѣлый рядъ труповъ солдатиковъ. Подъ кроватью коменданта поручика Флорова былъ нашъ складъ ручныхъ пироксилиновыхъ бомбъ. Онѣ всѣ уцѣлѣли.

Помню, что въ день похоронъ генерала японцы почти не стрѣляли.

Какъ память о покойномъ, генералъ Горбатовскій вручилъ мнѣ, ему доставленный, сорванный газами погонъ. Нынѣ онъ составляетъ собственность Николаевской на Амурѣ саперной роты.

О. Ф. Бергъ.

За 38 лѣтъ.

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній: посвящаются памяти

Милія Алексѣевича Балакирева.

Часть вторая.

III.

Лѣтніе мѣсяцы, съ середины 70-годовъ до конца жизни, Милій Алексѣевичъ проводилъ въ Гатчинѣ.

Впервые, онъ познакомился съ ней, пріѣхавъ ко мнѣ весной на урокъ, кажется, въ 1873 г. До того онъ не зналъ ея и, пріѣхавъ къ намъ и пойдя гулять съ отцомъ моимъ, послѣ урока въ Пріоратъ—по возвращеніи къ намъ, на дачу Ломакина, онъ съ нескрываемымъ изумленіемъ, объявилъ:—Знаете-съ, тутъ чудесно-съ!.. На будущій годъ я тоже найму здѣсь дачу. Мнѣ давно совѣтуетъ это Боткинъ... но я не вѣрилъ...

Мнѣ запомнился этотъ разговоръ потому, что Гатчина мнѣ лично не нравилась. Не нравились ея неряшливыя улицы, ея неизящныя деревянныя дачи, ея заброшенный, невыметенный или полувыметенный, полурасчищенный пустынный Пріоратъ и безлюдный, покинутый со временъ Императора Павла, дворцовый паркъ.

Я любила заграничные, благоустроенные, увитые цвѣтами, оживленные швейцарскіе и нѣмецкіе городки и курорты. И слово „чудесно“, примѣненное къ Гатчинѣ, меня просто поразило.

— Ну, ужъ и чудесно!—думала я.—И что тутъ чудеснаго?! Но такъ какъ Надежда Дмитріевна тоже восхищалась воз-

духомъ Гатчины, и всѣ въ разговорахъ, упоминали о „силлурійской“ формціи (почвы), открытой въ Гатчинѣ Сергѣемъ Петровичемъ Боткинымъ, домъ котораго ходили даже смотрѣть, я рѣшила, что вѣрно я ничего не понимаю, что пойму, когда выросту и, пожимая плечами, на этомъ и успокоилась.

Милій Алексѣевичъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Гатчину два раза въ мѣсяцъ,—чтобы дать мнѣ возможность отдыхать лѣтомъ и не слишкомъ экзерсироваться.

Помню, разъ какъ-то онъ пріѣхалъ не черезъ недѣлю,—какъ я его ожидала, а на слѣдующую недѣлю.

Я пришла въ ужасъ: урокъ не былъ приготовленъ... Какъ же это будетъ?!.. И я съ холодными руками и сконфуженнымъ лицомъ пришла къ нему изъ сада на зовъ кого-то изъ старшихъ.

— Ну-съ, начнемте,—поздоровавшись, обратился онъ ко мнѣ и, глядя на меня, вѣрно догадался, что что-то не такъ.

— Вы приготовили урокъ?—спросилъ онъ меня, когда крышка рояля была имъ открыта и я принесла ноты.

— Нѣтъ.

— Почему-же-съ?

— Я васъ ждала въ слѣдующій четвергъ—сказала я и залилась краской стыда и смущенія.

Милій Алексѣевичъ схватился за внутренній боковой карманъ въ пиджакѣ, вытащилъ оттуда довольно большую и широкую записную черную книжку и, снявъ съ нея резинку, сталъ перелистывать ее.

Черезъ минуту онъ выговорилъ:

— Вы правы-съ. Это я перепуталъ. Ну-съ, до-свиданія, до слѣдующей недѣли.—И, подавъ мнѣ руку, быстро—стремительно онъ вышелъ въ переднюю, надѣлъ шляпу, взялъ „мэкинтошъ“, и... исчезъ.

Когда я вышла въ садъ, на меня, и безъ-того сконфуженную,—накинулись всѣ:—Куда жъ дѣвался Милій Алексѣевичъ? Какъ это ты не удержала его, какъ не пригласила его остаться? Вѣдь это невѣжливо такъ поступать, не говоря уже о томъ, что это нерадушно, негостепріимно, и т. д., и т. д.

Я и сама знала, что я поступила противъ всѣхъ правилъ и приличій, но сказать Милію Алексѣевичу, какъ всякому другому знакомому, т.-е. обыкновенному человѣку:—„останьтесь пожалуйста. Пойдемте въ садъ“,—я была не въ силахъ, не въ состояніи.

Если отпустить его было невѣжливо, то такъ просто, за

„панибрата“ обойтись съ нимъ, было, по моимъ тогдашнимъ понятіямъ, еще хуже. Не то святотатственно, не то до безумія стыдно.

Впрочемъ, разобраться въ моихъ „переживаніяхъ“ тогда я не могла.

Цѣлый день у меня лежалъ гнетъ на сердцѣ, точно я совершила дурной поступокъ, и я счастлива была, когда, позднѣе, меня же стали утѣшать, что это не бѣда, что онъ ушелъ, „Ну, зайдетъ къ какимъ-нибудь знакомымъ, можетъ быть, къ Боткину, если Боткинъ тутъ, посовѣтуется съ нимъ“...

На слѣдующей недѣлѣ, когда Милій Алексѣевичъ пріѣхалъ на урокъ и, поздоровавшись, произнесъ съ улыбкой первымъ дѣломъ:

— Сегодня-съ, кажется, я во-время, сегодня нашъ урокъ?— я только сконфуженной улыбкой отвѣтила ему на улыбку, и рада была, что моя мать, вошедшая на его голосъ въ столовую, гдѣ стоялъ рояль, выразила ему, какъ она и мы всѣ жалѣли, что онъ не остался въ тотъ четвергъ у насъ.

— Неужели вы прямо съ поѣзда на поѣздъ?—спросила моя мать.—Вѣдь это ужасно!

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ!—сказалъ Балакиревъ успокоительно:— я погулялъ-съ, а потомъ зашелъ къ знакомымъ.

— Къ Боткину?—вырвалось у меня.

— Его здѣсь нѣтъ-съ,—переводя на меня строгіе глаза, строго отвѣчалъ Милій Алексѣевичъ и, снова заставивъ меня вспыхнуть до корней волосъ, продолжалъ:—ну-съ, начнемте-съ урокъ.

Впослѣдствіи, кажется, въ концѣ лѣта, я узнала, что знакомыми его въ Гатчинѣ были Павелъ Михайловичъ Ковалевскій и жена его Анна Ѳедоровна, рожденная Кожевникова.

Оба были или казались мнѣ тогда уже пожилыми, „настоящими родителями“ двухъ прехорошенькихъ, изящныхъ дѣвочекъ, одѣтыхъ всегда въ бѣлыя платья съ красными широкими шелковыми sache'ами вокругъ тальи и съ крупными кораллами на шеѣ.

Какъ-то разъ другъ юности моего отца и тоже, какъ отецъ, бывшій харьковскій студентъ, Аполлонъ Михайловичъ Матушинскій, чиновникъ Министерства внутреннихъ дѣлъ и извѣстный художественный критикъ, писавшій критическіе фельетоны въ „Голосѣ“, пріѣхалъ къ намъ на дачу и въ разговорѣ упомянулъ, что онъ былъ у Ковалевскихъ и слышалъ отъ нихъ, что мнѣ и лѣтомъ не даютъ покоя, что ко мнѣ пріѣзжаетъ да-

вать уроки Балакиревъ, и что M-me Ковалевская тоже его ученица.

— Которая? — спросила я, не разслышавъ слово M-me и представляя себѣ ту или другую хорошенькую дѣвочку.

— Какъ которая?—закатился своимъ особеннымъ смѣхомъ смѣшливый Матушинскій. — Развѣ ихъ нѣсколько? — И, переставъ смѣяться, нагибаясь ко мнѣ, онъ комически—тихо, съ удареніями пояснилъ: *Madame* Ковалевская, Анна *Ѳедоровна* его ученица.

Я была поражена.

— Такая старая и беретъ уроки!

— Не беретъ, а бра-ла! — снова смѣясь, продолжалъ комически объяснять мнѣ Аполлонъ Михайловичъ и совершенно серіозно добавилъ:—„впрочемъ, она была уже замужемъ, когда брала уроки. Вы спросите вашего учителя... Она прекрасно играетъ".

Меня покоробило отъ слова „учителя" (точно это былъ простой, обыкновенный Mr. Brasseur!), но я ничего ужъ не сказала.

Впослѣдствіи (черезъ нѣсколько лѣтъ), мы познакомились съ Ковалевскими. Павелъ Михайловичъ былъ, тогда уже въ отставкѣ, нелюдимымъ и мизантропъ. Онъ почти никогда не выходилъ къ знакомымъ и писалъ и печаталъ въ „Вѣстникѣ Европы" свои интереснѣйшія и колкія, „костичныя" воспоминанія.

Анна Ѳедоровна,—сестра друга моего отца и тоже харьковскаго студента—Вас. Ѳед. Кожевникова, бывшаго консуломъ въ Рущукѣ, а потомъ генеральнымъ консуломъ въ Іерусалимѣ,—Анна Ѳедоровна была тогда раздавлена обрушившимся на нее несчастьемъ—смертью старшей изъ двухъ дѣвочекъ—красавицы Шурочки, похожей на нее.

Тутъ, думается мнѣ, небезъинтересно будетъ вкратцѣ разсказать исторію Ковалевскихъ. Неизвѣстно почему въ то время, когда оба Ковалевскіе были молоды и женились,—нѣсколько семействъ были испытаны страшнымъ горемъ: всѣ рождавшіеся въ нихъ дѣти, не достигая года или тотчасъ послѣ него, умирали. Семьи эти были: Мечниковы (друзья моихъ родителей), мои родители, Челищевы и Ковалевскіе. Знакомые и полузнакомые между собой, всѣ они обожали своихъ дѣтей, дѣлали все, чтобы ихъ сохранить, и хоронили, хоронили!..

(У Челищевыхъ усыпальница рядомъ съ нашей, въ Сергіевой пустынѣ, близъ Стрѣльны, и жутко до сихъ поръ читать

на каждой младенческой могилкѣ годы и числа, когда рождались и гасли на землѣ едва посланныя и уже отозванныя души. Четверо моихъ братьевъ и сестеръ покоятся противъ маленькихъ Челищевыхъ подъ однимъ памятникомъ—бѣлой мраморной часовней—съ простой надписью: младенцы Николай, Софія, Екатерина, Надежда Кондрашовы).

Ковалевскіе тоже безъ конца теряли своихъ дѣтей и наконецъ также, какъ и другія семьи (мои родители, Мечниковы, и Челищевы) сберегли жизнь послѣднимъ дѣтямъ—отказавшись отъ выѣздовъ, баловъ, пріёмовъ, словомъ, отъ всей свѣтской суеты и посвятивъ себя исключительно дѣтямъ, уѣхавъ съ ними заграницу, и пр.

У Ковалевскихъ послѣдними дѣтьми были двѣ дѣвочки. Когда онѣ подросли,—для ихъ здоровья, все изъ-за той же „силлурійской формаціи“,—Ковалевскіе купили землю и выстроили большую и прекрасную дачу въ Гатчинѣ.

Въ 1873 г. дача эта была нарядная игрушка, съ маленькимъ паркомъ, цвѣтникомъ и балконами, полными растеній и душистыхъ цвѣтовъ, т.-е. со всей возможной роскошью простоты, развитаго вкуса и комфорта.

Но... но человѣкъ предполагаетъ...

Въ этой же самой, столь хваленой Гатчинѣ, въ концѣ 70-хъ годовъ, когда не было никакой эпидеміи,—старшая дочь Ковалевскихъ, полная цвѣтущаго здоровья и, дѣйствительно, рѣдкой красоты, шестнадцатилѣтняя дѣвочка заразилась въ молокѣ, которое имъ приносила крестьянка на домъ, дифтеритомъ (это узнали ужъ послѣ) и умерла въ полномъ сознаніи, повторяя только одну фразу: „Мамочка, значитъ, такъ Богу угодно... Такъ Богу угодно...“

Смерть ея и эта фраза потрясли тогда многихъ. Павелъ Михайловичъ былъ западникъ и человѣкъ вполнѣ невѣрующій (тогда это было неотдѣлимо). Онъ запрещалъ вѣрующей женѣ даже водить дѣтей въ церковь, даже говорить о Богѣ, и вдругъ эта праведная кончина!..

Балакиревъ тоже зналъ и съ благоговѣніемъ и какой-то тихой вдумчивостью упоминалъ о ней, разсказывая о нравственныхъ страданіяхъ своей бывшей ученицы и задавая всегда вопросъ: „что-то теперь Павелъ Михайловичъ!..“

Когда мы познакомились съ Ковалевскими, Анна Ѳедоровна уже не играла при чужихъ, кажется, играла только для одной выросшей и страстно любившей музыку оставшейся дочери. Но она показала мнѣ мазурку, посвященную ей Балакиревымъ,

и на мои вопросы неохотно и съ едва замѣтной улыбкой отвѣчала о Миліи Алексѣевичѣ. Должно быть, западничество Павла Мих. отразилось на ней, и съ Балакиревымъ они разошлись и не видались.

Лѣтомъ 1898 года, т.-е. четверть вѣка спустя, судьба снова привела меня въ Гатчину. Жили мы тогда въ Императорскомъ дворцѣ, внизу, въ помѣщеніи, отдаваемомъ отъ мин. двора разнымъ лицамъ.

Помѣщеніе это выходило окнами въ паркъ. Издали, сквозь листву, чуть виднѣлись пруды—озёра, откуда доносилось кряканье безчисленнаго множества утокъ, разведенныхъ высочайшими дѣтьми Государя Александра III.

Милій Алексѣевичъ, какъ всегда, и въ это лѣто жившій въ Гатчинѣ же, гдѣ-то на новыхъ мѣстахъ, по близости отъ своего любимаго Пріората, узнавъ, что мы проведемъ лѣто въ его резиденціи, проговорилъ: — и прекрасно-съ!.. Тамъ чудесно-съ.—И я къ вамъ буду часто приходить и... У васъ тамъ будетъ рояль?... Нѣтъ, піанино? И отлично-съ. Я буду на немъ „угощать“ васъ музыкой.

И дѣйствительно, не дождавшись нашего посѣщенія, какъ только мы переѣхали въ Гатчину, онъ зашелъ во дворецъ, вечеромъ гуляя, справиться, тутъ ли мы, и засталъ на съѣзжей полномъ сборѣ.

Онъ попробовалъ піанино, сдѣлалъ съ улыбкой нѣсколько свойственныхъ ему колкихъ замѣчаній насчетъ его тона и давнишней настройки, но все же сыгралъ намъ что-то и ушелъ, настоятельно пожелавъ, чтобы мы не замедлили позвать настройщика.

Затѣмъ, онъ довольно часто сталъ посѣщать насъ, опять таки, какъ и зимой, по вечерамъ, и всегда заканчивалъ вечеръ музыкой, хотя піанино ему не нравилось, и онъ игралъ на немъ немного и какія-нибудь небольшія вещи.

Этимъ же лѣтомъ я, впервые, въ мою жизнь, была у него въ гостяхъ. Мы поѣхали къ нему вдвоемъ, съ другомъ моимъ Ек. Петр. Озеровой, и застали его въ одномъ изъ такъ ненравившихся мнѣ въ дѣтствѣ и юности деревянныхъ, дачныхъ банальныхъ домиковъ.

Онъ только-что кончилъ обѣдать или пить дневной чай,— не знаю. Самоваръ и банка съ вареньемъ стояли еще на столѣ, и онъ, встрѣтивъ насъ привѣтствіемъ: „пожалуйте, пожалуйте, дорогія гостьи“,—сталъ радушно предлагать намъ: „чаю-съ съ вареньемъ...“ говоря про варенье: „это мнѣ одна знакомая

попадья наварила-съ. Прекрасное варенье-съ... Не хотите? Ну, какъ угодно!..“ И онъ началъ просто, нисколько не обидясь, говорить о другомъ, приказавъ своему лакею убирать со стола.

Въ это наше первое посѣщеніе, я увидѣла у него втиснутый, спрятанный въ уголъ, на окнѣ, высокій стаканъ и въ немъ высохшія и полувысохшія, полузавядшія розы.

Онъ замѣтилъ, что я ихъ вижу, что я на нихъ смотрю,— и проговорилъ съ сарказмомъ: „Да-съ, это мнѣ одна дааама поднесла... *Мнѣ*... (онъ сдѣлалъ удареніе и, сложивъ руки на груди, остановился). Цвѣты! (опять саркастическое удареніе и опять остановка).

Я молчала и думала о той, тоже полузавядшей, засохшей бѣлой розѣ, которая выпала у него изъ шапки, изъ кармана пальто, не знаю откуда, когда мнѣ было лѣтъ 18—19, и я разъ, по своему обыкновенію, провожала его послѣ урока до передней. Вспомнила, какъ онъ быстро нагнулся, поднялъ ее и быстро, стремительно, точно смутившись, снялъ на прощанье шапку и вышелъ на лѣстницу.

Вспомнила, какъ мучила меня эта роза, какъ не шла она къ представлявшейся мнѣ духовной личности Милія Алексѣевича...

— Отчего же?..,—сказала теперь Екат. Петр. Озерова.— Конечно, именно вамъ.—Цвѣты, какъ подношеніе!..

— Нѣтъ-съ!...—серьезно отозвался Милій Алексѣевичъ.— Я ненавижу видѣть срѣзанные цвѣты. Вѣдь это видѣть ихъ медленную смерть-съ... Ихъ агонію!.. Ахъ, нѣтъ, это ужасно-съ!..

Онъ сдвинулъ брови и вложилъ столько жалости и состраданія въ свою интонацію, что я невольно внимательно посмотрѣла на него и еще разъ спросила себя: „откуда же была та роза?!.. Какая женская, безтактная, влюбленная душа дала ему ее?..

Въ этотъ разъ, на своемъ роялѣ, онъ сыгралъ намъ нѣсколько музыкальныхъ пьесокъ, какъ онъ ихъ называлъ, которыя онъ сочинялъ въ то время, и послѣ каждой изъ нихъ, поводя своими старческими глазами, смотрѣлъ: какое произвела на насъ впечатлѣніе та или другая вещь.

Возвращаясь отъ него во дворецъ, мы прошли пѣшкомъ, мимо когда-то красивой и изящной дачи Ковалевскихъ. Ее было не узнать: ни маленькаго парка, ни цвѣтника, ни балконовъ, полныхъ растеній и душистыхъ цвѣтовъ, тамъ не было. За выросшими деревьями ютилось что-то старенькое и темненькое, съ крытыми стеклянными, такъ излюбленными въ дач-

ныхъ русскихъ мѣстностяхъ безобразными „верандами“... Въ палисадникѣ копошились маленькія фигурки больныхъ дѣтей съ перевязанными руками, ногами, головами, въ длинныхъ ситцевыхъ платьицахъ или короткихъ ситцевыхъ же штанишкахъ и блузкахъ (смотря по полу...). Отъ дачи вмѣсто благоуханій левкоя, геліотропа, розъ и резеды, несся запахъ іодоформа...

Послѣ смерти дочери, Ковалевскіе принесли дачу въ даръ Обществу хронически больныхъ дѣтей, и они были теперь ея обитателями...

Въ воспоминаніи у меня ярко вспыхнулъ лѣтній солнечный день,—двѣ изящныя дѣвочки, сходящія съ балкона въ бѣлыхъ платьяхъ съ красными шелковыми sache'ами на тальи и нитками крупныхъ коралловъ на шеѣ... Дама съ прекрасными глазами... Бархатные звуки рояля... И слова изъ романса Амбруаза Тома, воскресли у меня въ памяти: „arbres, fleurs et ruisseaux—il ne reste que vous!

Тутъ же не было даже и цвѣтовъ.

Да! Tout passe, seul le souvenir reste...

Наискосокъ отъ дачи Ковалевскихъ, ближе къ Пріорату, высилась дача Боткиныхъ. Теперь ея тоже не существало. Она тоже была отдана, несмотря на почву благословенной силлурійской формаціи, тому же благотворительному обществу, какъ и домъ Павла Мих. и Анны Ѳед., прозывалась „Домомъ Попеченія“, и въ ея стѣнахъ помѣщались такія же, какъ тамъ, несчастныя бѣдностью и болѣзнью туберкулеза дѣти, только выросшія и поздоровѣвшія отъ ухода и лѣченія.

Да!.. Tout passe...

Вдругъ сказка Андерсена промелькнула предо мною. Въ ней разсказано про пастушку-босоножку-нищенку, незаконную потомку когда-то гордыхъ владѣльцевъ замка, у подножія развалинъ котораго дѣвочка горестно пасетъ стада гусей, выростаетъ и такъ и умираетъ нищенкой.

Больно сжалось сердце...

Суета суетъ! *Все* суета!..

IV.

Въ это лѣто я узнала, какъ сердечно привязанъ Милій Алексѣевичъ къ Сергѣю Михаиловичу Ляпунову, какъ безпокоится объ его судьбѣ, о матеріальномъ обезпеченіи. (С. М. Ляпуновъ служилъ тогда еще въ пѣвческой капеллѣ, но, послѣ

ухода Балакирева, вскорѣ послѣ кончины Государя Александра III, положеніе его тамъ стало шаткимъ).

Приходя къ намъ, Милій Алексѣевичъ только и говорилъ о Ляпуновѣ, только, такъ сказать, и жилъ его интересами, его жизнью, не считая другого его интереса—„ка-пэл-лы“, какъ онъ произносилъ слово капелла. Онъ все еще не могъ отвыкнуть отъ заботъ о дорогомъ, врученномъ ему Государемъ Александромъ Александровичемъ дѣтищѣ.

А тамъ, въ этомъ дѣтищѣ, т.-е. въ пѣвческой капеллѣ, происходила, какъ происходитъ всегда при смѣнѣ начальника, ломка всего того, что съ любовью строилъ и созидалъ ушедшій начальникъ, въ данномъ случаѣ Балакиревъ, и какъ слѣдствіе этого—гоненіе на всѣхъ его единомышленниковъ.

Входя въ положеніе пѣвчихъ, теряющихъ свой голосъ, почти тотчасъ по поступленіи, Милій Алексѣевичъ учредилъ инструментальные классы, пройдя которые, пѣвчій никогда ужъ не могъ быть выброшенъ на улицу, какъ негодный къ пѣнію и непріученый ни къ какому другому труду человѣкъ (что такъ часто случалось и случается съ пѣвчими).

Заботясь о физическомъ здоровьи ввѣренныхъ ему Государемъ дѣтей, Балакиревъ отказался отъ половины своего содержанія и отдалъ его на улучшеніе стола учениковъ.

Кромѣ того, заботясь о воспитаніи души и сердца мальчиковъ,—онъ все ученіе повернулъ къ славянофильскому руслу, заставивъ даже еврея—учителя Б. читать исторію Чехіи и Гуса по Гильфердингу.

Все это не нравилось преемнику Балакирева, и все это ревностно принялись выкорчевывать съ корнемъ.

Кромѣ того, Балакиревъ не считалъ, что слово начальникъ должно означать олимпійское, недоступное божество. Вмѣсто начальника онъ былъ отцомъ всѣхъ учащихся, зналъ всѣхъ не только въ лицо, по фамиліи, по семейнымъ обстоятельствамъ, но зналъ по именамъ, и однажды поразилъ Государя этимъ знаніемъ.

Дѣло происходило во время великаго поста. Капелла говѣла. Обыкновенно въ Высочайшемъ присутствіи никто не пріобщается, но Милій Алексѣевичъ какъ-то устроилъ такъ (испросилъ ли разрѣшеніе—не знаю), что, вопреки обычаю, пѣвчіе подошли къ Чашѣ при Государѣ и Императрицѣ. Балакиревъ тоже подошелъ къ священнику, всталъ возлѣ него и громко и отчетливо началъ называть, отъ мала до велика каждаго мальчика, заканчивая слова священника: „пріобщается рабъ Божій...

Іоаннъ или пріобщается рабъ Божій... Петръ, или пріобщается рабъ Божій... Валентинъ и т. д.

Государь выстоялъ всю эту церемонію, послѣ обѣдни подошелъ къ Милію Алексѣевичу и, съ всепокоряющей улыбкой, сказалъ ему:—„я вамъ удивлялся! Какъ это вы можете всѣхъ узнать по именамъ! И ни разу не сбиться"!..

Разсказывая объ этомъ, Милій Алексѣевичъ всегда самъ свѣтился улыбкой.

Послѣ Балакирева—никто ужъ никогда не зналъ всѣхъ Васей и Мишей въ лицо, никто не заботился о нихъ, какъ объ индивидуальностяхъ... И вотъ это равнодушіе сокрушало Милія Алексѣевича, глодало ему сердце.

....Въ то лѣто шелъ процесъ Дрейфуса. У насъ было дома два лагеря—за и противъ Дрейфуса. Я искренно была убѣждена, что онъ, Дрейфусъ, невиновенъ, и искала подтвержденія этому не только во всевозможныхъ русскихъ и иностранныхъ газетахъ, но и въ разговорахъ съ разными людьми. Нѣсколько разъ пробовала заговаривать объ этомъ и съ Миліемъ Алексѣевичемъ, скучая его повторявшимися разсказами и сѣтованіями о „капэллѣ". Но Милій Алексѣевичъ считалъ дѣло Дрейфуса неинтереснымъ, раздутымъ евреями и былъ убѣжденъ, что за Дрейфуса могутъ стоять только тѣ, кто подкупленъ.

Разъ я обидѣлась на него за эти слова и въ пылу негодованія сказала: „значитъ, и я подкуплена. Я получила 10 тысячъ, чтобы спорить съ *вами* и убѣждать *васъ* въ его невиновности".

Балакиревъ замолчалъ, открылъ ротъ, посмотрѣлъ на меня и, помолчавъ, поднявъ руки, выговорилъ...

— Ну, вотъ видите-съ... Въ такомъ случаѣ-съ...—и почувствовавъ, что дошелъ до „геркулесовыхъ столповъ" абсурда, крякнувъ и издавъ свое: гм-гм-гм, замолчалъ.

Съ этого вечера мы никогда ужъ не спорили съ нимъ о Дрейфусѣ, но зато Милій Алексѣевичъ, при случаѣ и безъ случая, во всякое наше свиданіе, язвительно прохаживался на счетъ моей „любви" къ евреямъ.

Онъ инстинктивно боялся ихъ, чувствовалъ ихъ тайную, почти стихійную силу, стоялъ за необходимость черты осѣдлости и все же, всю жизнь такъ или иначе покровительствовалъ имъ. Такъ въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ онъ сильно увлекался идеей апостольства среди нихъ, многихъ изъ нихъ крестилъ, считалъ ихъ искренними въ прозелитизмѣ. Затѣмъ они обманывали его,—оскорбляли его душу, вѣру въ людей

вообще и въ евреевъ въ частности... Милій Алексѣевичъ совѣтовалъ всѣмъ остерегаться евреевъ, но затѣмъ, снова, на жизненномъ пути его, черезъ нѣсколько времени, встрѣчался іудей, фениксъ вѣры въ человѣчество воскресалъ въ сердцѣ Балакирева, и снова повторялось разсказанное.

Такъ уже въ концѣ жизни онъ привезъ одного изъ своихъ путешествій „талантливаго“,—какъ онъ произносилъ,—жидка, который не имѣлъ права жительства въ столицѣ и за котораго Балакиревъ распинался, чтобы доставить ему разрѣшеніе покинуть такъ защищаемую имъ черту осѣдлости.

Зимой 1898—1899 года я впервые посѣтила Балакирева на его городской квартирѣ.

Мнѣ хотѣлось услышать слышанную мной въ концертѣ симфонію Милія Алексѣевича, и „Балладу для оркестра“ Ляпунова, и Балакиревъ пригласилъ меня и моихъ друзей къ себѣ, чтобы съиграть эти и другія вещи на 2-хъ фортепіано. Вторымъ піанистомъ, или партнеромъ его былъ Сергѣй Михайловичъ Ляпуновъ.

Странное чувство испытывала я, подъѣзжая къ дому № 7 по Коломенской улицѣ, гдѣ жилъ уже много лѣтъ Милій Алексѣевичъ, и поднимаясь по безконечно высокой лѣстницѣ въ его скромную квартиру. Молодого стыда, что вотъ я узнаю, какъ онъ живетъ, что я буду у „него“,—уже не было и помина, но было воспоминаніе объ этомъ стыдѣ и анализъ: „что вотъ его нѣтъ, и никогда ужъ не будетъ, потому что ужъ нѣтъ какой-то тайны, потому что все ясно и просто“.

На звонокъ намъ отперъ дверь лакей Миліи Алексѣевича—опоэтизированный имъ „Андріанъ“. (Балакиревъ считалъ его много лѣтъ безкорыстнѣйшимъ и чуть-ли не святымъ человѣкомъ, съ благоговѣніемъ относясь къ памяти его отца,—яличника, когда-то перевозившаго его, Милія Алексѣевича, черезъ Неву. Яличникъ этотъ умеръ и въ наслѣдство Балакиреву оставилъ вдову и двухъ сыновей, о которыхъ до смерти и заботился Милій Алексѣевичъ).

Услышавъ нашъ звонокъ, Балакиревъ и самъ вышелъ въ переднюю и, протягивая обѣ руки, привѣтствовалъ насъ словами: —„пожалуйте, пожалуйте, дорогіе гости“.

Мы сняли шубы, раздѣлись и вошли.

Въ передней и всей квартирѣ было все замѣчательно чисто и пахло „монашенкой“.

Во всѣхъ комнатахъ, высоко въ углахъ виднѣлись у оконъ иконы Богоматери и передъ ними ярко теплились лампады.

Въ залѣ, по серединѣ, висѣла на цѣпочкѣ простая голубая лампа-фонарикъ.

Направо отъ входной двери, стоялъ рояль, и у стѣны, перпендикулярной къ нему, другой рояль. На стѣнахъ висѣли большіе портреты разныхъ композиторовъ, между прочимъ, надъ первымъ роялемъ подъ фототипіей съ картины Семирадскаго: „Шопенъ у кн. Радзивила“ и фотографіей „памятникъ Шопену въ Желѣзовой Велѣ, большой портретъ Гензельта съ автографомъ, не большой Ник. Рубинштейна, Шумана одного и его же съ женой, потомъ Шопена и Ласковскаго. Надъ вторымъ роялемъ, между прочимъ, овальный бронзовый барельефъ, формой похожій на большую медаль,—съ профилемъ Шопена и вокругъ него серебряный лавровый вѣнокъ или вѣтка. По бокамъ барельефа портретъ сестры Глинки—Л. И. Шестаковой; подъ ней портретъ Берліоза. Съ другой стороны фотографія памятника Глинки въ Петербургѣ, подъ нимъ портретъ Листа и ниже портретъ Ляпунова. Налѣво отъ входа, противъ стѣны со вторымъ роялемъ, стоялъ орѣховаго дерева диванчикъ, крытый голубымъ штофомъ, такія же креслица и стулья, подъ ними небольшой бархатный коверъ.—Направо отъ дивана невысокая колонка и на ней бюстъ, кажется, Глинки, а на стѣнѣ вѣтка подъ стекломъ съ могилы Шопена. Налѣво отъ дивана, столъ съ бархатной салфеткой, и на немъ лампа.

Я описываю обстановку квартиры Милія Алексѣевича такъ, какъ она помнится и вспоминается мнѣ. Съ трудомъ всплываютъ детали, такъ ничто не поражало, ничто не останавливало вниманія, не развлекало, не говорило вкусу и не возмущало его. Все было бѣдно и просто.

... Начался концертъ, и полились изъ-подъ пальцевъ великаго русскаго композитора и піаниста дивные звуки, и звуки эти, да ликъ Богоматери и ярко-горѣвшая передъ нимъ лампада, казалось, были единственнымъ богатствомъ его жилища...

Послѣ концерта, хозяинъ пригласилъ всѣхъ въ столовую, направо (отъ передней), смежную съ залой.

Налѣво отъ передней, по другую сторону залы, былъ кабинетъ-библіотека Милія Алексѣевича и тамъ же, за перегородкой или шкапами, служившими перегородкой, его спальня.

Въ столовой, съ традиціонными желтенькими, т. е. изображающими ясневое дерево обоями—былъ накрытъ столъ, ярко горѣла спускная лампа, и стояли на столѣ тарелки и блюда съ икрой, балыкомъ, семгой, сливочнымъ масломъ, сладкимъ,

большимъ орѣховымъ пирогомъ, фруктами, всевозможными вареньями и пр.

Все предлагаемое было перваго сорта. Икра рѣдкая. И сколько разъ мы ни бывали у Милія Алексѣевича— хлѣбосольство и радушіе, и желаніе угостить каждаго по его вкусу— всегда были у него замѣчательныя, настоящія барскія. Онъ присматривался, кто что любитъ, и, зовя къ себѣ, старался угостить этимъ любимымъ, радуясь, когда видѣлъ, что старанія его не пропали даромъ и, по-русски, угощая и угощая гостей.

— Вы попробуйте этого пирога, — говорилъ онъ,—когда икрѣ и всему прочему оказано было должное вниманіе.— Андріанъ, чаю!..

(И Андріанъ, блондинъ, на короткихъ ножкахъ, въ длинномъ сюртукѣ, съ бѣлымъ тоненькимъ галстукомъ на шеѣ вносилъ изъ внутреннихъ „покоевъ“ на подносѣ стаканы съ чаемъ).

— Нѣтъ-съ, позвольте вамъ положить пирога. Вы попробуйте-съ.

— Это отъ Дэгурмэ?—спрашивалъ кто-нибудь.—Или отъ Баллэ. Прекрасный пирогъ.

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ!—отвѣчалъ Милій Алексѣевичъ и продолжалъ надѣлять пирогомъ другихъ.

— Отъ кого же? Дѣйствительно удивительно хорошій пирогъ!—замѣчалъ еще кто-нибудь.

Лицо Балакирева свѣтилось отъ удовольствія.

— Это я вамъ скажу-съ. Это здѣсь на Владимірской.

— Отъ Вебера?—вставлялъ кто-нибудь.

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣ-ѣтъ!—опять говорилъ Балакиревъ.

— У Вебера вы такого пирога не найдете-съ. Это... и онъ называлъ фамилію владѣльца небольшой и неизвѣстной кондитерской.—Это только тамъ такіе пироги. Я ее случайно нашелъ. Знаете-съ, тѣмъ замѣчательная-съ чистота-съ. Я разъ даже спросилъ: „отчего у васъ такая чистота?“ И тамъ дочери— продавщицы отвѣчали: у насъ папа нѣмецъ. Н-да-да!! . . . .

. . . . . .

На стѣнахъ столовой висѣли маленькія картинки фотографіи и литографіи въ узенькихъ черныхъ и желтенькихъ рамочкахъ. Это были виды какихъ-то городовъ и монастырей, но опять-таки не было ничего запечатлѣвающагося въ памяти, по крайней мѣрѣ, для меня.

Въ это первое наше посѣщеніе, я не входила въ кабинетъ Милія Алексѣевича. Онъ не былъ даже освѣщенъ. Но въ одинъ изъ слѣдующихъ разовъ, кажется, по поводу какого-то разговора о какой-то книгѣ, которую Балакиревъ пошелъ доставать въ своей библіотикѣ, я вошла, по его приглашенію, въ кабинетъ и увидѣла на его письменномъ столѣ чьи-то дагеротипные портреты.

На мой вопросъ: чьи они?—онъ отвѣтилъ, что его родственниковъ и матери.

Я спросила, разглядывая отсвѣчивавшіе, какъ всегда, дагеротипы:—„А какъ рожденная ваша матушка?“ —И получила краткій, точно неохотный отвѣтъ:

— Яшерова—(удареніе на первой буквѣ, т. е. на Я).

До этого времени, мнѣ какъ-то въ голову никогда не приходило узнавать объ его происхожденіи, но тутъ, съ запинкой, я спросила:

— Милій Алексѣевичъ, а Балакиревъ... знаменитый шутъ... бывшій при Аннѣ Іоановнѣ... который вмѣстѣ съ другими князьями... (я назвала фамиліи) долженъ былъ потѣшать Императрицу... онъ былъ вамъ родственникомъ, т. е. происходилъ изъ того же рода?

— Не знаю-съ!—просто отвѣчалъ Милій Алексѣевичъ, видя, что я стараюсь смягчить мой вопросъ и отнюдь не имѣю въ виду оскорбить его, Балакирева.—Объ этомъ не сохранилось свѣдѣній... Но, должно быть, изъ того же рода. Другихъ Балакиревыхъ, дворянъ,—нѣтъ-съ.

И Милій Алексѣевичъ перемѣнилъ разговоръ.

Гораздо позднѣе, уже послѣ его смерти, на одной изъ панихидъ по немъ, я узнала отъ его сестры, Анны Алексѣевны, по мужу Гусевой, пріѣхавшей на его похороны изъ Нижняго, что родъ ихъ древній, что у Милія Алексѣевича въ бумагахъ есть родословная, въ которой сказано, что предокъ ихъ Балакиревъ сражался на Куликовомъ полѣ, противъ татаръ, рядомъ съ Дмитріемъ Донскимъ, что онъ былъ на бѣломъ конѣ, а слуга его, или оруженосецъ, на гнѣдомъ конѣ.

Но Балакиревъ никогда, ни словомъ не обмолвился мнѣ или при мнѣ о знатности или древности своего рода.

Онъ считалъ, что не это важно въ жизни, и всегда прохаживался даже насчетъ того, что женщины ставятъ на визитныхъ карточкахъ „рожденная“. „Точно могутъ быть не рожденныя!—Да-да“! острилъ онъ, не зная остраго, злого анекдотическаго отвѣта свѣтской старухи: elle n'est pas née dutout. Замол-

чалъ онъ объ этомъ вопросѣ только тогда, когда я, какъ-то разъ, тихо сказала:

— Милій Алексѣевичъ, и я тоже ставлю.

Въ первое наше посѣщеніе я была удивлена, что ни въ залѣ, ни въ столовой, нигдѣ не было серебряныхъ вѣнковъ, которые подносили Балакиреву. Не было и руки Листа... Не было даже лентъ отъ лавровыхъ вѣнковъ и полотенецъ и пр. вышитыхъ вещей, которыя я видѣла на концертахъ въ изобиліи дарили Милію Алексѣевичу.

Гдѣ они всѣ были,—я такъ при жизни его и не узнала, но разъ, придя ко мнѣ вечеромъ, онъ больно кольнулъ меня въ самое сердце и... несмотря на внутреннюю борьбу съ собой, я долго не могла простить ему этого разговора.

Не помню, по какому поводу произошелъ этотъ разговоръ или вѣрнѣе его разсказъ, но помню, какъ Милій Алексѣевичъ, за чайнымъ столомъ, со свойственными ему язвительными интонаціями, насмѣшливо блестя глазами, разсказалъ, какъ онъ на новоселье, при переѣздѣ на Коломенскую улицу, получилъ отъ моей матери хлѣбъ-соль съ солонкой и „то-о-о-оненькимъ“, саркастически протянулъ онъ, глядя мнѣ въ глаза:— н-да-да... то-о-оненькимъ серебрянымъ блюдомъ...

(Онъ поднялъ руку и, пальцами показавъ, какой „тонины“ было блюдо, добавилъ):

— Оно у меня и до сихъ поръ цѣло-съ. Н-да-да!..

Я ужасно смутилась.

Воспоминаніе объ этомъ блюдѣ и вообще хлѣбъ-соли Балакиреву—ярко всплыло передо мною. Въ то время отецъ мой уже ревновалъ меня къ вліянію Милія Алексѣевича.

Когда онъ переѣхалъ изъ дома Бенардаки (Невскій 64) на Коломенскую 7,—мнѣ ужасно хотѣлось оказать ему какое-нибудь вниманіе, подарить ему что-нибудь „на счастье“—(я знала, что матеріальныя обстоятельства его очень не блестящи), но сказать, даже матери моей, не смѣла, боялась: мнѣ было „стыдно“.

Велико же было мое удовольствіе, когда разъ, за утреннимъ чаемъ, у моихъ родителей зашелъ по этому поводу самостоятельный разговоръ. Отецъ былъ противъ всякаго подарка, но хотѣлъ послать самую простую хлѣбъ-соль—т. е. ржаной хлѣбъ съ вырѣзаннымъ на верху четырехугольникомъ и съ насыпанной въ немъ солью.

— Могу тебя увѣрить,—говорилъ отецъ моей матери,— что это будетъ ему самое пріятное подношеніе.

Моя мать не соглашалась и находила напротивъ, что ему нужно послать что-нибудь цѣнное.

– Ну, и будетъ, какъ съ шубой,—замѣтилъ отецъ.

— Такъ вѣдь это только будетъ солонка,—стояла на своемъ моя мать.—Солонка, какъ дарятъ на новоселье всѣмъ.

— Очень нужна такому человѣку, какъ Балакиревъ, у котораго хорошаго стула нѣтъ, золотая или даже серебряная солонка,—сказалъ отецъ.

— Въ крайности, онъ можетъ ее заложить,—не сдавалась мать. А то ничего ему не послать,—какъ-то страшно невнимательно, а послать, какъ ты говоришь, ржаной хлѣбъ... Нѣтъ!.. Ну-у-у,—просто невозможно... А тебѣ какъ кажется?—обратилась подъ конецъ моя мать ко мнѣ.

Я сильно покраснѣла и отъ внутренняго чувства и отъ того, что глаза отца были устремлены на меня, и отвѣтила, что нахожу, какъ мама и т. д.

Отецъ всталъ и, со словами:—„ну, дѣлайте, какъ хотите“...—недовольный вышелъ изъ столовой,

Позднѣе у моихъ родителей снова въ этотъ день произошелъ разговоръ по тому же поводу, и моя мать, во всемъ несерьезномъ—всегда уступавшая отцу, и тутъ рѣшила, что надо сдѣлать такъ, какъ онъ желаетъ. Но съ той минуты мы обѣ, я, чувствуя горечь обиды, стали соображать, что бы можно было послать Милію Алексѣевичу недорогое.

И вдругъ моя мать пришла ко мнѣ, чтобы утѣшить меня, и съ улыбкой сказала, что нашла что-то.

Мы сами тогда недавно, кажется, за годъ или два, переѣхали на Владимірскую 1—3 и между многими хлѣбъ-солями получили отъ человѣка, обязаннаго отцу (В. П. Ч.), шоколадный пирогъ, ввидѣ хлѣба, на серебряномъ блюдѣ съ прехорошенькой солонкой. Эту-то солонку и блюдо мы и рѣшили послать Балакиреву и когда разсказали объ этомъ отцу,—онъ разсмѣялся и сказалъ:—„покажите-ка, какое блюдо?.. Ну, его еще можно, только и то, пожалуй, обидится“.

Блюдо, солонка и хлѣбъ-соль были посланы Балакиреву—съ карточкой моей матери,—были посланы и канули, такъ сказать, въ вѣчности.

Милій Алексѣевичъ никогда не поблагодарилъ за нихъ, никогда не произнесъ о нихъ ни слова,—и мы съ матерью сначала сомнѣвались даже: получилъ ли онъ ихъ, а потомъ сконфуженно рѣшили, что да, вѣрно отецъ былъ правъ, что Балакиревъ обидѣлся... Что ничего цѣннаго ему не надо...

Отецъ же не удержался и, торжествуя, шутливо попрекнулъ насъ:—у а что я говорилъ?.. Вы всегда хотите лучше знать!..

И вдругъ, черезъ четверть вѣка, Милій Алексѣевичъ, саркастически, очевидно осуждая, упомянулъ объ этомъ блюдѣ.

Какая-то новая, неизвѣстная мнѣ черта открылась для меня въ его характерѣ. Оказывался правымъ не отецъ, а моя мать, которую черезъ 25 лѣтъ Балакиревъ упрекалъ въ „скупости“ и которая въ концѣ 70-хъ годовъ хотѣла послать ему цѣнную вещь!

Опять таки впослѣдствіи, послѣ смерти Милія Алексѣевича, я поняла, что ошиблась, что невѣрно судила о немъ, какъ онъ невѣрно судилъ и моихъ родителяхъ, т. е. поняла причину того, что онъ вспомнилъ о сохранившемся у него блюдѣ. Причиной этому было слѣдующее.

Всѣ цѣнныя подношенія, всѣ серебряные вѣнки, несмотря на ихъ стоимость, а иногда и тонкую, художественную работу (на листьяхъ бывали эмалевыя надписи съ заглавіями его сочиненій) Милій Алексѣевичъ, на слѣдующій же день, по полученіи, относилъ обратно въ серебряные магазины, гдѣ они были заказаны, и получалъ за нихъ деньги. Деньги же эти отдавалъ бѣднымъ, которымъ во множествѣ помогалъ и помѣсячно, и годами, и единовременно.

Очевидно, онъ и съ блюдомъ хотѣлъ поступить также, но „то-о-оненькое“ блюдо на это не пригодилось!!

Съ начала 1899 года наши посѣщенія Балакирева участились и участились его приглашенія. Такъ 24-го февраля онъ пишетъ мнѣ;

„Очень прошу васъ и дорогихъ друзей вашихъ, Екатерину Петровну и Давида Александровича, доставить мнѣ радость видѣть васъ у себя завтра вечеромъ.

Буду ожидать васъ съ 8 часовъ“.

Кому-то изъ насъ назначенный имъ день былъ неудобенъ, о чемъ я и сообщила ему, и онъ въ два дня написалъ мнѣ три раза.

Сначала въ тотъ же день сѣтованіе, что мы не можемъ его посѣтить:

„Къ сожалѣнію на этой недѣлѣ у меня кромѣ четверга всѣ вечера разобраны. Можетъ быть, освободится суббота или воскресенье, о чемъ я буду знать завтра утромъ и не замедлю тогда предложить вамъ другой день въ замѣнъ четверга.

„Что же касается до Ел. А. О., то конечно я буду весьма радъ ее видѣть у себя, равно какъ и всѣхъ тѣхъ, кого вы съ собой привѣзете. (Орѳографія автора письма)".

На слѣдующій день я получила третье письмо:

„Къ моей радости въ субботу вечеромъ я оказываюсь свободнымъ, и потому буду васъ съ вашими дорогими друзьями въ этотъ вечеръ ожидать къ себѣ 8½ часовъ".

Такихъ и подобныхъ писемъ за всѣ года у меня сохранилось много, и я позволю себѣ, въ свое время, привести нѣкоторыя изъ нихъ, освѣщающія съ той или иной стороны Балакирева.

Обыкновенно на этихъ домашнихъ концертахъ, кромѣ друга Балакирева Ляпунова, присутствовали только мы, т.-е. я, Е. П. и Д. А. Озеровы и тѣ, кого мы приглашали. Разъ, впрочемъ, какъ-то былъ приглашенъ самимъ Милій Алексѣевичемъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Не знаю, любилъ ли онъ и понималъ ли онъ музыку Балакирева.

Помню только, что послѣ музыки, за чаемъ, онъ говорилъ о литературѣ и восхищался повѣстью Леонтьева: „Путешествіе грека Одиссея Полихроандеса".

Исключая меня, никто изъ присутствовавшихъ, какъ и Балакиревъ, не читали этого произведенія, а я хоть и читала въ молодости, когда оно выходило въ „Русскомъ Вѣстникѣ", не понимала тогда его политическихъ аллегорій и политическаго значенія и, по правдѣ сказать, находила, что оно написано тяжело, тягуче и крайне скучно.

Высказавъ это теперь Кутузову, я кажется навѣки „потеряла" въ его глазахъ.

Не помню, въ этотъ ли годъ или позднѣе съ нами и Миліемъ Алексѣевичемъ на одномъ изъ его вечеровъ случился также смѣшной и досадной „казусъ".

Въ день его концерта, тотчасъ послѣ нашего обѣда, неожиданно пришла къ намъ бѣднѣйшая молоденькая дѣвушка, съ дѣтства страстно любившая музыку. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывала про нее ея учительница музыки, съ которой мы познакомились на дачѣ, и которая, изъ состраданія къ тяжелому матеріальному положенію дѣвушки, пригласила ее къ себѣ на лѣто.

Мои дочери всѣ были значительно моложе ея, должны были готовить уроки, рано ложиться спать и потому не могли просидѣть съ гостьей. И вотъ я, поддаваясь уговорамъ моихъ друзей,

рѣшила взять съ собой къ Балакиреву молоденькую, крошечнаго роста барышню, думая доставить ей этимъ громадное наслажденіе, а Милію Алексѣевичу не помѣшать, имѣя его разрѣшеніе привозить, кого я пожелаю.

Всѣ мы спокойно сѣли въ карету и поѣхали съ О. Ш. на Коломенскую.

Но Балакиревъ обыкновенно крайне радушно, любезно встрѣчавшій всѣхъ своихъ гостей, съ неудовольствіемъ или вѣрнѣе недоумѣніемъ въ суровыхъ глазахъ посмотрѣлъ на крошку-барышню, какъ только мы вошли къ нему.

Пришлось объяснять ему, кто она.

Милій Алексѣевичъ вообще не былъ физіонистомъ. Онъ страшно ошибался въ людяхъ, достойныхъ считалъ недостойными и наоборотъ, но тутъ, должно быть, музыкальное чутье помогло ему, подсказало ему вѣрную оцѣнку.

На всѣ объясненія онъ только произносилъ свои:—„гм-гм-гмъ!.. Такъ любитъ музыку-съ!... гм-гм!...“ И, вдругъ, круто прервалъ разговоръ и перевелъ его на что-то другое.

Черезъ нѣкоторое время начался концертъ, и съ первыхъ же звуковъ барышня поблѣднѣла, загасла, стала закрывать и открывать глаза и вообще такъ явно начала высказывать признаки какого-то страннаго состоянія, недомоганія, что-ли, что испортила намъ весь вечеръ.

Мы, между пьесами, подходили къ ней (что сильно раздражало Балакирева), спрашивали ее: что съ ней? хотѣли отправить ее домой, или дать ей какое-нибудь противо-нервное лѣкарство...

На все барышня отвѣчала, что ей ничего не надо, что она здорова, и вяла, вяла...

Балакиревъ изрѣдка нетерпѣливо поглядывалъ на нее. Она же видимо нисколько не интересовалась тѣмъ, что онъ, и что и какъ онъ игралъ, и ожила только послѣ концерта, съѣвъ первую сардинку за ужиномъ.

Голодна ли она была?..—Богъ ее знаетъ!.. (Мы послѣ разсказали Милію Алексѣевичу объ ея стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, и долго потомъ Балакиревъ не давалъ мнѣ покоя, всякій концертъ спрашивая: не привезу ли я опять на его вечеръ „голодную консерваторку“? Н-да! Да!)

...Осень 1899 года, вернувшись изъ Гапсаля, мы снова провели въ Гатчинѣ и снова часто видались съ Балакиревымъ. Дѣло Дрейфуса было кончено и всѣми болѣе или менѣе забыто, но другое дѣло, менѣе громкое, хотя тоже общественное, занимало круги, знавшіе о немъ.

Дѣло это касалось русскаго провинціальнаго священника о. Алексѣя Зерчанинова, перешедшаго въ католицизмъ и заточеннаго вслѣдствіе сего въ Суздальскій монастырь или такъ называемую Суздальскую крѣпость.

Зерчанинову удалось оттуда написать письмо, ходившее между знакомыми по рукамъ, полное ужасающихъ подробностей о казематѣ, гдѣ его поселили, и о способахъ воздѣйствія на него со стороны начальства.

Балакиревъ былъ православнымъ по убѣжденію, энциклопедическому знанію, т.-е. чтенію по этому предмету, и по логическимъ выводамъ. Но, одновременно съ этимъ, онъ былъ и великодушнѣйшій, и благороднѣйшій человѣкъ.

Въ концѣ 70-хъ годовъ, утверждая меня въ нашей грекорусской православной вѣрѣ, онъ разсказывалъ мнѣ объ Алексѣѣ Степановичѣ Хомяковѣ и объ его вѣротерпимости и передавалъ лично ему извѣстный фактъ о томъ, что Хомяковъ не позволялъ несовершеннолѣтнему своему мальчику слугѣ-магометанину креститься, т.-е. принять православіе. Только въ отсутствіи Ал. Ст. жена или близкіе Хомякова,—не помню кто, способствовали крещенію мальчика и, думая сдѣлать пріятное Хомякову, встрѣтили его, по возвращеніи домой, этой новостью.

Но Хомяковъ пришелъ въ отчаяніе.

— Зачѣмъ было крестить несовершеннолѣтняго!.. Вѣдь онъ могъ сдѣлаться только номинально христіаниномъ!.. Надо было ждать его совершеннолѣтія для совершенія надъ нимъ таинства крещенія *Духомъ* не только *водою*.

— Такъ вотъ видите-съ, каковъ былъ Хомяковъ!..—говорилъ мнѣ тогда Балакиревъ, и глаза его сверкали воодушевленіемъ, и онъ искалъ пониманія въ моихъ глазахъ.

Теперь, узнавъ о Зерчаниновѣ, онъ пришелъ въ негодованіе.

— Ахъ, Бо-о-же мой! проговорилъ онъ и сталъ страшно интересоваться: дѣлаютъ ли что-нибудь для освобожденія Зерчанинова? Заходилъ къ намъ каждую недѣлю, чтобы имѣть о

немъ извѣстія, настаивалъ, что надо сдѣлать то-то и то-то, и написалъ мнѣ даже письмо по этому поводу.

Письмо это такъ замѣчательно по ширинѣ душевнаго горизонта Милія Алексѣевича, что я привожу его почти цѣликомъ, опуская лишь слишкомъ интимный и неинтересный потому для дѣла конецъ.

5-го августа 1899 г.

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

„Я не перестаю думать объ извѣстномъ вамъ дѣлѣ, и все болѣе и болѣе укрѣпляюсь въ мысли, что газетная статья принесла бы громадную пользу, будучи напечатанной въ „С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ“, благодаря чему, объ этомъ возмутительномъ фактѣ узналъ бы Государь, читающій эту газету“.

Добрѣйшая * * * также нашла бы въ этой статейкѣ надежное подспорье для своихъ добрыхъ стараній въ пользу несчастнаго. Примѣромъ для руководства въ этомъ дѣлѣ можетъ служить извѣстный фактъ, что по опубликованіи гр. Толстымъ объ отобраніи дѣтей у духоборцевъ въ „С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ“, это варварство тотчасъ же было прекращено, такъ какъ оно сдѣлалось черезъ это извѣстнымъ Государю, и нашъ Торквемада въ оправданіе свое сказалъ, что все это дѣлалось *по недоразумѣнію* (!!!??)

Можетъ быть, такіе же результаты послѣдовали бы и по опубликованіи интересующаго насъ дѣла, статейку о коемъ я бы началъ такъ: Недавно мы приходили въ ужасъ, читая о фанатическомъ изувѣрствѣ ксендза Бѣлянкевича, уже осужденнаго, а теперь приходится ужасаться изувѣрствамъ съ противоположной стороны, и тутъ бы разсказать объ несчастномъ священникѣ съ цитатой изъ письма, описывающаго его ужасное положеніе въ Суздальскомъ застѣнкѣ.

О... можно совсѣмъ не упоминать, относя всю нравственную отвѣтственность за это дѣло къ Суноду.

Въ противовѣсъ къ дѣйствіямъ духовнаго вѣдомства, необходимо упомянуть о покойной княгинѣ Волконской, которую никто не покушался сажать въ застѣнокъ, и на похоронахъ которой въ костелѣ была Царская фамилія.—Такое упоминаніе необходимо, чтобы показать, что въ высшихъ сферахъ смотрятъ на подобные факты съ должной терпимостью, которая (слѣдовательно) идетъ отъ самого Государя.

А потому согласоваться съ этими воззрѣніями и для духовнаго вѣдомства обязательно. — Съ другой стороны, и Волконскіе не будутъ въ претензіи за упоминаніе покойной Елизаветы Григорьевны, такъ какъ, благодаря этому, можетъ устроиться доброе христіанское дѣло. Къ тому же фактъ ея перехода засвидѣтельствованъ ея собственной семьей..."

...Зерчаниновъ, къ счастью, вскорѣ былъ освобожденъ.

Княгиня **М. В. Волконская.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ столѣтію Императорской Публичной Библіотеки.

2-го января 1914 года исполняется столѣтній юбилей Императорской публичной библіотеки. Исторія ея возникновенія и развитія далеко не похожа на исторію большинства правительственныхъ мѣстъ: исключительное служеніе книгѣ накладываетъ своеобразный отпечатокъ не только на душевный складъ человѣка, но и на общій характеръ и жизнь всего учрежденія, а неоцѣнимыя сокровища, которыя собираетъ и хранитъ библіотека, дѣлаетъ могущественнымъ ея вліяніе на культурную жизнь всего человѣчества и, прежде всего, Россіи.

Ближайшимъ поводомъ основанія Библіотеки было то, что послѣ взятія Варшавы Суворовымъ въ 1794 г., была объявлена собственностью русскаго правительства и отправлена въ Петербургъ обширная библіотека, основанная Іосифомъ Залусскимъ (1702—1774). Послѣдній былъ страстнымъ любителемъ книгъ и истратилъ на нихъ большую часть своего огромнаго состоянія.

Эта библіотека, въ количествѣ 152.403 томовъ, была временно сложена въ павильонѣ Аничкова дворца, пока не было выстроено для нея особое зданіе, которое составляетъ часть теперешняго, выходящаго на Садовую, Невскій и на площадь Александринскаго театра. Остальное было пристроено впослѣдствіи. Въ 1800 г. гр. А. С. Строгановъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ Императорскихъ библіотекъ. Помощникомъ его былъ сдѣланъ А. Н. Оленинъ.

Трудами этихъ высокопросвѣщенныхъ лицъ библіотека была приведена въ порядокъ и были указаны пути, по которымъ въ теченіе XIX вѣка неуклонно шла общая работа въ библіо-

текѣ. По библіографической системѣ, составленной Олениным, книги должны были быть распредѣлены по отдѣламъ. Однако вполнѣ строго это не было проведено, такъ какъ отчасти былъ принятъ во вниманіе языкъ, на которомъ книги были написаны. Въ 1810 г. были установлены штаты библіотеки, а въ 1812 г. утверждено „Начертаніе подробныхъ правилъ", составленное Олениным для руководства чиновниковъ и для достиженія единообразія въ ихъ работѣ. Въ 1811 г. умеръ гр. Строгановъ и его замѣстителемъ сдѣлался Олининъ. Должность главнаго директора была упразднена, и библіотека подчинена Министру Народнаго Просвѣщенія. Къ этому времени работа настолько подвинулась впередъ, что, хотя каталоговъ и не было составлено, Олининъ считалъ возможнымъ открыть библіотеку для публики, такъ какъ размѣщеніе книгъ по отдѣленіямъ въ алфавитномъ порядкѣ фамилій авторовъ позволяло библіотекарю, знакомому нѣсколько со своимъ отдѣленіемъ, находить требуемую книгу. 2 января 1812 г. состоялось посѣщеніе библіотеки Императоромъ Александромъ I. Это событіе увѣковѣчено на картинѣ, украшающей теперь кабинетъ директора. Однако открытіе библіотеки было задержано необходимостью ревизіи депо манускриптовъ. Главныя драгоцѣнности этого отдѣленія были пріобрѣтены въ 1805 г. у нѣкоего Дубровскаго, который служилъ въ русскомъ посольствѣ въ Парижѣ и, въ смутные дни французской революціи, пріобрѣлъ разными способами до 400 замѣчательныхъ рукописей и до 8.000 автографовъ знаменитыхъ людей Франціи, между прочимъ, молитвенники Маріи Стюартъ съ ея замѣтками на поляхъ, молитвенникъ Анны Ярославны, жены Генриха I французскаго, письма Генриха IV и Людовика XIV и т. д. По всеподданнѣйшему докладу гр. Строганова, коллекція эта была куплена у Дубровскаго на слѣдующихъ условіяхъ. Онъ получилъ единовременно 15 т. р., пожизненную пенсію изъ средствъ кабинета Его Величества въ 3 т. р. въ годъ, чинъ надворнаго совѣтника и орденъ св. Анны 2 ст., а въ 1807 г. чинъ коллежскаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 4 ст. Кромѣ того, онъ былъ назначенъ хранителемъ депо манускриптовъ съ жалованьемъ 1200 р. въ годъ и казенной квартирой въ томъ же зданіи. Первоначально онъ былъ подчиненъ непосредственно главному директору. Когда эта должность была упразднена, Дубровскій, благодаря неопредѣленности своего положенія, оказался внѣ всякаго надзора. Между тѣмъ онъ, повидимому, все еще не привыкъ смотрѣть на свою коллекцію, какъ на достояніе библіотеки, а не на свою собственность. Когда

на этой почвѣ начали возникать недоразумѣнія между нимъ и Олениным, Дубровскій, воспользовавшись тѣмъ, что опись его коллекціи была далеко неполна, хотѣлъ удержать за собой нѣкоторыя рѣдкости. Онъ, однако, согласился оставить свою должность и отказался отъ всякихъ претензій, при этомъ онъ получилъ еще 5 т. р. единовременно, лишнюю тысячу рублей къ прежде назначенной пенсіи въ 3 т. р., чинъ статскаго совѣтника Дубровскій, однако, не долго пользовался этими выгодами: онъ умеръ 9-го января 1816 года. Всѣ рукописи были тщательно провѣрены, листы важнѣйшихъ сочиненій перенумерованы и составлена полная опись.

Послѣ ревизіи депо манускриптовъ открытію библіотеки помѣшала отечественная война 1812 г. Когда Наполеонъ достигъ Москвы, возникло опасеніе за участь драгоцѣннаго собранія библіотеки. Былъ снаряженъ спеціальный бригъ, и 25-го сентября, подъ надзоромъ помощника библіотекаря Сопикова, 150 тысячъ томовъ рукописей и лучшихъ книгъ были отправлены на немъ водою на сѣверъ. 5 октября судно вышло въ Ладожское озеро и, несмотря на бурю, направилось по устью р. Свири. 19-го начались морозы и дальнѣйшее плаваніе стало невозможно. Пришлось зимовать у дер. Устланки, въ 30 вер. отъ Лодейнаго Поля. Ящиковъ съ книгами не выгружали. На бригѣ была оставлена военная команда. Въ ноябрѣ, когда Наполеонъ сталъ неопасенъ, Олениинъ рѣшилъ перевезти книги обратно и 19-го декабря онѣ были доставлены въ Петербургъ на 108 подводахъ. Эта экспедиція обошлась въ 5.640 р.

2-го января 1814 г. состоялось, наконецъ, торжественное открытіе библіотеки въ присутствіи многихъ приглашенныхъ. Послѣ вступительнаго слова Оленина говорили рѣчи библіотекари Красовскій и Гнѣдичъ, а Крыловъ прочелъ свою басню „Водолазы“.

Въ концѣ декабря 1815 г. Олениинъ просилъ министра народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицына позволить осмотрѣть библіотеку іезуитской коллегіи въ Петербургѣ, такъ какъ онъ предполагалъ, что въ ней имѣются книги, принадлежавшія собранію Залусскаго, которыя можно было узнать по особымъ примѣтамъ. По этому поводу Государь выразилъ мнѣніе, что библіотека должна располагать исправными каталогами, по которымъ можно было бы провѣрять недочеты. Эти слова Государя побудили министра настаивать на составленіи такихъ каталоговъ. Послѣ нѣкоторой переписки, въ которой Олениинъ высказывалъ, что каталоги должны быть предназначены

не для пользованія публики, а для руководства библіотекарей, а кн. Голицынъ съ этимъ взглядомъ не соглашался, Оленинъ въ 1818 г. собралъ чиновниковъ библіотеки для обмѣна мнѣній, а затѣмъ разослалъ всѣмъ опросные листы съ требованіемъ отвѣтовъ на главные вопросы о способахъ осуществленія каталогизаціи. Наиболѣе здраво и просто эти отвѣты были формулированы у Крылова; повидимому, ихъ Оленинъ и положилъ въ основу работы.

Въ 1819 г. были изданы окончательныя правила каталогизаціи, къ концу того же года было составлено 12 томовъ систематическаго каталога, а черезъ годъ еще 11 томовъ. Такимъ образомъ библіотека Залусскаго была приведена въ порядокъ. На очереди стояло дѣло разбора и описанія рукописей и книгъ, поступившихъ впослѣдствіи. Число послѣднихъ къ тридцатымъ годамъ не уступало библіотекѣ Залусскихъ. Дѣйствительно, благодаря щедрой поддержкѣ Государя, библіотека быстро обогащалась. Въ 1817 г. была пріобрѣтена драгоцѣнная коллекція Фролова, въ которой было вдвое больше славянскихъ и русскихъ рукописей, чѣмъ имѣлось въ библіотекѣ, и много древнѣйшихъ книгъ московской печати XVI—XVII в. Въ 1820 г. по Высочайшему повелѣнію были куплены для библіотеки книги Вязмитинова за 30.000 р. Въ 1828 г. передано въ библіотеку 2.802 тома изъ собранія ген.-м. Лобанова-Ростовскаго. Въ томъ же году при взятіи Ардебиля было захвачено и передано въ библіотеку 166 рукописей на персидскомъ, арабскомъ и турецкомъ языкахъ, изъ Ахалцыха 300 книгъ и рукописей и 45 книгъ, такъ называемой Баязетской библіотеки. Все это были трофеи войны съ Турціей.

Въ 1830 г. куплены за 150.000 р. у сенатора гр. Ѳ. А. Толстого его собраніе „словенороссійскихъ рукописей“ XI—XVIII в. и старопечатныхъ книгъ XV—XVIII в., всего 1.300 томовъ. Въ томъ же году въ библіотеку поступило собраніе корановъ XVII—XIX в., числомъ 66, весьма художественно исполненныхъ и коллекція классиковъ Тейбнера. Послѣ польскаго возстанія 1830 г. поступило много книгъ изъ конфискованныхъ библіотекъ: Полоцкой іезуитской, Варшавской публичной, и общества любителей науки и словесности, кн. Сапѣги, гр. Ржевускаго, кн. Чарторыйской и т. д. Особенно драгоцѣнное пріобрѣтеніе получила Библіотека, когда была куплена по Высочайшему повелѣнію коллекція бывшаго русскаго посланника въ Стокгольмѣ гр. П. К. Сухтелена, въ 25.973 томовъ, въ томъ числѣ 943 инкунабулъ, 532 эльзевировскихъ и др. рѣдкихъ

изданій и 262 рукописи. Въ 1836 г. были пріобрѣтены конфискованныя у Волловичаи купленныя въ Парижѣ у Лоранти книги о Масонскихъ и др. тайныхъ обществахъ, а въ 1842 году была передана библіотека кн. А. Н. Голицына, поднесенная имъ Государю.

Особенное вниманіе обратилъ Оленинъ на собраніе русскихъ книгъ, которыхъ въ библіотекѣ Залусскаго было лишь 8 томовъ. Между тѣмъ Оленинъ считалъ, что публичная библіотека должна стать сокровищницей русской письменности и печати въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. По его ходатайству всѣ типографіи въ предѣлахъ Россіи были обязаны доставлять въ библіотеку экземпляры всѣхъ печатающихся изданій, разумѣя подъ ними не только книги и періодическія изданія, но также ноты, литографіи, объявленія и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался пріобрѣтать изданія, вышедшія въ свѣтъ до этого распоряженія. Уже къ 1836 году русскихъ книгъ было 36.000 т., изъ нихъ 10.000 дублетовъ.

Быстрый ростъ библіотеки вызвалъ необходимость увеличить ея зданіе. Въ 1828 г., въ связи съ грандіознымъ проектомъ Росси, застроить площадь, на которой теперь находится Александринскій театръ, и улицу отъ нея до Чернышевой площади, было возведено новое зданіе библіотеки; при этомъ, для согласованія съ нимъ, былъ передѣланъ фасадъ стараго корпуса и созданы новыя скульптурныя украшенія. Въ декабрѣ 1834 года работы были закончены. Оленинъ очень гордился новымъ зданіемъ и желалъ только, чтобы его посѣтилъ Государь. Посѣщеніе было внезапнымъ. Николай Павловичъ пріѣхалъ 24 іюля и осмотрѣлъ все зданіе. При этомъ онъ приказалъ на шкапахъ, гдѣ хранились восточныя рукописи, пріобрѣтенныя во время турецкой войны 1829 года, сдѣлать надписи о томъ, какъ и когда эти рукописи стали собственностью русскаго правительства. Кромѣ того, Государь нашелъ неудобнымъ, что въ зданіи библіотеки была устроена квартира эконома. Съ этихъ поръ въ зданіи квартиръ нѣтъ.

А. Н. Оленинъ умеръ 17 апрѣля 1843 года. На его мѣсто былъ назначенъ т. с. Д. П. Бутурлинъ (1790—1849), который явился завершителемъ устройства библіотеки, начатаго Олениннымъ. Отдѣленіе рукописей было тщательно описано. Рукописей оказалось 18.221 въ 21.288 томахъ, на 41 языкѣ и главнымъ образомъ на бумагѣ; пергаментныхъ было 941 т., папирусовъ 4. Кромѣ того было выдѣлено 709 т. разныхъ документовъ и автографовъ. Плодами этой двухлѣтней работы

явились 28 т. систематическаго каталога, которыми пользуются въ библіотекѣ до сихъ поръ.

Далѣе, было строже, чѣмъ при Оленинѣ, проведено распредѣленіе книгъ по отдѣленіямъ, согласно библіографическому принципу. Выдѣленными изъ этой системы остались лишь книги на русскомъ и восточныхъ языкахъ.

Важнымъ нововведеніемъ Бутурлина въ каталогизаціи слѣдуетъ считать его постановленіе: книгъ на мѣстахъ не размѣщать систематически, а систематизировать лишь каталогъ. Этимъ отмѣнялась каталогизація книгъ въ натурѣ, которая неизбѣжно сопряжена съ затратой излишняго труда, безполезной тратой мѣста въ виду различія форматовъ книгъ, и чрезвычайной неподвижностью книгъ: онѣ всѣ были словно связаны другъ съ другомъ. Мѣра Бутурлина раскрѣпощала ихъ, позволяя передвигать отдѣльныя книги, не нарушая общаго порядка. Необходимо только, чтобы каждая имѣла свой шифръ, опредѣляющій ея мѣсто.

Наконецъ, при Бутурлинѣ былъ выполненъ библіотекаремъ Собольщиковымъ трудъ описанія эстамповъ и роскошныхъ изданій въ систематическомъ порядкѣ, число которыхъ доходило до 40.000.

Притокъ новыхъ пріобрѣтеній при Бутурлинѣ былъ невеликъ. По подсчету, произведенному въ 1844 г., было каталогизировано 446.391 книга и около 550.000 т. оставалось неописанными. За время управленія Бутурлина вновь поступило 15.685 т. изъ нихъ 11.323 т. по закону, 3.314 т. куплено и 1.048 т. получено въ даръ отъ купца С. Ѳ. Соловьева. Въ этомъ собраніи было много старопечатныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ русскихъ и заграничныхъ изданій и весьма рѣдкихъ русскихъ, церк.-славянскихъ, сербскихъ и молдавскихъ книгъ XVI—XIX в. Особенно драгоцѣнны были изданія уніатовъ и старообрядцевъ въ Почаевѣ, Супраслѣ и Клинцахъ. Вмѣстѣ съ коллекціями Фролова и гр. Толстого, это собраніе составляетъ самое полное въ мірѣ собраніе памятниковъ церковно-славянскаго и славяно-русскаго типографскаго искусства.

Бутурлинъ не успѣлъ выполнить до конца многаго, предпринятаго имъ, но онъ умѣлъ съ удивительной отчетливостью видѣть въ общей работѣ самое главное и нужное, умѣлъ облекать задуманное въ весьма практичныя и цѣлесообразныя формы и обладалъ сильной настойчивостью и властностью въ его выполненіи.

18 октября 1849 г. директоромъ библіотеки былъ назначенъ баронъ М. А. Корфъ. Со времени его управленія библіотека начала жить той жизнью, которая и до сихъ поръ ее наполняетъ. До Корфа библіотека была публичной только по имени.

Корфъ вдохнулъ въ нее новую душу и повелъ ее ускоренными шагами къ новому существованію. Онъ былъ выдающійся государственный дѣятель и талантливый администраторъ. Его карьера это доказываетъ неопровержимо. И эти способности принесли немало пользы библіотекѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обладалъ большимъ умомъ, настоящей ученой эрудиціей и чрезвычайно живой энергіей, которая не оставляла его никогда и побѣждала всѣ трудности.

Назначеніе Корфа повлекло за собой крупную перемѣну въ положеніи библіотеки: она была переведена въ вѣдомство Министерства Двора. Это было, несомнѣнно, дѣломъ Корфа, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его записка „Императорская публичная библіотека въ ея прошедшемъ, настоящемъ и возможномъ будущемъ"; записка эта предназначалась для представленія Государю. Корфъ не могъ не видѣть, что библіотека почти всецѣло обязана своими драгоцѣнными сокровищами щедротамъ русскихъ Государей.

Онъ возводилъ это отношеніе даже въ принципъ, признавая библіотеку предметомъ государственной роскоши, которая не можетъ существовать въ средѣ бюрократическихъ отношеній, которая способна жить и развиваться свободно только въ прямомъ и непосредственномъ отношеніи къ Государю.

Въ той же запискѣ Корфъ рисуетъ положеніе библіотеки весьма мрачными красками, несомнѣнно несправедливо по отношенію къ своимъ предшественникамъ. Но, конечно, по сравненію съ тѣмъ блестящимъ образомъ, который стоялъ въ мысляхъ Корфа, дѣйствительность не могла не показаться печальной, и онъ имѣлъ право писать, что учрежденіе это, „одинъ изъ памятниковъ народной славы, запущенное, разстроенное, забытое, занимало лишь матеріальное мѣсто свое на Невскомъ проспектѣ. Посреди первой улицы Петербурга, кипящей вѣчной жизнью и дѣятельностью, громадное зданіе библіотеки одно стояло пустыней, лишенной всякой жизни, внѣшней и внутренней. Для пользы науки, для достоинства правительства, для славы Россіи, надлежало совсѣмъ пересоздать Библіотеку, скажу болѣе—*вновь открыть ее*, какъ бы невѣдомую страну, извѣстную дотолѣ лишь по надписи на ея фронтонѣ".

Желая распространить популярность библіотеки въ образованныхъ кругахъ Россіи и за границей и создать нѣкоторый блескъ вокругъ нея, а кромѣ того предвидя прямыя выгоды отъ этого, Корфъ ввелъ званіе почетныхъ членовъ и корреспондентовъ. Въ 1850 г. были избраны: Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, канцлеръ гр. Нессельроде, гр. Уваровъ, гр. Кушелевъ-Безбородко, гр. С. Г. Строгановъ, А. С. Норовъ, кн. М. А. Оболенскій, кн. А. Я. Лобановъ-Ростовскій, И. П. Сахаровъ, М. П. Погодинъ, П. Ѳ. Карабановъ, С. Д. Полторацкій и др. Изъ иностранцевъ были избраны: гр. Эллесмеръ, предсѣдатель административной комиссіи Британскаго музея; Лобекъ, директоръ Кенигсбергской библіотеки; Перцъ, оберъ-библіотекарь Берлинской королевской библіотеки; Миллеръ, консерваторъ Парижской національной библіотеки; Гвеведо, директоръ Эскуріальской библіотеки и др. Кромѣ того извѣстные ученые Ганка, Шафарикъ и др.

Корфъ не ошибся въ разсчетѣ: почетные члены охотно жертвовали и деньгами, и временемъ. За десять лѣтъ библіотека получила отъ нихъ 15.000 р.; акад. Куникъ и С. Д. Полторацкій, Гофманъ, работали въ ней съ большимъ усердіемъ. Жертвовали и книгами въ громадномъ количествѣ, особенно гр. Ростопчинъ, Неустроевъ, проф. Головацкій, Каратаевъ, Сенницкій и др.

Но болѣе всего и въ этотъ періодъ способствовало обогащенію библіотеки покровительство Государя. 1850 г. изъ Царскосельскаго дворца было передано ей 1.215 т. Въ 1852 г. было пріобрѣтено знаменитое „Древлехранилище“ М. П. Погодина, въ составѣ 2.019 рукописей, 589 автографовъ, 1.054 грамоты и документа, 1.246 книгъ старопечатныхъ и петровскихъ, 1.115 портретовъ, гравюръ и старинныхъ лубочныхъ картинъ и пр. Тутъ были подлинныя рукописи „Камня вѣры“ Стефана Яворскаго и „О ратномъ строеніи“ Посошкова, самое полное въ мірѣ собраніе венеціанскихъ славянскихъ книгъ и изданій югозападныхъ славянъ. Въ томъ же году передано въ библіотеку оставленное по завѣщанію Государя собраніе Карабанова, въ которомъ заключалось подлинное духовное завѣщаніе патріарха Іоакима, два фоліанта изъ архива Суворова и много другихъ цѣнныхъ рукописей, грамотъ и старыхъ книгъ. Въ 1852 г. въ Египтѣ было куплено нѣсколько сирійскихъ манускриптовъ. Среди нихъ оказалась рукопись V в., содержащая VIII—X главъ знаменитой исторіи церкви Евсевія. До тѣхъ поръ единственнымъ текстомъ этого сочиненія былъ отрывокъ I—V главъ въ

Британскомъ Музеѣ. Въ томъ же году изъ Эрмитажа было передано 8.911 т. и 345 рукописей, между прочимъ Изборникъ Святослава 1076 года.

Въ 1857 г. В. В. Стасову случайно стало извѣстно о древнемъ грузинскомъ Евангеліи, находящемся въ Пицундской крѣпости въ Абхазіи.

По ходатайству Корфа оно было доставлено въ библіотеку. По мнѣнію проф. Чубинова, который его описалъ, этотъ экземпляръ является если не первой, то одной изъ древнѣйшихъ копій грузинскаго перевода Евангелія Св. Георгія. Замѣчательны миніатюры рукописи и барельефы ея массивнаго серебрянаго переплета.

Въ 1858 г. Корфъ узналъ о томъ, что въ Аугсбургѣ, на аукціонѣ антиквара Бутча, будетъ продаваться коллекція рѣдкихъ инкунабулъ, въ томъ числѣ „первенецъ типографскаго искусства"—библія 1450 г., которой на всемъ мірѣ существуетъ лишь 26 неполныхъ экземпляровъ. Корфъ рѣшилъ пріобрѣсти эту коллекцію во что бы то ни стало и поручилъ комиссіонеру Беру купить ее, не стѣсняясь цѣной.

Библія была пріобрѣтена за 1.335 талеровъ. Вмѣстѣ съ ней куплено нѣсколько древнѣйшихъ ксилографовъ и 233 альдинскихъ изданій.

Въ 1858 г. пріобрѣтена библіотека Аделунга въ составѣ 3.736 книгъ и 669 рукописей. Въ томъ же году Государь подарилъ Библіотекѣ пятитомное изданіе греческой Библіи, исполненное кардиналомъ Анджело Маи, и греческое евангеліе XI в. съ добавочными 14 листами VI—VII в., покрытыми драгоцѣнными миніатюрами, поднесенное Государю митрополитомъ Трапезундскимъ. Въ томъ же году была пріобрѣтена коллекція греческихъ и восточныхъ рукописей проф. Тишендорфа изъ Лейпцига. При описаніи этой коллекціи библіотекарями Дорномъ, Муральтономъ и Бычковымъ, акад. Броссе и ученымъ караимомъ Фирковичемъ, въ одной изъ еврейскихъ рукописей, содержавшей стихотворенія караимскихъ поэтовъ, оказался недочетъ въ 10 листовъ. Фирковичъ вспомнилъ, что среди отрывковъ его коллекціи имѣется нѣчто подобное. При сличеніи оказалось, что это тѣ самые 10 листовъ, которыхъ не доставало. Фирковичъ подарилъ ихъ Библіотекѣ.

Въ 1859 г. Тишендорфъ, отправленный на русскія средства на Востокъ, привезъ въ Петербургъ еще 109 рукописей, между ними знаменитый синайскій кодексъ Библіи, изданный Тишендорфомъ въ 1862 г. въ Лейпцигѣ въ 4 тт. Въ томъ же

году куплена коллекція восточныхъ рукописей кн. Д. И. Долгорукаго и переданы изъ Эрмитажа рукописныя и печатныя музыкальныя сочиненія, большей частью подношенія композиторовъ Государю. Наконецъ, въ 1861 г. подарено Государемъ поднесенное ему Аѳонскимъ монастыремъ глаголическое славянское четвероевангеліе XI в., драгоцѣннѣйшее украшеніе славянской рукописной коллекціи. Одновременно, по случаю реформъ Эрмитажа, въ Библіотеку были возвращены рукописи, переданныя въ 1852 г. въ Эрмитажъ, съ придачей эрмитажныхъ, т. е. 1.180 номеровъ и даже съ роскошными витринами краснаго дерева и 50.000 т. книгъ, включая сюда и Вольтеровскую библіотеку.

За 12 лѣтъ управленія Корфа Библіотека пріобрѣла 343.421 книгъ, 11.485 рукописей, 29.362 эстамповъ и фотографій, 7.016 нотъ, 1.755 картъ и плановъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращалась и работа упорядоченія и каталогизація книгъ, несмотря на массу новыхъ поступленій. Какъ свидѣтельствуетъ юбилейный отчетъ Корфа, изъ 849.946 т., въ Библіотекѣ въ 1859 г. оставалось невнесенными въ каталоги менѣе 50.000 т. Корфъ показалъ въ этомъ, что онъ умѣетъ доводить до конца дѣло своихъ предшественниковъ не хуже ихъ самихъ. Но одному Корфу обязано своимъ существованіемъ отдѣленіе Rossica — иноязычныхъ писателей о Россіи. Это былъ его оригинальный замыселъ, воплощеніе его личныхъ историческихъ симпатій. Когда въ 1836 г. Пушкинъ задумалъ заняться исторіей Петра Великаго, Корфъ поразилъ его богатствомъ библіографическихъ познаній. Пушкинъ писалъ ему, что жалѣетъ, „что государственная служба отняла у насъ историка“. Матеріалы, предоставленные Корфомъ Пушкину, были вѣроятно тѣ три толстыхъ тетради, которыя хранятся въ витринахъ Библіотеки подъ заглавіемъ: „Les origines des Russica“, которое имъ дано библіотекаремъ Феттерлейномъ. Мысль о собираніи иностранной литературы о Россіи, повидимому, мелькала у Корфа еще въ Лицеѣ. Теперь онъ могъ ее выполнить не только въ видѣ библіографическаго указателя, а въ видѣ громадной библіотеки. Въ этой работѣ его сотрудниками были Собольщиковъ, Стасовъ, Беркхольцъ, Минцловъ и др., и любимое дѣло связало его съ ними узами такихъ привязанностей, которымъ обычно нѣтъ мѣста въ служебной сферѣ. Первоначальный планъ былъ — присоединить къ иностранной литературѣ еще и русскія книги о Россіи и журнальныя статьи. Но вскорѣ Корфъ отказался отъ этихъ добавленій.

Въ 1851 г. было собрано воедино все, имѣющее отношеніе къ Россіи, что имѣлось въ Библіотекѣ, и переписано. Реестръ этихъ сочиненій, заключавшій 3.766 номеровъ, былъ изданъ съ предисловіемъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Этотъ реестръ былъ разосланъ извѣстнымъ ученымъ лицамъ и обществамъ съ просьбой сдѣлать поправки и дополненія. Особенно много дополненій внесли библіотекарь Московскаго университета (200 соч.) и директоръ Московскаго главнаго архива кн. Оболенскій (500 соч.). Корфъ тщательно вписывалъ эти поправки въ свой экземпляръ реестра, и эти 362 исписанныхъ имъ страницы—наглядное свидѣтельство терпѣнія и любви Корфа къ созданію отдѣленія Rossica.

Собравъ обширный библіографическій матеріалъ, Корфъ сталъ издавать каталоги книгамъ, которыя онъ желалъ пріобрѣсти, и разсылать ихъ черезъ своихъ комиссіонеровъ на книжномъ рынкѣ. Въ предѣлахъ Россіи не было, кажется, ни одного значительнаго собранія книгъ, гдѣ Корфъ не навелъ бы справки и, при удобномъ случаѣ, не пріобрѣлъ бы необходимаго, пользуясь своимъ вліяніемъ и иногда даже по Высочайшему повелѣнію.

Собираніе шло настолько энергично, Корфъ такъ жадно ловилъ всякій случай, что уже къ 1 янв. 1854 г. новое отдѣленіе заключало въ себѣ 13.392 т., не считая періодическихъ изданій и брошюръ, число которыхъ превышало 2.000. Черезъ 10 лѣтъ въ Rossica было уже до 30.000 соч.

Новую постановку получили и коллекціи инкунабулъ, и эльзевировъ. Корфъ хотѣлъ сдѣлать изъ нихъ музей книгопечатанія и типографскихъ рѣдкостей. При Бутурлинѣ инкунабулы, свыше 3.000 томовъ (считая лишь изданія до 1500 г.), были собраны въ двухъ залахъ верхняго этажа по одной стѣнѣ залы. Путеводитель 1851 г. описываетъ такъ эту залу: „на правую сторону библіофилъ посмотритъ не иначе, какъ съ чувствомъ особаго благоговѣнія. Уже издали долженъ его поразить видъ тысячей ветхо-угрюмыхъ фоліантовъ, занимающихъ все протяженіе и всю вышину длинной стѣны. Съ перваго взгляда онъ обвороженъ этими пергаментными или грубыми кожанными корешками, почернѣвшими отъ времени, этими переплетами изъ дубовыхъ досокъ съ металлическими застежками, словомъ, всѣми признаками глубокой и почтенной старины“...

Корфъ старался, по возможности, пополнить эту коллекцію первыми изданіями псалтыря, Библіей Мазарини 1450 г., рѣдкимъ

изданіемъ Теренція, первымъ изданіемъ рыцарскихъ романовъ „Парсиваль“ и „Титурель“ и т. д. Въ 1857 г. рѣшено было всѣ инкунабулы сосредоточить въ особомъ залѣ, которая, своей обстановкой и архитектурой, соотвѣтствовала эпохѣ инкунабулъ. По проекту акад. Горностаева, съ участіемъ Минцлова и Собольщикова, была устроена готическая зала или „Кабинетъ Фауста“, которую подробно описываетъ Минцловъ: „Пестро расписанные крестообразные своды плафона опираются на массивный серединный столпъ, составленный изъ четырехъ, соединенныхъ въ одно, колоннъ. Двѣ стрѣльчатыя оконницы со своими розетками трилиственниками изъ цвѣтного стекла; громадные шкапы, которыхъ далеко выдающіеся карнизы поддерживаются витыми колоннами, возвышаются до самаго свода; тяжелый столъ и кресла, пюпитръ для письма, какой можно видѣть еще на старинныхъ ксилографахъ, на немъ часы съ кукушкой для боя и арабскій зеленый глобусъ съ астролябіей, а сверху на невидимой нити спокойно парящій вампиръ; скамья для чтенія книгъ, обложенныхъ цѣпями—все, до неуклюжихъ растопыренныхъ желѣзныхъ петель и запоровъ на боковыхъ дверцахъ и до чернильницы, напоминаетъ монастырскую библіотеку пятнадцатаго „типографскаго“ столѣтія...“

Надпись при самомъ же входѣ заимствована изъ общаго устава средневѣковыхъ библіотекъ и увѣщеваетъ: „не производить никакого шума, не возвышать голоса въ этомъ мѣстѣ, гдѣ говорятъ мертвые“. Только въ послѣдніе годы произведены нѣкоторыя внѣшнія улучшенія: къ „Кабинету Фауста“ сдѣлана стильная массивная дверь.

Коллекціи альдовъ и эльзевировъ, первыхъ 1.200 т., вторыхъ 300 т., были описаны Минцловымъ. При Корфѣ было пріобрѣтено рѣдкое изданіе Петрарки 1501 г., первое изданіе Платона и т. д. Всѣ эти изданія были помѣщены рядомъ съ „Кабинетомъ Фауста“ въ узкой комнатѣ въ одно окно.

Послѣ управленія Корфа эти коллекціи почти не пополнялись, по недостатку средствъ. Поэтому, хотя инкунабулы Германіи и Италіи представлены въ Библіотекѣ превосходно, изданія Франціи и Англіи страдаютъ неполнотой. Собраніе альдовъ и эльзевировъ при Корфѣ было первымъ въ мірѣ, теперь же первое мѣсто принадлежитъ Стокгольмской Королевской Библіотекѣ, а Публичная Библіотека занимаетъ чуть ли не третье мѣсто.

Устройство отдѣленій Rossica, инкунабулъ и эльзевировъ сильно возбудило интересъ въ русской публикѣ. Но Корфъ

старался привлекать ее въ Библіотеку и другими способами выставками рукописей, библій, славяно-русскаго книгопечатанія, церковно-славянскихъ рукописей, автографовъ русскихъ іерарховъ, композиторовъ, историческихъ дѣятелей, писателей, русской гравюры, портретовъ Петра Великаго. Коллекція послѣднихъ, заключающая свыше 550 номеровъ, является богатѣйшей въ мірѣ коллекціей портретовъ Петра.

Въ связи съ общимъ благоустройствомъ библіотеки, появились въ ея залахъ портреты, бюсты и другіе художественные предметы. Въ 1851 г. Государь подарилъ великолѣпный портретъ Екатерины II, работы Левицкаго, а въ 1861 г. былъ заказанъ портретъ Александра II дрезденскому художнику Рейхерту. Около того же времени академику Тюрину было поручено сдѣлать копію съ портрета Николая I, писаннаго Крюгеромъ и находившагося въ Институтѣ Путей Сообщенія. Еще прежде имѣлся портретъ Александра I работы Дау и мраморный бюстъ его, сдѣланный Демутомъ-Малиновскимъ.

Въ 1861 г. Корфъ былъ назначенъ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ канцеляріи Его Величества; онъ остался однако почетнымъ членомъ библіотеки и до самой смерти своей въ 1876 г. сохранялъ интересъ къ библіотекѣ и къ созданному имъ отдѣленію Rossica, принимая горячее участіе въ дѣлѣ напечатанія каталога этого отдѣленія.

Постъ директора 6 декабря 1861 г. занялъ т. с. И. Д. Дельяновъ, остававшійся вмѣстѣ съ тѣмъ и попечителемъ Петербургскаго округа, въ 1866 г. онъ былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Должность директора библіотеки Дельяновъ оставилъ лишь въ 1882 г., когда былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Съ назначеніемъ Делянова библіотека вновь перешла въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія.

Въ 1870 г. былъ утвержденъ новый уставъ библіотеки, увеличившій бюджетъ ея до 80 т. р. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дельяновъ заботился о равномѣрномъ пополненіи всѣхъ отдѣленій библіотеки, распредѣливъ сообразно этому сумму, разсчитанную на пріобрѣтеніе книгъ. Болѣе всего—19% было назначено на историческое отдѣленіе, менѣе всего—3% на философское. Для пополненія отдѣленія Rossica Дельяновъ обращался къ библіотекамъ различныхъ учебныхъ заведеній, въ особенности къ библіотекамъ упраздненныхъ католическихъ монастырей, и нерѣдко получалъ изъ нихъ книги, которыя нельзя было найти нигдѣ, несмотря на всѣ усилія.

Была организована заново регистратура вновь поступающихъ книгъ, что устраняло возможность покупки сочиненій, уже имѣвшихся въ библіотекѣ. Кромѣ того Деляновъ просматривалъ реестры книгъ, которыя предполагали пріобрѣсти академія наукъ, университеты Петербургскій и Московскій, духовная академія и пр. для сличенія съ заказами библіотеки. Такимъ образомъ все было приспособлено къ тому, чтобы, при сравнительно скромныхъ средствахъ библіотеки, все-таки пріобрѣтать самое важное и необходимое.

Обстоятельный осмотръ дублетнаго отдѣленія выяснилъ, что среди нихъ были, напр., разныя изданія одного и того же сочиненія, которыя считались, повидимому, дублетами; были и сочиненія, не имѣвшіяся въ библіотекѣ вовсе. Настоящіе дублеты были переданы въ Московскій публичный Румянцевскій музей и медицинскую академію. За время управленія Делянова въ библіотеку поступилъ рядъ весьма цѣнныхъ пріобрѣтеній. Въ 1869 г. ген.-ад. К. П. фонъ-Кауфманъ, туркестанскій генералъ-губернаторъ, принесъ ей въ даръ коранъ, писанный куфическимъ шрифтомъ, одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ мусульманской письменности, изъ Самарканда. По преданію, этотъ коранъ написанъ собственноручно зятемъ Магомета Османомъ; надъ чтеніемъ его Османъ былъ убитъ въ своемъ дворцѣ; на рукописи и до сихъ поръ сохранились пятна крови.

Въ это же время было пріобрѣтено два собранія рукописей караимскаго ученаго Фирковича, числомъ до 1.490. Одна изъ нихъ представляетъ древнюю копію съ письма хозарскаго царя Іосифа въ арабскій калифатъ въ Испаніи. Письмо это было написано въ 960 г. незадолго до разгрома хазарскаго царства Святославомъ. Въ 1870 г. у Фирковича было куплено 690 самарянскихъ рукописей, единственное собраніе этой литературы. Въ 1880 г. было пріобрѣтено богатое собраніе грузинскихъ рукописей и печатныхъ книгъ кн. Іоанна Грузинскаго. Это пріобрѣтеніе поставило библіотеку на первое мѣсто по полнотѣ грузинской письменности.

Деляновъ пріобрѣлъ также библіотеку Тоблера о Палестинѣ, такъ что теперь библіотека владѣетъ самой богатой коллекціей сочиненій о Святой Землѣ.

Неожиданную тѣнь на библіотеку набросило воровство книгъ, попытку котораго сдѣлалъ библіотекарь Пихлеръ, ученый богословъ. Однако, книги были задержаны раньше, чѣмъ ученый маніакъ успѣлъ ихъ отправить за границу. Пихлеръ былъ предалъ суду и сосланъ, но вскорѣ помилованъ. Это было

единственное событіе, которое оставило въ Деляновѣ нѣкоторую досаду на библіотеку и, кажется, это былъ единственный разъ, когда этотъ всегда любезный и привѣтливый человѣкъ разсердился до глубины души и возвысилъ голосъ.

Въ 1882 г. директоромъ библіотеки сдѣлался А. Ѳ. Бычковъ, остававшійся въ этой должности до 1899 г. Вице-директоромъ назначенъ былъ Л. Н. Майковъ; дѣятельность его съ внѣшней стороны прошла болѣе незамѣтно, чѣмъ при его предшественникахъ, такъ какъ главная забота была посвящена внутреннему упорядоченію и библіографическимъ работамъ. Изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній за время его управленія отмѣтимъ слѣдующія: въ 1890 г. рукописи П. Д. Богданова по исторіи раскола, въ 1891 г. собраніе индійскихъ рукописей проф. Минаева, въ 1892 г. бумаги И. С. Аксакова, Державина, Шевырева, Болотова, К. Н. и П. Н. Батюшковыхъ, въ 1893 г. рукописи Ѳ. И. Буслаева, бумаги Мусоргскаго, А. Н. Муравьева и И. С. Тургенева и т. д.

При Бычковѣ были нѣсколько повышены оклады служащихъ и измѣнены штаты. Тогда же было выстроено новое зданіе. По почину С. Ю. Витте, состоялось Высочайшее повелѣніе о перенесеніи части библіотеки въ зданіе нынѣшняго музея Александра III. Распоряженіе это было сдѣлано помимо управленія библіотеки. Бычковъ и Стасовъ, однако, успѣли отклонить исполненіе этого распоряженія и взамѣнъ этого испросили разрѣшенія пристроить новый корпусъ въ 1898 г.; на это было ассигновано 500 т. р. Пристройка эта, возведенная по проекту Воротилова, выходитъ фасадомъ на Александринскую площадь и доходитъ до Толмазова пер. Въ ней была помѣщена новая читальная зала и отдѣленія математическое, естественное и медицинское. Съ 1903 г. при читальной залѣ былъ открытъ обширный справочный отдѣлъ.

Въ 1899 г. послѣ смерти А. Ѳ. Бычкова былъ назначенъ директоромъ ген.-лейт. Н. К. Шильдеръ, который, однако, недолго оставался на этомъ посту, въ 1902 г. онъ скончался, и его мѣсто занялъ Д. Ѳ. Кобеко, пребывающій въ этой должности до сихъ поръ.

Б. В. Казанскій.

Елена Ивановна Шидянская,

капитанъ амазонской роты [1]).

Мысль о составленіи изъ гречанокъ амазонской роты произошла слѣдующимъ образомъ: Государыня Екатерина II, вознамѣрясь обозрѣть вновь присоединенный къ Россіи Крымъ, имѣла разговоръ съ свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ, который между прочимъ выхвалялъ храбрость грековъ и даже женъ ихъ. Государыня, смѣясь храбрости женщинъ, спросила—чѣмъ онъ можетъ доказать выхваляемую ихъ храбрость? Потемкинъ обѣщался Государынѣ увѣрить ее въ семъ на мѣстѣ — въ Крыму. Давъ такое обѣщаніе, онъ прислалъ изъ Петербурга повелѣніе премьеръ-маіору Балаклавскаго греческаго полка Чапони—непремѣнно устроить амазонскую роту изъ вооруженныхъ женщинъ.

Предписаніе это было получено въ мартѣ 1787 г., а Императрицу ожидали въ маѣ того же года.

Премьеръ-маіоръ Чапони былъ въ большомъ затрудненіи исполнить такое повелѣніе, но, посовѣтовавшись съ капитаномъ Сарандовымъ, рѣшился предложить всѣмъ военнымъ дамамъ участвовать въ амазонской ротѣ. Такъ какъ Сарандовъ былъ старшимъ ротнымъ капитаномъ, то Чапони предложилъ его девятнадцати-лѣтней супругѣ, Еленѣ Ивановнѣ, быть ротнымъ капитаномъ амазонской роты.

---

[1]) Составлено на основаніи: 1) „Записка объ амазонской ротѣ“ Дуси въ „Москвитянинѣ“ за 1844 годъ № 1; 2) „Амазонская рота при Екатеринѣ II“ Есипова въ „Ист. Вѣстн.“ за 1886 годъ № 1; 3) „Могила капитана амазонской роты Елены Ивановны Шидянской въ Симферополѣ“ Ѳ. Лашкова въ „Извѣст. Таврич. учен. арх. комиссіи“ за 1889 годъ № 7; 4) Указъ Прав. Сената за 1872 годъ іюня 6 и октября 17; 5) По Воспоминаніямъ С. И. Генкеля; 6) По разсказамъ ея внуковъ.

Составлена была рота изъ благородныхъ женъ и дочерей балаклавскихъ грековъ въ числѣ 100 особъ.

Нарядъ амазонокъ состоялъ изъ юбокъ малиноваго бархата, отороченныхъ золотымъ галуномъ и такою же бахрамой; курточекъ или спенсеровъ зеленаго бархата, также обшитыхъ золотымъ галуномъ; головной уборъ состоялъ въ бѣлыхъ тюрбанахъ съ золотыми блестками и страусовымъ пером. Всѣ амазонки были вооружены ружьями при трехъ патронахъ пороху.

Встрѣтить Императрицу положено было близъ Балаклавы у деревни Кадыкіой, и рота, подъ начальствомъ Елены Ивановны, была построена въ концѣ аллеи, уставленной апельсинными, лимонными и лавровыми деревьями, простиравшейся на четыре версты въ длину и усѣянной лаврами.

Костюмъ амазонки въ 1787 году.

Прежде пріѣхалъ римскій [1]) императоръ Іосифъ верхомъ осмотрѣть Балаклавскую бухту и развалины древней крѣпости.

Увидѣвъ амазонокъ, онъ подъѣхалъ къ командиру роты, Еленѣ Ивановнѣ, и поцѣловалъ ее въ губы, что произвело сильное волненіе въ ротѣ. Но командиръ успокоилъ своихъ подчиненныхъ словами:

— Смирно! чего испугались? Вѣдь вы видите, что императоръ не отнялъ у меня губъ и не оставилъ мнѣ своихъ.

Слово „императоръ“ подѣйствовало на амазонокъ, которыя не знали, кто былъ подъѣхавшій.

Осмотрѣвъ бухту и крѣпость, вѣнценосный путешественникъ возвратился къ Императрицѣ и уже пріѣхалъ во второй разъ къ Кадыкіою съ Ея Величествомъ и княземъ Потемкинымъ въ ея каретѣ.

---

[1]) Австрійскій императоръ Іосифъ II.

Подъѣхавши къ устроенной аллеѣ, Государыня остановилась тутъ встрѣтилъ ее Балаклавскаго полка протоіерей Ананій съ крестомъ, хлѣбомъ и солью, ожидавшій Ея Величество въ нарочно приготовленной палаткѣ.

Потемкинъ, вышедшій изъ кареты, просилъ позволенія у Государыни стрѣлять амазонской ротѣ, встрѣтившей ее. Она запретила.

Не выходя изъ кареты, Императрица подозвала, чрезъ переводчика Гаврено начальника ихъ, Елену Ивановну, къ себѣ, подала ей руку, поцѣловала въ лобъ и, потрепавъ по плечу, изволила сказать:

Встрѣча Екатерины II ротой амазонокъ въ 1787 году (со старинной литографіи).

— Поздравляю васъ, амазонскій капитанъ [1])! ваша рота исправна. Я ею очень довольна.

Потемкинъ искренно радовался одобренію Государыни.

Не выходя изъ кареты, Государыня поѣхала въ Инкерманъ. Въ день царя Константина и матери его Елены [2]) Государыня

[1]) Въ исповѣдныхъ спискахъ Симферопольской греческой церкви за 1807 и 1809 гг. имѣется запись: капитанша Елена Ивановна, вдова, 42 лѣтъ.

Дѣти ея:

Гаврінлъ	6 лѣтъ.
Анна	11 „
Александра	9 „

[2]) При въѣздѣ въ Бахчисарай до сихъ поръ сохранились Екатерининскія ворота и на нихъ, въ верхней части, и теперь еще, правда съ трудомъ, но можно прочесть: 21 мая 1787 года.

Центральная Рабочая Библиотека-Читальня Московскаго Совета Профессиональных Союзов

была въ Бахчисараѣ, гдѣ слушала литургію въ своей походной церкви и прожила во дворцѣ два дня. Амазонскій капитанъ, Елена Ивановна, имѣла счастіе видѣть Государыню и въ Бахчисараѣ.

Государыня узнала ее, подала опять руку и потрепала по плечу.

Изъ Акмечети [1]) Государыня прислала ей Монаршее благоволеніе и брилліантовый перстень въ 1.800 рублей, а прочимъ дамамъ, составлявшимъ амазонскую роту, награжденія 10.000 рублей.

Вслѣдъ затѣмъ рота была распущена [2]).

Черезъ непродолжительное время Елена Ивановна овдовѣла и, будучи бездѣтной, вышла замужъ за вдовца Гавріила Шидянскаго. Проживъ съ нимъ около 12 лѣтъ, она въ 1803 году опять овдовѣла, оставшись теперь съ двумя малолѣтними дочерьми и сыномъ [3]).

Дворянской опекой она была назначена (1815 г.) опекуншей надъ имуществомъ своихъ дѣтей и падчерицъ, заключавшимся въ 10.000 десятинъ земли съ соляными озерами [4]).

Съ большимъ и для того времени имѣніемъ она не сумѣла справиться [5]). Землю съ озерами, находившимися въ 200 верстахъ отъ Симферополя, въ 1837 году, за неплатежъ акцизнаго сбора за соль, достигшаго 63.437 руб., отбираютъ въ казну, и она, лишенная средствъ существованія, поселяется у своей замужней дочери Анны Гавриловны.

Но несчастія не перестаютъ преслѣдовать бѣдную старуху, въ 1847 году умираетъ ея зять, у котораго она поселилась, и крайняя лишь нужда, вслѣдствіе потери зрѣнія, заставляетъ ее обратиться за помощью чрезъ посредство князя М. С. Воронцова.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1848 года бывшій намѣстникъ кав-

---

[1]) Нынѣ Симферополь.

[2]) Рисунокъ одежды амазонокъ и портретъ Е. И. Шидянской находятся въ архивѣ министерства императорскаго двора. (Такъ говорится въ статьѣ Есипова „И. В.“, январь 1886 года).

[3]) Копія съ опред. Таврич. Двор. Депутатск. Собр. отъ 8-го декабря 1804 года.

[4]) Указъ Прав. Сената 1812 года іюня 6 и октября 17.

[5]) Назначаемые въ Таврическую губ. губернаторы считали своимъ долгомъ при вступленіи въ должность дѣлать ей визитъ. Въ разговорахъ она не выносила противорѣчій и въ случаѣ надобности рѣзко обрывала собесѣдника, не считаясь съ его положеніемъ (по разсказамъ ея внучки, Е. С. Ивановой).

казскій, князь М. С. Воронцовъ, сообщилъ министру императорскаго двора князю Волконскому, что онъ получилъ письмо изъ Симферополя отъ вдовы титулярнаго совѣтника Елены Ивановны Шидянской, въ которомъ она объясняетъ, „что, командуя еще въ царствованіе императрицы Екатерины II ротою амазонокъ и имѣвъ счастіе представить роту Ея Величеству, была осыпана ея милостями, что, достигнувъ теперь 90 лѣтъ, лишась зрѣнія, она хотя съ того времени и не безпокоила царствовавшихъ августѣйшихъ монарховъ просьбами объ оказаніи ей пособія, но, находясь въ крайней бѣдности, проситъ объ исходатайствованіи ей отъ щедротъ Его Императорскаго Величества единовременнаго пособія [1])“.

Е. И. Шидянская.

Князь Воронцовъ, имѣя въ виду засвидѣтельствованіе таврическаго предводителя дворянства, что все сіе вышеупомянутое справедливо и что, по старости и крайне бѣдному положенію Шидянской, она заслуживаетъ благодѣтельнаго вниманія Государя Императора, просилъ князя Волконскаго повергнуть всѣ эти обстоятельства на благоусмотрѣніе Его Величества.

По Высочайшему повелѣнію было препровождено къ князю Воронцову 29 сентября 1848 года 300 руб. серебромъ изъ Кабинета Его Величества для Шидянской и притомъ приказано прислать свѣдѣнія, когда была составлена рота амазонокъ, гдѣ, изъ какого званія?

Получивъ въ ноябрѣ 1848 года Высочайше пожалованные ей 300 руб., она, согласно письму таврическаго губернатора, В. И. Пестеля, отъ 24 ноября за № 12470, описываетъ вышеупомянутую исторію возникновенія амазонской роты, заканчивая свое письмо такъ:

[1]) Въ архивѣ канцеляріи Таврическаго губернатора имѣется дѣло подъ № 271 отъ 21 ноября 1848 года съ заголовкомъ: „О Всемилостивѣйшемъ пожалованіи Шидянской 300 рублей въ единовременное пособіе“.

„Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя сочла я обязанностью сообщить вашему превосходительству.

„Возсылая теплыя мольбы о благоденствіи Августѣйшаго Милосердаго Монарха Великаго Правнука Великой Екатерины и великодушныхъ сановниковъ Его князя Михаила Семеновича Воронцова, вашего превосходительства и г. предводителя дворянства тайнаго совѣтника А. Н. Казначеева, какъ единственныхъ виновниковъ той священной радости, которая, подобно благотворному солнцу, еще разъ блеснуло для меня, 95-лѣтей старухи, на закатѣ дней моихъ, счастіемъ считаю именоваться вашего превосходительства милостиваго государя покорнѣйшей слугою". Е. Шидянская.

28 ноября 1848 года,
Симферополь.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1848 года, князь Воронцовъ доставилъ свѣдѣнія, сообщенныя самою Шидянской [1]).

Это была послѣдняя царская награда для бывшаго капитана амазонской роты. Вскорѣ она умерла.

Въ Симферополѣ, на старомъ кладбищѣ, среди полуразрушенныхъ памятниковъ, одиноко стоитъ простой изъ обыкновеннаго песчаника, въ формѣ георгіевскаго, крестъ съ надписью: [2]):

1849 года
сентября
4-го скончалась капитанъ
Амазонской роты Елена
Шидянская на 95 году
своей
жизни.

---

[1]) Въ замѣткѣ Ѳ. Лашкова („Изв. Тавр. учен. ком." за 1889 г. № 7) говорится: „Записка объ амазонской ротѣ впервые появилась въ „Москвитянинѣ" 1844 г. № 1, откуда мы и почерпнули свѣдѣніе, что записка составлена г. Дуси со словъ Шидянской. И. С. Чехъ (родной внукъ Шидянской) заявилъ намъ, что записка эта сообщена была почти въ то же время тогдашнимъ любителемъ старины Крыма секретаремъ статистическаго комитета Ѳ. Домбровскимъ и въ „Одесскій Вѣстникъ", гдѣ она и появилась, и онъ помнитъ, какъ, по пріѣздѣ своемъ изъ Петербурга въ Симферополь, старуха Е. И. Шидянская заставляла его не разъ читать замѣтку „Одесск. Вѣстн." вслухъ".

[2]) На Балаклавскомъ кладбищѣ еще сохранились нѣкоторые памятники бывшихъ амазонокъ.

Дополненія

къ очерку „Елена Ивановна Шидянская“ капитанъ амазонской роты.

1) Исповѣдныя росписи съ 1807 по 1819 г. (Симферопольская греческая Пресвятыя Троицы церкви).

За 1807 годъ.

Капитанша Елена Иваненкова вдова . . . . . 42.

Дѣти ея:

Гавріилъ . . . . . 6.
Анна . . . . . 11.
Александра . . . . . 9.

За 1809 годъ.

Капитанша Елена Ивановна . . . . . 41.

Дѣти ея:

Гавріилъ . . . . . 5.
Анна . . . . . 10.
Александра . . . . . 8.

За 1811 годъ.

Вдова Седянская 42

Дѣти ихъ:

Гавріилъ . . . . . 7.
Анна . . . . . 12.
Александра . . . . . 10.

За 1814 годъ.

Алюна Шидянская . . . . . 47.

Дѣти ея:

Гавріилъ . . . . . 12.
Александра . . . . . 15.

За 1816 годъ.

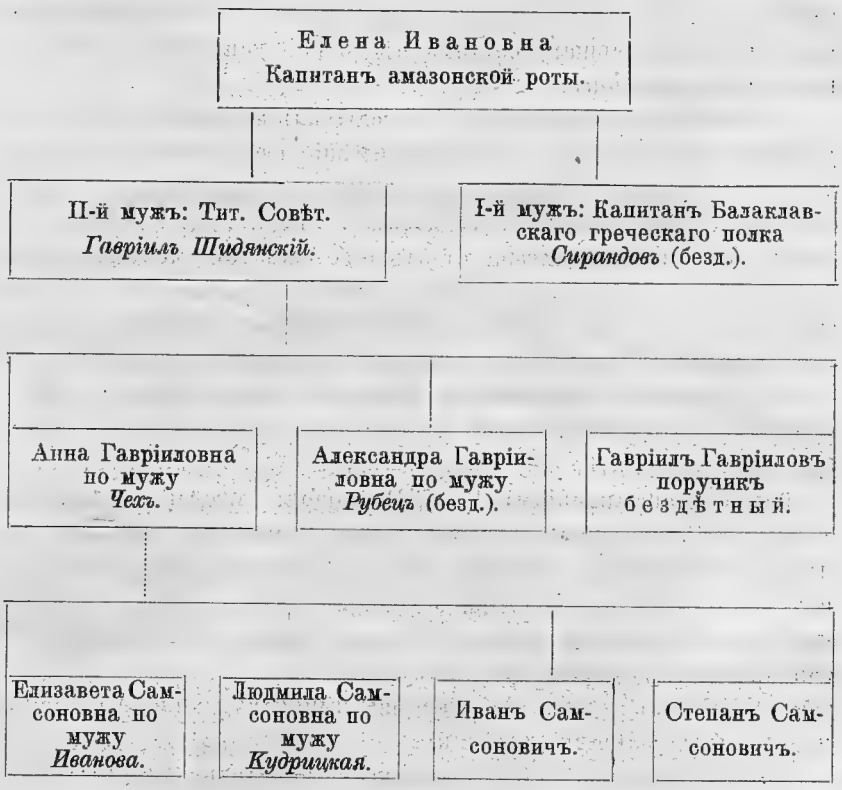
Елена Сидянская . . . . . 48.

Дѣти ея:

Анна . . . . . 20.
Александра . . . . . 17.
Гавріилъ . . . . . 14.

2) а) Указъ Прав. Сен. 1872 г. іюня 6 и октября 17.
б) Копія опред. Тавр. Деп. Собр. 8 декабря 1804 года, что отъ втораго брака: Гавріилъ, Анна и Александра.

Согласно этимъ даннымъ родословная Е. И. Шидянской



3) До сихъ поръ еще живъ Сергѣй Ивановичъ Генкель, который помнитъ старуху Шидянскую, постоянно сидящую въ креслѣ и уже ослѣпшую. Нѣкоторые эпизоды изъ исторіи амазонской роты онъ слыхалъ отъ нея и помнитъ нѣкоторыя подробности изъ ея біографіи.

4) По его словамъ Е. И. Шидянская родомъ изъ Константинополя. Отецъ ея былъ придворнымъ врачемъ при турецкомъ султанѣ. Во время бунта янычаръ все ея семейство было перебито. Случайно она уцѣлѣла. Одинъ изъ ея родственниковъ, кажется дядя, въ мѣшкѣ вынесъ 4 — 7 лѣтнюю дѣвочку и отправилъ ее въ Евпаторію къ родственникамъ.

5) По словамъ Е. С. Ивановой, Шидянская дѣвочкой была вывезена родителями изъ Флоренціи въ Константинополь.

6) Далѣе онъ (С. И. Генкель) говоритъ, что эпизодъ съ поцѣлуемъ Іосифомъ II Шидянской вначалѣ принялъ очень острый характеръ, и амазонки, какъ только увидѣли, что мужчина поцѣловалъ ихъ начальника, то сейчасъ же начали кричать: „чего смотришь? бей его въ лицо!“ и только громкій окрикъ Е. И. Шидянской съ указаніемъ на высокое положеніе поцѣловавшаго ее лица нѣсколько успокоилъ разволновавшихся амазонокъ.

7) Внуки ея помнятъ, что они слыхали въ дѣтствѣ, что когда у Шидянской отобрали въ казну имѣніе ею опекаемое и послѣ долгихъ хлопотъ ей не удалось получить его обратно, то будто она написала Императору Николаю I письмо, въ которомъ въ концѣ концовъ предлагала отдать ему свои документы на землю, чтобы у него, какъ у ней, не отняли имущества. Послѣ этого будто бы дѣло было по Высочайшему повелѣнію вновь пересмотрѣно, а имущество изъято изъ владѣнія казны.

8) По словамъ внуковъ ея, Елена Ивановна, оставшись безъ средствъ къ существованію, взялась за акушерство и жила безбѣдно.

9) По воспоминаніямъ Е. С. Ивановой: однажды ночью, уже старухой, Шидянская была разбужена стукомъ въ окно. На вопросъ, въ чемъ дѣло, выяснилось, что требуется акушерка. Къ ней обратились съ просьбой немедленно ѣхать, такъ какъ слышали, что она спеціалистка въ этой области. Несмотря на ея заявленіе, что акушерская дѣятельность ей незнакома, ее все-таки уговорили ѣхать. Ребенка она приняла удачно и съ тѣхъ поръ имѣла большую практику.

10) По словамъ Н. Ѳ. Кудрицкаго, перстень, пожалованный ей Екатериной II, былъ украденъ. Всѣ розыски, предпринятые тогда, не дали никакихъ результатовъ.

11) Въ Симферопольскомъ окружномъ судѣ среди старыхъ дѣлъ еще до сихъ поръ, по словамъ архиваріуса, хранится дѣло Шидянской, но извлечь его изъ груды бумагъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, довольно трудно.

****.

Розовое и черное изъ моей жизни.

V.

Итакъ, мои мечты, наконецъ, сбылись—я поѣхала за границу, чтобъ заниматься философіей.

Почему этого нельзя было сдѣлать въ Россіи?

Кончивши курсы, я, было, вздумала изучать по философіи то, что проходится въ университетѣ. Братъ досталъ записки, и я обратилась къ проф. Вл. съ просьбой указать мнѣ, что читать. Очень пространно и любезно отвѣчалъ профессоръ: назвалъ Платона, Канта и перечислилъ ихъ сочиненія.

И вотъ я написала второй разъ, сказала, что все это уже читала, послала кое-что о Кантѣ (о времени и пространствѣ) и изложила свое желаніе держать у него на дому переходные студенческіе экзамены.

Тогда Вл. замолчалъ. Но этого было мало. Онъ поступилъ гораздо хуже, именно, повѣдавъ моему брату, будто я желаю познакомиться съ нимъ, Влад. Какъ я была тогда глубоко возмущена! Слыхала, что Вл. уродъ, и имъ-то всего менѣе приходило мнѣ въ голову интересоваться. Какъ могъ онъ знать, въ какихъ отношеніяхъ я съ братомъ-студентомъ? Положимъ, что мы были дружны и братъ сочувствовалъ моему желанію учиться. Но могло быть и иначе.

Такого поступка я не простила и рѣшила разъ навсегда ни къ кому изъ русскихъ философовъ никогда уже больше не обращаться.

Жалко, что впослѣдствіи опять же въ П. я измѣнила этому слову и обратилась къ замѣстителю Вл.

Вотъ каковы русскіе философы, думалось мнѣ тогда! Не понимаютъ, что можно интересоваться самымъ дорогимъ и лучшимъ, что существуетъ на землѣ, и унижаютъ не только философію, но и самихъ себя.

По пріѣздѣ въ Л. я рѣшила обратиться съ проф. Гейнце, съ трудомъ котораго „Исторіей философіи“ Ибервега я была знакома.

Просто и легко все тамъ сдѣлалось. Гейнце я попросила устроить мои занятія. Рѣчь шла лишь о книгахъ, а не о лекціяхъ въ университетѣ. Въ то время женщины не допускались даже вольнослушательницами, а проникали въ университетъ лишь контрабандой.

Добродушно и внимательно выслушалъ меня милый нѣмецъ, тотчасъ же написалъ что-то на бумажкѣ.

Бумажка эта оказалась поручительствомъ за меня, пришедшую къ нему съ улицы безъ малѣйшей рекомендаціи.

И на основаніи этой бумажки университетская библіотека стала мнѣ выдавать столько книгъ, сколько я желала! Перегруженная ими, добралась я до своей квартиры, соображая, какой чудный и добрый Г. и какъ прекрасно устроена эта библіотека, мой кладезь знанія.

Она дѣйствительно устроена образцово. Вручается неограниченное число росписокъ, и заполнивъ каждую названіемъ книги и своей фамиліей, опускаешь ихъ въ большой наружный ящикъ. Въ тотъ же день выдаются книги, и если онѣ взяты, то получаешь ихъ, когда вернетъ взявшій.

И надоѣла же я маленькому толстому рыжему библіотекарю, думаю, невѣроятно, хотя онъ былъ всегда привѣтливъ, какъ и студенты, которыхъ я встрѣчала въ библіотекѣ. Въ одну зиму я перечитала не одну, а много сотенъ книгъ.

Г. неоффиціально разрѣшилъ мнѣ слушать его лекціи, а онъ считался однимъ изъ самыхъ популярныхъ лекторовъ.

И вотъ разъ я побѣдила свою робость и усѣлась въ обширной аудиторіи на одной изъ видавшихъ виды, старыхъ скамеекъ. Не была я рада своей жизни, что усѣлась. Очень долго не могла я забыть своего впечалѣнія отъ бушевавшихъ вокругъ меня студентовъ. Они расхаживали по скамейкамъ, боксировали, неистово свистали, хлопали руками и ногами.

Только, когда вошелъ Г., я почувствовала себя подъ охраной, но все же рѣшила въ университетъ болѣе ни ногой.

Меня ли они такъ привѣтствовали, или всегда такъ шумѣли, я никогда не узнала.

Я еще не объяснила, почему изъ Ж. поѣхала не въ Цюрихъ, а въ Л., такъ какъ въ Ц. я могла бы учиться правильно.

Не хотѣлось огорчать отца или разставаться съ нимъ нравственно, именно потому, что я была свободна. Онъ, вѣдь, не мирился съ мыслью, что въ Ц. анархисты, и я съ ними сойдусь.

Л. считался первымъ тогда университетскимъ городомъ въ Германіи (теперь Берлинъ), а тамъ къ тому же была учительницей наша бывшая бонна-нѣмка, и я ее очень любила и разсчитывала у нея поселиться.

Въ то лѣто, когда я ѣздила изъ Ж. въ Б., тамошній профессоръ философіи Геблеръ сказалъ мнѣ, что въ Бернскомъ университетѣ не обязательны 6 семестровъ, а принимаются диссертаціи безъ зачета семестровъ или можно нигдѣ не учиться, а представить диссертацію (и провалиться).

И вотъ эти слова витавшаго въ небесахъ мечтателя-идеалиста, какимъ былъ Геблеръ, произвели на меня впечатлѣніе, и еще въ Ж. я рѣшила, что буду писать въ Л. диссертацію

Мнѣ не приходило въ голову, что это самонадѣянно и даже дерзко, а представлялось просто и интересно. Прочту самихъ философовъ (то было моей давнишней мечтой, т. к. читала я только Канта и Платона) и напишу о томъ, о чемъ мнѣ захочется писать.

Обыкновенно тема для диссертаціи избирается профессоромъ, докторантъ лишь выполняетъ ее.

Я объ этомъ не помышляла, а витала въ облакахъ.

Правда, что я долго не могла остановиться на выборѣ темы. Сначала собиралась писать о Майнлендерѣ, одномъ изъ послѣдователей Шопенгауэра, второстепенномъ, если не третьестепенномъ философѣ. Пессимизму я не сочувствовала: это міровоззрѣніе не вязалось съ моей любовью къ знанію и къ работѣ.

Потомъ выбрала Плотина, крайняго идеалиста и мистика. Эта тема давала мнѣ возможность разобраться во всей греческой философіи и изучить отчасти средневѣковую. Такъ я на ней и остановилась. Гораздо позже узнала я, что Пл. былъ излюбленнымъ конькомъ русскихъ философовъ, и работа ненавистнаго мнѣ Вл. была о немъ. Видно, что-то влекло къ нему насъ, русскихъ.

Я вся ушла въ работу. Дни раздѣлялись на умные и глупые, а не на пріятные и непріятные. То, къ чему я стремилась 15 лѣтъ, стало теперь моимъ: оно, быть можетъ, оказалось даже лучше того, чѣмъ я себѣ его представляла, испивая чашу наслажденія умственной работой. Выше ея нѣтъ ничего на свѣтѣ. Но не

всегда же можешь работать! Какъ много нужно условій, чтобъ пить эту чашу!

Настало лучшее время моей жизни: вся она сосредоточивалась въ тѣхъ тайнахъ, которыя я ежедневно раскрывала, и имъ какъ будто не предвидѣлось конца!

Чудесной и вмѣстѣ съ тѣмъ простой открывалась предъ мной область философіи: многое непонятное разъяснили нѣкоторые философы, а другіе такъ и остались непонятыми.

Прочитавъ 2, 3 стр., я чувствовала родственный мнѣ или чуждый духъ; когда не затрогивалась моя собственная пытливость, книга бросалась. Мнѣ трудно читать продиктованное однимъ разсудкомъ, а нужна работа того, кто ищетъ самъ и не считаетъ философію лишь учебнымъ предметомъ. Пусть философъ, ошибается и себѣ противорѣчитъ—это не важно. Нужно только чтобъ онъ искалъ, и, раскрывая книгу, я очень скоро вижу, съ кѣмъ имѣю дѣло.

Письма мои къ отцу носили восторженный характеръ, и онъ, повидимому, начиналъ теперь понимать, что моя любовь къ философіи настоящее призваніе—то самое, что встрѣчается такъ рѣдко. Помѣшать итти по дорогѣ призванія не можетъ никакая земная сила, становилось теперь ясно умному человѣку, какимъ былъ мой отецъ. Если я его и любила горячо, то изъза этой любви не могла все же поступиться моимъ призваніемъ—это выходило за предѣлы моихъ силъ.

Помню живо, какъ мы свидѣлись съ отцомъ послѣ моего $1^1/_2$ лѣтняго пребыванія за границей.

Это произошло въ Вѣнѣ.

— Останься со мной, просилъ онъ, когда я вошла въ его купе. Черезъ четверть часа поѣздъ отходилъ. Отецъ съ сестрой ѣхали въ Италію.

— А вещи?

— Какіе пустяки, только останься. И онъ обнималъ и цѣловалъ меня.

И когда поѣздъ исчезъ изъ вида, я безсмысленно бродила по улицамъ Вѣны и, казалось, что не для чего жить теперь, когда мы разстались.

Но вернусь къ Л. Итакъ, отецъ успокоился и больше не упрекалъ меня—зачѣмъ я бросила Ж. Да, бросила, разсталась навсегда съ милыми своими дѣвочками, которыхъ никогда больше не увижу. Но я не жалѣла, что бросила: знала, что иначе поступить я не могла.

Я все писала. Писать по-нѣмецки для меня несравненно труд-

нѣе, чѣмъ по-русски, съ четырехъ лѣтъ я и говорила на этомъ языкѣ, проходила по-нѣмецки же всѣ предметы въ пансіонѣ. Духъ языка мнѣ не такъ близокъ, а переводить я совсѣмъ не умѣю—это какая-то органическая неспособность. Когда писала о Плотинѣ, то думала по-нѣмецки. Вечеромъ показывала не совсѣмъ удачныя фразы студенту, большому пріятелю, сыну гувернантки. Онъ былъ на первомъ семестрѣ, изучалъ химію, но отличался вдумчивымъ отношеніемъ ко всему и быстро заинтересовался философіей. Мы сходились каждый вечеръ за русскимъ чаемъ: я разсказывала о Россіи, которую Е. Ф. очень любила, и студентъ разспрашивалъ. И я какъ-то не жила далеко отъ своей любимой родины—она воскресала передъ мной всякій вечеръ.

Быстро шли мѣсяцъ за мѣсяцемъ. Наступила весна. Съ ноября по май сидѣла я надъ Плотиномъ и написала не болѣе 3-хъ листовъ. Это казалось мнѣ теперь лучшимъ, что существовало у меня на землѣ. Каждая строчка стоила труда, надъ однимъ словомъ размышляла я иногда часами. Не было привычки къ такимъ работамъ, только одно рвеніе.

И съ горемъ разсталась я съ Плотиномъ.

Надо было оторваться и послать написанное въ Бернъ на судъ.

Прошелъ мѣсяцъ—то былъ такой же страшный мѣсяцъ, какъ время, когда я ожидала выборовъ въ Д. День казался годомъ, и когда миновалъ этотъ мѣсяцъ, за нимъ послѣдовало нѣчто, еще гораздо болѣе страшное.

Я не понимала, когда читала строки оффиціальной бумаги: „Die Erkenntnisstheorie Plotin's verkannt“ (Ученіе Плотина о познаніи не понято, или понято невѣрно). Слово „verkannt“ глубоко врѣзалось въ мой умъ, и я сказала себѣ: „Ничего не могу, ничего не понимаю, ну, и брошу! Ни за что не возьму больше въ руки ни одной философской книги, *никогда не возьму*“!

И я продала все то, что можно было продать, убрала далеко то, что продавать было нельзя, а сама... отправилась на ферму подъ Л. доить коровъ. „Зачѣмъ тратить время на пустяки, займусь тѣмъ, что мнѣ подъ силу“, рѣшила я. И стала учиться на фермѣ сельскому хозяйству, вникая во всѣ его подробности. Все то, что я тогда дѣлала, казалось мнѣ очень важнымъ и серьезнымъ. Я благоговѣла передъ благоустройствомъ моей фермы, ея образцовыми хлѣвами, чистотой ведеръ и въ избыткѣ усердія, кажется, даже пила ненавистное мнѣ молоко.

Потомъ пріятельница-учительница увезла меня на о. Рюгенъ, гдѣ ея сестра была замужемъ за рыбакомъ. Они жили по-

крестьянски; мы обѣдали вмѣстѣ, при чемъ рыбакъ облачался въ сюртукъ; жена ѣла картофель руками и всячески хотѣла показать свое дѣйствительное опрощеніе и то, что она теперь рыбачка, хотя и дочь профессора Дерптскаго университета.

Какъ-то разъ я съ удивленіемъ замѣтила, что сижу за книгой, и книга эта философская. А въ другой прекрасный день проснулась съ тѣмъ, что ѣду въ Цюрихъ. Когда у меня являются неожиданныя мысли, я обыкновенно ихъ осуществляю—таково одно изъ правилъ моей жизни. Откуда эти мысли? Въ нихъ всегда заключается нѣчто таинственное, не поддающееся размышленію, и онѣ, такъ сказать, выше меня. Я имъ обязана лучшимъ, что у меня есть. Прозябаю изо дня въ день, не знаю, какъ устроить свою жизнь и вдругъ просыпаюсь и знаю, что надо дѣлать,—знаю безповоротно.

Итакъ, я дѣйствительно поѣхала въ Ц.

— Вполнѣ увѣренъ, что вы знаете больше того, что требуется для поступленія въ университетъ, но разъ вы кончили педагогическіе курсы, а не гимназію, вамъ необходимо держать вступительный экзаменъ, говоритъ улыбаясь ректоръ. Мы ни для кого не дѣлаемъ исключенія.

Я была слишкомъ застѣнчива, чтобъ объяснить ректору, что педагогическіе курсы выше гимназіи, и среднее образованіе у меня есть, и... промолчала.

„А вступительный экзаменъ держать не стану“, такъ же упрямо и безповоротно рѣшила я, „вотъ уже ни за что не стану“!

Итакъ, предстояло одно—уѣхать изъ Ц.

Побродивъ по прелестному городу, полюбовавшись озеромъ, я черезъ 3 дня уложила вещи, но вдругъ мелькнула мысль:

„Узнаю у кого-нибудь мнѣніе о моемъ Плотинѣ,—такъ ли онъ плохъ, какъ это признали въ Бернѣ“?

Купила списокъ профессоровъ и остановилась на приватъ-доцентѣ Штейнѣ только потому, что онъ жилъ на той единственной улицѣ, которую я въ Ц. знала—Bahnhofstrasse.

Прихожу утромъ и спрашиваю:

— Можно васъ просить прочитать то, что я написала.

Молодой человѣкъ сухо и самодовольно киваетъ головой и отрѣзываетъ:

— Heute um 6 Uhr die Antwort (отвѣтъ сегодня въ 6 ч. в.).

„Вотъ такъ скоро, не по-нашему, недоумѣваю я и прихожу „um 6 Uhr“.

Молодой человѣкъ измѣняется: онъ встрѣчаетъ меня необыкновенно радушно.

— Вы еврейка?

— Нѣтъ, русская, разочаровываю я его.

— Чисто русская?

— Чисто русская.

— Но какъ вы хорошо знаете по-нѣмецки.

— Что же работа? на этотъ разъ съ нетерпѣніемъ спрашиваю я.

— Запишитесь къ намъ въ университетъ, и черезъ 3 семестра вы докторъ. Работа прекрасна.

А я опять молчу! Не хочу сказать, что меня не приняли въ студентки, молчу... и уѣзжаю.

Ѣду въ Л. и черезъ 3 мѣсяца получаю извѣстіе, что сестра выходитъ замужъ. Отецъ проситъ меня жить съ нимъ.

И когда я пріѣзжаю въ П., со мной Плотинъ: онъ напечатанъ. Привожу еще одну мысль, вынесенную изъ разговора съ проф. Геблеромъ.

— Написали бы вы о Кантѣ въ русской философіи, предложилъ мнѣ разъ этотъ вдумчивый философъ-аскетъ.

Его слова заставили меня задуматься надъ русской философіей вообще. Когда она началась? Что въ ней, собственно говоря, сдѣлано?

Какъ это узнать?

Въ П. я засѣла за чтеніе „Исторіи Россіи“ Соловьева и сдѣлала нужныя мнѣ выписки и ссылки на рукописи, которыя меня заинтересовали, и рѣшила рукописи эти прочитать.

И вотъ теперь, что я жила съ отцомъ, то все думала объ этой своей мысли. Не клеилась наша совмѣстная жизнь: насъ теперь раздѣляли не только взгляды на женскій вопросъ, но 7 лѣтъ моей самостоятельной жизни,—это мое свое, окрылившееся и уже имѣвшее корешки.

Живя съ отцомъ, я по-прежнему принимала близко къ сердцу его свое, но теперь оно меня гораздо больше мучило, чѣмъ удовлетворяло. А мое гибло отъ этой совмѣстной жизни, и, дотянувъ до осени, я рѣшила переселиться въ М.

Со свойственнымъ отцу благородствомъ онъ даетъ мнѣ 100 руб. въ мѣсяцъ, и, какъ мнѣ ни совѣстно ихъ брать, не давая взамѣнъ ничего, я нанимаю квартирку, иначе я не могу.

Въ Румянцевскомъ музеѣ передъ мной открываются сокровища—то все философскія рукописи.

— Что вы такое нашли?—спрашиваетъ проф. Н. Я. Гротъ, приходя ко мнѣ въ библіотеку (когда-то мы брали вмѣстѣ уро-

ки танцевъ и онъ и теперь продолжаетъ относиться ко мнѣ потоварищески).

Я нашла такъ много, что не успѣваю вздохнуть и все читаю и читаю. Открытіе мое заключается въ томъ, что въ Россіи существовала философія, и только этимъ вопросомъ никто до сихъ поръ не интересовался и не далъ себѣ труда разобрать памятники.

Разбирать ихъ не такъ-то легко: надо нѣсколько освоиться съ палеографіей. Я скоро научилась читать бѣгло и проводила въ Румянцевскомъ музеѣ все время, что было открыто рукописное отдѣленіе, отъ 11—3 ч. По приходѣ домой приводила въ порядокъ свои записи и надъ ними размышляла.

Нашлось еще дѣло: я вздумала прочитать публичную лекцію „о значеніи Канта“ и дала просмотрѣть Н. Я. Гроту то, что написала.

— Годится?

— Годится, сказалъ онъ, это лекція такая, какъ наши университетскія.

А черезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ и просилъ меня не читать этой лекціи.

— Вѣдь вы же ее нашли пригодной, почему же не читать?

— Видѣлъ вашего отца, и онъ этого не хочетъ.

Я разсмѣялась.

— Повѣрьте, что отецъ первый порадуется, если только будетъ успѣхъ.

Наступилъ день лекціи—26 января 1888 г. Неутѣшной была моя пріятельница, сосѣдка по деревнѣ и другъ дѣтства. Ея домъ олицетворялъ для меня цѣлый міръ. Въ этомъ домѣ сосредоточилась жизнь очень многихъ людей—то былъ островъ любви, согласія и терпимости, и я всей душой была привязана къ этому мірку.

— На вашей лекціи никого не будетъ, объявилъ мнѣ мужъ пріятельницы, но за то я пришлю всѣхъ своихъ приказчиковъ изъ магазина—человѣкъ 10, хорошо?

Онъ говорилъ полушутя, полусерьезно.

— Ну, что же, отвѣчала я, лучше, если будетъ меньше, вѣдь зала маленькая.

Когда я брала эту залу, то просила:

— Пожалуйста, поменьше освѣщайте. Въ темнотѣ, думалось мнѣ, будетъ не такъ страшно. Публикацію я сдѣлала только одну. Лекцію эту я читала не для публики, а для себя, чтобы себя провѣрить. Входъ былъ, само самой разумѣется, безплатный.

Остается только день до лекціи, когда пріѣзжаетъ ко мнѣ пріятельница и умоляетъ:

— Брось, не читай, сдѣлай мнѣ удовольствіе, если меня любишь. Представь, что будетъ, если ты провалишься. Оставь, вѣдь, это глупость!

Я знаю, что это глупость, страшная глупость, не сплю 10 ночей отъ волненія, но все же читаю. Вся моя жизнь сосредоточивается теперь въ томъ, что я читаю. Почему мнѣ это нужно— я не отдаю себѣ отчета, но чувствую, что не могу жить, если не читаю.

Наступаетъ вечеръ. По наружности я все дѣлаю, какъ всегда, пусть и испытываю такую нервную дрожь, что съ трудомъ могу взять что-либо въ руки.

Со мной ѣдетъ не пріятельница (она объявила, что уйдетъ въ самый задній рядъ, чтобъ быть подальше), а знакомая, которая мило со мной бесѣдуетъ и увѣряетъ, что я должна быть счастлива, и ей бы хотѣлось со мной помѣняться. Слушаю ее, какъ во снѣ.

Пріѣхали. Вся передняя Политехническаго музея увѣшана шубами.

— Кто читаетъ еще? храбро спрашиваю я сторожа.

— Никто.

Прибѣгаетъ Гротъ и объявляетъ, что лекція будетъ въ большомъ залѣ.

— Не могу въ большомъ,—упрямо и испуганно повторяю я.

Мнѣ ни разу не приходилось до сихъ поръ читать даже въ маленькомъ кружкѣ. Какъ могу я рѣшиться войти передъ сотнями людей! (Ихъ было больше 600). Но другого исхода нѣтъ. Публика заняла вплотную большой залъ, на который я даже не взглянула, когда брала маленькій.

И когда я, какъ преступникъ, пригвожденный какъ къ столбу, сижу и читаю Канта, предъ мной чудовище, готовое меня поглотить, а я одна, маленькая и ничтожная, отдана ему на съѣденіе.

Знаю одно, что пока я читаю, чудовище меня не тронетъ, но наступитъ моментъ, что я кончу! Съ ужасомъ замѣчаю, что какъ ни длинна лекція (она продолжалась больше часа), приближается конецъ: страницъ остается все меньше и меньше.

Что тогда дѣлать?

Приходитъ моментъ конца. Чудовище волнуется, мнѣ хлопаютъ; уѣзжаю и вижу вездѣ сочувствіе.

Пріѣзжаю къ друзьямъ: тамъ то же самое. И ничему этому я не вѣрю. Когда на другой день хочу выйти на улицу, то

боюсь встрѣтить студента. Онъ слушалъ эту лекцію и разсмѣется мнѣ въ глаза. Такое состояніе продолжается 3 дня, пока не читаю рецензіи въ „Рус. Вѣд.“, и тогда только нѣсколько успокаиваюсь.

„Почему меня хвалятъ“? въ состояніи я теперь разсуждать.

Вѣдь только за дилетантизмъ. Чуть стану опаснѣе, хвалить перестанутъ. Это все тотъ же Влад.

И твердо рѣшаю ѣхать въ Ц. и поступить въ университетъ.

Читаю еще одну лекцію „О древнѣйшемъ памятникѣ славяно-русской письменности“. Публики немного, но читаю за деньги.

Осенью ѣду въ Цюрихъ.

Да, забыла сказать объ отцѣ.

Послѣ лекціи о Кантѣ онъ не только написалъ мнѣ восторженное письмо, но купилъ „Рус. Вѣд.“ и разослалъ роднымъ. Это меня глубоко тронуло. И опять то была побѣда женщины надъ мужчиной.

Но вотъ я опять въ прелестномъ Ц., и на этотъ разъ пишу, что кончила гимназію. Меня принимаютъ безъ затрудненій, и съ гордостью называю я себя stud. phil. Это званіе самое дорогое, что есть у меня теперь въ жизни.

Давившая меня химера, которую я такъ долго таскала за плечами, сброшена, но она осуществлена. Пусть мнѣ 30 лѣтъ, я студентка, и лучше поздно, чѣмъ никогда.

Какъ въ туманѣ брожу я по дѣйствительно красивому городу и нахожу все прекраснымъ. Нанимаю комнату, которая мнѣ необыкновенно нравится, хотя она почти безъ мебели и скорѣе chambre dégarnie, а не garnie; къ тому же въ ней страшно холодно, какъ я ни топлю, тратя франкъ въ день, что большая роскошь, въ особенности для студентки.

Но вѣдь у меня 100 р. въ мѣсяцъ—большая сумма для студентки. Могу купить сколько угодно книгъ, хотя къ моимъ услугамъ двѣ библіотеки—городская и университетская. У меня очень добрая хозяйка, и у нея голодныя дѣти, которыя радуются моимъ грошамъ.

И какъ я начинаю заниматься! Лейпцигское рвеніе ко мнѣ возвращается. Задумываю сочиненіе о Лейбницѣ и Локкѣ, хочу обратить вниманіе на эмпиризмъ Лейбница и догматизмъ Локка, когда же обратилась къ старичку профессору Киму, ученику Тренделенбурга, узнаю, что онъ читалъ моего Плотина. Я сконфужена, такъ какъ не собралась еще прочитать то, что написалъ профессоръ. Какое вниманіе по отношенію къ учащимся!

И дѣйствительно, взаимоотношенія профессоровъ и студентовъ

цѣлая идиллія. На нашъ адресъ одному изъ профессоровъ по случаю его 25-лѣтія каждый получаетъ благодарственный циркуляръ съ собственноручною его подписью.

Въ университетѣ вывѣшены пріемные часы профессоровъ на дому, и обращеніе со студентами таково, какъ съ младшими товарищами.

Я бываю впрочемъ у одного Лудвига Штейна, своего стараго знакомаго: онъ прекрасно читаетъ и пользуется большой популярностью.

Авенаріусъ меня пугаетъ своей насмѣшливостью, и послѣ многихъ сборовъ я такъ и не рѣшаюсь у него побывать.

Три мѣсяца проходятъ въ непрерывныхъ занятіяхъ: читаю, пишу и ни съ кѣмъ не говорю.

Мои лекціи посѣщаются лишь иностранными студентами, которые „дамъ“ сторонятся. По нѣмому соглашенію они предоставили намъ переднія скамейки, и только случайно опоздавъ, кто-нибудь изъ нихъ садится къ намъ на кончикъ; подойдетъ съ просьбой одолжить ручку или скажетъ, что профессоръ сегодня на лекцію не прійдетъ: вѣжливо раскланивается на улицѣ, снимая шляпу или цвѣтную фуражку. Больше мнѣ ничего не было нужно, и я не вступала въ разговоръ. Если случалось, что студенты свистали и шумѣли (но совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Лейпцигѣ), я дѣлала видъ, какъ будто ничего не замѣчаю, и наши добрыя и далекія отношенія никогда не нарушались.

И вдругъ на одну лекцію Штейна является цѣлая компанія студентовъ; они садятся рядомъ со мной, и я слышу, что они разговариваютъ другъ съ другомъ по-русски.

Три мѣсяца я не слышала русскаго слова, и не могу скрыть, что понимаю.

По окончаніи лекціи одинъ изъ нихъ обращается уже прямо ко мнѣ:

— Читали вы Штейна о стоикахъ?

— Эта книга у меня есть.

— Не могли бы вы ее дать?

— Конечно, могу.

И онъ идетъ со мной, приходитъ въ chambre dégarnie и садится за круглый столъ.

А когда онъ удаляется, я обращаюсь къ хозяйкѣ съ тѣмъ— нельзя ли запирать нашу входную дверь? Хозяйка обѣщаетъ. „Студентъ этотъ, конечно, анархистъ“, соображаю я, вспоминая его нѣсколько растрепанный видъ, рѣзкія движенія, высокіе сапоги.

Дверь наша пребываетъ раскрытой, студентъ приходитъ и показываетъ мнѣ кинжалъ. Онъ никогда не разстается съ кинжаломъ, потому что анархистъ!

Что теперь дѣлать?

Призракъ, пугавшій всю жизнь отца, обращается для меня въ дѣйствительность.

Я прошу студента приходить безъ кинжала. Онъ обѣщаетъ, и вмѣсто кинжала съ нимъ теперь товарищи. За столомъ сидятъ цѣлыхъ 3 анархиста, и мы мирно бесѣдуемъ.

Я смѣюсь надъ ихъ анархіей, и они не обижаются и въ свою очередь называютъ меня бабушкой.

Мнѣ теперь ни по чемъ анархисты.

Весело проводимъ мы воскресенья; устраиваемъ катаніе по озеру (на этомъ всегда и настаиваетъ одинъ, который очень жалѣетъ свои сапоги) или гуляемъ по окрестностямъ, при чемъ совсѣмъ забываемъ свои различныя политическія убѣжденія.

И теперь я уже не одна, а съ добрыми товарищами. Штикгольтъ даже уговариваетъ меня записаться въ университетскую читальню, такъ какъ я жалуюсь на сумбуръ въ русской: шумятъ, уносятъ газеты, рвутъ ихъ на части, просто невозможно тамъ бывать.

Въ университетской, напротивъ, царитъ глубокое молчаніе: газеты и журналы находятся на опредѣленныхъ мѣстахъ и невредимы. Правда, что студенты, когда жарко, снимаютъ сюртуки, но это неприличіе, которое въ Швейцаріи считается приличіемъ. Такъ мнѣ пришлось видѣть мирового судью въ камерѣ безъ сюртука.

Оказывается, что я единственная студентка—членъ читальни, и мнѣ присылаютъ повѣстки на собранія, которыя я не посѣщаю.

Быстро идетъ время, и на Святой я уѣзжаю въ Вѣну. Провожая меня, Шт. спрашиваетъ:

— Не нужно ли вамъ франковъ?

Я какъ-то ухитрилась размѣнять все на гульдены, но взять у него все же не хочу, какъ ни трогаетъ меня его заботливость.

И когда я черезъ 3 недѣли возвращаюсь, то узнаю о событіи, которое поразило городъ. Русскіе студенты бросили недалеко отъ университета на Цюрихбергѣ бомбу и, если никто и не раненъ, все же жители возмущены. Виновники сидятъ въ тюрьмѣ, у всѣхъ русскихъ учащихся былъ обыскъ.

— Что же у меня нашли? спрашиваю я хозяйку.

— О, я не позволила трогать вашихъ вещей, полиція произвела бы безпорядокъ, гордо отвѣтила моя тихая хозяйка.

— Такъ они васъ и послушались? смѣялась я.

— Конечно, послушались.

Мои студенты не приходятъ.

— Что бы это означало? спрашиваю я хозяйку.

— Надо вамъ узнать на ихъ квартирѣ.

Оказывается, что студенты арестованы и всѣ ихъ вещи въ полиціи, въ томъ числѣ и мое сочиненіе о Лейбницѣ и Локкѣ. Полиція мнѣ его такъ и не вернула.

Прошло двѣ недѣли, когда въ комнату входитъ Шт. и, не здороваясь, кричитъ:

— Дайте водки!

— Что съ вами? спрашиваю я съ удивленіемъ. Откуда у меня водка?

— Тюрьма не дѣлаетъ человѣка лучше! — прибавляетъ онъ тише. Если бъ вы знали, какъ эти либеральные швейцарцы съ нами обращались? Развѣ это было бы возможно въ Россіи!

И какъ мнѣ ни жаль Шт., я радуюсь, что онъ сказалъ доброе слово о Россіи.

Онъ разсказываетъ, что ихъ посадили подъ крышу, гдѣ невообразимо пекло—можно было задохнуться, и вовсе не кормили—надо было покупать ѣду на свои деньги.

— Да что вы-то сдѣлали? я же ничего не знаю!

— У меня нашлась книга, принадлежавшая тому, кто бросилъ бомбу.

— И больше ничего?

— А теперь высылаютъ изъ Швейцаріи, объявляетъ онъ мрачно уставившись въ полъ. Я возьму вашъ чемоданъ, прибавляетъ онъ, оживившись. Мой не годится.

— Возьмите, но и мой плохъ, соглашаюсь я.

И черезъ нѣсколько дней Шт. съ чемоданомъ совсѣмъ исчезаетъ изъ моей жизни, а не только уѣзжаетъ изъ Ц. Никогда больше не встрѣчаю я этого милаго мальчика и не знаю, что съ нимъ потомъ сталось.

Семестръ кончается, и я сама навсегда разстаюсь съ Ц. и со своимъ студенчествомъ.

Уѣзжаю въ Л., а потомъ въ П. Въ Дмитровѣ умираетъ 29-го августа отецъ. Я съ нимъ 10 дней, и мы разстаемся уже навѣки.

Больше учиться я не могу. Для этого нѣтъ теперь денегъ—приходится оставаться въ Россіи и заниматься совсѣмъ другимъ.

М. Безобразова.

Редакторъ издатель **П. Вороновъ.**

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Открыта подписка на 1914 годъ на органъ финансовой и торгово-промышленной жизни

Финансовое Обозрѣніе

(Годъ изданія 5-й). Журналъ будетъ выходить еженедѣльно,

при участіи выдающихся авторитетовъ по всѣмъ отраслямъ экономической жизни.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ въ каждомъ номерѣ рядъ основныхъ статей по различнымъ вопросамъ государственнаго и народнаго хозяйства.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ точныя сообщенія о состояніи биржъ и денежныхъ рынковъ главныхъ центровъ Европы, анализы дѣятельности акціонерныхъ банковъ и столичныхъ фондовыхъ и товарныхъ биржъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣнія о **Банковыхъ, Биржевыхъ и Страховыхъ** дѣлахъ и **Акціонерныхъ** Торгово-Промышленныхъ Обществахъ въ Россіи.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣнія и отчеты по Золотопромышленной, Нефтяной, Хлопковой, Лѣсной, Сахарной, Горной и Сельско-Хозяйственной промышленностямъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ является единственнымъ еженедѣльнымъ журналомъ, въ которомъ дѣловой міръ найдетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, по всѣмъ интересующимъ его вопросамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ С.-Петербургѣ и въ провинціи на годъ, **8** р. на 6 мѣс. **5** р.
За границу . . . . . „ **10** р. „ **6** р.

Контора и редакція: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 22.

Объявленія и подписка принимаются въ Редакціи журнала и въ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Н. А. Нотовичъ.

СТАРЫЕ ГОДЫ

Ежемѣсячникъ для любителей искусства и старины

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ.

„Старые Годы“ въ восьмомъ году изданія будутъ выходитъ по прежней программѣ и при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ.

В. С. Арсеньевъ, Александръ Н. Бенуа, Ѳ. Г. Беренштамъ, П. Я. Билибинъ, Wilhelm Bode. П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi, L. Venturi, В. И. Веретенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Fiereus Gevaert, Max Geisberg, В. Ш. Георгіевскій, В. Н. Гернгроссъ (Всеволодской), В. В. Голубевъ, Jean Guiffrey, Игорь Э. Грабарь, Loys Dalteil, С. П. Дягилевъ, Н. П. Кондаковъ, Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я. Курбатовъ, Н. Е. Лансере, Э. Э. Ленцъ, Э. К. фонъ Липгартъ, Е. Г. Лисенковъ, Н. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергѣй Маковскій, Pierre Marcel, L. de Maeterlinck, П. П. Муратовъ, П. И. Нерадовскій, W. Norbert, А. В. Орѣшниковъ, R. P. Pirling, Pol de Mont. Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, А. А. Ростиславовъ, Н. Ротштейнъ, Denis Roche, А. В. Селивановъ, П. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій, П. К. Симони, Н. В. Соловьевъ, А. А. Спицынъ, П. Н. Столпянскій, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Тройницкій, А. А. Трубниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, Max Friedländer, И. А. Шляпкинъ, Джемсъ А. Шмидтъ, В. А. Щавинскій, И. А. Фоминъ, П. Д. Эттингеръ, А. И. Яцимирскій и мн. др.

Цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 10 руб. безъ доставки—9 руб., за границу—40 франковъ.

При подпискѣ черезъ контору редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р., 1 апрѣля—3 р. и 1 іюля—2 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, „Новаго Времени“, Клочкова и Митюрникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, „Новаго Времени“, Шибанова и Веркмейстера и въ складахъ изданій Общины Св. Евгеніи Краснаго Креста; въ С.-Петербургѣ—Морская, 38 и въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, 11.

Объявленія: страница 50 р., ½ стр.—30 р., ¼ стр.—20 р. ⅛ стр.—12 р.

За перемѣну адреса 50 коп.

Комплектовъ журнала за прошлые годы не имѣется.

Заявленія о неполученіи номера принимаются въ редакціи въ теченіе 2-хъ недѣль со дня выхода слѣдующаго за недоставленнымъ номера.

Редакторъ-Издатель **П. П. Вейнеръ.**

2—3

Въ 1914 году.

„Будильникъ“ Юбиляръ

(50-ый годъ изданія).

Принимаетъ поздравленія и подписку.

ПОДПИСЧИКИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Вступая въ пятидесятый годъ изданія, „БУДИЛЬНИКЪ“, по неизмѣнному великодушію своему, принимаетъ подписку на особо льготныхъ условіяхъ:

ВЪ МОСКВѢ: 1 годъ—8 р., 1/2 года—4 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р. 50 к.

ВНѢ МОСКВЫ: 1 годъ—9 руб., 1/2 года—5 руб., 3 мѣс.—3 руб.

ВНѢ РОССІИ: 1 годъ—12 руб., 1/2 года—7 руб., 3 мѣс.—4 руб.

За столь ничтожную плату „БУДИЛЬНИКЪ“ даетъ 52 почти геніальныхъ номера.

За ничтожную доплату въ 1 руб. подписчики получаютъ

юбилейный альбомъ

„БУДИЛЬНИКА“.

о которомъ распространяться не будемъ—словъ такихъ нѣтъ!

Адресъ „Будильника“ простъ и легко запоминаемъ:

Москва, Б. Дмитровка, д. Обуховой, кв. 60.

Подписка принимается почти отъ всѣхъ, какъ въ конторѣ „БУДИЛЬНИКА“, такъ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

„Будильникъ“.

Открыта подписка на 1914 г. (25-й годъ изданія).
Подписной годъ считается съ 1-го ноября 1913 г. по 1-ое ноября 1914 г.

ПРИРОДА и ЛЮДИ

52 №№ художественно-иллюстрированнаго журнала (романы, повѣсти, разсказы; очерки по всѣмъ отраслямъ знанія; современная жизнь; развлеченія и спортъ).

Безплатныя приложенія: абонементъ № 1, или № 2, или № 3, по выбору г.г. подписчиковъ:

Абонементъ № 1. Цѣна этого абонем.—8 руб. съ перес.
50 книгъ (8.400 стр.), полное собраніе историч. романовъ, повѣстей и разсказ.

Данилы Лукича МОРДОВЦЕВА

Сагайдачный.—Замурованная царица.—Говоръ камней.—Двѣнадцатый годъ.—Иродъ.—Царь и Гетманъ.—Господинъ Велик. Новгородъ.—Бѣглый король.—Нашъ Одиссей.—Жертвы вулкана.—Тѣни минувшаго.—За чьи грѣхи?—За всемірное владычество.—Великій расколъ.—Нильскій крокодилъ.—Романъ Александра Македонскаго.—Царь безъ царства.—Наносная бѣда.—Авантюристы.—Сидѣніе раскольниковъ.—Тимошъ.—Фанатикъ.—Державный плотникъ.—Историч. повѣсти.—Кавказскіе курорты.—Лжедимитрій.—Послѣдніе дни Іерусалима.—Іосифъ у фараона.—Царь Петръ и правительница Софія.—Вельможная панна.—Историческіе разсказы.—Булава и бунчукъ.—Желѣзомъ и кровью.—Между Сциллой и Харибдой.—Архимандритъ-гетманъ.—Кавказскій герой.—Грустное воспоминаніе.—Наши пирамиды.—Два призрака.—Кто онъ?—Идеалисты и реалисты.—Прометеево потомство.

Абонементъ № 2. Цѣна этого абонем.—7 руб. съ перес.
20 книгъ (3.200 стран.), полное иллюстрирован. собраніе сочиненій

Р. Л. СТИВЕНСОНА

Островъ сокровищъ.—Два брата.—Вечернія бесѣды на островѣ.—Путешествіе внутрь страны.—Приключенія Давида Бальфура.—Катріона.—Сентъ-Ивъ.—Черная стрѣла.—Новыя арабскія ночи.—Клубъ самоубійцъ.—Брилліантъ раджи.—Павильонъ на холмѣ.—Похитители труповъ.—Веселые ребята.—Преступникъ.—Странная исторія доктора Джекиля.—Тайна корабля.—Принцъ Отто и мн. др.

12 книгъ (2.300 стран.), богато иллюстрированнаго журнала

Міръ приключеній

12 выпусковъ 400 иллюстрацій художественнаго альбома

ЧУДЕСА ПРИРОДЫ

Абонементъ № 3. Цѣна этого абонем.—7 руб. съ перес.
12 книгъ съ иллюстр. общедоступныхъ научныхъ сочиненій

БИБЛІОТЕКА ЗНАНІЯ

Исторія народовъ Балканск. полуостр.—Китай и его жизнь.—Средневѣковая Европа.—Зачатки человѣческой культуры.—Первобытное общество.—Проблемы философіи.—Происхожденіе земли.—Эволюція живыхъ организмовъ.—Эволюція растительнаго міра.—Инстинктъ и разумъ животныхъ.—Электричество.—Видимыя и невид. волны.

12 выпусковъ, 400 иллюстр. художествен. альбома

ЧУДЕСА ПРИРОДЫ

Живописная панорама диковинъ живой и мертвой природы.

Популярное описаніе замѣчательнѣйшихъ произвед. и явленій природы въ очеркахъ выдающихся ученыхъ. Съ многочисленными рисунками съ натуры и картинами въ краскахъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 52 №№ журн. „Природа и Люди“ съ прил. по аб. № 1—7 руб. въ годъ безъ дост. и пер., 8 руб. въ годъ съ дост. и перес. На 52 №№ журн. „Природа и Люди“ съ безпл. прил. по абон. № 2 или № 3—6 руб. въ годъ безъ дост. и пер., 7 руб. въ годъ съ дост. и перес. Разсрочка допускается: при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальные. Или въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ, начиная съ ноября, по 1 руб.

Желающіе могутъ одновременно съ подпиской на любой абонементъ, сверхъ того, получать, по своему выбору, любыя приложенія изъ другихъ абонем., но за особую плату, а именно: Полное собраніе историч. произв. *Д. Л. Мордовцева* 50 кн., за 6 руб.; Полное собраніе *Р. Стивенсона* 20 кн.; за 2 р.; *„Міръ Приключеній“* 12 кн., за 1 р. 80 к., *„Чудеса Природы“* 12 вып., за 2 р. 20 к.; *„Библіотека Знанія“* 12 кн., за 3 р. 80 к. Разсрочка за доплатныя приложенія: при выпискѣ на сумму до 3 р. слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе одного рубля. При выпискѣ на сумму болѣе 3 руб., слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе 2 руб. Остальная сумма, причитающаяся за доплатныя приложенія, должна быть уплачена не позднѣе 1 апрѣля.

Главная контора: Спб., Стремянная ул., № 12 соб. домъ. Издатель **П. П. Сойкинъ.**

3—3.

НИВА

еженедѣльный иллюстрированный журналъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 Г.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

52 №№ журнала: романы, повѣсти, разск., картины, рис. въ краскахъ, иллюстраціи соврем. событій.

52 КНИГИ, отпечатан. убористымъ четкимъ шрифтомъ, въ которыя войдетъ:

40 книгъ **„СБОРНИКА НИВЫ“,** содержащихъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ **27** книгахъ. **В. Г. КОРОЛЕНКО.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ **8** книгахъ. **А. Н. МАЙКОВА.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ **5** книгахъ. **Эдм. РОСТАНА.**

12 КНИГЪ „ЕЖЕМ. ЛИТЕРАТУРН. и ПОПУЛЯРНО-НАУЧН. ПРИЛОЖЕНІЙ“.

12 №№ „Ежемѣсячныхъ новѣйшихъ модъ“.

12 ЛИСТОВЪ выкроекъ и рисунк. рукодѣльн. работъ.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѢС. КАЛЕНДАРЬ“ на 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ: безъ доставки: въ СПБ.—6 р. 50 к., въ Москвѣ, у Печковской, 7 р. 25 к., въ Одессѣ, „Образованіе“, 7 р. 50 к.; съ дост. въ СПБ.—7 р. 50 к., съ перес. во всѣ мѣста Россіи—8 р. За границ.—12 р.

Адресъ: СПБ., въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

мально отнеслись къ своей задачѣ. Во всякомъ случаѣ, мы считаемъ, что спеціальная критика, довольно строго отнесшаяся къ этимъ изданіямъ, упустила изъ виду доступность ихъ и полезность для широкой части общества. Ихъ недочеты исправимы, а заинтересовать они должны.

Виленскій Временникъ. Книга VI. Архивные матеріалы Муравьевскаго музея, относящіеся къ польскому возстанію 1863—1864 г.г. въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края. Часть I. Переписка по политическимъ дѣламъ гражданскаго управленія съ 1 января 1862 по май 1863 г. Составилъ **А. И. Миловидовъ**. Вильна. 1913.

Музейныя бумаги 1861 г., относящіяся къ польскому возстанію, вошли въ изданный въ 1907 г. „Сборникъ документовъ Муравьевскаго музея". Настоящій сборникъ представляетъ собою продолженіе. Въ немъ находятся 387 документовъ на языкахъ русскомъ, польскомъ, жмудскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, обнимающихъ время отъ начала 1862 г. до мая 1863 г., когда начальникомъ края былъ назначенъ М. Н. Муравьевъ. „Если документы 1862 года"—говоритъ редакторъ—„немногочисленны и не блещутъ занимательностью содержанія, то они полны историческаго значенія, такъ какъ въ значительной степени выясняютъ исторически сложившіеся общественные элементы революціоннаго движенія 1863—1864 г.г., приготовленія къ возстанію, организацію возстанія, первыя проявленія возстанія до 1 мая, правительственныя мѣры противодѣйствія подготовленію возстанія и мѣры къ его подавленію". Слѣдующими изданіями Муравьевскаго музея должны быть документы, относящіеся къ военнымъ дѣйствіямъ послѣдняго польскаго возстанія, и переписка по усмиренію его при Муравьевѣ (1863—1864 г.г.).

Труды Псковскаго Археологическаго Общества 1912—1913. Выпускъ 9-й Псковъ. 1913.

Очень интересна статья М. Помяловскаго, ученика С. Ѳ. Платонова, „Сказаніе о явленіи преподобнаго Варлаамія Хутынскаго понамарю Тарасію, опытъ анализа новгородской легенды". „Принадлежа по содержанію своему къ категоріи тѣхъ разсказовъ о грозныхъ предзнаменованіяхъ, предвѣщавшихъ грядущія бѣдствія, какими полны наши лѣтописи, преданіе это, однако же, существенно отличается отъ нихъ. Здѣсь мы имѣемъ не повѣствованіе о какомъ-либо необычайномъ явленіи природы, поставленномъ народною мыслью въ причинную связь съ послѣдующимъ историческимъ фактомъ, а спеціально созданную и пріуроченную къ опредѣленному историческому факту, легенду". При этомъ авторъ раскрываетъ генезисъ легенды, разлагая ее на родъ сюжетовъ, для каждаго изъ которыхъ находятся свои прообразы въ древнихъ преданіяхъ, библейскихъ и святоотеческихъ. Легенда лишена тенденціознаго характера; она „возникла на чисто-новгородской почвѣ подъ вліяніемъ укоренившагося въ Новгородѣ убѣжденія, что умножились въ немъ беззаконія, и за нихъ-то и караетъ Господь свой городъ".

Полоцко-Витебская старина. Изд. Витебской ученой архивной комиссіи. Вып. II. Витебскъ. 1912.

Необходимо отмѣтить во второмъ выпускѣ весьма цѣнныя изслѣдованія И. Я. Митрошенка: „Іезуиты въ восточной части Бѣлоруссіи съ 1579 по 1772 годъ" и Д. С. Леопардова: „Полоцкій князь Всеславъ и его время", въ особенности второе, еще не законченное, представляющее собою попытку разобраться въ историческихъ и легендарныхъ представленіяхъ о Всеславѣ, котораго лѣтопись изображаетъ злымъ чародѣемъ, а Слово полку Игоревѣ—мудрымъ правителемъ, неподкупнымъ судьею и воиномъ-героемъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1914 г.

СОРОКЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **„Новое Время“**, Невскій, д. 40. **Вольфъ,** Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки прислать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ,** т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1913 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„Михаилъ Ивановичъ Семевскій,

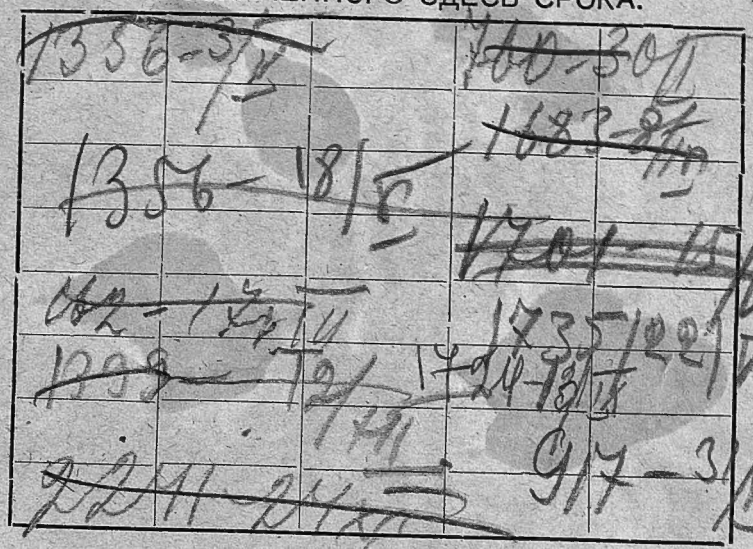
его жизнь и дѣятельность“,

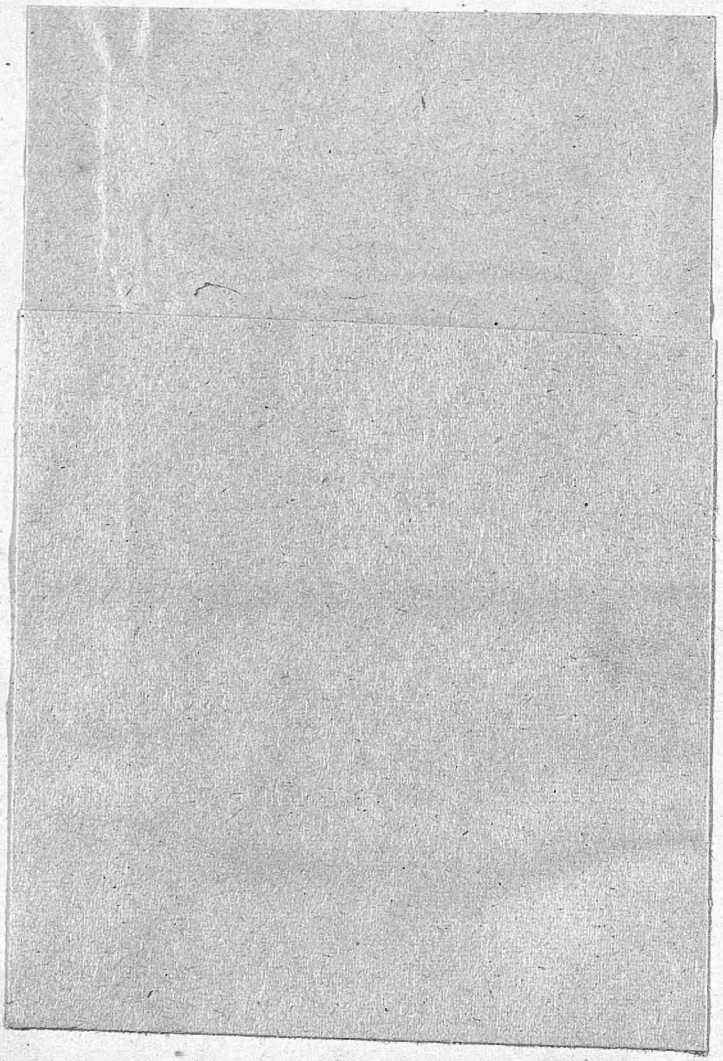
съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ. Тип. П. Усова. Лермонтовскій пр., 28.

3812-22
1262-
Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
... СОВЕТА

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.





Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
МОСКОВСКОГО СОВЕТА
Профессиональных Союзов